

Е. Л. Березович

РУССКАЯ ТОПОНИМИЯ В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Е. Л. Березович

РУССКАЯ ТОПОНИМИЯ В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Пространство и человек

URSS

URSS

Е. Л. Березович

РУССКАЯ ТОПОНИМИЯ В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Пространство и человек

Под редакцией
члена-корреспондента РАН
А. К. Матвеева

Издание второе,
исправленное и дополненное

URSS
МОСКВА

Березович Елена Львовна

Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек / Под ред. А. К. Матвеева. Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 328 с.

В настоящей монографии осуществляется этнолингвистический анализ обширного массива традиционной русской топонимии, собранной преимущественно в полевых условиях на территории Русского Севера. Разрабатывается методика извлечения этнокультурной информации из топонимической системы. Особое внимание автор уделяет проблеме реконструкции системы народных представлений о пространстве — реальном географическом и осваиваемом в ходе человеческой деятельности.

Для филологов-языковедов, преподавателей русского языка.

Рецензенты:

главный научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, д-р филол. наук Ж. Ж. Варбот;
зав. отделом этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, д-р филол. наук, проф. С. М. Толстая;
ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, д-р филол. наук О. В. Белова

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».

117312, г. Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, д. 9.

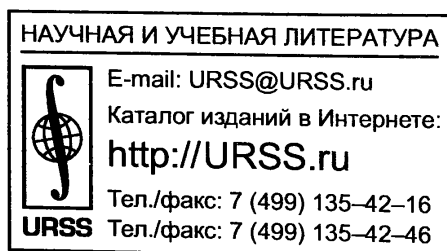
Формат 60×90/16. Печ. л. 20,5. Зак. № 1527.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, г. Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, д. 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-397-00101-4

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Общие вопросы этнолингвистического изучения топонимии	16
1. К вопросу об этнокультурной информации.....	25
2. Репрезентация этнокультурной информации в топонимическом материале.....	39
Глава II. Концепция географического пространства в русской топонимии	82
1. Локализация объекта в пространстве.....	85
1.1. Параметры локализации в пространстве.....	85
Ближний – дальний.....	85
Правый – левый.....	96
Передний – задний.....	104
Верх – низ.....	106
Стороны света.....	109
Начало – конец.....	122
1.2. Проблема точки отсчета в пространственной топонимической номинации.....	127
Точка отсчета – наблюдатель.....	130
Точка отсчета вынесена вовне.....	147
Точка отсчета нерелевантна для наблюдения.....	149
2. Охват местности.....	164
3. Протяженность.....	178
4. Обжитость пространства.....	184
5. Характеристика ментального образа пространства в русской топонимии	190
Глава III. Человек и пространственные объекты: процессы интеракции	199
1. К вопросу об отражении взаимодействия человека и географических объектов в русской топонимии.....	199
2. Идеографическая классификация интерактивных топонимов Русского Севера.....	216
Передвижение в пространстве и связанные с ним обстоятельства.....	222
Хозяйственные работы.....	233
Быт человека.....	238

Обрядовая и религиозная деятельность.....	242
Досуг; коммуникация.....	246
Интеллектуальная деятельность, связанная с обнаружением и освоением объекта.....	249
Перцептивная деятельность.....	251
Экономические отношения.....	252
Качество труда по освоению географического объекта..	257
Эффективность хозяйственного использования объекта	259
Эмоции, эмоциональные состояния в связи с освоением географического объекта.....	261
Заключение.....	279
Литература.....	284
Сокращения.....	315

Вопросы изучения взаимосвязи языка и национальной культуры настолько популярны в современной лингвистической науке, что претендуют на ведущее место в перечне ее базовых проблем; сама констатация этого факта стала неизбежным общим местом и традиционным «зачином» многих вновь появляющихся языковедческих исследований. Отношения между языком и культурой трактуются разнообразно – как взаимоотражение (ср. устойчивые сочетания *язык в зеркале культуры* и *культура в зеркале языка*), взаимопроникновение (*культурно-окрашенная лексика*, *культурная коннотация*, *культурная семантика* и т. п.), взаимоперевод (*языки культуры*). Подходы к изучению корреляции язык : культура осваиваются разными лингвистическими дисциплинами, при этом несомненно, что значимая роль среди них должна принадлежать этнолингвистике.

Представления о предмете и задачах этнолингвистики, существующие в современной языковедческой традиции, нельзя назвать устоявшимися. На проводившейся во Франции конференции «Теория в этнолингвистике», где рассматривались трактовки термина *этнолингвистика*, «лишь пограничное положение этой дисциплины не вызвало сомнений ни у кого из присутствующих (ее, например, сравнивали с летучей мышью – героиней басни, выдающей себя то за птицу, то за мышь в зависимости от обстоятельств)» [Кабакова 1993, 101]; ср. также мнение М. Жюлковского, считающего этнолингвистику «широкой исследовательской областью междисциплинарного характера с довольно неопределенными границами» [Ziółkowski M. Etnolingwistyka // Słownik etnologiczny. Terminy ogólne. Warszawa–Poznań, 1987. – Цит. по: Юдин 1998, 408].

В 1981 г. Ж. Фрибур предполагала существование двух этнолингвистик [Fribourg 1981]; однако в настоящее время – если анализировать преимущественно работы отечественных ученых – их можно насчитать больше: выход за пределы отечественной традиции превращает число концепций вообще в неопределенное множество, поэтому мы не будем ставить своей целью перечисление всех возможных точек зрения, но попробуем выстроить своеобразную «градационную лестницу», иллюстрирующую постепенное сужение предмета этнолингвистики в представлениях исследователей.

Существует широкое понимание предмета этой науки, согласно которому этнолингвистика призвана изучать «явления и процессы в об-

ласти языка, в определенной степени связанные с проявлением самосознания какого-либо этноса или со взаимоотношением этносов между собой» [Арутюнов 1995, 145], «этнос в зеркале языка» [Копыленко 1995б, 16]. При таких трактовках в компетенции этнолингвистики оказываются вопросы социолингвистики, диалектологии, лингвистической географии, контактологии, ономастики, т. е., по сути, всё, что входит в так называемую «внешнюю лингвистику» (см. широчайший перечень этих вопросов, представленный в [Арутюнов 1995]). Этот конгломерат не может быть рабочим, поскольку разрешающая сила такого объединения дисциплин, в общем-то, невелика. Получается, что штудии в рамках «широкой» этнолингвистики волей-неволей должны «съезжать» в какую-то одну более или менее определенную предметную область; синтезирующие методологические труды, призванные «запустить мотор» этого агрегата, насколько нам известно, не созданы и вряд ли появятся в ближайшее время.

Некоторое сужение предмета этнолингвистики достигается в том случае, когда выдвигаемое на роль предмета этой науки отношение язык : этнос заменяется отношением язык : этническая культура [см. Карлинский 1991, 133; Карпенко 1997, 89; ЛЭС, 597; РЯ, 647 и др.]. Значительного методологического «прояснения» при этом не достигается, поскольку в данном случае этнолингвистика подменяет собой едва ли не всю антропологическую парадигму в языкознании. Характерно, что авторы, сопоставляющие такую этнолингвистику с другими антропологическими дисциплинами, обходят стороной вопрос о специфике этнолингвистической проблематики и методологии. Так, О. В. Никитин, рассуждающий о месте социолингвистики и этнолингвистики в языкознании, достаточно подробно описывает процедуры и аспекты социолингвистического анализа, оставляя в тени проблемную парадигму этнолингвистики [Никитин О. В. 1998].

Дальнейшее сужение дает оппозицию язык : этническая культура бесписьменных народов – такая трактовка, как известно, связана преимущественно с американской традицией, у истоков которой стояли Ф. Боас, Э. Сепир, Б. Уорф) [см. Кернер 1992; Лакофф 1988; Calame-Griole 1987; Douaud 1985; Ethnolinguistics 1979; Hall, Freedle 1975 и мн. др.]. При этом «классическая» американская этнолингвистика имеет сугубо синхроническую направленность. «Экзотичность» объектов исследования вкупе с синхронической ориентацией создают довольно узкое проблемное поле для этой дисциплины и не могут способствовать укреплению ее авторитета в масштабе лингвистической науки, ср. суждение Н. И. Толстого о проблематике американской версии этнолингвистики: «Общезыковедческая и синхронно-лингвистическая направленность в значительной мере ограничивают возможности разра-

ботки и применения этнолингвистической методики в научных исследованиях и делают саму этнолингвистику периферийной, факультативной дисциплиной в языкознании» [Толстой 1995, 29].

Неудовлетворенность проблематикой такого рода и отсутствие четких границ между этнолингвистикой и другими языковедческими дисциплинами, разрабатывающими культуроведческие вопросы, приводит к тому, что в ряде стран (к примеру, во Франции, а еще раньше в США) интерес к этнолингвистике падает; этот термин не упоминается «Международной лингвистической энциклопедией», выпущенной в 1992 г. в Нью-Йорке (вместо него выделяются три независимых направления: этнография речи, этносемантика и этнопоэтика) [Кабакова 1993, 112; см. также Демьянков 1995, 289–295; Хаймс 1975].

В отечественной науке последних десятилетий позиции этнолингвистики являются достаточно прочными: с этой областью научного поиска в той или иной степени связывается деятельность таких исследователей, как Т. А. Агапкина, О. В. Белова, Л. Н. Виноградова, А. С. Герд, А. В. Гура, А. Ф. Журавлев, В. М. Мокиенко, С. Е. Никитина, И. А. Сedaкова, С. М. Толстая, А. Л. Топорков, В. В. Усачева, А. Т. Хроленко, О. А. Черепанова, А. В. Юдин и др. Многие из авторов, отождествляющих сферу своих научных интересов с этнолингвистикой, представляют Московскую этнолингвистическую школу под руководством Н. И. Толстого и С. М. Толстой (или же связаны с ней идейно).

Как указывает А. Ф. Журавлев, ведущиеся в нашей стране работы, затрагивающие этнолингвистическую проблематику, группируются в основном вокруг двух основных научных направлений: одно представлено прежде всего именами Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова, другое — Н. И. Толстого и его сотрудников и учеников. «С известной долей условности эти направления могут быть определены как “этимологическое” и “диалектологическое” соответственно: первое связывается по преимуществу с постановкой и решением задач реконструкции, воссоздания древнейшей системы онтологических, космологических, социальных представлений, отражаемых “культурной” лексикой, с этимологизацией слов мифологического характера и т. п.; второе в качестве первоочередного выдвигает требование максимальной дескрипции, выявления насколько возможно полного инвентаря форм культуры, ритуалов, обрядовой лексики с преимущественным вниманием к ареальным проблемам, к диалектологии культурных феноменов, к географическому аспекту их изучения» [Журавлев 1993б, 111]. Подчеркивая преемственность традиций, заложенных в русской науке XIX в. А. А. Потебней, Ф. И. Буслаевым, А. Н. Афанасьевым, для современной славянской этнолингвистики, Н. И. Толстой и С. М. Толстая отмечают, что последняя «сформировалась на пограничье языкознания, мифологии, фольклори-

стики, этнографии как комплексная дисциплина, изучающая традиционную народную духовную культуру и ее отражение в языке (специальная “культурная” терминология, семантика слов быденного языка, народная этимология, мифопоэтические притяжения, метафорика, идиоматика и фразеология, фольклорные тексты и т. д.)» [Толстой, Толстая 1995б, 488]; в другой формулировке тех же авторов этнолингвистика – «дисциплина, которая изучает язык сквозь призму человеческого сознания, менталитета, бытового и обрядового поведения, мифологических представлений и мифопоэтического творчества» [Толстой, Толстая 1995а, 5]. Таким образом, задается основная координата этнолингвистических исследований: язык и традиционная духовная культура народа. Такая формулировка позволяет найти для этнолингвистики нишу в комплексе гуманитарных дисциплин; обращение к традиционной духовной культуре, как представляется, обеспечивает наиболее удачный выбор маркированной этнической спецификой области исследования.

В соответствии с этой трактовкой можно выделить как минимум два аспекта этнолингвистических штудий. С одной стороны, четко вырисовывается своеобразная «лингвистика этнической культуры», которая предполагает изучение народной культуры с помощью аппарата лингвистики, основанное на постулате об изоморфности культуры и языка (обоснование этого постулата во многом можно считать заслугой семиотики, с наивысшими достижениями которой в отечественной традиции ассоциируется представление о тартуско-московской семиотической школе и ее вдохновителе – Ю. М. Лотмане). По мнению Н. И. Толстого, «подобная экспансия “лингвистического” подхода к явлениям культуры отнюдь не является неким “переводом” культуроведческой терминологии на терминологию лингвистическую, а скорее иным, структурально более четким подходом к культуре как некоему систематическому целому» [Толстой 1995, 16]. И еще: «Прежде столь широкий объект вообще не считался единым предметом научного исследования и был поделен между различными гуманитарными дисциплинами... Новая дисциплина воспринимает всю эту обширную предметную область как единый объект – язык культуры в семиотическом смысле слова, единицы которого могут иметь разную субстанцию... принадлежать разным кодам, но составлять единую знаковую систему с общим «планом содержания» (за всеми формами культуры и языком стоит одна и та же “картина мира”)» [Толстая 1996, 235]. Можно сказать, что такая этнолингвистика является *этносемиотикой* (*этносемиологией*) [Юдин 1998, 410]. Данный подход нашел яркое отражение в словаре «Славянские древности»: жанр этого труда, являющегося, по сути, энциклопедией традиционной духовной культуры славянских народов, определен

авторами как «этнолингвистический словарь» [см. СД]. Необходимо оговориться, что под духовной культурой в данном случае следует понимать так называемую «символическую культуру» (имея в виду знаковый, семиотический аспект культурных фактов): тем самым частично снимается традиционное противопоставление материальной и духовной культуры. Этнография изучает явления материальной культуры – предположим, горшки или сарафаны – как таковые; лингвострановедение выделяет соответствующие лексемы как обладающие этнокультурной маркированностью, базируясь, в принципе, на данных этнографии. Что касается этнолингвистики, то представления о горшке или сарафане становятся объектами этнолингвистического исследования (наряду с представлениями о нечистой силе или сакральности какого-либо локуса) в том случае, если они включают не только те признаки соответствующих предметов, которые вычлениются в результате логического обобщения и/или энциклопедического «фотографирования», но и те, которые могут быть логически факультативны или же приписаны соответствующему денотату извне, создавая так называемую «культурную коннотацию».

С другой стороны, развитие и углубление этнолингвистической проблематики ставит вопрос о необходимости тщательно прорисовать особенности взаимоотношений между субъектами того «федеративного государства», с которыми работает этнолингвистика (естественным языком, фольклором, обрядом etc.) и выявить закономерности кодирования информации средствами каждого из них. Магистральная задача при этом – определить специфику основного, наиболее социально значимого канала трансляции этнокультурной информации – естественного языка. В этом случае следует актуализировать вторую часть термина *этнолингвистика*: речь должна идти не только и не столько о лингвистическом «метаинструментарии» при описании различных культурных кодов, сколько об исследовании, работающем на решение собственно лингвистических задач (разумеется, находящихся при этом в проблемном поле антропологической парадигмы языкознания). Изоморфность языка и других культурных кодов не исключает их глубокой индивидуальности, ср.: «...становление этнолингвистики как науки “на стыке” отнюдь не предполагает утраты “стыкующимися” дисциплинами их своеобразия» [Журавлев 1995б, 10]. Комментируя невыводимость этнолингвистики из суммы этнографии и лингвистики, А. Т. Кайдаров указывает, что «под одним шаныраком каждая из них кроит свою шубу, поет свою песню» [цит. по: Копыленко 1995б, 17–18]. Вторая сторона этнолингвистического исследования не отрицает, а дополняет первую, поскольку своеобразие того или иного культурного кода (в данном случае языкового) становится явным при контрастивном анализе.

Таким образом, этнолингвистические разыскания в любом случае являются комплексными. Они могут быть нацеленными либо на описание того или иного фрагмента традиционной картины мира по данным разных субстанциональных кодов культуры, либо на выявление специфики отражения духовной культуры в языке (на фоне других субстанциональных кодов)¹. Можно сказать, что мы вновь получили широкое и узкое понимание этнолингвистики, однако эти широта и узость трактуются в данном случае иначе, чем в описанных выше подходах, когда широкая этнолингвистика приравнивается к изучению практически любых связей между языком и этносом, а узкая предполагает синхроническое исследование языка в соотношении с этнической культурой бесписьменных народов. Такая неоднозначность в определении предмета науки является нормальным (хотя очень трудным и для объективной научной работы, и для субъективного исследовательского «самочувствия») следствием нынешнего переломного периода в развитии языкознания и культурологии, предполагающего смену проблемных парадигм.

Все широкие и узкие подходы имеют право на существование, однако каждое конкретное исследование должно, естественно, самоопределиваться в общеметодологическом плане. В данной работе, отправной точкой для которой являются языковые факты (причем относящиеся к наиболее стабильной, консервативной и «отстоявшейся» сфере лексики – ономастике), мы будем придерживаться того «узкого» (и наименее разработанного) понимания этнолингвистики, согласно которому данная дисциплина изучает традиционную духовную культуру в зеркале языка.

Говоря о месте этнолингвистики в ряду других языковедческих дисциплин, следует указать, что она занимает промежуточное положение между когнитивной лингвистикой (однако исторически – если

¹ Эта двойственность статуса этнолингвистических штудий проявляется при определении авторами проблематики своего исследования. Например, А. Ф. Журавлев дает своей книге «Домашний скот в поверьях и магии восточных славян» уточняющий подзаголовок – «Этнографические и этнолингвистические очерки» [Журавлев 1994]. Этим подзаголовком автор разводит работу с языковым и неязыковым (этнографическим) материалом (при этом, конечно, результаты анализа языковых и неязыковых данных коррелируют между собой). В то же время капитальная монография А. В. Гуры «Символика животных в славянской народной традиции», основанная, как и исследование А. Ф. Журавлева, на материале разных субстанциональных кодов культуры (хотя с меньшим вниманием к лингвистическим фактам), характеризуется, по мнению автора, «этнолингвистическим направлением всего анализа в целом» [Гура 1997, 13].

иметь в виду научную традицию XX в. – именно этнолингвистика явилась «прародительницей» когнитивного направления в языкознании) и дисциплинами сравнительно-исторического цикла. Таким образом, данная наука имеет диахроническую направленность. Отношения на оси времени позволяют развести этнолингвистику и лингвокультурологию (о задачах последней см. в [Воробьев 1993; 1994; 1996; 1997; Карпенко 1997; Маслова 1997; Мурзин 1996аб; Ольшанский 1999; Опарина 1999; Постовалова 1999; Телия 1999]). При разграничении этих наук исследователи подчеркивают синхронический характер лингвокультурологии, указывая, что «предметом лингвокультурологии, как уже неоднократно отмечалось, является исследование и описание *синхронно действующих средств и способов взаимодействия языка и культуры*, которое должно осуществляться на основе разработки *адекватных этим культурно-языковым механизмам методов*» [Телия 1999, 16–17]; «по сравнению с лингвокультурологией, ориентированной на современность и общепринятую нормативность, объект исследования в этнолингвистике оказывается “смещенным” в сторону изучения языка племен, диалектов, языковой семьи и культурной группы, праязыка и пракультуры» [Воробьев 1997, 35]; ср. также: «Лингвокультурология... ориентирована на изучение корреспонденции языка и культуры в их синхронном взаимодействии» [Опарина 1999, 28]².

Учитывая диахроническую направленность этнолингвистики, ее можно понимать как науку, призванную применить категории концептуального анализа к тем феноменам языка, которые традиционно изучались этимологией, ономастикой, диалектной семасиологией и др. В распоряжение этимологии этнолингвистика предоставляет разработки мотивационного характера, причем не только отдельные модели семанти-

² В то же время в понимании задач лингвокультурологии у исследователей тоже нет единства. Так, С. А. Кошарная, разделяющая мнение других исследователей о необходимости разграничения этнолингвистики и лингвокультурологии, считает, что, «несмотря на возможные пересечения (вплоть до взаимопроникновения) с этнолингвистикой, лингвокультурология решает свои особые задачи, связанные с возможностями и перспективами проникновения через лексические фиксации в логико-понятийную систему народного сознания, аккумулирующую знания этноса об окружающей действительности» [Кошарная 1999, 14]. Этнолингвистика же должна «показать, как язык в разных формах его существования, на разных этапах его истории влиял и влияет на историю народа, на положение того или иного этноса в современном обществе» [Там же, 12]. Как видим, автор придерживается «широкого» понимания этнолингвистики (см. выше), а лингвокультурологии приписывает те задачи, которые другие исследователи трактуют как проблематику «узкой» этнолингвистики.

ческих переходов, но и ключ к семантическому развитию отдельных слов и семантических полей. Контактологии этнолингвистика дает сведения относительно заимствования культурных моделей; лингвогеографии – данные о наложении / расхождении ареалов культурных и языковых фактов.

Что касается основных объектов, с которыми работает этнолингвистика, то это, в первую очередь, «культурная» лексика – терминология обрядов и верований во всей совокупности семантических связей (см. в [Толстая 1989]). Помимо изучения такого рода «культурных номинаций», этнолингвистика занимается «культурной интерпретацией» обыденной лексики, выявляя закономерности языковой маркировки тех или иных реалий окружающей действительности (т. е. составляя своеобразный идеографический синопсис), а также концептуальную логику первичной мотивации, развития значений слов и образования дериватов. Ориентиром в области культурной интерпретации обыденной лексики может служить, к примеру, работа А. Ф. Журавлева [Журавлев 1999].

Методологическая база этнолингвистических исследований такова:

- семантическая и этимолого-ономасиологическая реконструкция (с опорой на рассмотрение типов первичной мотивации, на идеографический анализ, на выявление структуры семантических полей, фреймов и т. п.), ориентированная на выводы когнитивного характера;
- интегрально-контрастивный метод, предполагающий поиск фольклорных, этнографических и языковых схождений и расхождений;
- лингвогеографический метод – картографирование семантических и культурных моделей.

Статус этнолингвистики как самостоятельной дисциплины в рамках языкознания определяется наличием у этой дисциплины собственной истории, специфического предмета, объекта и методов исследования. Можно принять во внимание и такой субъективный фактор, определяющий статус науки, как особый тип личности исследователя³. Для

³ К этому – предельно субъективному! – аргументу (как одному из наиболее значимых) апеллировал в свое время Я. Малкель, утверждая самостоятельность этимологии как науки: «Так как творческий характер этимологии предполагает со стороны ученого стремление переступить пределы очевидного и высоко вероятного в области лексических соответствий и работать в рискованной сфере гипотетического, она часто привлекает принципиально иной тип личности, чем грамматика, даже несмотря на свое современное “структуральное” обличье» [Malkiel 1962, 200].

этнолингвистики такой личностью является «синтетический», «концептуализирующий» историк языка и культуры.

Подходя к формулировке задач настоящего исследования, мы исходим из следующих посылок: во-первых, оно выполнено на языковом материале – данных русской народной топонимии, являющейся специфической сферой традиционной культуры (ср.: «Будучи частью вербального (языкового) кода традиционной народной культуры, имена собственные занимают в нем особое место, образуя по существу самостоятельный ономастический код» [Толстой, Толстая 1998, 88]); во-вторых, как уже говорилось, обращение в рамках этнолингвистики к традиционной духовной культуре народа представляется удачным ограничением «безразмерной» культуроведческой проблематики (кроме того, именно в этом аспекте топонимия изучена крайне недостаточно). Любой пласт естественного языка, включающий в себя единицы с общей денотативной направленностью, кодирует информацию об определенном фрагменте действительности, пропущенную через призму внутреннего мира носителя языка и, соответственно, вобравшую в себя особенности его духовной культуры. Этнолингвистическое исследование, имеющее дело с двойным отражением (фрагмента действительности – в сознании носителя культуры, фрагмента сознания – в языке), должно, соответственно, ставить перед собой две взаимосвязанные задачи: определить специфику национально-обусловленного восприятия фрагмента действительности; показать особенности языкового канала трансляции информации о данном фрагменте действительности. По отношению к топонимическому материалу эта двуединая задача может быть сформулирована так: выявить своеобразие топонимии как языкового источника информации о духовной культуре народа. Именно она – в применении к русской топонимии – является магистральной задачей настоящего исследования.

Обращение к топонимии как материалу для этнолингвистического исследования представляется вполне закономерным. В топонимиконе – и в ономастиконе вообще – кодируются, как говорилось выше, наиболее социально значимые и устойчивые кванты этнокультурной информации. В связи с этим важными представляются рассуждения А. Ф. Журавлева о проявляющемся в ономастике ценностном подходе к отбору лексических основ (корней) для формирования именника: «Полагаю, что слово “отбор”, несущее в себе семантический момент активного, сознательного отношения языкотворца к созданию слов, здесь в высшей степени уместно: в возникновении ономастических единиц... рефлексивный и креативный моменты, в противоположность пассивно-стихийному, играют несравнимо большую роль, чем при образовании апеллятивных имен» [Журавлев 1999, 10]. Топонимикон, будучи мало-

изученным в указанном аспекте пластом духовной культуры народа, кодирует информацию об окружающем человека пространстве, а восприятие пространства, несомненно, является одной из важнейших составляющих национальной модели мира. Пространство осмысливается по-разному: как некая протяженность, являющаяся, в первую очередь, ориентационным полем для человека, который определяет местоположение отдельных пространственных объектов, их доступность, протяженность и т. п.; как окружающая человека земная поверхность – и всё то, что называется природой; как взаимодействующая с человеком среда, по отношению к которой человек играет роль и субъекта, и объекта воздействия; как «виртуальная реальность», наполненная сверхъестественными явлениями; как арена разворачивания исторических событий; и др.

Эти варианты моделирования образа пространства могут быть представлены в топонимии. Следовательно, цель этнолингвистического изучения топонимии может быть переформулирована и уточнена как определение концептуальных основ топонимической версии различных моделей пространства (прежде всего – географического пространства).

В рамках одного исследования невозможно охватить все названные выше концептуальные варианты. В центре нашего внимания будет, с одной стороны, концепция реального географического пространства – пространства *se ipsum* (она рассматривается во второй главе данной работы), с другой стороны, значимым для нас будет «интерактивный», деятельностный ракурс изображения пространства, который позволяет рассмотреть особенности взаимодействия человека и пространственных реалий (третья глава).

Анализу языкового материала должно предшествовать обоснование принципов этнолингвистического изучения топонимии и технологии экспликации этнокультурной информации из топонимического материала. Эта задача также поставлена в работе (ее рассмотрению посвящена первая глава исследования).

В чем состоит основной исследовательский принцип при движении к поставленной цели? Позволим себе следующее рассуждение. В «реальной», функционирующей народной топонимии («реальная» топонимия в данном случае может быть противопоставлена, к примеру, «фольклорной») относительно невелико количество так называемых «культурных» названий – топонимов, напрямую выводящих на явления духовной культуры (допустим, связанных с идеями христианской религии). Если сводить этнолингвистическое исследование топонимии к рассмотрению таких названий, то процесс анализа превратится в поиск крупинки золота: намывается мало, зато в стороне постепенно

воздвигается могильный курган из отброшенного в сторону материала, который едва ли заслуживает статус пустого песка. Наша принципиальная позиция состоит в том, что культураносным потенциалом обладают не только отдельные названия, а вся топонимическая система в целом. Другое дело, что различные участки топонимической системы обнаруживают различную глубину залегания культурного слоя, а в некоторых случаях – его растворение, превращение в невидимую глазу кристаллическую решетку, формирующую семантическое наполнение имени. Таким образом, функционирующему топонимическому материалу требуется не столько анализ «культурных имен», сколько более глубинное культурно-ориентированное осмысление всего топонимикона, своеобразная культурная герменевтика системы географических названий⁴.

В поисках конкретного топонимического материала для исследования мы обратились, в первую очередь, к данным картотек Топонимической экспедиции Уральского государственного университета (далее ТЭ) по территории Русского Севера (Архангельская, Вологодская области полностью и ряд районов Костромской области). Выбор этого материала в качестве опорного для данного исследования может быть обоснован следующим образом: во-первых, территория Русского Севера является зоной, где русская топонимия характеризуется исключительным богатством. Этому способствует ландшафт территории и особенности хозяйствования: использование естественных урочищ (озер, пойменных лугов и т. п.) сменяется освоением новых, которые отвоевываются у лесов и болот, вследствие чего процесс топонимической номинации не затухает, а обновляется, сохраняя, вместе с тем, конструктивные принципы традиционного топонимикона. Разнообразие форм ландшафта (здесь представлено всё – от морского побережья и огромных озер до небольших лесных делянок, за исключением, пожалуй, только горных хребтов), сочетание земледельческой и промысловой деятельности также не может не сказаться благотворно на состоянии топонимической системы. Кроме того, отсутствие помещичьего землевладения на большей части данного региона содействовало более свободному, чем на других территориях, развитию топонимической номинации. Окраинное положение территории Русского Севера и «самодостаточность» хозяйственного уклада обусловили хорошую сохранность топонимических данных.

Во-вторых, топонимический материал этой зоны собран весьма полно (пожалуй, полнее, чем по какой бы то ни было другой территории

⁴ Ср. суждение С. М. Толстой о том, что этнолингвистическое изучение ономастики сближается с анализом культурных коннотаций «обычных» (в отличие от так называемой культурной лексики) слов [устное сообщение].

России) и, что особенно важно, в условиях фронтальных полевых экспедиций. Только полевой сбор дает возможность вести наблюдения над особенностями функционирования наименований в их «живой жизни», над фактами мотивационной рефлексии носителей топонимической системы, над вариантами и параллельными названиями и т. п. Значительный объем материала картотеки ТЭ по территории Русского Севера (около 1,5 миллиона единиц хранения) обеспечивает полноту и достоверность наших выводов.

Кроме того, в сопоставительных целях в работе использованы материалы по топонимии других регионов: полевые записи ТЭ по территориям Урала, Западной Сибири (отдельные районы Свердловской, Пермской, Курганской, Челябинской, Тюменской, Омской, Оренбургской областей), а также некоторым зонам Кировской, Ярославской области, Карелии, Башкортостана и др. Помимо данных ТЭ, привлекались факты, извлеченные из письменных источников: топонимических словарей, справочников, туристических путеводителей и т. п. Сопоставление топонимических материалов по этим территориям с топонимией Русского Севера демонстрирует известную общность номинативного фонда русской топонимии.

* * *

Хочется поблагодарить всех, кто оказал большую помощь в ходе работы над этой книгой и обсуждения затронутых в ней проблем. В первую очередь это коллектив кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета: А. К. Матвеев (научный консультант и ответственный редактор), М. Э. Рут, А. А. Фомин, участники проблемной группы «Язык и мир» и другие преподаватели, сотрудники и студенты кафедры; книга была бы невозможна без огромного труда десятков сотрудников Топонимической экспедиции УрГУ, на протяжении многих лет собиравших топонимический материал, который лег в основу настоящего исследования. Кроме того, автор считает приятным долгом сказать слова благодарности коллегам, ознакомившимся в той или иной степени с работой и высказавшим ценные соображения и замечания: Ж. Ж. Варбот, Т. А. Гридиной, Е. Н. Поляковой, Р. А. Агеевой, А. С. Герду, Г. В. Глинских, А. Ф. Журавлеву, З. В. Рубцовой, Д. М. Савинову, С. М. Толстой, А. В. Юдину.

Первое издание этой книги вышло в 2000 г.⁵ Вследствие того, что тираж был очень мал (100 экз.), книга быстро разошлась – и встал вопрос о переиздании. При подготовке текста к переизданию было решено не вносить в текст существенных изменений: известно, что попытки модификации текста спустя несколько лет, как правило, заканчиваются «тотальным» переписыванием (пополняется материал; меняется научный контекст; не стоит на месте, хочется надеяться, и сам автор). Это была бы уже другая книга, которую нельзя назвать прежним именем. Поэтому мы внесли небольшое количество дополнений и уточнений. В данное издание включены главы I (в сокращенном виде), II, IV монографии 2000 г. Главы III и V, имеющие тесные смысловые связи друг с другом, будут переизданы отдельно.

⁵ Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ТОПОНИМИИ

В данной главе рассматриваются общие вопросы, связанные с этнолингвистическим изучением топонимии. Во-первых, следует выявить основные параметры этнокультурной информации, которая извлекается из языковых источников в ходе этнолингвистического исследования: такая параметризация позволит структурировать предмет исследования (разд. 1). Во-вторых, предполагается описать особенности репрезентации этнокультурной информации в топонимическом материале, а также методику экспликации такой информации из топонимикона (разд. 2). Описанная в настоящей главе методика будет использоваться нами в ходе последующей работы с материалом. Прежде чем перейти к освещению указанных вопросов, необходимо коротко охарактеризовать состояние разработки этнолингвистического аспекта исследования в отечественной топонимике (более подробный обзор представлен в [Березович 1999]). Отметим, что состояние этнокультурного изучения собственных имен должным образом не «отрефлектировано» в современной отечественной науке. Если в «нарицательной» лингвистике статус соответствующих исследований и «расстановка сил» более или менее явно ощущаются специалистами (эти вопросы не раз анализировались в литературе), то ономастика остается едва ли не самой замкнутой и отграниченной от других сфер лингвистического знания. В этом смысле ономасты работают как бы на отдельных островах, причем каждая островная культура неизвестна не только на материке «большой» лингвистики, но и на соседнем острове (скидка на гиперболизацию не изменяет принципиально эту картину)¹. Вообще, если судить по выпускаемым ИНИОН указателям новой литературы по языкознанию, количество работ по ономастике в последние годы резко сократилось: в их составе едва ли не преобладают исследования, посвященные «новым» ономастическим феноменам – урбанонимии, эргонимии и др., а также выполненные на материале литературной ономастики; работы, основанные на данных полевых сборов, единичны.

¹ Кроме того, отслеживание новых трудов по ономастике в настоящее время весьма затруднено, поскольку многие ономастические серии либо прекратили свое существование, либо выходят нерегулярно; ономастические работы разбросаны по «ежегодникам», «вестникам», «известиям», краеведческим альманахам и т. п.

Сначала коснемся вопроса о термине. Следует признать, что термин *этнолингвистика* в том понимании, которое закрепилось в работах школы Н.И. Толстого, практически отсутствует в трудах по ономастике. Этот термин употребляется в ономастической литературе последних лет в двух смыслах. Во-первых, этнолингвистическим анализом нередко считается атрибуция топонимов как фактов языка определенного этноса, при этом цель исследования состоит в этнолингвистической стратификации топонимов – т. е. в выделении в топонимическом континууме той или иной территории этнически различной топонимии (ср., например, [Арсланов 1992; Афанасьев А. П. 1989; Гарипова 1978; Саттаров 1982; Фролов 1984, 93; Черепанова Е.А. 1991 и мн. др.]). При таком понимании этнолингвистический аспект, по существу, сводится к *этногенетическому* (хотя, естественно, и такая трактовка сути этнолингвистического анализа вполне закономерна). В топонимической литературе встречается также другое употребление термина *этнолингвистическое исследование*, когда под последним понимается выявление и интерпретация этнотопонимов – т. е. топонимов, образованных от этнонимов [Этническая топонимика 1987, 3; Мусабекова 1987 и др.].

Если не учитывать терминологию, «букву» этнолингвистического подхода, представлен ли в ономастических трудах его «дух»?

Тезис о культурно-исторической ценности собственных имен не нуждается в доказательствах и представляется аксиоматичным для многих исследователей, занимающихся ономастикой, ср., к примеру, материалы проведенного несколько лет назад анкетирования по теме «Имя и культура» [Материалы к серии... 1993, 245–250], участники которого пришли к необходимости «теоретического обоснования (ономастики. – Е. Б.) как науки, теснейшим образом связанной с человеком: в ономастической картине мира воплощается характер культуры каждого этноса и каждого человека – имядателя» [Материалы к серии... 1993, 3]. Однако декларирования данного факта недостаточно; необходима выработка методологии извлечения культурно-исторической информации из ономастикона того или иного народа, а также описания и интерпретации этой информации. Понятие *культурно-исторической информации* само по себе неоднородно и включает несколько взаимосвязанных блоков: информация об этнической истории, о социальной жизни, о материальной культуре народа, о духовной культуре. Если первые три типа информации выражены в языковом материале (в том числе ономастическом) достаточно эксплицированно (что, естественно, не исключает больших трудностей при их интерпретации – особенно если речь идет об этнической истории), то четвертый представлен имплицитно, требуя

наибольшей разработанности самой процедуры извлечения материала. Информацией этого типа преимущественно занимается этнолингвистика – в том ее понимании, которое было описано выше. Такая информация в работах по топонимике нередко оказывается соположенной сведениям «материально-этнографического» характера. К примеру, Д. Р. Амирова, оперирующая термином *этнографический топоним*, включает в этот разряд следующие группы названий: а) этнографические топонимы, образованные от прилагательных со значением качества (размер, цвет и т. п.; б) этнографические топонимы, образованные от этнонимов и патронимов; в) этнографические топонимы, образованные от слов и терминов, отражающие мифологические и религиозные взгляды народа; г) этнографические зоотопонимы; д) этнографические фитотопонимы; е) этнографические топонимы, образованные от личных имен, прозвищ людей, слов, обозначающих социальное положение в обществе и др. [Амирова 1992, 9–15]. Этот перечень приблизительно соответствует традиционно выделяемому ономастами набору «культурных» тем.

Более «специализированный» – в сторону духовной культуры – перечень приводится в работе Н. К. Фролова «Отражение понятий духовной культуры в региональной системе русской топонимии», соориентированной уже непосредственно на выделение групп названий, входящих в «замкнутое семантическое поле», которое образуется «идеологическими мотивами, нашедшими место в топонимической лексике» [Фролов 1984, 91]: 1) топонимы, выражающие социальные мотивы, внутренним содержанием которых являются посессивные отношения (*Боярская, Крестьянка, Колхозный* и т. п.); 2) топонимы, обозначающие профилактические мотивы и коннотирующие скрытые предупреждения (суеверия) об опасности (*Проклятая, Пьян-река, Черторой, Шайтанка*); 3) топонимы, связанные с отражением церковно-религиозных мотивов (*Благовещенская, Покровское* и т. п.); 4) топонимы, репрезентирующие эстетические мотивы (*Благодатное, Мысли, Усталое, Голубой Дунай, Щеголь*); 5) топонимы, содержащие меомориальные мотивы, т. е. сохраняющие память об именах известных революционеров, ученых и других деятелей (*Алябьева, Кирова, Мичурино*); 6) топонимы, содержащие идеологические мотивы современной эпохи (*Возрождение, Октябрька, Прогресс*) [Фролов 1984, 92]. Думается, что данный набор – как и предыдущий – не исчерпывает возможностей манифестации представлений о мире в топонимическом материале (кстати, посессивные отношения не стоит считать проявлением духовной культуры – они скорее относятся к социально-экономической сфере); вряд ли оправданна квалификация «репрезентантов» духовной культуры как замкнутого семантического поля – напротив, система языковых носителей этно-

культурной информации характеризуется принципиальной открытостью.

Несмотря на различия подходов исследователей при выделении «культурных тем» и аспектов историко-культурного рассмотрения собственных имен, традиции такого изучения можно считать четко обозначенными в отечественной науке (ср. некоторые из работ, появившихся в конце 80-ых–90-е гг. [Агеева 1989; Амирова 1992; Бабичева, Черепанова 1992; Бербеков 1996; Бойко 1997; Варникова 1995; Горбаневский 1989; 1994; Гурская 1996; Данильченко 1993; Дукельский 1989; Иванова Н.В. 2000; Исаева 1997; Карабан 1993; Картавенко 1993; Керимбаев 1991; 1992; Керт 1995; Климкова 1990; Косничану 1993; Мамонтова 1993; Мамонтова, Муллонен 1993; Материалы к серии... 1993; Мурзаев 1993аб; Попов 1997; Успенский 1989; Фролов 1984; Чернобров 1999; Чичканова 1995; Щетинин 1993 и др.]).

Значительное количество исследований носит лингвострановедческий характер [Аникина 1988; Белая, Зайченко 1992; Бирилло 1995; Бондалетов 1993; Верещагин 1991; Леонович 1997; Митрофанов 1992; Ощепкова 1995; Томахин 1984; 1989; 1991; Шабанова 1994]. Оценивая продуктивность данного подхода к выявлению национально-культурной специфики имени собственного, отметим, что он имеет несомненную методическую значимость в плане обучения иностранцев чужому языку и ознакомления с чужой культурой. Несомненна также ценность лингвострановедческих ономастических словарей; ср., в частности, проект лингвострановедческого словаря В. Д. Бондалетова «Русские имена», в словарных статьях которого предусмотрена культурно-репрезентативная часть (сюда входит информация, ассоциирующаяся с антропонимом: реальные носители имени, носители имени и образованные от него фамилии в художественной литературе, фольклорные персонажи, имя в составе пословиц, поговорок, загадок, устойчивых выражений, афоризмов)² [Бондалетов 1993, 80]. В то же время общетеоретическая ценность лингвострановедческого подхода, как представляется, не столь высока. Во-первых, смущает установка на поиск особых «имен-реалий», наделяемых национально-культурной спецификой и противопоставляемых остальным онимами. Непонятно, по каким критериям должно производиться выделение таких имен: очевидно, эти критерии могут быть только экстралингвистическими, поскольку имена-реалии выделяются на общем ономастическом фоне особой известностью. «Известность» же с трудом поддается научному анализу (разве

² По аналогичным принципам строятся ономастические словари, предлагаемые Г. П. Смолицкой (хоть они и не названы лингвострановедческими) [Смолицкая 1995].

что может выявляться путем масштабных социологических опросов): к примеру, имя *Иван Грозный* явно должно причисляться к разряду имен-реалий, а как быть с именем *Андрей Курбский*? Как оценить известность антропонимов *Хлопуша*, *Меньшиков*, *Пуцин* (при несомненной «реальности» ассоциативно с ними связанных имен *Пугачев*, *Петр Первый*, *Пушкин*)? Если *Дон* – гидроним-реалия, то является ли таковой название его притока – реки *Потудань*? И можно ли считать *Потудань* реалией на основании того, что этот гидроним включен в произведения А. Платонова? Данные вопросы, повторимся, по сути своей нелингвистичны; единственный собственно лингвистический критерий, который можно было бы предложить для оценки известности онимов, – это способность имени к образованию вторичных (переносных) значений, т. е. к деонимизации (ср. вторичные значения топонимов *Вавилон*, *Сибирь*, *Камчатка*³).

Во-вторых, недостаточной представляется трактовка национально-культурной специфики как ассоциативного фона имени. Ассоциативный фон – самая «эфемерная» и периферийная зона семантического потенциала слова; ассоциации зачастую не могут быть лингвистически верифицированы, «отодвигаясь» в сферу неязыковой (энциклопедической) семантики. Сводя национально-культурную специфику имени собственного только к ассоциативному фону, мы отказываем последнему в праве на более глубинное проявление идиоэтнического своеобразия, коренящегося в закономерностях самой организации семантического пространства онимов.

Эта задача – выявление мировоззренческих установок создателей имен, базирующееся на рассмотрении глубинных принципов устройства именника, – ставится в ряде появившихся в последнее время исследований [Голомидова 1998; Дмитриева Л.М. 2000; Егорова 1988; 1989; 1991; 1993; Журавлев 1993а; 1995а; Матвеев 1998; 2000; Невская 1998; Рут 1992; 1994; Топоров 1991; 1993в; Топорова 1996]. В качестве примера приведем краткую характеристику выводов, представленных в двух из перечисленных выше работ.

В работе Т. В. Топоровой [1996] осуществляется анализ древнегерманских двучленных имен собственных в связи с отражением ими картины мира германцев. Обращение к ономастическому материалу автор обосновывает тем, что *nomina propria* занимают центральное место в мифопоэтической модели мира, ибо являются символами, сложным образом соотносимыми с природой индивида [Топорова 1996, 6]. Выход на картину мира осуществляется посредством выявления основных семантических сфер, в которые вписываются компоненты двучленных

³ О культурном потенциале имен такого типа см. в работе [Живоглядов 1993].

антропонимов, – «пространство и время», «космология», «мир вещей», «социально-юридическая сфера» и т. п. В результате выделяются специфические черты модели мира: мифологизация (конституирование компонентов онимов на основе фундаментальных для мифопоэтического сознания бинарных оппозиций, например, «свой – чужой»), идеализация (подчеркивание положительных моментов и сокрытие отрицательных), связанная с героизацией, влиянием героической поэзии на формирование семантики имен собственных [Топорова 1996, 132]. Ценность данного исследования значительно повышает произведенное автором сопоставление древнегерманских двучленных имен собственных и их аналогов в других индоевропейских языках – славянских, балтийских, греческом и т. д. Итогом такого анализа стал эскиз структуры модели мира, образуемый элементами двучленных имен собственных трех индоевропейских ареалов [Топорова 1996, 239].

М. Э. Рут в своем исследовании [1992] обращается к материалу русской народной ономастики, поставив задачу реконструкции картины мира ее создателей (в данном случае – севернорусских крестьян, ибо в работе анализируется топонимия, антропонимия и астронимия Русского Севера). В центре внимания автора результаты образной номинации, которая «активна в аккумуляции информации об объекте и субъекте номинации» [Рут 1992, 45] и, следовательно, «всегда национально-специфична в том смысле, что закрепляет в себе исторически сложившуюся в сознании народа-субъекта номинации картину мира» [Рут 1992, 127–128]. Автором используется оригинальный способ описания картины мира, при котором модели образного отождествления выстраиваются в иерархию образных предметных сфер – «Человек», «Семья», «Дом и двор», «Деревня», «Непосредственное природное окружение (лес, река)», «Внешний мир» [Рут 1992, 52]. Сопоставляя наполненность различных сфер отождествления (выявив, в частности, приоритет сферы «Дом», слабую активность сферы «Внешний мир»), автор приходит к выводу о том, что русская национальная образная система основана на концептуальной модели «мир = дом» [Рут 1992, 128]. Интересной и продуктивной представляется разработка динамики концептуальных установок субъекта: по мнению автора, исходная номинативная модель основана на мифологической картине мира, где главенствуют антропо- и зооморфные образы, отражающие отождествление природы и человека. «Разработка этих исходных образов шла в направлении все большего учета хозяйственной, практической деятельности человека, в результате чего модель “природа – человек” постепенно приобретала вид “природа – результаты хозяйственной деятельности человека”, при этом потребность в детальной разработке образных сфер дробила и расчленяла общую космологическую картину, превращая ее в набор гносеологиче-

ски важных эталонов. Христианизация привела к уничтожению концептуальных основ исходной мифологической модели, и уже выработавшиеся на основе последней образы-модели продолжили свое развитие чисто автоматически» [Рут 1992, 97–98]. Данное исследование является новаторским в том смысле, что в нем рассматривается обширный массив онимов разных разрядов с точки зрения закономерностей концептуальной организации ономастикона – а это позволяет не просто фиксировать факт прямого отражения в имени элементов духовной культуры народа, но и создать интерпретационную модель последней.

Если авторы названных исследований имеют дело с общеязыковой ономастикой, то в работах [Толстой, Толстая 1998; Юдин 1997] рассматривается специфика «культурной ономастики»⁴ – т. е. особенности функционирования имени преимущественно в контексте ритуалов и фольклора.

Развитию этнолингвистического направления в ономастике весьма способствует и появление ономастических словарей, имеющих, помимо собственно лингвистической, культуроведческую направленность (например, [Матвеев 1987а; 1990; 1997; Полякова 1997; РО; Смолицкая 1995; Чайкина 1988]).

В целом же контуры этнолингвистического аспекта изучения имен собственных еще только начинают прорисовываться; этот аспект ономастических исследований нельзя считать ни теоретически, ни методологически разработанным, ср.: «Необходимо отметить, что в сфере этнологического изучения онимов сделано еще очень мало» [Копыленко 1995б, 58]. Более того, не обрисован даже круг вопросов, которые должны решаться в русле этнолингвистического изучения ономастики. Можно назвать только одну этнолингвистическую проблему, которая ставилась не в одной, а в нескольких публикациях (и при этом, конечно, не может считаться исчерпанной), – это проблема отражения в ономастике мифологических представлений народа.

Неработанность этнолингвистического аспекта изучения имен собственных иногда приводит к появлению работ, где богатая оснащенность «этнокультурными декларациями» и терминологией из различных сфер антропологической лингвистики не сочетается с анализом конкретного топонимического материала, который осуществляется беспомощно и не приносит научно значимых результатов. Так, в статьях И. С. Карабулатовой [1998аб; 1999] ставится задача этнопсихологического изучения топонимии Тюменской области. Ссылаясь на труды Гумбольдта, Юма, Л. Гумилева, книги по гипнозу, нейропсихологии,

⁴ О противопоставлении общеязыковой и «культурной ономастики» см. в [Толстой, Толстая 1998, 89].

транзактному анализу и т. п., автор находит «новые» формулировки для обозначения банальных вещей. Например, процесс взаимодействия исконных и иноязычных элементов в топонимических системах понимается так: «Субстратная региональная топонимия выступает как нейросеть, система социальной инфекции» [Карабулатова 1998а, 93]. Попытка читателя понять применимость идеи социальной инфекции к топонимическому материалу ни к чему не приводит, поскольку далее следует такая сентенция: «Ответом на плохую новость у клетки может быть только “крик”, а у человека – изменение его местонахождения в пространстве. Социальная инфекция имеет ту же природу, что и биологическая, психическая» [Там же]. Совершенно непонятным образом оказываются соотнесенными положение о существовании топонимических эквивалентов (оз. *Мерген* – *На Пахомовской Пристани на Мергене*) и идеи Э. Берна о том, что портрет личности складывается из трех эгосостояний: *Родитель–Взрослый–Дитя*; затем следует вывод о том, что «топоним и его топонимические эквиваленты выступают в результате определенного паттерна чувств и переживаний адресата и адресанта в непосредственной связи с определенным паттерном поведения» [Карабулатова 1998а, 92]. Пустым набором слов (подчас плохо сочетающихся друг с другом по смыслу) оказывается и нагруженное терминологией положение о том, что «в топонимах также присутствует суггестивный компонент, поскольку для них характерны и образная яркость представлений, и сенсорно-гедонистическая оценка названия, и сенсорная когнитивная значимость» [Карабулатова 1998а, 96]. Маловразумительны также результаты ассоциативного эксперимента, которые описываются во всех трех статьях: автор предъявляет топонимы Западной Сибири (преимущественно субстратные) для свободного ассоциирования испытуемым, которые, как правило, не являются носителями этой топонимии (например, четырехлетним детям из детсада Ишима). В результате предпринимаются, например, попытки «нащупать» внутренние конфликты респондентов: Баян – (шприц у наркоманов)..., Тарнаколь – шприц (медицинский) и т. п.» [Карабулатова 1999, 59]. Остается непонятным, зачем для обнаружения таких «конфликтов» понадобилась субстратная топонимия (неясно и то, почему в статье под названием «Ассоциативное поле восприятия субстратной топонимии» автор работает с названиями вроде Баян, Попов Увал, Никишино, Яровское [там же])? Работы такого плана можно считать издержками, неизбежными при становлении новых подходов к топонимическому материалу.

В то же время ономастика и этнолингвистика «нужны друг другу». С одной стороны, ономастический (особенно топонимический) материал может стать хорошим «полигоном» для совершенствования методики этнолингвистического анализа: его методическая корректность и на-

дежность обеспечивается как экстралингвистически – территориальной закреплённостью объектов номинации, этническим и социальным единством⁵ создателей топонимии определенной территории, так и лингвистически – высоким уровнем «моделируемости» материала, свидетельствующим об отработанности норм узуализации, и консерватизмом традиционных топонимических моделей. С другой стороны, этнолингвистические исследования весьма важны для совершенствования и обновления семантического изучения топонимии, несколько зашедшего в тупик «отапеллятивных» классификаций. Наверное, вследствие ощущения этого тупика у «практикующих» ономастов в настоящее время «создается впечатление, что бурное развитие ономастики в предыдущие годы сменилось топтанием на месте» [Гусынина 1996, 238].

⁵ Это далеко не абсолютно, так как топонимикон являет собой сложное переплетение различающихся в социальном и временном плане продуктов номинативной деятельности, однако такое единство более ощутимо в топонимии, чем, скажем, в диалектной лексике, где возможности «миграции» языковых фактов наиболее реальны.

1. К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Этнолингвистические исследования, как уже говорилось, направлены на выявление информации о духовной культуре и ментальности народа, которая может быть эксплицирована по данным естественного языка. Язык, разумеется, не является единственным источником такой информации; она транслируется также знаковыми системами обряда, фольклора и др., ср. понимание культуры как «иерархически организованной системы разных кодов», т. е. вторичных знаковых систем, использующих разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к «картине мира», к мировоззрению данного социума» [Толстой, Толстая 1995а, 7]. Таким образом, этнокультурная информация может быть манифестирована различными способами, существует в разных версиях, «изводах», однако коль скоро мы работаем с языковым (топонимическим) материалом, наши задачи формулируются в первую очередь применительно к нему.

Любая информация характеризуется такими параметрами, как содержание и отбор, структура, когнитивный генезис, сфера бытования, способ репрезентации, семиозис (источники и условия трансляции). Проанализируем по этим параметрам этнокультурную информацию (далее ЭИ).

Содержание и отбор ЭИ. Внутренний и внешний мир человека в целом охватывается такими сферами, как «бытие», «природа», «человек», «деятельность», «культура». Осваивая эти сферы, человек формирует знание о мире, ориентацию в мире и аксиологию (данные формы освоения мира, конечно, пересекаются); к примеру, представления о географическом пространстве складываются из знаний о его протяженности, конечности, происхождении и т. п.; из ориентационных параметров (*далеко – близко, спереди – сзади* и др.); из представлений о ценностной неоднородности пространства, наличии в нем особо отмеченных, выделенных зон (святых и нечистых мест). Однако не все знания, оценки, стереотипы и т. п. составляют содержание ЭИ. Исследователями не раз отмечалась избирательность культурных кодов при кодировании тематически сходной информации. Такая избирательность проявляется в том, что в паре (ряду) близких по смыслу элементов один обретает культурную (языковую) отмеченность, а другой оказывается лишенным ее⁶, например: «...волк, кукушка, верба занимают очень важное место в

⁶ Избирательность при кодировании разными субстанциональными кодами культуры информации об окружающей действительности приводит к тому, что получившаяся картина с «физической» («фотографической») точки зрения

системе культурных символов, а прагматически близкие к ним лиса, дятел, черемуха фактически лишены культурных функций (ср. также культурное значение бороны, топора, горшка, с одной стороны, и лопаты, молотка, миски – с другой)» [Толстой, Толстая 1995а, 9]. Ср. собственно лингвистические примеры такого рода: в паре лексем *пол* и *потолок* «первая кажется свободной от концептуальной нагрузки, тогда как со второй связан отчетливый концепт предела, исчерпанных возможностей» [Плунгян, Рахилина 1993, 126]; в парах *тесть* – *теща*, *отчим* – *мачеха* «имена родственников мужского пола лишены или почти лишены коннотаций, а имена родственников женского пола насыщены ими» [Апресян 1995, 172]⁷ и др. Выяснение причин этой избирательности представляется интересной и заслуживающей внимания проблемой (отметим, что здесь должны учитываться и факторы языковой техники: так, отсутствие ожидаемых коннотаций у лексемы *пол* можно попытаться объяснить наличием в системе языка омонимов этого слова), однако она не может решаться в рамках данного исследования. Подчеркнем только, что ЭИ составляется теми представлениями о мире, которые имеют маркировку в рамках какого-либо культурного кода. Маркировка нередко вносит дополнительные смыслы в ментальные образы того или иного объекта действительности, высвечивающие новые детали исходного представления и зачастую не вытекающие непосредственно из «физических» свойств объекта (ср. не соответствующее мнению индийцев представление русских о неуклюжести слона или веру в «смерто-

весьма неполна и изобилует белыми пятнами. Такая картина чем-то напоминает описанные А. и Б. Стругацкими в повести «Понедельник начинается в субботу» сцены из будущего, смоделированные по произведениям писателей-фантастов: «То и дело попадались какие-то люди, одетые только частично: скажем, в зеленой шляпе и красном пиджаке на голое тело (больше ничего)... Окружающие относились к ним спокойно, а я смущался, пока не вспомнил, что некоторые авторы имеют обыкновение писать что-нибудь вроде «дверь отворилась и на пороге появился стройный мускулистый человек в мохнатой кепке и темных очках» [Стругацкие, 140].

⁷ Избирательность тесно связана с непредсказуемостью, прихотливостью ЭИ, заключающейся в том, что сходные элементы получают разную маркировку. Ср. примеры различий коннотаций синонимичных или тематически близких слов: *осел* (упрямство и тупость) и *ишак* (терпение и готовность безропотно работать); *резать* (резкость и боль) и *пилить* (нудность и монотонность); *коза* (существо подвижное и привлекательное) и *козел* (существо бесполезное, неуклюжее, с неприятным голосом и запахом) и др. [Апресян 1995, 172]. Добавим, что непредсказуемость проявляется и в разных способах языковой концептуализации логически противопоставленных понятий, ср. принципиальные различия в языковой подаче образов дурака и умного человека, ленивого и трудолюбивого и т. д.

носные» свойства выпавшего во сне зуба в славянских народных традициях).

Как известно, в этнокультурном плане значима не только сама маркировка, но и ее отсутствие, лакуна. Наличие лакун, наиболее ярко проявляющееся при контрастивных исследованиях, свидетельствует о нерелевантности того или иного фрагмента действительности для культурного сознания членов данной лингвокультурной общности (см. исследования Ю. А. Сорокина и И. Ю. Марковиной, разработавших теорию лакун в отечественной этнопсихолингвистике [Сорокин 1977; 1982; 1994; Сорокин, Марковина 1988аб; Текст как явление культуры 1989, 103–183 и др.]).

Таким образом, содержание этнокультурной информации есть система знаний, представлений, оценок, описывающих явления внутреннего и внешнего мира, которые имеют маркировку при кодировании в языке и других сферах культуры.

Структура ЭИ. В структуре ЭИ, транслируемой определенными культурными кодами, выделяются базовые и небазовые (маргинальные) смысловые зоны. Базовая информация определяется референтной спецификой самого канала. Допустим, для топонимии базовыми являются представления об окружающем ландшафте, для антропонимии – о человеке и коллективах людей, для лирических песен – о межличностных отношениях и т. п. В зависимости от характера базовой информации в рамках той или иной версии ЭИ вырабатываются специфические модели (в «неноминативных» версиях – мотивы). Это не исключает возможности взаимовлияния различных по своему происхождению моделей: к примеру, «патронимическая» модель, характерная для антропонимии, может проявляться и в топонимическом материале (руч. *Быстренок* – пр. р. *Быстрая* [К-Б]⁸), а «пространственная» топонимическая модель иногда фиксируется в антропонимии (ср. прозвищную пару *Подозёр* – сын *Надозёра* [Вил]).

⁸ Здесь и далее при подаче ономастического материала в квадратных скобках дается паспортизирующая справка. Подавляющее большинство топонимов извлечено из картотек ТЭ: при их паспортизации указание на источник материала опускается, а приводится лишь сокращенное наименование административного района или нескольких таких районов (см. список сокращений). В том случае, когда топоним снабжен мотивировочным контекстом, после шифра района дается полное название населенного пункта, где осуществлена запись. При использовании иллюстративного материала из других источников последние описываются по стандартным правилам. Если же топоним приводится повторно, паспортизирующая справка не дублируется. Широко распространенные названия не паспортизируются.

Естественно, содержание той или иной версии ЭИ не исчерпывается базовыми концептами: топонимия, например, может эксплицировать информацию, связанную с социальной структурой общества, межличностными отношениями, выражающую представления о сверхъестественном и т. п. Однако, воплощая представления о нечистой силе, топонимия не может претендовать на ту степень полноты, с которой соответствующие воззрения отражены, допустим, в быличках и преданиях. В то же время не стоит думать, что такого рода небазовая информация, стоящая в «слабой позиции», несущественна и что следует работать только с базовыми для данного типа информации версиями. Необходимость изучения этой маргинальной информации диктуется тем, что сам факт рассеивания последней по различным сферам свидетельствует о ее концептуальной значимости (в качестве параллели напомним о важной для концептуального анализа установке, в соответствии с которой «лобовые» определения того или иного явления не более – если не менее – значимы, чем смыслы, извлекаемые из «мимоходных» текстовых употреблений соответствующего слова; семантически «сильная позиция» подчас дает не такую яркую картину, как сумма «слабых позиций»).

Когнитивный генезис ЭИ. Отдельные блоки ЭИ могут различаться по когнитивному генезису, так как бывают связанными с деятельностью различных уровней и типов сознания. Можно говорить об антиномичности информации, полученной на базе рационального и чувственно-эмпирического, «опытного» и априорного знания: здесь следует напомнить хрестоматийные примеры, иллюстрирующие несовпадение информации, извлекаемой из научного VS «бытового» текста или же сформированной на основе фольклорных и языковых стереотипов VS проверенной опытом (ср. знаменитое «чувственно-эмпирическое» *солнце всходит и заходит* и «стереотипное» *лиса хитрая, заяц трусливый, свинья грязная, муравей трудолюбивый*). Естественный язык дает по преимуществу внерациональное знание, ср.: «Базируется языковое знание на уходящих в глубь веков и формирующих коллективное бессознательное представлениях, которым противоречит рациональное знание... Рациональное знание обеспечивает понимание логических отношений между явлениями мира, а внерациональное языковое – восприятие сублогических связей (главным образом ассоциативных метафорических) между ними» [Чернейко 1998, 24–25]. Таким образом, разнообразие версий ЭИ в значительной степени зависит от когнитивного генезиса передаваемой информации.

Сфера бытования ЭИ. Версии ЭИ различаются функционально, реализуясь в многообразных сферах человеческой деятельности (данный параметр тесно связан с предыдущим, так как дифференциация функциональных сфер в значительной мере обусловлена способами по-

лучения концептуальной информации). Например, можно выделить сакральные VS «профанно» ориентированные версии: первые, в частности, характеризуются замкнутостью на прецедентные тексты или прецедентные знаки, высокой семиотичностью, вторые более открыты и семантичны: ср. разительно непохожие интерпретации одних и тех же образов (допустим, христианских святых) в духовных стихах VS анекдотах или «заветных» сказках.

Этот параметр – как и предыдущий – дает повод говорить о своеобразной «двуличности» (или многоликости) ЭИ: грубо говоря, ее содержание меняется в зависимости от обстоятельств. Вообще, это вполне достоверно, поскольку в действительности человек имеет не одну, а разные системы мнений, оценок одних и тех же явлений (естественно, пересекающиеся и совместимые в каких-то фрагментах). Ср.: «...один и тот же субъект может быть манифестантом разных культурных моделей – обыденной и научной, обыденной и религиозной; обыденной, мифологической и религиозной и т. п.» [Толстой, Толстая 1993, 163]. Самый банальный пример – «уживаемость» в современном сознании коперниковской и птолемеической моделей Вселенной. Ср. также пример из нашего материала: если в той модели пространства, которая выстраивается по данным обрядов, заговоров, духовных стихов, маркированным, несомненно, является направление восток – запад, связанное с «рождением» и «смертью» солнца, то в топонимической версии модели пространства (по крайней мере, в том виде, в каком она эксплицируется по материалам топонимии Русского Севера) маркируется ось север – юг, что обусловлено значимостью этих румбов для формирования погоды в регионе – т. е., в конечном счете, бытовой, хозяйственной значимостью данного направления (подробнее см. в гл. II настоящей работы).

Способ кодирования ЭИ; специфика канала трансляции ЭИ. Своеобразие той или иной версии ЭИ, как представляется, в какой-то мере должно определяться особенностями самого канала трансляции концептуально значимой информации, способа репрезентации последней. На этом вопросе следует остановиться подробнее, поскольку он в наименьшей степени проработан в этнолингвистической литературе: на современном этапе развития этнолингвистика предпочитает обнаруживать общие для разных каналов информативные зоны, нежели комментировать факты несовпадений кодируемой различными каналами информации, связанных со спецификой самих этих каналов. Выше уже цитировалось положение Н. И. и С. М. Толстых о культуре как системе кодов, «использующих разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания» (выделено нами. – Е. Б.). Это общее содержание авторы называют «языком-посредником» для разных культурных кодов [Толстой, Толстая 1995а,

7]. Безусловно, данная идея плодотворна для развития теории и практики этнолингвистических исследований и наиболее эффективно может быть реализована при осуществлении свода данных разных культурных кодов, каковым является словарь «Славянские древности» [СД]. В то же время язык-посредник является абстракцией такой величины, что, работая с ним, следует представлять те допущения, которые иногда неминуемы при переводе с описываемого языка (языка-объекта) на метаязык (ср., например, споры, которые разгорелись вокруг метаязыка описания семантики, разработкой которого с разных позиций занимаются А. Вежица, Ю. Д. Апресян, И. А. Мельчук, А. К. Жолковский и другие исследователи: трудности конструирования этого метаязыка связаны как раз с осознанием возникающих при этом потерь и огрублений).

Очевидно, можно говорить только о какой-то степени переводимости языков-объектов на метаязык. По крайней мере, для решения этого вопроса нужно выявить различия между самими переводимыми кодами. В этом плане важна работа С. М. Толстой, указавшей, что языковые и культурные (*культурный* в данном случае понимается в смысле принадлежности внеязыковым кодам – фольклорному, обрядовому и др.) стереотипы, фиксирующие представление об одном и том же объекте действительности, могут не только совпадать, но и обнаруживать значительное или полное расхождение [Толстая 1995]. Показательны примеры, приводимые автором: языковой образ камня формируют признаки «крепость», «неподвижность», «несокрушимость», отраженные в таких выражениях, как *каменное лицо*, *сердце не камень*, *как за каменной стеной* и т. п. Это находит подтверждение в традиционной ритуальной практике – в пасхальном обычае становиться на камень ради крепкого (несокрушимого) здоровья или в использовании камня для лечения и профилактики болезней. Однако другие свойства камня, составляющие его культурный образ в народной картине мира, не получают отражения в языке. Так, мы не можем «узнать из языка» о том, что камни растут, что они могут падать с неба, могут быть орудием божества или нечистой силы и т. п. Эти черты культурного образа камня реконструируются из обрядов, верований, бытовой практики, но не имеют прямого языкового подтверждения [Толстая 1995, 126]. В другой работе автор добавляет, что «в определенной степени различны и картины мира, стоящие за фольклором, с одной стороны, и верованиями и обрядами – с другой» [Толстая 1993, 50].

Таким образом, разные субстанциональные коды культуры обнаруживают расхождения при работе с одной и той же, казалось бы, информацией и асимметрию при кодировании определенных стереотипов.

Проблема усложняется, если учесть, что каждый субстанциональный код сам по себе является неоднородным образованием. Можно ли гово-

речь о различных вариантах кодирования информации внутри одного субстанционального кода (например, языка)?

Разные типы языковых источников ЭИ разнятся в свете оппозиции индивидуальное / социальное. Допустим, ассоциативные поля и «свободные» текстовые связи отражают индивидуализированное знание: несмотря на то, что «кванты» этого знания можно определенным образом сгруппировать, оно остается очень подвижным и текучим, ибо детерминируется изменчивыми вкусами и мнениями отдельных лиц. Эта оппозиция оборачивается противопоставлением субъективированность / объективированность. Анализ языкового узуса (типовой сочетаемости, деривационных связей и др.) дает объективированные данные, которые выражают некую понятную для всех носителей языка установку. Отдельный носитель языка может быть с ней не согласен; обсуждая ее, он волен так или иначе выразить свое отношение (ср. высказывания типа *пресловутый / знаменитый немецкий педантизм, хваленая английская учтивость* и т. п.), однако за этой характеристикой стоит некое обобщенное знание, реальность которого обеспечивается тем, что оно не требует комментариев и пояснений. Ср. отсутствие этого обобщенного знания в высказываниях типа *русский педантизм*, при восприятии которого носитель русского языка оказывается лишенным ключа, помогающего понять, в какой тональности следует трактовать это высказывание.

Тезис о существовании обобщенного знания может быть интерпретирован в духе идеи об особой «точке зрения языка», которая проходит красной нитью через всю историю гумбольдтовской традиции в языкознании. Нет смысла в рамках данного исследования обсуждать эту идею, отдающую определенной (и такой естественной) фетишизацией объекта науки, однако следует отметить, что факт существования в языке сфокусированной картины, обладающей направленным потенциалом *ad interpretandum*, должен быть рассмотрен как отражение некоторого «языкового знания»⁹, фиксирующего, разумеется, не точку зрения самого языка, но результат объективирующей кристаллизации знаний его носителей. Эта картина формируется, конечно, на базе отражения далеко не всех ментальных объектов: при осмыслении некоторых из них не происходит фокусировки, концептуализации знания – соответственно, в языковой призме знание «рассыпается».

⁹ Ср. трактовку языкового знания как «всего того, что данный язык знает (на уровне рациональном / логическом и иррациональном / сублогическом) о действительности и о себе как фрагменте этой действительности [Чернейко 1998, 24].

Степень объективации знания, отраженного в языке, определяется коэффициентом устойчивости (воспроизводимости, моделируемости) соответствующих языковых структур. Естественно, что наиболее объективированным следует считать то знание, которое «срастается» с самой устойчивой, субстанциональной частью языка – языковой формой. Это знание дает внутренняя форма языковых единиц – отсюда классическое понимание ее как объективного, ближайшего значения слова. Можно попытаться выстроить определенную иерархию различных языковых носителей концептуальной информации, отражающую снижение объективированности и нарастание субъективных моментов при трансляции этой информации: внутренняя форма; деривационные связи; концептуальное ядро значения; типовая (узуальная) сочетаемость; отношения лексической системности (синонимия, антонимия и т. п.); «свободная» текстовая сочетаемость; ассоциативные связи. Разумеется, порядок следования выделенных сфер условен, однако в данном случае важна сама логика движения от центра к периферии, от системно-языкового содержания к информационному фону, сопутствующему слову, но не являющемуся частью собственно языковой семантики (о последней см. в [Кузнецов 1992]).

Естественно считать, что эксплицитность информации создает информационно сильную позицию, а, соответственно, имплицитность – слабую. Тогда важные для языка, с одной стороны, и значимые с точки зрения логики и философской интуиции, с другой стороны, варианты информации могут находиться в обратно пропорциональной зависимости. Иными словами, та информация, которая занимает логически сильную позицию (допустим, выражена в виде развернутого определения какого-либо понятия, «мнения по поводу» и т. п.), весьма часто оказывается в слабой позиции в системе языка, поскольку не верифицируется ею (например, трактуемое определениями слово может даже не работать в контексте – скорее, контекст работает на него). И наоборот: системно-языковая информация, заложенная во внутренней форме, деривационных связях и пр., нередко оказывается имплицитной и не верифицируемой при «буквальном прочтении».

Различия между языковыми каналами трансляции концептуальной информации в какой-то мере обусловлены типом языковых связей, на которые преимущественно ориентированы элементы данного кода, – синтагматическим или парадигматическим (парадигматика в большей степени моделируема и отчетливее выражает системно-языковое «знание»). В этом плане весьма разнятся, к примеру, художественные тексты и наборы «дискретных» номинаций (какое-либо семантическое поле, фрагмент ономастикона и др.). Так, связный текст – в отличие от набора «рассыпанных» номинаций – субъективирован, личностно ок-

рашен (даже если он представляет собой «коллективное» произведение устного народного творчества). Кроме того, эффект связности текста состоит в том, что концепция последнего «срастается» с формой, нюансировка и акцентирование тех или иных содержательных моментов нередко продиктованы требованиями поэтики, корректирующими исходный замысел. Ср.: выявление особенностей смыслового наполнения образов христианской религии по таким источникам, как заговоры, должно производиться с учетом специфики организации заговорного текста: к примеру, интерпретацию числовых характеристик (*триста ангелов господних, триста три святителя с апостолами...*) следует осуществлять не в связи с содержанием прототипического сверткеста народного православия, а учитывая активную роль приема ступенчатой градации в создании заговоров¹⁰. Что касается набора дискретных номинаций, то они в наибольшей степени объективированы и практически не обнаруживают «эффектов связности».

В силу этих причин при экспликации этнокультурной информации очень важен вопрос об объеме привлекаемого к анализу материала и характере конкретных языковых носителей ЭИ. Обсуждая проблемы такого рода, Т. В. Симашко отмечает, что «объем привлекаемого материала почти нигде не получает обсуждения, поэтому порой создается впечатление, что это второстепенный вопрос, а привлеченный материал достаточен для определения основных узлов модели концепта. Однако возникающие между исследователями разногласия по поводу толкования одного и того же концепта уже сами по себе приводят к мысли, что спонтанность в выборе материала, отсутствие критериев его отбора составляют слабое звено в концептуальном моделировании, тем более, если учесть, что на основании выведенного концептуального содержания определяется национальный характер. Примером этого может быть анализ концептов *судьба, авось*, предпринятый А. Вежицкой, в сравнении с данными Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева» [Симашко 1998, 20].

Таким образом, разная природа каналов трансляции ЭИ обуславливает варьирование транслируемой информации, в связи с чем переводимость культурных кодов предстает как относительная величина.

Семиозис, источники и условия трансляции ЭИ. Данный параметр, тесно связанный с предыдущим, предполагает описание семиотического генезиса ЭИ. Следует выделять этнокультурную ин-

¹⁰ Ср. еще пример такого же плана: соединение в один комплекс двух образов животных может не только свидетельствовать о смешении, неразличении разных видов животных (змеи и безногой ящерицы, ворона и вороны, кукушки и ястреба и т. п.), но и иметь жанровую обусловленность (*заяц-горностай* в песнях, *гуси-лебеди* в сказках) [см. Гура 1997, 21].

формацию первичного и вторичного генезиса. Одна возникает при первичном означивании впечатлений от явлений окружающей действительности, другая – при вторичном использовании уже закодированной информации. Иными словами, ЭИ вторичного семиозиса представляет собой прецедентный текст (знак). Различные каналы трансляции ЭИ в разной степени сориентированы на информацию первичного или вторичного семиозиса. К примеру, антропонимия значительно чаще, чем топонимия, использует вторичную по семиозису информацию (ср. хотя бы обычай наречения внука в честь дедушки или практику выбора имен по святцам); лирические песни реже прибегают к вторичной информации (аллюзиям к прецедентным текстам), чем, скажем, духовные стихи. Таким образом, для характеристики канала трансляции ЭИ важно указать, какая по семиозису информация преимущественно используется данным каналом.

В том случае, когда привлекается ЭИ вторичного семиозиса, один из каналов выступает в роли источника последней, другой – в роли реципиента, способного, при определенных условиях, принять данную информацию. Следовательно, встает вопрос об источниках и условиях перевода ЭИ. Контакты культурных кодов, являющиеся необходимой предпосылкой для перевода, характеризуются многообразием форм протекания; в некоторых случаях одна и та же информация может быть получена реципиентом из нескольких разных источников; в других случаях реципиент пользуется единственным источником информации. Допустим, некоторые виды ЭИ оказываются представленными как в языковом, так и в фольклорном или обрядовом коде, а внутри этих кодов – в различных их подсистемах (в нарицательной и ономастической лексике, в разных жанрах устного народного творчества, в земледельческой, родильной, свадебной обрядности и т. п.); другие же оказываются репрезентированными только в одной подсистеме какого-либо культурного кода. К примеру, информация о трудолюбии муравья «растиражирована» несколькими каналами трансляции ЭИ¹¹; в то же время роль домашнего покровителя приписывается муравью только на уровне верований¹².

Сами источники ЭИ различаются по степени доступности и, соответственно, возможностям усвоения информации носителем определен-

¹¹ Помимо общеязыковых и фольклорных данных, она дублируется обрядом: например, в Боснии беременная женщина, желающая, чтобы ее будущий ребенок был прилежным, как муравьи, съедает в Юрьев день до восхода солнца немного муравейника, беря его ртом [Гура 1997, 511].

¹² Ср. русскую примету о том, что появление муравья в доме сулит счастье [Гура 1997, 510].

ной этнической культуры. Зависимость характера принимаемой информации от степени доступности источника ЭИ просматривается на примере усвоения библейских тем в русской народной культурной традиции: естественно, что больше шансов получить известность имеют те образы и сюжеты, которые представлены на лубочных картинках в райках¹³, чем те, которые могут быть извлечены непосредственно из прецедентного текста или даже из адаптирующих его духовных стихов. Кроме того, в ходе трансляции ЭИ стихийно или сознательно учитываются лакуны в культурной среде-реципиенте (по сравнению с культурным текстом-донором). Соответствующая информация либо опускается, либо происходит элиминирование лакуны путем заполнения или компенсации [Сорокин, Марковина 1988а]. Так, только в книжной традиции проявляются символические значения лексем *Вавилон* 'средоточие нравственных пороков', *Голгофа* 'место казней, страданий', *Карфаген* 'объект постоянных нападков, осуждения, борьбы', *Помпея* 'катастрофа, место катастрофы' и др. [Отин 1980а], поскольку соответствующие понятия оказываются неактуальными для носителя традиционной крестьянской культуры.

Все это создает условия трансляции ЭИ. При благоприятных условиях – дублировании информации в разных источниках, их демократичности, доступности для массового сознания, незначительном количестве лакун – блоки транслируемой информации легко усваиваются и занимают важное место в структуре принимающей культурной традиции; в том случае, когда условия трансляции неблагоприятны, возникает опасность неприятия, отторжения транслируемого культурного текста или значительного искажения последнего.

Таким образом, источники и условия трансляции ЭИ оказывают существенное влияние на объем и характер последней.

¹³ Ср. комментарий А. Ф. Некрыловой по поводу отбора религиозных тем для райка: «...выпускаемые в огромном количестве духовные листы практически оставались чуждыми райку. Вовсе игнорировались портреты деятелей церкви, святых и т. п., символические, аллегорические картины. На валик райка попадали чаще всего видовые (изображение монастырей, святых мест, Иерусалима) и сюжетные лубки (потоп, Страшный суд и т. д.)» [Некрылова 1988, 102]. Думается, что тяготение к сюжетности обусловлено тем, что раешник был, по терминологии Ю.М. Лотмана, носителем «фольклорного мышления»: «Носитель фольклорного мышления, если и читает газету, то лишь в поисках “присшествий” и “странных” событий» [Лотман 1976, 262].

Охарактеризовав основные параметры ЭИ (перечень параметров можно было бы увеличить, ср., к примеру, упомянутые выше характеристики степень экспликации и возможность верификации), отметим, что этнолингвистическое исследование должно учитывать разнообразие вариантов ЭИ и причины, вызвавшие его.

Как репрезентируется этнокультурная информация в языковом материале?

Анализируя отечественную этнолингвистическую и лингвокультурологическую литературу 70–90-ых гг. XX в., можно сделать вывод о том, что постепенно происходит «интериоризация» поисков репрезентантов ЭИ: если раньше внимание исследователей было обращено преимущественно на внешнюю специфику речи, то затем направление поисков стало перемещаться в глубь системной организации языка. Симптоматичны названия этапных для отечественной науки сборников «Национально-культурная специфика речевого поведения» [1977], «Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР» [1982], в программной статье одного из которых [Леонтьев 1977] обсуждается серия задач этнопсихолингвистики, которая, по мнению автора, должна изучать «организацию, функции и способ опосредования процессов общения, характерных для данной культурно-национальной общности»¹⁴ [Леонтьев 1977, 8]. В соответствии с этими задачами в большинстве этнопсихолингвистических работ тех лет изучались особенности речевого этикета, паралингвистические средства общения, способы организации диалога и т. п. Углубление данной проблематики привело к активизации исследований в области семантики, при этом обнаружили наиболее популярные группы носителей национально-культурной специфики: вербальные ассоциации [Залевская 1988; Пацева 1991; Уфимцева 1995аб, 1996аб]; символы и сравнения (в первую очередь, зоо- и антропоморфные) [Гак 1988; Гутман, Литвин, Черемисина 1977; Гюлумянц 1971; Кацитадзе 1985; Литвин 1981; Рыжкина 1980; Харченко 1989, 78–91; Шмелева 1988]; идиоматика [Добровольский 1996; Ермаков 1992; Подюков 1991; Солодуб 1993; Телия 1996, 214–269; Черданцева 1996; Шанский 1996]; безэквивалентная и фоновая лексика [Верещагин, Костомаров 1976; 1980; Волков 1995; Дудник 1994; Мамонтов 1985].

¹⁴ Эта формулировка коррелирует с задачами так называемой «этнографии речи» [Хаймс 1975; Демьянков 1995, 292–295].

Важным шагом на пути развития этнолингвистических и лингвокультурологических исследований стала разработка понятия *культурной коннотации* (используются также термины *культурный коннотативный компонент*, *культурный компонент семантики*, *национальный элемент семантики*, *культурно-национальная коннотация*, *этноконнотация* и др.) [см.: Апресян 1995, 156–177; Бельчиков 1988; Быкова 1996; Гудавичюс 1993; Ковшова 1996; 1998; Комлев 1966; Скороспелкина 1995; Телия 1993; 1996, 214–237; Толстой, Толстая 1993; Фрумкина 1999; Чанышева 1990; Черепанова 1998 и мн. др.; ср. также литературу в обзоре А.М. Кузнецова: Кузнецов 1987]. Оперирование понятием культурной коннотации, которая понимается, к примеру, как «особый тип знания, возникающий в ходе культурной интерпретации как корреспонденция между областью языкового и культурного знания носителя языка» [Ковшова 1996, 5], позволило значительно расширить поле анализа семантики в культуроведческом аспекте, поскольку национальная специфика обнаружилась у «обычных» слов. Выявление культурных коннотаций стало одной из задач такого интенсивно развивающегося в настоящее время направления когнитивной лингвистики, как концептуальный анализ [см. серию сборников «Логический анализ языка», а также: Арутюнова 1994; Бабаева 1996; Бабушкин 1996; Бланшу 1999; Блинова, Купина 1993; Булыгина, Шмелев 1997; Вежбицка 1993; 1996; Ермакова 1999; Ковшова 1994; Колесов 1991а,б; 1992; 1995; Концепт движения... 1996; Кубрякова 1992; Лихачев 1993; Лукин 1996; Невская 1997; Степанов 1997; Фрумкина 1992; 1995; Харитонов 1997; Худяков 1996; Чернейко 1998; Чернейко, Долинский 1996; Шмелев 1995; 1996 и мн. др.; ср. также обзор литературы в работе З. А. Харитончик: Харитончик 1992]; показательна в этом плане трактовка концепта как «основной ячейки культуры в ментальном мире человека», «того, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 1997, 41–42]. Вследствие расширения сферы анализа семантики возникло представление о том, что «этнически маркированы не отдельные слова, не коннотации неспецифических лексем, а вся лексическая система языка в целом» [Петренко 1996, 15].

Значительно меньше уделялось внимания этнолингвистическому аспекту ономастических исследований – несмотря на то, что этнокультурные возможности внутренней формы языковых единиц были отмечены еще А. А. Потебней. Изучение внутренней формы в этом аспекте было заторможено тезисом о произвольности (случайности) выбора признака предмета в качестве мотивировочного в ходе процесса номинации (ср., например, [Серебренников 1977]). Если семантическая мотивированность (в т. ч. образные основания идиом) в какой-то мере привлекала внимание исследователей, заявляющих о лингвокуль-

турологической направленности своих работ, то другие типы мотивации практически не рассматривались. Проанализировав, к примеру, проблематику докладов и сообщений четырех представительных конференций по «антропологической лингвистике» конца 90-х гг. XX в. [Лексика, грамматика, текст... 1995; Этническое и языковое самосознание 1995; Язык и культура 1996; Язык и национальное сознание 1998], мы выявили лишь 4 работы, в которых проблемы национально-культурной специфики языковых единиц решаются в ономасиологическом ключе [Богданова 1995; Журавлев 1995а; Керт 1995; Копыленко 1995а]; при этом характерно, что две из них (исследования А. Ф. Журавлева и Г. М. Керта) выполнены на ономастическом материале.

Непопулярность работы с мотивацией слов в какой-то степени обусловлена сложившейся на сегодняшний день расстановкой сил в лингвистической науке: «концептуалисты» предпочитают анализировать лексику литературного языка «на глубине» осознаваемых носителями современного языка деривационных связей. В то же время целый ряд концептов в значительной мере реализуется в диалектных и жаргонных лексических единицах. Диалектологи же довольно редко прибегают к концептуальному анализу – этот жанр лингвистического исследования в целом не освоен диалектологией. Значительных успехов в области этнокультурной интерпретации первичной мотивации слова достигли отечественные этимологи, ср.: «...сравнительно-историческое языкознание, этимология, построенная на них реконструкция в общем давно работают с концепцией антропоцентричности древней (в частности) славянской культуры и языковой картины мира» [Трубачев 1998, 20]. К сожалению, достижения этимологов нередко остаются в тени для представителей «дескриптивной» лингвистики.

Ономастикон (и, конечно же, топонимикон в том числе) дает прекрасную возможность решения этнолингвистических задач путем сопряжения ономасиологического и семасиологического аспектов исследования.

2. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ТОПОНИМИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ

Перейдем к рассмотрению особенностей репрезентации этнокультурной информации в топонимическом материале.

Сложность извлечения ЭИ состоит в неотработанности процедуры перехода от собственно языкового уровня к мировоззренческому. Такой переход для лингвиста представляет собой почти в буквальном смысле выход в открытый космос, поскольку заранее неизвестны ни инвентарь и структура единиц «космического» мировоззренческого уровня, ни способы их сцепления с языковыми единицами. Эта неизвестность создает необычно широкое для лингвистического исследования интерпретационное поле. Требуемая в данном случае концептуальная интерпретация предполагает преодоление расстояния от характеристики объекта действительности, запечатлеваемой языковыми единицами, до характеристики установок, интенций субъекта – носителя языка, обусловивших именно такое восприятие объекта. Для сокращения этого расстояния следует сначала возможно более полно представить объем информации о данном объекте и ему подобных, которую дает язык, а в применении к топонимическому материалу – топонимикон. Таким образом, речь идет о том, чтобы охарактеризовать семантическое наполнение имени. Опишем кратко эту процедуру, имея в виду собственно методическую значимость такого описания.

Топоним отражает знание о фрагменте географического пространства. Это знание опредмечивается во внутренней форме названия, следовательно, для его экспликации необходимо выявить исходный апеллятив. Если поиск исходного апеллятива осуществляется при отсутствии каких бы то ни было сведений об объекте и топониме, то используемый для этого ономаσιологический и этимологический анализ теряет семантическую поддержку и в значительной степени утрачивает результативность, поскольку исследователь оказывается лишенным ключа, позволяющего выбрать:

– из нескольких омонимичных (гомогенных или гетерогенных) форм ту, которая легла в основу данного названия (с каким апеллятивом связан, например, топоним *Попадья*: с тем, который выступает в литературном значении или с диалектным географическим термином¹⁵);

– из ряда значений многозначного слова то, которое реализуется в данном случае (каков смысл названия *Летнее*: объект используется ле-

¹⁵ Ср.: *попадья* ‘разветвленный глубокий овраг с отвесными стенами’ [Ященко 1974, 56].

том? находится на *лете* = на юге?);

– из пучка возможных мотивировок ту, которая мотивирует данное имя (почему топоним назван *Вавилоном*: это «место разврата»? место, где живут носители разных языков?).

Следовательно, необходимы дополнительные сведения о смысловом наполнении имени, перечень которых выглядит следующим образом.

Во-первых, необходимо принимать во внимание закономерности объектной соотнесенности названий. Минимум сведений, который практически всегда есть у исследователя, – это знание о типе географического объекта. Оно позволяет, к примеру, соотнести те *летние* топонимы, которые являются названиями дорог, с мотивирующим смыслом «сезонность использования объекта», а *летние* реки – со смыслом «текущий с юга» (подробнее см. гл. II настоящей работы). Топонимические *попады* и близкие к ним формы, которые являются обозначениями оврагов, логов и болот (например, овраг *Попадьа* [В-Т], лог *Попадьа* [Вель], лог *Попадейка* [Ник], бол. *Попадейки* [Влг, В-Важ]), следует соотносить с географическим термином (см. выше)¹⁶, а не с *попадьа* в литературном значении. Помимо знания о типе объекта, немаловажными могут оказаться и другие сведения: к примеру, локализация топонимических *вавилонов* в непосредственной близости от церквей¹⁷ заставляет думать о том, что такие топонимы символически манифестируют связь с церковью.

Во-вторых, следует учитывать семантические связи внутри парадигмы названий одного объекта, т. е. семантику параллельных названий объекта. Например, наличие у гидронима *Золотая Речка* параллельного названия *Дарица* [Вил] позволяет предположить для *золотого* топонима мотивировку «хозяйственная ценность объекта».

В-третьих, важную роль при семантической интерпретации названий могут сыграть связи в пределах семантической микросистемы топонимов (под семантической микросистемой в топонимии понимается комплекс топонимов, в котором при пространственной соотнесенности объектов наблюдается семантическая связь элементов

¹⁶ Этот термин образован от глагола *попадать* (в плане словообразования и семантики ср. также другие дериваты глагола *попадать*: *попадейка* ‘выступ над топкой русской печи’, *попадина* ‘ровное низкое место среди возвышенности’ [СРНГ 29, 295]).

¹⁷ В топонимии Архангельской и Вологодской областей зафиксированы семь *вавилонов*: *Вавилон* [Он], часть д. *Вавилон* [Лен], лес *Вавилон* [В-Важ], лес *Вавилонка* [Шенк], бол. *Вавилонское* [К-Б], поле *Вавилоны* [Он], г. *Вавилон* [Пыщ]. Пять из семи вышеперечисленных объектов расположены около деревень, в которых есть церкви.

комплекса). Семантическая микросистема создает контекст для входящих в него элементов, внутри которого действует закон семантического согласования, поэтому анализ конкретного контекста позволяет восстановить реализующееся в данном случае значение онимов, анализ круга контекстов – парадигму значений. При этом используются методы системной семантической реконструкции и дистрибутивного анализа. Метод системной семантической реконструкции предполагает восстановление или уточнение значения неизвестного элемента семантического поля с опорой на семантику известного элемента. Так, исходя из пар названий покосов *Двека – Целка* [Плес], *Двойница – Цельница* [Ирб] можно восстановить для неясного топонима *Двека* мотивирующий смысл «раздвоенный» (ср. *двечить* ‘двоить’ [Даль I, 418]) – в противоположность «целому» участку¹⁸.

Разновидностью метода системной семантической реконструкции можно считать метод дистрибутивного анализа, суть которого состоит в моделировании смыслового наполнения тополексема путем выявления наиболее полного набора ее контекстных «партнеров». Ср. оппозиции, в которых функционирует тополексема *прямой*: 1) *прямой – поперечный*; 2) *прямой – левый – правый*; 3) *прямо – против*; 4) *прямой – кривой*; 5) *прямой – косой*; 6) *прямой – слепой*. В случаях 1–3 объекты сопоставляются по расположению в пространстве. В основе оппозиций лежат следующие номинативные признаки: «расположенный вдоль – поперек», «расположенный в центре – справа – слева», «расположенный перед – напротив». В основу оппозиций 4–6 может быть положен признак формы: прямые объекты противопоставляются *кривым, косым, слепым*, т. е. искривленным, извилистым. Для нелинейных объектов, например, полей, покосов, этот признак получает дополнительный оттенок: *прямой* покос – тот, на котором можно «прямо» косить, т. е. без «углов», ровными рядами. Однако и здесь нельзя исключать пространственную мотивировку: *прямые* объекты – как правило, линейные – расположены под прямым углом к номинатору, *косые* или *кривые* – под тупым или острым¹⁹ (эта и другие реконструкции подробно рассматри-

¹⁸ Ср. также пример из антропонимии: объясняя прозвище новгородского боярина *Рупос* (XVI в.), С. В. Веселовский использует лексему *рупо* ‘полосовое железо’ в качестве мотивирующей [Ономастикон, 273]. Эта интерпретация не принимает во внимание системных связей: отец *Рупоса* носил прозвище *Шелняк* [Ономастикон, 246], ср. *шелтяк* ‘комоч обледеленного снега’ [Даль IV, 628]. Учитывая это, следует отвергнуть версию С. В. Веселовского и привлечь для толкования прозвища *Рупос* лексему *рупо* ‘глыба льда’ [Подвысоцкий, 150].

¹⁹ Учитывая эти факты, нельзя согласиться с однозначной интерпретацией закона «относительной негативности» В. А. Никонова, которая приводится в мо-

ваются в [Березович 1993]).

В-четвертых, следует учитывать показания языкового сознания носителей топонимической системы, проявляемые в актах мотивационной рефлексии по поводу географических названий. О важности этого источника информации о семантике топонима см. в [Апанасенко, Рут 1993]. При работе с мотивационными контекстами возникает проблема верификации информации, представленной в показаниях языкового сознания. Естественно, что объяснения топонимов информантами нередко бывают народноэтимологическими и игровыми, (ср.: руч. *Косой* – «Был Федя косой, он косил косой, вот и прозвали ручей Косой» [Уст, Сабуровская]), однако это не означает, что в каждом конкретном случае следует ставить неосуществимую по сути задачу выбора из нескольких мотивировок единственно верной. Топонимическая семантика имеет принципиально вероятностный характер; множественность мотивировок для одного топонима может отражать как реальную многозначность топонимической лексики, так и синкретичность исходной ситуации наименования (ср.: пок. *Воротиха* – «Воротихой пожню назвали: там лог, по логу вода в реку возвращалась»; «Воротиха первая у леса, от ее домой из лесу шли» [Вил, Нылога]). Даже в том случае, когда мотивировки явно вторичны по отношению к данному конкретному названию, они представляют интерес для исследователя, фиксируя модель деривационно-мотивационных связей, актуальную для языкового сознания. Потенциалы восприятия и создания имени обратимы: то, что отражается в актах рефлексии по поводу названия, может быть реализовано в номинациях.

Определенное доверие к этому источнику информации может опираться также на ярко выраженный консерватизм топонимических моделей²⁰, следствием которого является их воспроизводимость на протяжении длительного времени (ср. суждение М. Э. Рут о статичности системы образной номинации в традиционной ономастике и об отсутствии в ней новых номинативных тенденций [Рут 1992, 98]); нынешние поколе-

нографии «Русская топонимия Алтая»: отмечая, что в топонимии Алтая чаще встречается лексема *прямой*, чем *кривой*, авторы монографии объясняют это большим количеством искривленных русел в регионе (т. е. признак «прямой» выделяет объект из остальных) [Русская топонимия Алтая 1983, 82]. Однако, как показано выше, не все *прямые* названия можно связывать с воплощением признака формы.

²⁰ Топонимия является, пожалуй, самым консервативным разрядом ономастики, что поддерживается невиданным для единиц других разрядов объемом номинативных работ: «обслуживая» огромное количество объектов, тополексемы вынуждены развивать повышенную многозначность и превращаться в номинативные клише.

ния носителей топонимической системы в целом легко осваивают ее номинативные закономерности, обращая их в мотивировки топонимов (хотя этот процесс иногда тормозится отсутствием объектного полигона для имитационной деятельности). Таким образом, данный источник информации о семантике топонима обладает несомненной ценностью, однако он может быть использован как вероятностный, а соответствующая информация должна верифицироваться с помощью данных других источников.

В-пятых, необходимо принимать во внимание ареал той или иной модели. Так, на территории Русского Севера есть зоны, где северное и южное направление обозначается оппозицией *ночь – полдень*, коррелирующей с оппозицией *зима – лето*, распространенной на других территориях. Естественно ожидать, что *зимние* и *летние* топонимы, функционирующие в сфере действия последней модели, выражают пространственные смыслы.

Итак, анализ семантики топонимов следует осуществлять как многофакторный, учитывающий различные обстоятельства происхождения и функционирования названия. Однако собственно выяснение семантики топонима еще не имеет этнолингвистической направленности, хотя подготавливает почву для соответствующих выводов. Этнолингвистическое изучение топонимии нацелено на выявление закономерностей мировосприятия, которое имеет системный характер, поэтому этнолингвистический анализ должен базироваться на рассмотрении не только отдельных топонимов, но и различных топонимических групп. Как могут быть сформированы эти группы?

Первый уровень обобщения конкретного топонимического материала позволяет сформировать семантические модели. Под семантической моделью понимается устойчивый смысловой инвариант, вариативно реализующийся в ряде конкретных названий. Вариативность модели проявляется по-разному: на словообразовательном уровне (руч. *Ржавец* = *Ржавка* = *Ржавый*), на уровне семантической дублетности (руч. *Ржавый* = *Рудный*, руч. *Холодный* = *Студёный*), на уровне варьирования образной фактуры названий (ур. *Камчатка* = *Сибирь*) и т. п.

Семантически близкие модели могут быть объединены в семантические поля. Семантическим полем следует считать диапазон моделей, выражающих сходные характеристики объекта. Накладываясь друг на друга, семантические поля создают семантическое пространство топонимии. Элементы, составляющие поля, могут быть объединены разными по силе связями, интенсивность которых убывает от ядра к периферии.

Семантические поля членят семантическое пространство топонимии в разных направлениях: в одном направлении – допустим, по вертикали – работают самые крупные поля, составляющие названия объектов

одного вида (полей, перекатов, скал, омутов, населенных пунктов и т. п.), в другом – по горизонтали – поля, выделяющие общие для разных видов объектов признаки: «форма», «хозяйственная ценность объекта», «цвет» и др. Внутри поля выделяются модели, различающиеся по способам характеристики объекта. К примеру, в рамках семантического макрополя «ориентация в пространстве» выделяются модели, имеющие как пространственный, так и непространственный генезис. Идея близости объекта к дому может быть выражена как с помощью собственно пространственных показателей (топонимы, образованные от апеллятивов *ближний*, *дальний* и т. п.), так и посредством моделей, не являющихся по своей исходной семантике пространственными, но получивших соответствующее смысловое наполнение при топонимическом употреблении (топонимы, образованные от апеллятивов *баба*, *кошка* и др.) (подробнее см. гл. II, разд. 1.1 настоящей работы).

Таким образом, важной задачей семасиологического изучения топонимии следует считать выявление семантических полей, в рамках которых функционирует топонимическая лексика. По сути, речь идет об идеографическом описании топонимии. Этот вид работы с материалом освоен пока топонимастикой явно недостаточно: не случайно идеография (семантическая типология) даже не упомянута в главе «Методы и приемы исследования ономастического материала» монографии «Теория и методика ономастических исследований» [Теория и методика... 1986, 198–214]. Здесь следует оговориться: идеография не может быть приравнена к тематическим классификациям, которые весьма распространены в трудах по ономастике (описание классификаций такого рода см. в работах: [Черняховская 1970; Топоров 1963; Рудных 1972]). Можно выделить определенные различия между этими двумя исследовательскими жанрами. Во-первых, семантическая типология предполагает иерархичность понятийной сетки, на которую накладывается ономастический континуум, – в то время как рубрики тематической классификации обычно находятся на одной понятийной «горизонтали»; иерархичность призвана обеспечить лучшую сопоставимость семантических типологий различных ономастиконов. Во-вторых, при осуществлении тематических классификаций работа ведется с апеллятивами, лежащими в основе названия, а при создании семантической типологии берется курс на учет (по мере возможности) ономастического значения имени. К примеру, топонимы, образованные от апеллятива *курица* (типа *Куричий Ручей*, *Куриный Брод*), могут быть помещены в классификационную рубрику «фауна» (наряду с *медвежьими*, *лисьими* и т. п. названиями), однако учет специфики топонимической семантики позволяет интерпретировать *куриные* названия в связи с признаками «близкий к деревне», «мелкий» (подробнее об этом см. гл. I, разд. 1.1).

Многофакторный анализ топонимической семантики позволит осуществить возможно более объективное распределение топонимов по семантическим полям, однако, повторимся, он не сможет в корне изменить вероятностного характера топонимической семантики. Это значит, что названия, образованные от многозначных тополексем, должны быть учтены в составе разных семантических полей, – несмотря на то, что каждый из таких топонимов при своем возникновении реализовывал один определенный мотив. Тем самым в семантические поля могут попадать топонимы, которые в каком-то смысле являются «фантомами» (по отношению к реальной истории конкретного географического названия). Выводы о количественной представленности той или иной семантической группировки могут быть только приблизительными, иметь статус обнаружения тенденции.

Итак, выявление семантики отдельных топонимов и описание семантических полей составляет необходимую подготовительную базу для выводов этнолингвистического характера. Какая трактовка топонимического материала поможет представить его как репрезентанта этнокультурной информации? Семасиологический анализ топонимии имеет своей целью показать, как отражена действительность в географических названиях. Этнолингвистический анализ выявляет, как представлена действительность, отраженная в географических названиях, в сознании субъекта-носителя определенной этнической культуры. Этнолингвистически значимыми, как уже говорилось, становятся факты, позволяющие обнаружить позицию субъекта, его предпочтения, установки, особенности структурирования потока впечатлений от окружающей действительности и пр. Этнокультурную информацию может нести любой отдельно взятый языковой феномен, однако эта информация – возможно, больше, чем какая-либо другая, – тяготеет к системности представления, выводящей на целостное осмысление какого-либо фрагмента действительности и демонстрирующей взаимообусловленность элементов картины мира. При создании картины мира, имеющей, в широком смысле, аксиологическую природу, работает релятивный принцип, вследствие чего концептуальная информация формируется в процессе соотнесения, сопоставления разных явлений окружающей действительности. Системный анализ этнокультурной информации и значительный объем привлекаемого материала особенно важны при работе с таким каналом трансляции ЭИ, каким является топонимия, поскольку только так может быть компенсирована дискретность топонимикона, представляющего собой, по сути, сумму «рассыпанных» номинаций, и осуществлен выход на концептуальные принципы его организации. Таким образом, необходим поиск таких объектов, сфер и методов анализа, которые бы дали возможность системной репрезентации этнокультурной ин-

формации. Попытаемся описать эти объекты, предполагая, что это описание имеет методическую значимость.

1. Как уже говорилось (и не только в рамках данного исследования), при номинировании объектов окружающей действительности человек маркирует с помощью имени не все наблюдаемые (или воображаемые) феномены, а только те, которые по той или иной причине стали для него приоритетными. Язык – и топонимическая номинация в том числе – фиксирует своеобразную «сетку предпочтений», причем варианты этих предпочтений в разных моделях мира не совпадают: ср. не раз отмечавшиеся исследователями отличия народных представлений о растениях, животных и т. п. от научных (к примеру, своеобразие народной классификации животных описано в [Гура 1997, 21]). Набор предпочтений может дать само «меню» семантических полей, а также наполненность каждого из них, т. е. собственно идеографическая сетка топонимикона. Важность идеографического описания материала осознается исследователями, занимающимися этнолингвистической и лингвокультурологической проблематикой. Ср. суждение В. Н. Телии о необходимости осуществления идеографической параметризации концепта как важнейшем этапе лингвокультурологического анализа [Телия 1996, 261]; идеографический подход к изучению культурной коннотации, по мнению автора, предопределен тем, что «языковая картина мира выстраивается не хаотично, а в соответствии со свойствами самих обозначаемых» [Телия 1996, 260]. Работы В. Н. Телии выполнены на фразеологическом материале – следует признать, что этот языковой материал наиболее активно используется исследователями для осуществления идеографической систематизации с «лингвокультурологическим прицелом»: ср. исследование Т. Г. Никитиной, где привлекаются данные русской народной фразеологии [Никитина 1998], а также [Идеографический и историко-этимологический анализ... 1994]. О значимости идеографического подхода к материалу в ходе этнолингвистического исследования говорит А. С. Герд, предлагающий описывать лексику диалекта с помощью классификационных сетей: «Сетевое представление данных позволяет глубже проникнуть в логику самого знания. Логико-понятийная система строится как модель знаний о мире в том или ином ареале для определенного исторического периода. Если мы знаем тип этноса, такая модель представляет собой логико-понятийную схему знаний о мире данного народа» [Герд 1995, 65]. Пример идеографического описания определенного денотативного класса, которое сориентировано на решение проблемы концептуализации и дискретизации, представлен в работе Т. В. Симашко [1998]; анализ базируется на положении о том, что «денотативный класс, значения единиц которого четко

ориентированы на определенный объект, причем имя которого определяется не дедуктивно, а на основе анализа значений языковых единиц, является основой описания фрагмента мира, осваиваемого обыденным сознанием» [Симашко 1998, 311].

Идеографическую параметризацию топонимического материала удобнее всего осуществлять для названий объектов одного типа. Сравнивая получившиеся при этом идеографические сетки, можно получить данные об оформленности и «самостоятельности» того или иного класса топонимов, которые, в свою очередь, свидетельствуют о традициях восприятия соответствующего типа объектов. Например, идеографическая сетка для названий лесов центральной части Вологодской области (Вологодский, Сокольский, Грязовецкий, Междуреченский районы) в общих чертах совпадает с идеографической сеткой для названий покосов (и в том, и в другом случае лидируют посессивные названия, за которыми следуют наименования, характеризующие объекты по расположению, размеру и т. п.). Факт такого совпадения свидетельствует о том, что лес не «нарисован» в топонимической картине ландшафта этой территории как отдельный специфический объект: он интересует номинатора в первую очередь с точки зрения возможностей сенокошения, т. е. воспринимается не как «пространство, заросшее деревьями», а как сельскохозяйственное угодье²¹ (во многом это объясняется преимущественно земледельческими, а не охотничьими занятиями населения).

²¹ На других территориях Русского Севера в эту картину леса вносятся определенные коррективы: более распространенными становятся номинации лесов по «флоре» и «фауне»; появляются топонимы, отражающие хозяйственное использование леса – как пастбища (лес *Пастухова Гора* [У-Куб], лес *Барaban* – «Пастух коров созывал» [Кологр, Ивакино], лес *Угорода* – «Раньше загородки городили для коров» [Ник, Подвалье]), как места заготовки бревен, дров, дранки (лес *Корабельная Роща* – «Раньше помещики корабли строили» [В-Уст, Ребцово], лес *Дровосек* [Ник], лес *Колина Дранка* [Пыщ]), как места охоты, сбора грибов, ягод (лес *Слопечник* – «Старики ловили дичь да делали слопцы» [Шенк, Чеваковская], лес *Маслушное Заграждение* [Вож]); фиксируются наименования, отражающие внешневизуальные признаки леса – густоту (лес *Тонкое* – «Лесу мало» [Карг, Поржало], лес *Густой Лес* [Чухл], лес *Толстик* [Кир], лес *Шелудивка* [Устюж]), цвет (в топонимической палитре леса преобладают темные тона: лес *Темный Угол* [К-Б], лес *Темное* – «Там такие островки, днем с огнем не сыщешь, угрюмое место» [Карг, Лохово], лес *Темники* – «Темный лес-от» [Котл, Вахонино]) и т. п. Однако при всем том «земледельческое» восприятие леса остается доминантным в топонимии (исключение составляет, пожалуй, только топонимия некоторых зон северо-востока Архангельской области, где до сих пор охота является ведущим занятием мужского населения).

Таким образом, выявление семантического своеобразия названий разных типов объектов позволяет представить, как осуществляется самая общая категоризация пространства: какие ландшафтные реалии маркируются в структуре ментального образа пространства, а какие не дифференцируются; где проходят границы между разными классами объектов; какие объекты являются приоритетными на той или иной территории; каковы магистральные закономерности формирования ментального образа географической реалии. К сожалению, названия далеко не всех типов объектов сколь бы то ни было полно описаны с точки зрения их семантического своеобразия: в наибольшей степени «повезло» населенным пунктам и рекам, следом за ними идут горы и озера, а вот имена таких объектов, как дороги, рыболовные тони, скалы, омуты, пороги, кладбища и др., практически не попадали в поле внимания топонимастов. Подробное изучение семантического своеобразия наименований этих объектов могло бы стать задачей отдельного исследования. В рамках настоящей работы есть смысл только наметить возможности анализа такого материала.

К примеру, даже поверхностное знакомство с названиями порогов и перекатов рек Русского Севера позволяет говорить о том, что данный класс географических реалий весьма отчетливо дифференцируется в картине ландшафта. Названия порогов, которые находятся на реках, имеющих давнюю историю хозяйственного освоения, обладают высоким «коэффициентом независимости». Это означает, что максимальное количество таких наименований имеет статус «исконных» для данного типа объектов, не перенесенных метонимически с названий деревень, покосов и т. п. (в бассейнах рр. Юла, Онега, Пижма и некоторых других «исконные» имена порогов составляют около 90 % от общего числа обозначений этих объектов). Однако на некоторых территориях ситуация иная: пороги «подверстываются» к покосам, населенным пунктам и т. п. — их названия оказываются вторичными по отношению к именам других объектов; ср. наименования порогов на р. Вель: *На Овинном*, *На Лосине*, *Под Деревней*, *Климовский* (< б. д. *Климово*), *Анциферовский* (< д. *Анциферово*) и др. [Кон]. Это обстоятельство, очевидно, можно объяснить в связи с меньшей значимостью судоходства и рыбной ловли для таких рек.

Своеобразие наименований порогов в первую очередь заключается в яркой выраженности в их семантическом пространстве признака «опасность»: топонимы могут давать общее представление об опасных свойствах объекта (порог *Страшной* [Бел], порог *Злые* [В-Т], порог *Касливый*²² [Пин], порог *Капкан* — «Опасное место» [Ваш, Подгорная], порог

²² Ср. *касливый* ‘приносящий вред, зло’ [КСГРС].

Ловушка [Ваш]), указывать на конкретный источник опасности (пороги *Рубиха* и *Теруха* – «Рубиха рубит, а Теруха трет» [Мез, Дорогорское], прк. *Обашкорило*²³ – «Немного зазеваешься – тебя и перевернет» [Вин, Верхняя Ваеньга], порог *Росшибиха* [Пин], прк. *Урвань* [Пин], прк. *Перетерье* [Чаг], прк. *Притужальник* [Пин]), а также на ее роковые последствия (порог *Мёртвая Голова* – «Народу тонуло много» [Карг, Шелохово], порог *Могильник* – «Нехороший порог, если брести, так спихнет водой» [К-Б, Великодворская]). Опасность объекта подчеркивается и активным использованием названий, отражающих представления о нечистой (святой) силе: *Чертов Падун* [Он], *Сатана* [В-Т], *Шайтан* – «Страшный порог, как шайтан», «Бурный порог, как шайтан злой» [Мез, Кимжа], *Святой Порог* – «Там опасный порог, страшный, вот и Святой» [Бел, Шола] и т. п.

Свойства этих объектов описываются уважительно и даже с некоторой долей восхищения перед их величием: прк. *Огненник* – «Крепко, как на огне рвет, он косой, неповоротистой, ехать нехороший» [Вин, Верхняя Ваеньга], прк. *Могучевка* [Он], пороги *Бравый Порог* [Пин], *Железные Ворота* [Ваш, Леш, Он, Пыщ], *Молодец* [Леш], *Почтенный* [Холм] и др. Последние два названия, а также некоторые другие можно считать эвфемистически-«задабривающими»; наименования порогов – наиболее богатый эвфемизмами разряд топонимов. Кроме того, специфичным для номинации этого типа объектов является динамическое восприятие их качеств: здесь представлена и «физическая» динамика (звук, движение), и образно преломленная по отношению к географическому объекту динамика черт характера человека (пороги *Утка* и *Утята* – «Сейчас Утки играют – волна такая, они как играют» [Он, Порог], прк. *Бура Коза* – «Еретива очень» [Холм, Пукшеньга], прк. *Козел* [Пин], прк. *Соловей* и *Подсоловок* [Пин], пороги *Воронко* и *Рыжко* – «Волнами ходит, черный, вот и Воронко, а Рыжко быстрый», «Воронко и Рыжко бурлящие пороги, быстрые, как кони» [Леш, Шегмас], порог *Горноста́ль* (*Горноста́й*) [Он, Пин], прк. *Заяц-Плясун* [Вин], прк. *Ревун* [Леш], порог *Крикун* [В-Т], порог *Наян*²⁴ [В-Т], порог *Задира* [М-Реч] и др.). Пороги воспринимаются как наиболее «живые» географические реалии, чему содействует сочетание точечного характера объекта и максимальной степени динамизма его свойств (реки, допустим, не обладают первым качеством, а горы и озера – вторым).

Таким образом, выделенные особенности (хотя отмечены, конечно, не все семантические поля, связанные с названиями порогов) свидетельствуют об особом месте образа порогов и перекатов в структуре про-

²³ Ср. *обашикорить* 'опрокинуть, перевернуть' [КСГРС].

²⁴ Ср. *наян* 'наглый человек' [КСГРС].

странственного фрагмента картины мира: «живость», динамизм в комбинации с величием и вредоносностью способствуют известной сакрализации представлений о порогах, создавая неповторимое своеобразие номинации этих объектов; номинативная «исконность» названий порогов и перекатов свидетельствует о традициях хозяйственного освоения рек.

При работе с таким репрезентантом этнокультурной информации, как идеографическая сетка топонимов, необходимо учитывать следующее обстоятельство: выделение некоторых рубрик сетки (номинативных типов) может быть весьма проблематичным по причине их недостаточной номинативной оформленности. Трудности такого рода появляются, к примеру, при работе с русскими «интерактивными» топонимами (названиями, отражающими ситуацию взаимодействия человека и географического объекта): как будет показано в гл. III настоящего исследования, подобные названия обнаруживают асимметрию номинации и мотивации, поскольку маркеры ситуации недостаточно проявляют себя во внутренней форме топонима, но активно функционируют в актах вторичной мотивационной рефлексии над географическим названием. Этнокультурная интерпретация этих названий усложняется вследствие того, что исследователю приходится работать с двумя разными источниками информации – внутренней формой топонима и, по сути, фольклорным текстом, осуществляя верификацию получаемых данных (такая верификация необходима в каждом случае при учете показаний мотивационного сознания информантов, однако для интерактивных названий – вследствие тяготения их к сюжетности – вероятность расхождений при верификации увеличивается многократно).

Итак, из топонимического материала может быть извлечена информация о том, как осуществляется категоризация географического пространства. Носителем этой информации становится сама идеографическая сетка, структурирующая семантическое пространство топонимии.

Этнолингвистически значима не только собственно идеографическая сетка, но и относительная наполненность различных ее разделов, которая выражается в разной частотности названий, реализующих сходные или тематически близкие идеи. Рассмотрим подробнее эту ситуацию на материале топонимов, образованных от обозначений чисел и, соответственно, связанных с реализацией концепта количества (числа, счета).

Анализ частотности употребления тех или иных числовых моделей в топонимии обнаруживает неравномерную представленность в топонимическом континууме равноценных с логической точки зрения числовых показателей, что свидетельствует об избирательности топосистемы

при работе с этим номинативным материалом. Более того, различную номинативную активность способны проявлять даже количественные и порядковые числительные, связанные с одним и тем же числом. Ср. данные, иллюстрирующие представленность в топонимии Русского Севера числительных от 1 до 10:

	Порядковое или количественное числительное	Количество топонимов, включающих данный числовой показатель
1	один	0
	первый	250
2	два	16
	второй	360
3	три	34
	третий	200
4	четыре	4
	четвертый	31
5	пять	2
	пятый	15
6	шесть	2
	шестой	4
7	семь	50
	седьмой	2
8	восемь	0
	восьмой	1
9	девять	3
	девятый	18
10	десять	1
	десятый	7

Каковы причины наблюдаемой неравномерности?

Отсутствие топонимов, образованных от числительного *один*, объясняется тем, что различительная сила этой модели минимальна (является практически нулевой). Названия типа *Одиночка* при этом брать во внимание не следует, так как они выражают уже не идею числа, но идею изолированного расположения объекта. В то же время *первые* топонимы весьма популярны: названия, включающие этот апеллятив, функционируют, как правило, в составе соотносительных рядов, коррелируя со *вторыми* и *третьими* топонимами (например, руч. *Первый Березовец* – *Второй Березовец* – *Третий Березовец*, поля *Первое Запесочье* – *Второе Запесочье* и т. п.). При этом *первые* топонимы с ономаσιологической точки зрения, как правило, вторичны: вначале в соотносительном ряду топонимов один член не маркирован, а парный с ним получает определение *второй* (рр. *Каменка* – *Вторая Каменка*); затем немаркированный член «прикошетом» становится *первым*, выравнивая соотносительный

ряд (*Первая Каменка – Вторая Каменка*); этого может и не произойти, поэтому *первых* топонимов почти на 100 меньше, чем *вторых*. Однако топонимы, включающие в свой состав определение *первый*, могут функционировать не только в рамках соотносительных рядов, но и иметь «абсолютное» значение – «крайний» (ср.: руч. *Первый* – «Самый верхний ручей» [Кир, Мережино]; бол. *Первое Болото* – «Там всё болота, это первое от нас как идти» [Пин, Ваймуша] и др. (подробнее см. гл. II, разд. 1.1 настоящей работы).

Что касается отражения в топонимии числовых показателей 2, 3 и 4, то они представлены преимущественно порядковыми числительными. Наиболее популярно при этом порядковое числительное *второй*, наименее – *четвертый*. Интересно, что топонимов с количественным показателем *два* вдвое меньше, чем названий с числительным *три*. Приоритет «троичности» связан с тем, что она имеет большие различительные возможности: факт наличия трех однородных объектов воспринимается как значимый в ориентационном плане (в отличие от достаточно «заурядной» ситуации «двоичности»). Кроме того, активность данного количественного числительного в топонимии во многом обусловлена символикой числа 3, многократно отраженной в фольклоре, обряде и других сферах культуры (см. об этом, например, в [МНМ 2, 630; Праведников 1996; Топоров 1978]. Ср., к примеру, весьма популярную модель *Три Брата*, представленную в севернорусском топонимическом континууме двенадцатью реализациями (наименования небольших холмов, скал, ручьев). «Тройственный» объект может приобретать в сознании номинатора сакральную значимость за счет соотнесения с христианской Троицей, а «пятеричный» – с образом Пятницы.

Топонимы, в которых представлены числительные от 4 до 10, обладают весьма низкой активностью, «всплески» которой наблюдаются в зоне чисел 7 и 9. При этом «семерка» дает преимущественно количественные числительные, а «девятка» – порядковые. Эти числительные примечательны тем, что имеют не столько квантитативную, сколько квалитативную семантику. Известно, что «магические» числа 7 и 9 соперничают друг с другом в различных культурных традициях [МНМ 2, 630]. Символика числа 7 поддерживается и мотивируется тем, что именно оно обозначает количество дней недели, число дней праздников, количество цветов спектра, тонов в музыке, основных запахов стереохимической теории, константу, определяющую объем памяти; символика числа 9 обусловлена тем, что оно представляет собой троекратное повторение триады [МНМ 2, 630–631; Вагнер, Загидуллин 1967; Праведников 1996]. Кроме того, символическое значение «семерки» и «девятки» подкрепляется возможностью существования в прошлом, соот-

ветственно, семеричной и девятирочной системы счета [МНМ 2, 631; Симонов 1994; Хонти 1989].

Вопрос об отражении числа 7 в ономастической номинации разных народов рассматривался в литературе [Матвеев 1976а, 90–97; Мурзаев 1996б, 92–95; Петров 1980; Сельвина 1983, 74–77]. Исследователи отмечают, что частотность этого числа в топонимии и ономастике вообще объясняется не только культурной символикой «семерки», но и способностью человека к одновременному восприятию множества не более чем из 7 предметов. В нашем материале число 7 функционирует в составе 50 топонимов, например: порог *Семибратовщина* [Вож], руч. *Семиручье* [Плес], г. *Семигоры* [Ваш], поле *Семиполье* [Вин], о-ва *Семиостровцы* [Карг], поле *Семиполоски* [К-Г], руч. *Семь Ключей* [Ней] и др. Судя по мотивационным контекстам, названия такого рода могут отражать как факт реального наличия семи объектов, так и идею присутствия неопределенного множества объектов: ур. *Семихвостка* – «Семь дорог было» [Вель, Ленино-Ульяновская], пороги *Семики* – «Семики, потому что на семь километров тянется» [Холм, Пукшеньга], оз. *Семь Озер* – «Семь озерок там маленьких, как семь гномов» [Мез, Дорогорское], порог *Семидырь* – «Куда хошь поезжай, там семь островов» [Холм, Осередок], бол. *Семиземельный Столоп* – «Там столоп стоит и все болота от него» [Чаг, Сазоново], оз. *Семиозерки* – «Там маленькие озерки, как ямки такие. Не семь их, а больше» [В-Уст, Горка], оз. *Семиозёрные* – «Там одиннадцать озер» [Прим, Летняя Золотица]. Думается, что и в некоторых из тех случаев, когда число 7 «точно» названо, оно все-таки не является сугубо количественным показателем. Идея неопределенного множества, как представляется, отражена в названии оз. *Семиводное*, противопоставленном названию соседнего оз. *Сухое* [Плес], в топониме *Семикоробейное Поле* – «Там семь коробов собрали» [Вель, Ексинская].

Что касается *девярых* топонимов, то их семантика пока не становилась предметом изучения специалистов по русской топонимии. Вместе с тем, как показывает наш материал, топонимы, в состав которых входит порядковое числительное *девятый* (реже количественное числительное *девять*), нередко имеют качественное значение. При этом, во-первых, может реализовываться идея неопределенного множества объектов: руч. *Девятиречный* – «Он из многих-многих ручьев текет, не девять там, а больше» [В-Т, Верхняя Тойма]; оз. *Девять Озер* – «Много небольших озер там, зовем *Девять Озер*» [В-Т, Село]; г. *Девятибратцы* – «Чучики жили неграмотные, сами себе смерти искали. Они вырыли себе могилку, насторожили золото, как мышку в плашке. Лобанчики эти могилами глядят такими. Я нарочно считал: там четырнадцать холмиков, а почто-то девять насчитали, назвали *Девятибратцы*»

[Уст, Коптяевская]. Показательно, что носители топонимической системы пытаются проверить информацию, заложенную в топониме («я нарочно считал...»), и осознают несоответствие внутренней формы названия и реальных свойств объекта. Попутно отметим следующий любопытный факт: топонимическая легенда о девяти самозахоронившихся «чучиках» («чучках») повторяется на другой территории Русского Севера – в Бабушкинском районе Вологодской области, ср. название леса *Девятиголово* – «Глухой лес, девять голов там нашли, девять братьев сами себя похоронили, чучки какие-то там ходили» [Бабуш, Тарабукино]. Образ девяти братьев широко распространен в культуре разных народов; он мог появиться как на славянской почве, так и на финно-угорской (ср., к примеру, названия карельских народных сказок «Девять братьев и сестра», «Девять золотых сыновей» [КНС, № 35, 48]).

Во-вторых, *девятые* топонимы могут выражать идею значительной удаленности (протяженности) объекта: полоса в поле *Девятые Полосы* – «Больно длинные были» [Пыщ, Сергеевица], поле *Девятое Поле* – «Самое далекое поле» [Тарн, Никифоровская]. Особая (сакральная?) значимость этого числа подчеркивается следующим контекстом: руч. *Самдевятой (Головатой)* – «Есть девять боров и девять ручьев. Ручей девятой, сам Головатой» [Уст, Кузоверская]. Материалы топонимии коррелируют с данными апеллятивной лексики. От значения отдаленности (как в пространственном, так и в «социальном» смысле – подробнее см. гл. II, разд. 1.1 настоящей книги) производна семантика бесполезности, ненужности, ср.: *девятый мосол* ‘о чем-либо бесполезном, ненужном’ [СРНГ 7, 326]. Очевидно, «смежная» с данной семантика «недалекости», глупости мотивирует прозвище *девяты люди* – «так дразнят обывателей с. Кузаранды в Заонежье. Причиной... служит старинное предание: обыватели с. Кузаранды в количестве 10 человек отправились в путь; после какой-то переправы они вздумали проверить, все ли они налицо, но сколько ни считали, кто ни принимался считать, всех участвующих в путешествии оказывалось уже не 10, а 9 человек. Как погиб один из товарищей и кто он такой, они никак не могли припомнить и сильно горевали. Кто-то уже посторонний пересчитал их, нашел, что они все налицо, и объяснил им, что все считавшие забыли сосчитать самих себя» [Куликовский, 18]. С другой стороны, с данным числительным может быть связана семантика интенсивности, максимальной степени проявления какого-либо признака, ср.: *девятый вал* ‘наиболее сильная и опасная волна во время морской бури (от мифологического представления о девяти как священном числе)’ [СРЯ I, 376], *девятка* ‘наибольший в ряду других морской или речной вал’ [СРНГ 5, 325]. В трансформированном виде эту семантику можно обна-

ружить в ряде наименований лекарственных растений (в этом случае «девятка» служит как бы мерилom чудодейственной силы растения), ср. название растения *девясил* (из **devę-* и *сила* [Фасмер I, 491]), которое считалось действенным средством против чумы, а также фитонимы *девятибрат*, *девятибратная*, *девятигрыжная трава* ‘пижма обыкновенная’, *девять братьев* ‘ястребинка луговая’ [СРНГ 7, 323, 327], *девятиголовник*, *девятилетник*, *девятилистник* ‘лекарственные растения (какие ?)’ [ДСРГСУ, 128] и мн. др. Данные названия могут быть по-разному мотивированы в сознании носителей языка: «Девять китей у девятибратки», «Девятибратник от девяти статей лечит», «Девятильник от девяти скорбей» [КСГРС] и др. (ср. также мотивировку, восстанавливаемую для названия растения *девясил* – «дающий девять сил»). Какой бы ни была мотивировка, нам важна в данном случае актуальность представления об особой отмеченности «девятки»²⁵.

Топонимический материал вносит дополнения в наши представления о символической нагруженности этого числа: в топонимии реализуются значения неопределенного множества, значительной удаленности или протяженности, которые может выражать числительное *девятый* (реже *девять*).

Что касается числительных больше 10, то они встречаются в топонимии спорадически: ключи *Двенадцать Ключей*, *Восемнадцать Ключей* [Вил], поле *Тринадцатого*, пок. *Семнадцатые* [Хар], пок. *Шестнадцатый* [Череп], пок. *Двадцатка* [Тарн] и др. Следует отметить, что среди «больших чисел» наиболее распространены порядковые числительные: соответствующие топонимы, вероятно, являются достаточно поздними по времени образования и обозначают «километраж» (на каком километре от населенного пункта находится объект) или же номер участка в соответствии с принятым у лесников делением по кварталам и т. п.

²⁵ Сакральная семантика этого числа отражена не только в системе языка, но и в фольклоре (ср. в русских народных сказках – *тридесятое царство*, а также приведенные выше примеры из финно-угорского фольклора), в обрядовой сфере и религиозно-мифологических представлениях (*девятый день после смерти*; *Девятая Пятница* – праздник, отмечаемый на девятую пятницу после Пасхи; *девять чинов ангельских* – ступени иерархии ангельских существ; ср. также обычай *брать воду с девяти кругов* (такая вода считалась святой): «Брали воду с девяти кругов. Окружают ее по солнышку три раза, приговаривая: «Не первый, не второй, не третий...» [Вил, Докукинская: ЭМ ТЭ]; обычай *гадать о женихе по девятой вехе* (в ходе гадания отколоть щепку с девятой по счету от дома дорожной вехи и положить эту щепку под подушку, надеясь увидеть во сне жениха) [ЭМ ТЭ]) и мн. др.

Если топонимы с числительными *семнадцать*, *двадцать* и др. встречаются нерегулярно, то относительной повторяемостью обладают названия с компонентами *сорок* (22 топонима), *сто* (14), *тысяча* (7), ср.: поле *Сороковая* [Уст], руч. *Сороковой* [Кон], лес *Сороковой Лес* [Галич], ур. *Сороктопорна* [Карг], поле *Сотенная* [Хар], руч. *Стоколодный* [Шенк], полосы *Стожильницы* [К-Г], поле *Стогектарное* [Уст]; ур. *Тысячный Хорь* [Череп], пок. *Тысячник* [Тот], руч. *Тысячный* [Уст] и др. Названия, в состав которых входят данные числительные, – так же, как в случае с «семеркой» и «девяткой», – могут иметь значение неопределенного множества. Это значение представлено в семантической структуре числительных *сорок*, *сто*, *тысяча* в системе русского литературного языка²⁶ (к примеру, данные числообозначения потенциально заменяемы во фразах типа «*Я тебе сорок (сто, тысячу) раз говорила...*»); ср. также ономаσιологическую тождественность некоторых диалектных слов, включающих числительные *сорок*, *сто*, *тысяча* (и, с другой стороны, *семь*, *девять*): *сорокатысячник* (*стотысячник*) ‘растение *тысячелистник*’ [СРГСУ 6, 43, 65], *сорокобарщина* ‘*семибоярщина*, бестолочь от многоначалия’ [Даль IV, 275], *стосил* ‘растение *Рапах*’ (ср. *девясил*) [Даль IV, 326]. В говорах значение неопределенного множества наиболее последовательно обнаруживается у числительного *сорок* [см. Даль IV, 275], что связано с древнерусской системой счета *сороками*. Рефлексы этой ситуации прослеживаются в топонимии, где наибольшую активность (по сравнению с *сотней* и *тысячей*) проявляет именно числительное 40, ср. мотивировки: поляна *Сороковая* – «В лесу те участки разрабатывали, много мелких таких полянок было, это последняя» [В-Уст, Стрелка]; омут *Сороковой Омут* – «В старое время хотели измерить омут, опускали туда цеп на 40 сажень, да не достали дна. Так и прозвали Сороковым Омут» [Гряз, Красноселье]; пок. *Сороковой Куст* – «Ивовый куст там есть, кто его считал – не знаю» [Сок, Оларево].

Что касается *сотни* и *тысячи*, то выражаемое соответствующими топонимами значение неопределенного множества может быть не только «топографическим», но и характеризовать другие реальные и нереальные параметры географического объекта или связанные с ним ситуации: поле *Тысячи* – «Это поле продали другому колхозу за 6 тысяч» [Пин, Киглохта]; ур. *Тысячница* – «Когда-то старики прятали новину, вырубали новые деревья, выжигали и сеяли. Так и выросло тысяча сус-

²⁶ Семантика неопределенного множества, характерная для числительного *сорок*, *тысяча*, прослеживается и в фольклорных материалах [Праведников 1996, 45].

лонов ржи» [Нянд, Мальшинская]; поле *Сотница* – «Татары были, сделали побоище, разбили татар сотню, вот и Сотница» [Шар, Коурчиха].

Итак, проведенный анализ обнаруживает специфику семантического наполнения числительных в русской народной топонимии. Топонимическая система проявляет определенную избирательность при отборе числительных, положенных в основу географических названий. Активность тех или иных числообозначений в топонимии зависит от их дифференцирующих возможностей (ср. приоритет числа 3 над числом 2), от внутриязыковых факторов (ср. преобладание *вторых* топонимов над *первыми*, обусловленное наличием рядов с немаркированным членом), от наличия у числительного символического значения (ср. активность *семерки, девятки, сотни*, символику Троицы, Пятницы и т. п.). Эти факторы (особенно последний) имеют этнолингвистическую значимость, обуславливающую необходимость учета топонимических данных при реконструкции народных представлений о счете и количестве. Этнолингвистическая ценность этой информации проявляется при сопоставлении данных русской топонимии с топонимическим материалом других языков: Э. М. Мурзаев, собравший по различным исследованиям и обобщивший сведения о числовых топонимах в тюркских языках, пришел, в частности, к выводу об активности в тюркской топонимии нечетных числительных, а также о том, что «почти повсеместно... первые два места в образовании топонимов с числительными принадлежат «тройке» и «пятерке»; в то же время «девятка» не обладает особой продуктивностью, да и числительное 7 «оказывается отнюдь не на первом месте» [Мурзаев 1996б, 97–98]. Как видим, топонимическая символика чисел варьирует в различных культурах.

Неравносность идеографически близких параметров и ее «этнокультурные последствия» можно пронаблюдать также на примере топонимов, связанных с реализацией обобщенных образов женщины и мужчины.

В лингвокультурологии уже предпринимались попытки выявить черты ментального образа женщины и мужчины по данным языка, причем больше «повезло» женщине: ср., например, работу В. Н. Телии, посвященную экспликации образа женщины по материалам русской фразеологии [Телия 1996, 260–269], исследование М. Х. Газизовой, описавшей концепт «женщина», выявленный в результате анализа биноминативных тавтологий типа «женщина есть женщина» [Газизова 1998], работы Н. А. Красавского и И. М. Кирносова, И. Н. Борисовой и М. Г. Солдатовой, базирующиеся на данных русской и немецкой паремии [Красавский, Кирносов 1996; Красавский 1996; Борисова, Солдатова 1996]. В работе А. В. Кирилиной осуществляется комплексный анализ гендерных стереотипов по данным русской фразеологии (в

сопоставлении с немецкой), а также ассоциативного эксперимента [Кирилина 1999]. В исследовании Т. В. Цивьян оппозиция *женщина // мужчина* рассматривается на материале не только языковых фактов, но и данных других сфер традиционной народной культуры – обряда, фольклора [Цивьян 1991]. Данные топонимии к анализу пока не привлекались.

Топонимический ряд работает со статичными объектами, которые нередко оцениваются с точки зрения их внешних характеристик и особенностей использования их человеком, поэтому в комплексе реконструируемых представлений о женщине наиболее активны функциональные и визуальные параметры.

Функциональные параметры характеризуют особенности освоения женщиной окружающего географического пространства. В силу своей социальной роли женщина осваивает пространство очень замкнуто и в небольшом устойчивом функциональном диапазоне, вследствие чего *бабы* топонимы реализуют непространственный способ выражения пространственных отношений в русской топонимии, являясь своеобразными маркерами близкого расположения объекта к дому (см. гл. II, разд. 1.1 настоящей работы). Ограниченность и строгая закреплённость функций обеспечивает *бабым* названиям состоятельность с точки зрения различительной силы: действительно, диапазон специфических «бабьих» видов деятельности, которые осуществляются за пределами дома и двора, весьма неширок (стирка, отбеливание, полоскание, сбор ягод на ближних болотах и т. п.). Отсюда становятся ясны причины раритетности *мужских* названий: мужчине принадлежит весь мир за пределами деревни с ее *бабыми* прудами, ручьями и болотами, поэтому номинации, опирающиеся на образ мужчины, обладали бы недостаточными дистинктивными возможностями. Характерно, что даже в тех случаях, когда мужчины и женщины выполняют какие-то взаимосвязанные виды деятельности, маркированной оказывается именно «бабья» часть работы: поле *Бабье Поле* – «Мужики деревню строили, а бабы пеньки корчевали» [Пош, Ракоболь].

О визуальной разработке женского образа в топонимии можно говорить в связи с тем, что в топонимическом континууме встречается значительное количество названий, прорисовывающих «анатомические» детали облика женщины, ср.: оз. *Бабий Пуп* (рядом оз. *Брюшина*) [Пин], тonya *Баба* – «Кругла, как живот у бабы» [Прим, Пушлахта], г. *Бабий Лобок* – г. *Брюшина* [Кир], луг *Баба* [Меж], поле *Бабье Гузно* [Шенк], пок. *Бабья Жопа* [У-Куб], бол. *Бабья Жопа* – «Там такая сосна есть, кривуля такая – так и прозвали», «Сосна выросла такой кривулькой – очень похоже» [Вин, Кальи], руч. *Бабья Жопа* [Череп], мыс *Бабья Пята* [Выт], пок. *Баба* (его части: *Голова, Серёдка, Нога, Ножка*) [Уст]

и др. В этот же ряд следует включить названия, конкретизирующие обобщенный женский образ: г. *Попадьевы Груды* [Вил]²⁷, пок. *Окулиново Гузье* – «Место круглое такое, выдается, как гузье», «Раздваивается, как жопа» [Леш, Вожгора]. Проявление внимания к женской «анатомии» можно усмотреть и в факте распространенности топонимов типа ур. *Титки* [В-Т], г. *Титька* [Котл], паш. *Полоса с Титькой* [Котл], г. *Титечные* [Кр-Уф] и т. п. В то же время мужские образы в топонимии (а также в астронимии), как отмечает М. Э. Рут, лишены конкретной пространственной разработки, они связаны с «точечными» объектами [Рут 1994, 158]. Избирательность, проявляемая топонимической номинацией по отношению к анатомии мужчины и женщины, может быть объяснена, вероятно, тем, что женская фигура наиболее выразительна, в прямом смысле этого слова рельефна (рискуя вызвать иронию читателя, выскажем все же предположение о том, что ландшафт территории Русского Севера, будучи преимущественно равнинным, с плавными переходами от возвышенности к низменности, «провоцирует» появление именно женских анатомических образов). Соматические номинации такого рода характеризуются определенной сниженностью; это обстоятельство, а также повышенное внимание к «сугубо женским» частям тела (грудь, большой живот) заставляют думать о том, что автором топонимических номинаций является в первую очередь мужчина²⁸.

Интересно, что *бабьи* топонимы чаще всего прилагаются к водным объектам – ручьям, болотам. Вероятно, можно говорить об остаточном срабатывании архаической модели *река (вода) – женщина*, неоднократно описанной в литературе [МНМ 1, 240; СД 1, 390]. Эта сакральная связь, мотивированная идеей плодородия, может трансформироваться в модель образного сопоставления, ср. мотивировку названия луга *Баба*: «Река излучины сделала, как голова и груди. По излучине реки и названо Баба» [Меж, Сосновка].

В топонимических метафорах отражаются не только особенности внешнего облика женщины, но и некоторые бытовые (хозяйственные)

²⁷ Весьма примечательно следующее обстоятельство: г. *Попадьевы Груды* находится около г. *Попова Брюшина*, ср. мотивировочный контекст – «Попова Брюшина – такой бугорок, он торчит, как живот, покато таким. А Попадьевы Груды острые, как груди» [Вил, Борок]. Данная топонимическая пара задает стандартный визуальный образ попа и попадьи в народном сознании. Сформированность визуального образа попадьи подтверждается также наличием следующих названий: пок. *Попадьа* – «Как юбка широкая» [Карг, Семёновская], пок. *Попадын Лобок* – «Высокий сухой горбышок» [Карг, Турова].

²⁸ Быть может, именно это является объяснением причин раритетности (практически отсутствия) фаллических образов в обширнейшем топонимическом континууме Русского Севера и Среднего Урала.

атрибуты: лес *Бабкин Ряпак*²⁹ [Вож], прк. *Бабье Трепало*³⁰ [Чухл], поле *Бабий Губник*³¹ [Вель], пок. *Бабья Стопка* – «Там ямки, как будто маленькие стопки. Бабы-те из мелких стопок пьют» [В-Важ, Машковская], руч. *Бабкин Квас* [Уст] (ср. также использование женских образов в названиях лога *Федорин Квасок* [К-Г], руч. *Акулин Квас* [Чухл], руч. *Матренин Квас* [Плес]). Показательно, что метафорические номинации на базе названий инструментов, используемых мужчинами (*топор, ружье* и т. п.), не имеют уточняющих определений типа *дедов, мужичий*, что еще раз свидетельствует о том, что именно мужчина является автором топонимических номинаций (даже стопки – бытовое «орудие», которым мужчины пользуются никак не меньше, чем бабы, – становятся атрибутами последних; в то же время емкости, из которых пьют мужчины, не получают соответствующих помет при топонимации). Отметим, кстати, что приведенные выше антропонимы *Федора, Акуля, Матрёна*, несмотря на свою «квазиконкретность», рисуют обобщенно-«пословичный»³² образ женщины, отдающий некоторой сниженностью, ср. аналогичное использование имени *Дунечка* в составе названия пок. *Дунечкино Мокрое* – «Шутили, что Дунечка там оправилась», «Сырая пожня, будто баба какая оправилась, Дунечка-то» [Прим, Летняя Золотица].

Весьма популярным мотивом топонимической номинации является мотив, отражающий способность женщины к деторождению, ср.: руч. *Бабий* – «Родила какая-то в этом месте» [Шенк, Ляушинская], г. *Бабья Гора* – «Туда баба пошла за маслятами, да там и родила, принесла домой ребеночка в корзине» [Уст, Глубокий], лес *Бабина Гора* – «Баба шла-шла и ребеночка родила» [Некр, Пирогово], г. *Бабья* – «Баба там родила» [Некр, Бор]; показательны также названия поле *Бабьи Родины* [Галич], г. *Бабинская Родина* [Бел], поле *Родиново* – «Там баба родила» [Бел, Чикиево], поле *Аннины Родины* [Сус]. В некоторых случаях соответствующий факт оказывается отраженным в мотивировках топонима, являющихся, скорее всего, результатом вторичного переосмысления внутренней формы имени: пок. *Робечиха* – «Женщина тут робенка родила, потому так и прозвали» [Хар, Коровинская], ур. *Чудин Ручей* – «Чудин начудил: несет баба в подоле, родила на поле» [Кад, Пименово].

²⁹ Ср. *ряпак* 'лоскуток ткани' [КСГРС].

³⁰ Имеется в виду орудие для трепания волокна.

³¹ Ср. *губник* 'пирожок с какой-либо начинкой (чаще всего – с грибами)' [КСГРС].

³² Ср. использование таких антропонимов в пословицах типа «У нашей Федорки на всё отговорки».

Баба предстает в топонимии существом «гулящим»; в связи с этим интересен неоднократно зафиксированный параллелизм *бабьих* и *блудных* названий (а также родственных последним обшечных топонимов): лог *Бабий Лог* // *Гуляйский Лог* // *Блядский Лог* [Уст], г. *Блудная Гора* // *Бабья Гора* – «Туда парочки уходили после гулянья» [Некр, Некрасовское], бол. *Бабье* // *Блудное* – «Как идут пьяные из деревни в деревню, так и попадают в Бабье. Так почто бы его Блудным не назвать» [Вин, Подыва]. Ср. также следующие весьма выразительные топонимические факты: бол. *Блядское* // *Матюкальное* // *П...а* – «Баба согрешила там» [В-Уст, Милославская], бол. *Бабье Огульное* [Уст], часть д. *Блядуново* – «В этом конце бабы гулящи были» [Котл, Канза Старая], пок. *Бабье* – «Говорят, баба там счастье потеряла» [Вил, Беляево]; показательно и вторичное переосмысление названия д. *Бабонегово* – «Умер мужик на бабе» [Прим, Бабонегово]. Любопытно, что, рисуя образ развратной бабы, топонимия оставляет в тени участие мужчины в соответствующих действиях, что лишний раз подчеркивает активную роль последнего при создании номинативного портрета женщины.

Мужской образ, по сравнению с бабьим, выглядит очень бледно. Топонимы, образованные от апеллятивов *мужик*, *мужской*, очень редки (хут. *Мужиково* [Лен], пок. *Под Мужиком* [Кон], пок. *Мужичиха* [Вож], пок. *Мужичьи Ляги* [Сямж], поле *Мужичье* [Устюж]); дедовы названия встречаются чаще (бол. *Дедово* [Бабуш], бол. *Дедково Болото* – «Дедко вырубал там лес» [Ваш, Дурасово], пок. *Дедов Угол* – «Дед косил какой-то» [Вож, Бекетовская], луг *Дедова Нива* [Выт] и др.). Как правило, такие топонимы выражают посессивные отношения, ср. также названия типа поле *Дедка Николая* или луг *Деда Созоныча*. Наименования, образованные от апеллятива *старик*, могут быть образными: г. *Старик* – «Камень большой там стоит, как старик» [Холм, Часовенская], г. *Старик* – «Одинокая горка, как фигура человека» [Карг, Кречетово]. Даже в том случае, когда топоним запечатлевает результат какого-либо несчастного случая, это несчастье, как правило, случается с бабами³³: бол. *Бабы* – «Баба там удавилась» [М-Реч, Святогорье], бол. *Бабкино Болото* – «Какая-то старуха пошла туда собирать ягоды и умерла там» [В-Важ, Анциферовская], поле *Старуха* – «Пошла туда старуха, увязла и умерла» [Бел, Новишки], оз. *Бабье Озеро* – «Какая-то баба белье полоскать пошла, белье утопила и сама утонула» [Прим, Исакогорка], ур. *Бабье* – «Баба какая-то утонула здесь в речке» [Уст, Починок], поле

³³ Разумеется, в топонимии может быть отражена ситуация гибели мужчины, однако в этом случае используются только личные имена (*Павлушкин Омут*, *Сенькина Яма* и т. п.). Образ погибшей бабы нередко не индивидуализируется, а подается обобщенно.

Бабино – «Баба уходилась там до смерти» [Бабуш, Чупино], г. *Девичья Гора* – «Девка шла и померла» [Бел, Кукина Гора], оз. *Девкино* – «Девка утонула» [В-Т, Барановская], порог *Девкин* – «Девка утонула» [Леш, Вожгора], бол. *Старуха* – «Старуха пошла Богу молиться и уходилась в этой лыве» [В-Т, Лафтинская], руч. *Старуший (Бабкин)* – «Старуха в нем утонула» [Он, Анциферово].

Таким образом, представления о мужчине и женщине асимметрично реализуются в топонимическом материале, причем образ женщины оказывается разработанным подробно и многогранно, а мужской практически не прорисован. Топонимия отражает хозяйственные, анатомические, физиологические, поведенческие черты образа женщины и даже определяет ее «жизненное пространство». Сниженная тональность соответствующих названий, вероятно, объясняется авторством мужчины, который остается за кадром топонимической номинации. Небезынтересно отметить, что наши выводы расходятся с данными А. В. Кирилиной, полученными в результате анализа русской литературной фразеологии, а также ассоциативных экспериментов: как указывает автор, эти языковые источники не обнаруживают значительной гендерной асимметрии [Кирилина 1999, 110]. Более того, автор отмечает, что «в русском языковом сознании образ женщины имеет более положительную оценку, чем образ мужчины» [Там же, 157]. Такие расхождения подтверждают справедливость изложенных выше выводов о несовпадении концептуальной информации, эксплицированной по данным различных языковых «носителей» последней.

Вообще, неравновесность реализаций логически близких параметров широко распространена в топонимии: *черный, белый и красный* цвета с огромным отрывом лидируют в топонимической цветовой палитре; *северные* топонимы доминируют в топонимической розе ветров, оставляя далеко позади *западные и восточные*; *княжеские* названия значительно превосходят по численности топонимы, образованные от слова *боярин*, и т. п. Подобная неравновесность привлекала внимание топонимистов: для осмысления некоторых случаев такого типа В. А. Никонов предложил закон «относительной негативности», согласно которому топонимы «негативно» отражают свойства географических реалий, запечатлевая скорее нетипичные особенности последних, чем широко распространенные качества [Никонов 1965, 38–42]. Постулированная В. А. Никоновым всеобщность этого закона оспаривалась в топонимистике, поскольку практика топонимических исследований подсказывает, что «“относительная негативность” сама по себе весьма относительна. Очень часто река «Рыбная» действительно изобилует (разумеется, в период возникновения названия) рыбой, хотя, по мнению В. А. Никонова, такое название должно было бы появиться в связи со скудной ихтио-

фауной, сравнительно с полным ее отсутствием в других реках района. Конечно, такие названия очень случайны, но, как правило, отражают наиболее характерный признак объекта, характерный, естественно, с точки зрения называющего» [Берг 1974, 9]. По мнению А. К. Матвеева, «это понимание относительной негативности соответствует очень интересному, хотя и частному случаю топонимической номинации, который, конечно, нельзя абсолютизировать: называнию по случайностям и раритетам» [Матвеев 1974, 16–17]. Действительно, представляя трактовку всего лишь частного случая топонимической номинации, данный закон не может объяснить всех ситуаций асимметрии воплощения близких по смыслу признаков: абсурдно предполагать, что расположение объекта на севере является более уникальным (или, наоборот, распространенным) признаком, чем расположение его на востоке, что черный цвет встречается в природе чаще, чем зеленый, и т. п.

Такая асимметрия необъяснима на основе реальных физических свойств объекта; собственно семантическая трактовка ее нередко оказывается нерелевантной, поскольку здесь проявляется прагматическая детерминированность (семантика и прагматика в данном случае понимаются в семиотическом ключе – в связи с отношениями, соответственно, «знак : действительность» или «знак : человек»), отражающая разного рода приоритеты и установки субъекта номинации – хозяйственные, перцептивные, ориентационные и др., а также его когнитивные стереотипы. Допустим, резкий перевес топонимов, выражающих идею конца, края какого-либо участка пространства, над названиями, реализующими идею начала, объясняется жесткой закрепленностью позиции номинатора в центре (начале) освоения пространства, которым, как правило, является населенный пункт, вследствие чего топонимы, связанные с идеей начала, лишаются смысловых возможностей (кроме того, *конечные* топонимы реализуют идею границы хозяйственно освоенного пространства, играющую важную роль в формировании концепции географического пространства в русской топонимии); преобладание топонимов, связанных с представлениями о нечистой силе, над названиями, в основу которых положены обозначения крестной силы, объясняется представлениями носителей традиционной культуры о локализации и функциях персонажей из обоих лагерей etc.

Итак, одним из важнейших источников ЭИ становится идеогеографическая сетка топонимов, причем в ходе анализа этой сетки особое внимание следует обратить на причины асимметричной реализации в топонимии сходных по смыслу параметров.

2. Представляется, что естественно искать этнокультурную информацию в рамках тех семантических полей (и их фрагментов), которые в большей степени, чем другие, связаны с проявлениями субъективированности // субъектности, т. е. с информацией «от человека» и о человеке. Оговоримся: любое семантическое поле (и, соответственно, все его составляющие) структурировано человеком и отражает его представления об окружающей действительности и своем месте в ней, – это положение является аксиомой для антропоцентрической парадигмы в языкознании. Закономерности такого структурирования, безусловно, должны стать объектом этнолингвистического исследования (см. об этом ниже). Однако «семантические проявления человека» могут носить более непосредственный характер, реализуясь в пределах «специализированных» полей. Эти поля имеют различную природу, поскольку человек может рассматриваться с разных позиций: объективно – в его реальной деятельности, бытийных связях с географическим объектом – и как субъект, выражающий свое отношение к тому или иному элементу ландшафта и даже способный ввести в географическое пространство несуществующие явления или отношения. Иными словами, мы можем иметь дело с воплощением в продуктах номинации отстраненной информации о субъекте, информации «от третьего лица» или же с ситуациями субъективного отражения реалий окружающей действительности – вплоть до творения этих реалий самим субъектом.

Разберем подробнее эти случаи. Для этого необходимо представить весь спектр возможностей топонимической номинации в плане работы с отсубъектной/субъективной информацией. Если рассматривать объекты топонимической номинации в интересующем нас ракурсе, то следует выделить следующие основные типы этих объектов: реалия окружающей действительности – географический объект; отношения и связи между реалиями; отношения между реалиями действительности и человеком; человек. Как могут быть поданы эти объекты в зеркале номинации?

Из предыдущего изложения следует, что возможны следующие варианты отражения вышеперечисленных объектов в топонимии:

- отражение реально существующих явлений, свойств географических реалий:
 - отстраненно-нейтральная, констатирующая подача;
 - субъективированная подача;
- отражение реальных процессов интеракции между географическими реалиями и человеком;
- отражение явлений, свойств, связей, существование которых зависит от субъекта номинации или постулированных им.

В рамках первого варианта (отражение реально существующих явлений, свойств, связей) осуществляется большинство процессов топонимической номинации, причем преобладает отстраненно-нейтральная подача различных характеристик изображаемых феноменов. При такой подаче самих географических реалий формируются обширные семантические поля «флора», «фауна», «ландшафт», «постройки и сооружения», «почвы», «температурный режим», «водный режим», «цвет», «звук воды», «форма» и т. п. Возможна также констатирующая фиксация связей между географическими реалиями, приводящая, например, к появлению комплексов метонимически связанных топонимов. Встречаются и ситуации нейтральной подачи информации о человеке: так создаются семантические поля «этническая принадлежность» (например, с. *Русские Ключики* – с. *Марийские Ключики*), «род занятий жителей» (с. *Тарба Рабочая* – с. *Тарба Колхозная*, слободы *Стрелецкая*, *Пушкарская*, *Ямская*), «вероисповедание» (пос. *Мусульманский* – пос. *Славянский*), «посессионные отношения» (пок. *Ванькина Пожня*, поле *Барское*) и т. п. При отстраненно-нейтральной подаче информации о действительности субъект номинации занимает позицию наблюдателя, воспринимающего действительность в «реальной модальности»: в *Карасьем Озере* водятся караси, в *Чёрной Речке* темная вода, в *Выломках* выворочен лес, на *Кабачкой Дороге* стоит кабачок, речка *Ивановка* протекает у деревни *Иваново*, в *Мордовских Липнягах* проживает преимущественно мордовское население и т. п. – эти ситуации и обстоятельства не зависят от субъекта, и он может только констатировать данные факты.

Что касается субъективизированной подачи объективно существующих явлений, то в данном случае субъект номинации выступает как субъект *sensus et sententiae*. Названия такого плана помогают выявить специфику эмоционального восприятия человеком пространственных объектов. Чаще всего в результате такой подачи возникают оценочные топонимы, ср.: пок. *Басенький Борок*³⁴ – «Угорчик такой, красивое место» [Котл, Харитоново], лес *Веселенькая Веретья* – «Лес веселый, сосновый, чистый. Там самая охота, глухари, лоси» [Котл, Яндовище], пок. *Красулька* – «Веселая поляночка, как тарелочка, круглая такая» [Кир, Кучино], бол. *Дивное* [Ник], лес *Удивительное* [Хар], г. *Вшивая Горка* – «Ничего там не росло» [У-Куб, Устье], ур. *Зараза* [Бел], пок. *Кобель* – «Косить было тяжело» [Карг, Семеновская] и др. В вышеприведенных примерах топонимы содержат эмоциональную оценку свойств объекта; значительно чаще встречаются названия, в которых заложена рациональная оценка по шкале *хороший – плохой*: о-в *Гожий*

³⁴ Ср.: *басенький* (уменьш.-ласкат.) ‘красивый, привлекательный’ [КСГРС].

[Плес], пок. *Лучший Нос* [Нянд], пок. *Неудачное* [Кон], руч. *Нехороший* – «Худые пожни на ем» [Вил], пок. *Плохая* – «Кочки, косить плохо» [Котл, Прела], оз. *Худое* – «Ничего в нем нет» [В-Т, Пахомово], луг *Худой Нос* – «Луга из-под леса добывали, земля там плохая» [Леш, Ларькино], луг *Хороший* – «Наволок хороший, кустов мало, трава хороша» [В-Т, Бор] etc. Такие рационально-оценочные топонимы, по сути, смыкаются с предыдущей группой – названиями, несущими объективированную оценку свойств объекта.

Встречаются также названия, в которых акцент делается не столько на оценке свойств объекта, сколько на обозначении субъективного отношения человека к объекту: поле *Дорогуша* [Кон, Мез], р. *Желанная* [Кологр], пок. *Любезное* [Кир], руч., пок. *Любимец* [Вож, В-Т, Карг, Мез, Шенк], ключ *Любимчик* [Хар], г. *Милая Гора* [Тарн], пок. *Милый Луг* [Вож], поле *Нелюбимец* [Меж], поле *Нелюбиха* [Хар], пок. *Убажиха* – «От слова *убажник*, это у бабушки и дедушки любимец» [Кир, Головинская] и др.

Наконец, возможна ситуация, когда объектом номинации становится сама эмоция: пок. *Тошнота* [Череп], пок. *Радость* [Пин], поле *Прихоть* [Тарн], ур. *Страх* [Кон], поля *Горе Васюхино* и *Горе Машухино* [У-Куб] etc.

Что касается отражения в топонимической номинации реальных процессов интеракции между географическим объектом и человеком, то здесь предполагается номинирование разного рода ситуаций с участием человека. Характеристики такого рода, естественно, не заданы как онтологические качества географического объекта, но оказываются «благоприобретенными» в связи с тем или иным единичным событием или типовой ситуацией: географическая реалья осмысляется как место, где устраиваются гулянья (*Разгуляй*), заготавливаются дрова (*Дроводель*), происходят земельные тяжбы (*Браниха*), осматриваются окрестности (*Гляден*), разворачиваются несчастные случаи (*Смерть*) и т. п. (многочисленные примеры приведены в гл. III настоящей работы). Подобные дескрипции начинают восприниматься как объективные параметры географической реалии.

Перейдем к описанию особенностей отражения в топонимии таких явлений, свойств, связей, которые вводятся человеком, но не имеют статуса реальной характеристики географического объекта (этот статус может существовать в сознании номинирующего субъекта, не будучи в то же время объективным, так как он всецело зависит от изменения позиции наблюдателя, особенностей восприятия действительности и т. п.). Во-первых, иногда наблюдается постулирование самих объектов действительности: они могут подаваться объективированно, но оказываются нереальными, несуществующими,

примысленными человеком. Речь идет, например, о топонимах, отражающих представления о сверхъестественном – *чертовых, бесовых, святых, боговых* и т. п. названиях. Субъект выступает в данном случае как наблюдатель, который воспринимает действительность в «ирреальной модальности». Несмотря на то, что свойство святости или, допустим, факты наличия чертей в каких-то фрагментах окружающего ландшафта могут быть поданы как объективные, такая трактовка действительности, естественно, не укладывается в рамки обычного наблюдения и напрямую характеризует мировоззрение субъекта номинации. Не случайно именно эти пласты географических названий чаще всего оказывались в поле зрения исследователей, стремившихся выявить значение топонимии как источника сведений о духовной культуре народа (однако сделано в этом плане еще весьма мало).

Во-вторых, имеются многочисленные случаи, фиксирующие результаты опосредующего влияния человека на формирование межобъектных связей. Такое влияние проявляется, в частности, при создании топонимов с ориентированными предлогами (*перед, за, под* и др.): отражая связи между объектами, топонимические конструкции с ориентированными предлогами в то же время обнаруживают зависимость от позиции наблюдателя, поскольку именно она становится точкой отсчета, от которой направлен вектор ориентации (подробнее см. гл. II, разд. 1.2 настоящей работы).

В-третьих, отмечены ситуации, когда субъект номинации фиксирует в продуктах своей номинативной деятельности связи между собственной фигурой и географическим объектом: это делается для создания определенного ориентационного поля, помогающего локализовать географическую реалию в пространстве. Эти связи существенны только для субъекта-наблюдателя и трансформируются при изменении его пространственных координат: ср. семантику ориентационных маркеров *ближний – дальний, передний – задний, правый – левый* и т. п. (анализ соответствующего топонимического материала представлен в гл. II, разд. 1.1 настоящей работы). В последних двух случаях субъект выступает в роли субъекта ориентации. Реализующие эту роль субъекта топонимы практически не изучены. Они весьма значимы с этнолингвистической точки зрения, поскольку демонстрируют своеобразие системы ориентации в пространстве (как человек привык воспринимать пространство: «от себя» или применяя вынесенную вовне и закрепленную систему отсчета? как он измеряет расстояния: пользуясь зрительной или слуховой «шкалой»? какова широта поля зрения: способен ли человек целостно представлять обширную ландшафтную панораму – или же он обладает дробным видением отдельных фрагментов ландшафта? и т. п.).

В описанных выше трех ситуациях вводимые человеком явления и отношения для него самого обладают бытийным статусом (такого рода «бытийные» названия М. В. Голомидова называет *индикативами* [Голомидова 1998, 198]). Однако иногда субъект номинации выходит за «бытийные» рамки, приписывая объекту желаемые свойства: в этом случае он ориентируется либо на свои интересы, либо на интересы адресата. Наименования, реализующие такую установку, М. Э. Рут предлагает обозначить как *отсубъектно мотивированные* и *отадресатно мотивированные* [Рут 1992, 21–22]. Они очень редки в традиционной крестьянской топонимии, изучаемой в настоящей работе.

Из сказанного следует, что топонимическая номинация имеет в своем арсенале различные варианты подачи информации о явлениях действительности. Один и тот же объект – допустим, дающее хороший урожай поле – может осмысляться в номинации так, что возникающие при этом топонимы характеризуются разной степенью опосредованности отражения свойств объекта, т. е. приближенности/удаленности от объекта (и, наоборот, удаленности/приближенности к человеку).

«Шкалирование» этих топонимов на оси объективной / субъективной подачи свойств объекта будет выглядеть примерно так:

Продолжение оси вправо приведет к отрыву от объекта и появлению отсубъектно мотивированных номинаций, предполагающих «отражение в имени личных черт и пристрастий субъекта» [Рут 1992, 21].

Как уже говорилось, помимо субъективного осмысления реальных свойств объекта, человек может обнаруживать себя введением таких явлений и отношений, которые не существуют реально или же всецело «завязаны» на фигуре субъекта номинации.

Итак, в топонимии представлены следующие типы информации о человеке и «от человека»³⁵:

- объективированная информация о человеке в связи с его экономической деятельностью, социальным положением, родом занятий, вероисповеданием и т. п.;

³⁵ Напомним еще раз: выделение нижеследующих «антропоориентированных» типов информации вовсе не отрицает того факта, что вся эксплицируемая из топонимического материала информация структурирована человеком и обнаруживает закономерности картирования явлений окружающей действительности.

- субъективированная информация о географических объектах, отношениях между ними, отношении к ним человека, пропущенная через призму человеческих эмоций и оценок;
- информация о взаимодействии человека и географических реалий;
- информация о постулированных человеком явлениях, связях и параметрах географических объектов³⁶.

Какой тип информации наиболее интересен для этнолингвистических исследований?

Представляется, что этнолингвистические штудии, нацеленные на изучение духовной культуры, более всего заинтересованы в том типе информации, который назван последним. Это понятно: креативная работа человеческого сознания, в ходе которого картина действительности дорисовывается за счет введения новых феноменов или реструктурируется вследствие ориентации на фигуру человека, относится, несомненно, к проявлениям духовной культуры. Информация о взаимодействии человека и пространственных реалий оказывается значимой для характеристики особенностей обживания человеком географического пространства. Что касается эмотивной информации, то ее удельный вес среди других типов ЭИ, отраженных в топонимическом материале, относительно мал; кроме того, эта информация базируется на воплощении одного признака (признака хозяйственной ценности объекта для человека), который важен для реконструкции аксиологической системы субъекта номинации, но воплощает ее только в одном измерении. Информация, объективно подающая бытийные характеристики человека, весьма полезна для создания портрета «человека социального», «чело-

³⁶ Отметим, что при создании семантической типологии топонимов исследователи по-разному решают вопрос о статусе перечисленных выше вариантов информации: к примеру, оценочные топонимы (образованные на базе апеллятивов *худой, дивный, вишивый* и т. п.) одними топонимастами включаются в группу названий, отражающих связь с человеком [см., например: Чернышова 1988, 128–129], другими рассматриваются среди собственных характеристик объекта [Иванова 1993, 104; Кабинина 1998, 66; Овчар 1991, 64]. Причина этих разноречий коренится в том, что такой принцип номинации, как *связь с человеком*, выделяется исследователями на иных логических основаниях, чем другие принципы (качества самих географических объектов; отношения между этими объектами). Качество и отношение – феномены семантики (если понимать семантику как корреляцию *знак : действительность*), а вот *связь с человеком* есть понятие не только семантическое, но и прагматическое, поэтому различные исследователи включают сюда неоднородные параметры (как объективную характеристику отношений собственности, этнической принадлежности жителей и др., так и субъективное выражение чувств и эмоций человека относительно объекта).

века экономического», но в меньшей степени работает на реконструкцию картины мира носителя традиционной культуры. Сказанное не означает, что мы стремимся «дискриминировать» какие-либо семантические поля, провозгласив их этнолингвистическую «ущербность»: как уже говорилось, ЭИ может быть извлечена из любого топонимического факта; мы лишь пытаемся наметить сферы анализа, где ЭИ представлена наиболее системно и полно.

Из предшествующего изложения следует, что в ходе освоения географического пространства человек может выступать в разных ролях:

- как наблюдатель:
 - воспринимающий действительность в «реальной модальности», через призму реальных «физических» отношений;
 - воспринимающий действительность в «ирреальной модальности», через призму религиозных воззрений и верований;
- как непосредственный участник процесса освоения пространства:
 - субъект ориентации;
 - субъект деятельности;
 - субъект чувства и мысли.

Таким образом, объектами этнолингвистического исследования могут стать отдельные семантические поля, включающие информацию с повышенным «коэффициентом субъективности/субъектности».

3. Этнолингвистической значимостью обладает также информация о субъекте номинации, которую репрезентирует стилевая неоднородность, «полигlossия» топонимического текста. Для того, чтобы раскрыть это положение, необходимо обосновать трактовку топонимического континуума как текста и, соответственно, сформулировать понимание топонимического стиля.

«Штурм» проблемы текста, предпринятый лингвистической наукой в последние десятилетия, является отражением наметившейся тенденции к синтезу филологического – и шире – гуманитарного знания, а также к утверждению антропоцентрического подхода к исследованию языка (в тексте «растворен» его творец – человек с его пространственно-временными ориентирами, ценностными установками и т. п.). Ономастика, будучи и без того весьма замкнутой областью лингвистики, осталась достаточно далека от данной проблематики, так как пространство собственных имен традиционно рассматривается как дискретное, не обладающее одним из основных свойств текста – свойством связности. Однако попытки применить идею текста по отношению к совокуп-

ности собственных имен все же были предприняты. Л. М. Щетинин, рассматривая антропонимы в различных письменных источниках (ре-визских сказках, рекрутских списках и т. п.), квалифицирует именник какого-либо списочного источника как текст: «В коммуникативном отношении компоненты одного списка объединены задачей дать информацию о принадлежности всех референтов, обозначенных антропонимами, к определенной категории лиц... Связность антропонимического текста достигается единством коммуникативной задачи, референционной однородностью, синтаксическим согласованием антропонимических компонентов, стереотипной структурой предикативной аппеллятивной части списка, графическим униформизмом и, как правило, регулярностью антропонимической формулы...» [Щетинин 1980, 163–64].

Р. А. Агеева ставит проблему ономастического текста на топонимическом материале: «В семиотическом плане этот “текст” обобщает информацию, закодированную в каждом топониме и во всей совокупности топонимов, в способах их организации в ряды и в топонимическую систему и т. п.» [Агеева 1989, 18]. Используемый автором семиотический подход наиболее приемлем при работе с собственными именами, так как акцентирует внимание не на синтаксических свойствах текста, а на бытовании в тексте языкового знака.

Семиотический подход к исследованию текстов обоснован и продемонстрирован в трудах представителей Тартуско-московской семиотической школы, сотрудников сектора структурной типологии Института славяноведения РАН; обзор основных принципов семиотического изучения текста, реализованных в этих работах, содержится в статье Т. М. Николаевой [Николаева 1987]. В самом общем виде эти принципы таковы: опора на языковой знак и понимание текста как упорядоченного семантического пространства.

Что позволяет представить топонимический континуум как упорядоченное семантическое пространство?

Пространственность, как уже не раз отмечалось, задана самой природой топонима, при этом важно подчеркнуть, что топоним не просто фиксирует определенную точку или линию на местности, а является звеном знаковой цепочки, разворачивающейся в сознании носителя топонимической системы параллельно реальному географическому пространству. Языковой ряд поддерживается объектным – и наоборот. Именно протяженность, в буквальном смысле пространность топонимического ряда психологически реальна для того, кто пользуется топонимической системой.

Что касается семантической упорядоченности топонимического пространства, то, на первый взгляд, она отсутствует. Топонимическая система, сложившаяся в рамках процесса естественной номинации, пестра

и мозаична, причем фрагменты этой мозаики нередко оказываются созданными в разное время и на разных языках.

В то же время определенную степень упорядоченности можно увидеть в искусственной топонимии, в том числе литературной. Ср., например, номинацию улиц с помощью тематически организованных групп лексики («политические деятели», «рабочие профессии», «авиация», «фруктовые деревья», «минералы» и т. п.); наименования топообъектов, созданные геологами и отражающие эстетические вкусы, атрибуты профессиональной деятельности, имена родственников авторов первой номинации; появившиеся в первые годы советской власти названия деревень и поселков, связанные с революционной символикой и т. д. Упорядоченность достигается использованием тематически спаянных лексических блоков, единовременная и императивная узуализация которых сохраняет коммуникативные установки номинатора. Такие блоки нередко используются в художественных произведениях: ср., например, знаменитую некрасовскую «ойконимию» (*Заплатово, Дырявино, Разутово, Знобишино...*); полярные по цветовой гамме, эмоциональным коннотациям топонимические системы двух царств, символизирующих добро и зло, в трилогии Дж. Толкиена «Властелин колец»; топонимию «Швамбрании» Л. Кассиля, являющуюся моделью детской фантазии, и т. д. Включенные в ткань художественного произведения, вымышленные топонимические системы представляют собой текст в тексте, реализуя иной способ кодирования смыслов, выраженных в основном тексте. Пример искусственной топонимии (и особенно «авторской») показывает, что степень семантической упорядоченности зависит от того, насколько полно при создании топонимического текста выражены личность автора и особенности его номинативного стиля.

Можно ли говорить о представлении того или иного номинативного стиля, о семантической упорядоченности в естественно сложившихся топонимических системах?

Семантическое пространство в естественной топонимии традиционно характеризуется как неоднородное – в «довольно нейтральном топонимическом поле» выделяются «сгущения» [Топоров 1962, 11], «отдельные высокоорганизованные участки» [Бондалетов 1974, 78]. Такими «сгущениями», как бы разделенными обширными «вакуумными ямами», являются, по мнению исследователей, «антонимические» оппозиции типа *Большой – Малый, Старый – Новый* и т. п. Однако типы семантических отношений между апеллятивами, лежащими в основе топонимов, не сводятся только к антонимии. Можно говорить о наличии в топонимическом пространстве семантических комплексов топонимов, обозначающих соотнесенные в пространстве (смежные) объекты и объединенных различными видами семантической связи (подробнее см.

[Березович 1992]). В этих комплексах находит отражение общность (или сопоставленность) свойств объектов. В то же время номинативная ситуация, помимо объекта, включает в себя такие компоненты, как субъект – адресат – язык. Объектные связи («горизонтальные») наиболее эксплицитны, они опираются на ядерные компоненты семантики топонима. Однако существуют и более скрытые связи между топонимами – субъектные («вертикальные»), которые обусловлены тем, что более или менее протяженная цепочка названий создается одним субъектом номинации (под субъектом номинации может подразумеваться не только отдельный номинатор, но и номинирующий коллектив, а также группа носителей типовой номинативной установки). Продукты номинации воссоздают облик номинатора с его коммуникативными установками, социальным опытом, стереотипами мышления и т. д., ср. замечание В. Н. Топорова о поэтическом тексте: «Текст реконструирует поэта через описывающую этот текст поэтику» [Топоров 1993а, 29]. Отражение субъекта в номинации – предмет прагматики, однако прагматические явления имеют семантический «выход», ибо семантика – языковое понятие, структурированное субъектом. Интенции субъекта, его специфический взгляд на мир – своего рода субстрат семантики, кристаллическая решетка, незримо формирующая семантический контур слова. Топонимы, созданные одним субъектом номинации, объединены топонимическим стилем – семантизированной манифестацией в названии субъекта номинации. Таким образом, понимание топонимического пространства как текста позволяет увидеть за совокупностью топонимов языковую личность их коллективного автора. Специфический номинативный стиль, присущий этой языковой личности, создает цельность топонимического текста, в то время как традиционно понимаемой связностью такой текст не обладает.

Топонимическое пространство представляет собой, как уже говорилось, мозаичное переплетение различных стилевых пластов. Новые поколения номинаторов не только творят собственный текст, но и «переписывают» произведения предшественников, переосмыслив и изменив то, что не вписывается в культурную парадигму новой эпохи. Но если номинативная деятельность данного номинатора представлена достаточно протяженной текстовой цепочкой, существует вероятность вычленения этой цепочки из топонимического континуума.

Стилевая неоднородность топонимического текста указывает на различия социального статуса номинаторов. К примеру, топонимический текст Летнего берега Белого моря содержит различные по своей стилистической природе пласты: среди созданных поморами названий, обладающих инструментальной направленностью, позволяющих сориентироваться в обширном ряду географических реалий, выделяются названия, для ко-

торых характерен мемориально-дезидеративный номинативный пафос, что указывает на «авторство» монахов (ср., к примеру, названия гор *Елеон* и *Синай* [Прим]). Стилевое расслоение может свидетельствовать также о различиях в осмыслении географического пространства рыбаком и земледельцем (см. гл. II, разд. 1.2 настоящей работы).

Наличие в составе топонимиконов цепочек названий, созданных разными по социальному статусу коллективами номинаторов, позволяет поставить вопрос о существовании в топонимии своеобразных социолектов. Это подтверждается показаниями языкового сознания носителей топонимической системы, которые хорошо ощущают принадлежность того или иного топонима к определенному социолекту – охотников, картографов, «устроителей» (землеустроителей), дачников или «городских», туристов и т. п., ср.: оз. *Бараний Рог* // *Ученжское* – «Мы-то в деревне Бараний Рог зовем, а городские по нашей деревне называют – Ученжское, других озер-то не знают, вот и зовут так. А нам скажи «Ученжское», мы и не поймем, про какое это озеро. У нас ведь много озер» [Некр, Ученжа]; оз. *Половое* // *Линьково* – «Мы Половое зовем, а Линьково – так дачники называют. Линек там водится» [Прим, Емельяновская]; оз. *Шупахта* // *Безымянное* – «У нас Шупахтой зовут, а устроители Безымянным назвали» [Холм, Казенщина]; д. *Петровка* // *Панкратьевич* – «У нас все Петровка, а на карту занесли Панкратьевич. Отца моего Иван Панкратьевич звали, им (топографам) интересно показалось, они так и отметили» [Мез, Петровка]; г. *Наволоки* // *Лысая Гора* – «Лысой Горой городские называют, там песчаная гора, а мы в деревне зовем Наволоки» [С-Дв, Волость]; г. *Утка* // *Веселая* – «Веселой ее шофера называют, быстро так: вжжи-ик – и въехал» [Прим, Бабонегово]; оз. *Воринское Озёрко* // *Лягушатник* – «У нас Воринское Озёрко, фамилия была Воринов, а городские Лягушатником зовут – оттого что мелко там» [Некр, Кресцово]; оз. *Рыбозеро* // *Карасово* – «Сами зовем Рыбозеро. Закинули невод, думали – много рыбы, а там одни кокоры, чуть невод не порвали. А сейгод ребяташки карасов там наловили, они его теперь Карасово зовут» [Он, Сырья]; пок. *Солнышко* – «Это место у трактористов называется. Раньше дерюжки были, а в середине полоска. На тракторе узко, только в одну сторону ехать можно, островок леса объезжали, вот трактористы и назвали Солнышко» [В-Уст, Вострое]; оз. *Гэобразное* – «Мы никак не зовем, а картографы назвали гэобразное, оно на букву Г похоже» [Холм, Осередок]; г. *Уральские Горы* – «У нас-то эти горки никак не назывались, а ребяташки там на лыжах катаются, вот и название у них – Уральские Горы, это они в шутку зовут» [Прим, Яреньга], омут *Щучья Ямка* – «У детей так названо, мы-то не зовем ее никак» [В-Важ, Абакумовская] и др.

Интересно рассуждение пожилой крестьянки о том, чем отличаются названия, созданные дачниками, от топонимии «местных жителей» (запись сделана автором, принадлежащим к категории дачников, в д. Кунгурка Ревдинского района Свердловской области): «Вот у вас называется *Черничная Горка*, а мы зовем *Сенькина Пожня*, там Сенька какой-то косил, сейчас и мы косим, вот и название. А вы не косите, дак вам ни к чему. От врачихи из красного дома слышала, что вы еще какой-то *Маслятный Бор* называете, за маслятами ходите. Какой-такой *Маслятный Бор*? Ничего понять не могла, а потом с ней сама сходила, поняла – у нас это *Кошеная Веретья*, тоже косили там. Вот и разница. Вы все смотрите, где грибы да ягоды, а мы – где косить лучше». Здесь четко определена специфика отбора номинативного материала разными социальными группами, обусловленная различиями в занятиях, хозяйственном опыте и т. п.

Представляется небезынтересным изучение взаимодействия различных социолектов. Иногда такое взаимодействие приводит к интерференции элементов, изначально принадлежавших разным социолектам (ср. высказывания типа «сперва молодяжка так звала, потом все стали звать»), в других случаях наблюдается стремление противопоставить «свою» топонимию «чужой». К примеру, топонимический социолект заключенных, живущих на поселении в Кирилловском районе Вологодской области, довольно герметичен: при упоминании в речи населенных пунктов Кирилловского района используются исключительно «жаргонные» топонимы – *Гренландия*, *Исландия*, *Лапландия*, *Чухляндия* (местные названия сознательно игнорируются). Описание социолектов и выявление особенностей их взаимодействия могло бы стать темой отдельного исследования; в настоящей работе мы можем только отметить этнолингвистическую значимость изучения такого материала.

Очевидно, помимо социолектов, в топонимической системе представлены также идиолекты – по крайней мере, можно говорить об индивидуальном варьировании ее элементов, ср. замечание М. Э. Рут о том, что «микротопонимическая система того или иного населенного пункта существует в целом ряде вариантов, различия между которыми оказываются весьма значительными. Изучение таких вариантов, носителями каждого из которых могут быть очень небольшие социумы и даже отдельные личности, ставит вопрос о специфике соотношения узусального и окказионального в топонимии» [Рут 1999, 76]. Индивидуальное варьирование затрагивает микротопонию – точнее, «периферийную» ее часть (названия объектов, которые не обладают широкой известностью, или же тех, использование которых носит ограниченный, временный или изменчивый характер). Чаще всего встречается словообразовательное варьирование, при котором индивидуально выбранная словообразо-

вательная модель оформляет достаточно обширные ряды топонимов, ср. варианты названий одних и тех же объектов, записанные от разных информантов: поля *Самсониха – Бараниха – Иваниха – Дятлиха...* // *Самсоново – Бараново – Иваново – Дятлово...* // *Самсоновское – Барановское – Ивановское – Дятловское...* [Кир]. Что касается лексического варьирования, то здесь возможны две ситуации: во-первых, индивидуальный вариант может быть образован в результате семантического отталкивания от общепринятого, ср.: пок. *Золотое Дно // Дырявое Дно* [Некр], поле *Голодное // Неелово* [Карг], д. *Василёво // Веселово* – «Все Василёво зовут, а я Веселово. Веселая такая деревнюшка, вся в зелени, дома затейливые» [Карг, Лохово] и др. При этом появление индивидуальных вариантов нередко приобретает оттенок языковой игры. Во-вторых, индивидуальные варианты могут создаваться параллельно общепринятым, не обнаруживая семантической связи с ними (в редких случаях общепринятое название отсутствует вообще, а единственной формой существования топонима становится идиолект одной личности или социолект семьи), ср.: пок. *Дергуновская Солза – Щетининская Солза – Поповская Солза // Ложечка – Чашечка – Лопатка* – «Так-то их Солзами звали, а какая Солза – по хозяину. А мой дедушка им свои звания придумал, так больше никто не звал. Она, говорит, кругленькая, как чашечка, а рядом Ложечка длиненькая, а Лопатка треугольником» [Карг, Лохово]; поле *Большая Полянка – Семейное // Горбатое – Назарково Брюхо* – «Так всё Большая Полянка, а я бригадиром был, дак переименовал, зову Горбатое; а Семейное я стал звать Назарковым Брюхом, там на брюхо похоже» [Котл, Петровская]; пок. *Телятник // Гнилая Жопка* – «Место там неудобное, так-то звали Телятник, а бабка Нюра-пьяница стала звать Гнилая Жопка» [Ваш, Паршино]; ур. *Толстик // Прилуб* – «Все звали Толстик, а отец мой Прилубом это место звал, это место как сбоку у леса» [Карг, Филипповская]; оз. *Колдовское Озеро // Папино* – «Туда только мы ходим, в деревне никак не зовут это озеро. Славик (сын) назвал его Колдовское Озеро, а я зову Папино» [Прим, Летняя Золотица]; поле *Подголбцы // Три Сосны* – «Подголбцы называется, а внук мой зовет Три Сосны, там сосны стоят» [Бабуш, Горка] и др.

Идиолектные топонимы редко составляют обширные именные списки, поскольку их коммуникативные возможности весьма низки. Следует учитывать и субъективное обстоятельство: такие названия имеют минимальные шансы попасть в блокнот участника полевых сборов топонимии, так как «официальность» ситуации опроса информантов располагает последнего к называнию общепринятых имен или форм имени. Однако иногда фиксируются довольно распространенные системы индивидуальных именований. Например, номинативная деятельность упо-

мянутой в одном из приведенных выше контекстов «бабки Нюры-пьяницы» (д. Паршино Вашкинского района Вологодской области), судя по всему, была весьма активной: для многих полей и покосов вблизи деревни она придумала параллельные названия, среди которых топоним *Гнилая Жона* является наиболее безобидным (остальные, как правило, носят обценный характер). Повышенная экспрессивность созданных этим «номотетом» имен выделяет их из топонимикона д. Паршино; четкая иллокутивная направленность, несложность и общедоступность используемых приемов позволяют другим носителям топонимической системы продолжать ее номинативную деятельность, вследствие чего образ бабки Нюры становится своеобразной номинативной маской (бранные добавки к общепринятым топонимам и «оригинальные» названия, основанные на матерной брани, могли быть введены в систему любым номинатором, опирающимся на заданный Нюрой номинативный стиль). Таким образом, существование в топонимическом тексте социолектов и идиолектов обуславливает его стилевую неоднородность.

Стилевая неоднородность топонимического текста свидетельствует не только о социальных различиях номинаторов, но и позволяет стратифицировать во времени отдельные текстовые цепочки. К примеру, весьма отчетливо выделяются в топонимическом континууме названия, созданные в «новое» время – 1920–1990 гг.

«Новая» топонимия характеризуется появлением не мотивированных свойствами объекта названий-пожеланий, в первую очередь – именований населенных пунктов, для которых подобные дезидеративы нередко сменяют старые названия, осмысляемые как пейоративные и потому не вписывающиеся в стилистику нового топонимикона: д. *Погорелка* → *Довольная* [Некр], д. *Заброды* → *Красная Заря* [Котл], д. *Пердунова* → *Гражданка* [Плес], д. *Голодный Остров* → *Красавино* («Говорили, что ничего у нас нет, издевались над нами. А мы не допустили, разжились. Вот и стало у нас Красавино») [Нюкс, Красавино], д. *Горемыкино* → *Веселая* [Ваш] и др.³⁷ Названия такого плана являются «отадресатными» [Рут 1992, 21]: они задают общезначимые ценности и моделируют нужное автору номинации отношение адресата к объекту. Ср. еще примеры «новых» топонимов: д. *Красные Зори* [Устюж], поле *Первомайская* – «Делали воскресник 1 Мая, поле расчищали» [Он, Ни-

³⁷ Такого рода «перевертыши» (полярные замены) – массовое явление в искусственной топонимии первых лет советской власти: пос. *Белый Ключ* → *Красный Ключ*, зал. *Цесаревич* → *Комсомолец*, станица *Великокняжеская* → *гор. Пролетарск*, ул. *Большая и Малая Дворянская* → *Большая и Малая Пионерская*, зал. *Императорская Гавань* → *Советская Гавань*, *Кадетский плац* → *Краснокурсантская площадь* и др. [Поспелов 1993, 35, 43, 190, 193, 228, 234].

меньга], хут. *Федерация* – «После революции туда переехали» [Баб, Угловая], о-в *Весна* – «В 20-е годы туда переехали» [М-Реч, Дачное], поле *Ударное* – «Вручную его разделявали» [Влгд, Владышнево], хут. *Согласие* [Бабуш], б. д. *Великий Коллективист* [Нюкс], хут. *Октябрь* [Вель], куст д. *Спартак* [В-Т], хут. *Надежда* [Пош], хут. *Труды* [Шексн], хут. *Железная Смычка* [Бабуш], хут. *Смелый* [Уст], д. *Пробуждение* [Уст], хут. *Советская Жизнь* [Бабуш], б. д. *Показатель* [Шексн] и др. Различия между «старой» и «новой» стилевыми установками ярче всего иллюстрируют названия, подвергнувшиеся стилевой «переплавке» в последнее время, ср.: руч. *Звозный*³⁸ → *Звездный* (показательна мотивировка, закрепляющая это переосмысление: «На звезды смотрели, вот и назвали» [Вил, Щербинская]).

Значителен стилевой пласт «колхозной» топонимии, созданной бригадами и агрономами колхозов. Одномерность видения местности, когда в номинативном фокусе оказывается только один вид топообъектов (поля), чисто утилитарная направленность такой топонимии приводят к утрате характеризующих названий (особенно метафорических) и к формированию сугубо дифференцирующих, ориентирующих топонимов, зачастую обладающих номенклатурно-канцелярской расчлененностью и синтаксической громоздкостью: *Средняя Полянка по Дороге*, *Средняя Полянка у Болота*, *Средняя Полянка в Углу*, *Дальнее Нижнее у Фермы* и т. п.³⁹

Взаимодействие традиционной крестьянской и новой «книжной» культуры приводит к обновлению арсенала лексических средств и, соответственно, смене стилевой тональности топонимии, ср.: на смену *Гулящим Островам*, куда уходили влюбленные парочки, приходят названия типа *Остров Любви* [Бел, Котл, Прим], *Остров Мечты* [Котл]; вместо *Матюкальных Болот* появляются *Неприличные Болота* [Ревд]; в системе наименований полей отмечаются перифразы типа *Вторая Украина* [Кир], *Вторая Сибирь* [У-Куб], *Наша Кубань* [Уст] (использование таких перифраз – характерная черта советской публицистики). Расширение горизонта традиционной культуры, появление новых каналов трансляции этнокультурной информации вводит в номинативный арсенал топонимии образы объектов внешнего мира, которые ранее отсутствовали в культурном фонде носителя топонимической системы: характерный пример зафиксирован в микротопонимии д. Гор-

³⁸ Ср.: *звоз* ‘подъем куда-либо’, ‘деревянный настил у крестьянского дома’ [КСГРС].

³⁹ Однако «бригадирский» номинативный стиль не является абсолютно новым: авторы разного рода описей земельных угодий творили географические названия в таком же духе в прошлые века.

бачево [В-Уст], где поля *Васькино*, *Егорушково*, *Сенькино* получают новые названия – *Камчатка*, *Париж*, *Кубань* (ср. также названия частей д. Курцево [Котл] – *Финляндия*, *Турция*, *Германия*). Эта же тенденция обуславливает появление многочисленных *БАМов* (названий вновь созданных дорог), *Даманских островов* (обозначений вновь осваиваемых островов) и т. п.: время создания таких топонимов может быть установлено без труда – 70-е гг. XX в. для первых, 60-е – для вторых. В целом следует отметить, что «новые» наименования не занимают значительно места в топонимических системах, остающихся по преимуществу традиционными.

Таким образом, топонимический континуум представляет собой сложный по своей организации текст (на многих участках – палимпсест), каждый из фрагментов которого создан коллективом номинаторов, включенных в определенный социохронотоп. Соответственно, несовпадение стилевых доминант текстовых фрагментов свидетельствует о различных подходах субъектов номинации к моделированию образа мира. Безусловно, не следует преувеличивать степень прозрачности топонимического текста в этом плане, поскольку дискретность последнего для исследователя неизбежна. Кроме того, топонимические модели крайне консервативны и не обладают способностью быстро реагировать на те или иные внешние изменения; вследствие чрезвычайной объемности номинативных задач традиционные модели развивают повышенную многозначность, что мешает разглядеть различную стилевую природу разных реализаций модели. Ср., к примеру, топонимические *красные горки*. Семантическое наполнение этих названий различно, причем различия носят концептуальный характер: иногда такие наименования имеют цветовую семантику; в других случаях обозначают места захоронений (на Русском Севере фиксируются четыре топонима *Красная Горка*, обозначающие кладбища [Выт, Пин, У-Куб, Шенк]); они могут стать также названиями красивых возвышенностей, откуда открывается вид на местность; кроме того, *красные горки* несут в себе «революционную» символику, ср. переименования типа д. *Попова Горка* → *Красная Горка* [Некр].

Несмотря на объективные трудности интерпретации топонимического текста, текстовая модель топонимического пространства имеет определенную разрешающую силу, поскольку помогает раскрыть принципы антропоцентрической организации топонимического континуума.

Итак, стилевая «полигlossия» топонимического текста, сигнализирующая о специфике установок различных субъектов номинации, может занять важное место среди объектов этнолингвистического исследования.

1. Этнолингвистический аспект исследования еще не освоен топонимикой в достаточной степени, что может быть объяснено целым рядом факторов: инерцией представлений о топониме как этикетке, ортодоксальном знаке, замкнутом на объект и обладающем только энциклопедическим значением; относительной изолированностью топонимистики от «нарицательной» лингвистики, где позиции антропоцентрической парадигмы исследования более прочны; отсутствием в распоряжении исследователей обширных массивов полевых материалов, позволяющих с достаточной полнотой выявить семантическое наполнение топонимов (большинство исследований по топонимии основывается либо на данных письменных источников, либо на результатах полевых сборов на микротерритории – в окрестностях одного населенного пункта, куста деревень, зоне бассейна небольшой реки и т. п.). Вследствие срабатывания этих факторов анализ имен собственных имен в культуроведческом аспекте нередко ограничивается работой с отдельными «культурноносными» названиями, которые, как правило, связаны с отражением явлений материальной культуры.

Изучение явлений духовной культуры по данным топонимии, т. е. реализация этнолингвистического аспекта топонимического исследования, базируется на рассмотрении принципов организации всего топонимического континуума, поскольку оно основано на трактовке топонима как элемента некоторой концептуализированной области, являющейся органической частью народной культуры.

2. При этнолингвистическом изучении топонимии следует исходить из посылки о том, что топонимикон, как и остальные сферы традиционной духовной культуры, содержит специфическую версию этнокультурной информации, которая не дублируется полностью другими версиями, но пересекается с ними в ряде фрагментов. Своеобразие этой версии создается благодаря особенностям проявления параметров этнокультурной информации: когнитивный генезис; сфера функционирования; структура; содержание и отбор; способ кодирования; специфика канала трансляции; семиозис (источники и условия трансляции).

Как уже говорилось, базовой для топонимической версии является информация о пространстве: ее статус обусловлен референтной привязкой единиц топонимикона. Эта информация многомерна, потому что пространственные представления существуют в нескольких вариантах, «разворотах» (реальное географическое пространство, ландшафтное пространство, ирреальное сакральное, историческое пространство и др.). Можно предположить, что разные пространственные модели

влияют друг на друга: характер и направление такого влияния мы попытаемся описать в ходе дальнейшего изложения.

3. Этнолингвистической интерпретации топонимического материала должно предшествовать изучение закономерностей семантической организации топонимикона. В целях возможно более полного описания семантического наполнения географического названия необходимо использовать следующие источники информации о семантике топонима: закономерности объектной соотнесенности названий; семантические связи внутри парадигмы названий одного объекта; связи в пределах семантической микросистемы топонимов; показания языкового сознания носителей топонимической системы; ареал модели.

Иерархическая цепочка семантика отдельного топонима → семантическая модель → семантическое поле позволяет представить структуру семантического пространства топонимии.

Описание единиц семантической организации топонимикона дает объективированную картину особенностей отражения в топонимии реалий окружающей действительности. Этнолингвистический аспект исследования предполагает интерпретацию этой объективированной информации с целью выявления установок субъекта номинации, определяющих его мировосприятие. Таким образом, должно быть осуществлено сопряжение «отобъектного» и «отсубъектного» уровней рассмотрения материала, придающее анализу характер концептуального (концептуализация может трактоваться как интерпретация семантических явлений с прагматических позиций).

4. При проведении этнолингвистических штудий с неизбежностью встает вопрос о методике извлечения этнокультурной информации из языкового материала. В ходе этнолингвистического изучения топонимии следует работать с такими объектами исследования, которые позволяют системно представить искомую информацию. Предполагается использовать следующие сферы анализа:

- идеографическая сетка, структурирующая семантическое пространство топонимикона (особое внимание следует обращать на асимметричную реализацию в топонимии сходных по смыслу параметров);
- отдельные семантические поля, включающие информацию с повышенным «коэффициентом субъектности /субъективности»;
- стилевая неоднородность топонимического текста.

Анализ этих объектов исследования позволяет извлечь информацию о том, как осуществляется категоризация окружающего пространства, какую роль играет субъект номинации в процессе освоения пространства, как формируется система приоритетов субъекта и др. Такая информация занимает важное место в структуре традиционной картины мира.

КОНЦЕПЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ ТОПОНИМИИ

Проблема восприятия географического пространства и пространственных отношений стала одной из наиболее актуальных в филологических и культурологических исследованиях последних лет. Актуальность данной проблемы определяется тем, что «понятие географического пространства принадлежит к одной из форм пространственного конструирования мира в сознании человека. Возникая в определенных исторических условиях, оно получает различные контуры в зависимости от характера общих моделей мира, частью которых оно является» [Лотман 1992, 407]. Указанная тема разрабатывается на разнообразном материале: на данных языкового узуса – предложно-падежной системы, приставок с локативным значением, лексики и идиоматики, составляющей ЛСГ «Пространство» etc. [Агеева 1984; Апресян 1995, 629–650; Архангельская 1993; Богуславская 1999; Васенькин 1989; Вендина 1999; Всеволодова, Владимирский 1982; Засухина 1991; Кибрик 1970; Кобозева 1995; 1996; Кравченко 1990; 1996аб; Крейнович 1960; Кубрякова 1997; Ли Тоан Тханг 1989; 1992; 1993; Лушникова 1996аб; Мартиросян 1984; Михайлова 1993; Проскурин 1990аб; Топорова 1994, 26–41; Яковлева 1994; Brown 1983; Herskovits 1988; Hill 1978; Klein 1983; Talmy 1983; Wienold 1995 и др.], художественной литературы, фольклора, обрядовых систем [Байбурин, Левинтон 1978; Белов 1996; Бергер 1994; Гачев 1995, 153–182, 209–223; Головнев 1995, 197–294; Гуревич 1984, 56–103; Джаксон 1994; Конаков 1996; Лотман 1992, 407–463; Неклюдов 1972; Пеньковский 1986; 1988; Подосинов 1978; 1994; Пространство и время ... 1990; Следзевский 1996; Страхов 1988; Теребихин 1991; 1993; 1994; Топоров 1983; 1992; 1993б, 1995аб; Шапошников 1992; Шиндин 1993; Щепанская 1992; 1995; Launay 1996 и др.].

Филологические и культурологические штудии тесно взаимодействуют с разысканиями в этой области представителей других гуманитарных наук: предпринимаются попытки описания представлений о пространстве с позиций общесемиотических и философских [Algra 1995; Кандрашина, Литвинцева, Пospelов 1989; Потемкин, Симанов 1990; Руденко 1994 и др.]; немаловажны исследования по исторической географии, восстанавливающие историю становления представлений о пространстве [Дитмар 1980; Исаченко 1971; Исторический источник ... 1997; Мельникова 1990; 1998; Подосинов 1999; Райт 1988; Томсон

1953]; существенную помощь в моделировании образа пространства могут оказать исследования психологов, посвященные психологии пространственного восприятия [Величковский 1983; Столин 1976; Логвиненко, Столин 1982; Шеварев 1982; Шемякин 1959; Ярмоленко 1961; Downs, Stea 1977 и др.].

Однако топонимический материал, к сожалению, изучается в этом плане явно недостаточно. Можно назвать только одну проблему (далеко не исчерпанную), вызвавшую развернутую дискуссию на топонимическом материале, – это проблема ориентации по правой и левой стороне (см., например, [Мурзаев 1993в; Толстой 1997, 407–438 (с библиографией вопроса); Трубачев 1986]). Эта дискуссия возникла в связи с этимологией гидронима *Десна*, который, по мнению А. А. Шахматова, М. Фасмера, Т. Лер-Сплавинского и др., произведен от прилагательного **desnъ* ‘правый’. Что касается других аспектов проблемы ориентации в пространстве, то топонимические данные привлекались для их рассмотрения эпизодически: ср., к примеру, исследования, затрагивающие проблему ориентации по сторонам света и, в частности, цветовой символики сторон света [Иванов 1981; Никонов 1986; Трубачев 1974]. Единственная обзорная работа о проблемах отражения географической ориентации в топонимии [Мурзаев 1993а] основана на крайне разнородном материале, имеет весьма небольшой объем и носит, как представляется, сугубо постановочный характер. Данная лакуна тем более досадна, что концепция пространства (места), как уже говорилось, является базовой для топонимической концептосферы и, соответственно, топонимический материал может дать достаточно подробную и целостную трактовку народного восприятия пространства.

Попытаемся показать разнообразие возможностей работы с топонимией при изучении специфики народной системы ориентации в пространстве и народного ментального образа пространства.

Как известно, объективное («чистое») пространство обладает такими свойствами, как ненаправленность, непрерывность, бесконечность, гомогенность [Кандрашина, Литвинцева, Поспелов 1989, 169–170]. Однако восприятие человека способно нарушить эту нейтральную объективность, придавая пространству – точнее, его образу в человеческом сознании – направленность, прерывность, конечность и неоднородность (о качественной неоднородности восприятия пространства см. в [Топоров 1992, 340 (применительно к мифологическому сознанию); Яковлева 1994, 25–29, 32–35]). Этнолингвистическое исследование должно быть нацелено на описание именно субъективного представления о пространстве, эксплицируемого по языковым данным. Таким образом, при работе с материалом следует обращать внимание на то, в чем выражается субъективный фактор при восприятии пространства: «шкалирован-

ность» пространства, наличие различных систем шкалирования, а также логика его осуществления; неравносность симметричных с логической точки зрения пространственных маркеров (ср., допустим, наличие ориентационных предпочтений при определении сторон света), их коннотативная нагруженность (ср. ценностное осмысление правой и левой стороны); появление пространственных смыслов у непространственных показателей и др.

Для описания организации пространства необходимо выработать систему базовых параметров описания. Ср., к примеру, набор базовых единиц, используемый Г. Личем: «место», «протяженность», «близость», «вертикальность / горизонтальность», «север / юг», «запад / восток», «ориентация», «движение», «виды передвижения», «поза (положение человека в пространстве)» [Leech G. *Towards a Semantic Description of English*. London, 1971. – Цит. по: Яковлева 1994, 19]. В зависимости от специфики языкового материала могут быть использованы и другие наборы базовых единиц [Мартиросян 1984; Яковлева 1994, 19]. В нашем случае целесообразно выработать ту структуру описания, которая была бы релевантна топонимическому материалу и соответствовала задаче выявления субъективного фактора при конструировании образа пространства. В соответствии с этими соображениями были введены некоторые ограничения при определении объема изучаемого материала. Допустим, такой параметр, как «виды передвижения», не может быть исчерпывающе описан по топонимическим данным, а параметр «форма, конфигурация объекта», квалифицируемый в некоторых исследованиях как пространственный, обладает невысокой информативностью в плане характеристики установок субъекта.

Анализ топонимических данных показал, что наиболее полно представлены в топонимии следующие пространственные параметры: 1) локализация объекта; 2) охват местности; 3) протяженность; 4) обжитость пространства.

Первый из них, по сути, позволяет определить точку зрения субъекта номинации по отношению к пространственным объектам (локализация всегда осуществляется при наличии некоей системы координат); второй и третий – охарактеризовать поле зрения номинатора; четвертый – дать качественную характеристику освоенного и не освоенного человеком пространства. Эти параметры определили структуру настоящей главы, в которой будет осуществляться их последовательное описание; в заключение будет представлена итоговая характеристика народного ментального образа пространства по данным русской топонимии.

1. ЛОКАЛИЗАЦИЯ ОБЪЕКТА В ПРОСТРАНСТВЕ

Локализация объекта в пространстве с помощью топонимических маркеров осуществляется на основе следующих базовых параметров: «ближний – дальний»; «правый – левый»; «передний – задний»; «верх – низ»; «стороны света»; «начало – конец».

При реализации этих параметров используются разные ориентационные механизмы (системы координат); одно и то же пространственное отношение может разворачиваться в рамках различных координатных сеток, каждая из которых связана с определенной позицией (точкой зрения) наблюдателя. Поэтому есть смысл сначала описать смысловое наполнение и функционирование топонимов, реализующих представленные выше базовые параметры, а затем обсудить проблему точки зрения в пространственной топонимической номинации.

1.1. ПАРАМЕТРЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ

БЛИЖНИЙ – ДАЛЬНИЙ

Данный параметр обладает самой богатой системой способов выражения, причем любопытно то, что, помимо собственно пространственных реализаторов идеи близости объекта от наблюдателя, используются также непространственные способы воплощения этой идеи. Таким образом, появляется круг предметов и явлений действительности, в ментальных образах которых пространственный компонент изначально не был задан, однако суженность зоны бытования или функционирования объектов приводит к появлению этого компонента в семантической структуре их наименований. Тем самым производится качественная характеристика пространства, наполняемого непространственными по своему генезису «вехами».

Следует отметить, что изучаемая пространственная оппозиция асимметрична по структуре: ее полюса обладают различной номинативной активностью. Интересно, что эта асимметричность по-разному проявляется у собственно пространственных и непространственных моделей.

А. Собственно пространственные модели.

С помощью этих моделей выражается преимущественно идея *удаленности* объекта.

• Модель **ближний – дальний** (иногда расширяемая за счет элемента **средний**) асимметрична в пользу *дальних* наименований (на 250 *ближних* приходится около 600 *дальних* топонимов, т. е. они соотносятся как 2:5). При этом подавляющее большинство *ближних* разводится по парам с *дальними* (например: руч. *Ближняя Вотчица* – *Середовая Вотчица* – *Дальняя Вотчица* [Вож], поле *Ближний Став* – *Средний Став* – *Дальний Став*, д. *Ближнее Осолово* – д. *Дальнее Осолово* [Карг] и др.; оставшиеся без пар *дальние* вступают в корреляции с составными названиями с немаркированным элементом (типа *Макарово – Дальнее Макарово*).

Количество «просто *дальних*» (т. е. топонимов, не входящих в коррелятивные пары) относительно невелико (1/5 всех наименований, включающих этот апеллятив), однако сам факт использования таких названий достаточно показателен. «Просто *дальние*» сами по себе неспособны более или менее определенно локализовать предмет¹ (в то время как *ближние* очерчивают некую реальную пространственную зону), поэтому появление их в топонимической системе, обладающей инструментальной предназначенностью, выглядит несколько неоправданным. Дело в том, что «просто *дальние*» определяют зону хозяйственно освоенного пространства, являясь не столько дистанционными показателями, сколько обозначением рубежа, границы между своими, включенными в хозяйственный процесс объектами, и неосвоенным пространством. Ср.: поле *Дальнее (Верх)*² – «Поля все по речке идут, это наше последнее поле» [Котл, Наледино], пок. *Дальний Лог* – «Последний наш участок там» [В-Уст, Родионовица], оз. *Дальнее* – «Цепь озер там наших, это последнее» [Лен, Большой Кряж], б. хут. *Дальний Хутор* – «Последний хутор нашего колхоза, дальше уже не наши хутора» [Бабуш, Демьяновский Погост]. Таким образом, *дальние* топонимы, не имеющие коррелятивных связей, выражают популярнейшую в русской топонимии идею пространственной границы; достаточная для ориентации пространственная определенность достигается за счет радиальности освоения пространства: обычно хозяйственные угодья располагаются по какой-либо линии (одной или несколькими) – вдоль реки, дороги и т. п., поэтому становится возможным преодолеть ориентационную размытость рассматриваемых названий. Ту же идею выражают топонимы, образованные от апеллятивов *конец, край, последний* и т. п.

¹ Ср. грубоватую отговорку при ответе на вопрос «Где был (купил и т. п.)?» – «Далеко (отсюда не видать)».

² В данном случае проявляется также аналогичная семантика *верха*, понимаемого как «верхняя (по реке) граница хозяйственных угодий».

В том случае, когда *ближние* и *дальние* названия входят в коррелятивные пары, на ориентацию «от себя» накладывается ориентация «от объекта», так как коррелятивность усиливает реляционность семантики *дальних* и *ближних* топонимов: *дальние* находятся за *ближними* по линии, заданной наблюдателем, который находится в центре координат (не случайно у *дальних* названий иногда появляется вариант – *задние*: пок. *Ближняя Литовка* – пок. *Дальняя (Задняя) Литовка* [Кир], р. *Ближняя Митинга* – р. *Дальняя (Задняя) Митинга* [Бабуш]).

Наконец, раритетность в русской топонимии *ближних* названий, не имеющих пары, объясняется тем, что *ближние* топонимы обладают относительно низкими различительными возможностями: находящихся поблизости от наблюдателя объектов много, значительно больше, чем удаленных, и для их дифференциации должен быть использован признак, обладающий большими дистинктивными возможностями, чем простое указание на близость объекта.

- Следует выделить еще один собственно пространственный способ реализации дистанционных отношений. Несмотря на свою невысокую активность, он весьма показателен для топонимической системы, ибо наглядно демонстрирует заложенные в ней тенденции. Данный способ предполагает использование в качестве дистанционных показателей указательных местоимений с пространственным значением: **этот (сей) – тот, сюда, здесь – там**. Низкая активность этих маркеров дистанционности объясняется их крайней семантической диффузностью, придающей парадоксальность привлечению этих слов к «работе» в качестве компонентов топонима. Семантическая диффузность может быть компенсирована только жесткой закрепленностью и статичностью позиции наблюдателя, которая оказывается одним из основных условий функционирования изучаемого топонимикона. В случае изменения позиции наблюдателя должно последовать весьма нежелательное переименование объектов, ср.: «Во время ... посещений группой из 4–5 человек хребта Зигальга на Южном Урале была выработана следующая условная топонимическая терминология ...: Это Плато (на котором находилась база группы), То Плато (куда ходили охотиться и собирать ягоды), Великое Плато (очень большое). После того, как лагерь был перенесен на Великое Плато, Это Плато стало называться Первое Плато, а То Плато – Второе Плато. Однако создавалось курьезное положение: начинать отсчет с Великого Плато было неудобно, так как получалось, что хребет начинался не с Первого, а со Второго Плато. И вот пришлось поменять эти названия местами: Второе Плато стали звать Первым, а Первое – Вторым» [Матвеев 1974, 12–13].

Анализируя состав указательных местоимений с дистанционным значением, следует отметить наблюдающийся и здесь перевес маркеров

удаленности. Зафиксировано 8 случаев использования местоимения *тот*: лес *Та Выгорода* (рядом лес *Наша Выгорода*) [Гряз], поле *Та Гора* [Кир, Уст, Шексн], поле *Та Горка* [Череп], лес *Тот Бор* [Котл], поле *То Поле* – «Мы жили за мостом, а поле было по ту сторону реки, вот и говорили: “Пойдем То Поле косить”» [Гряз, Перцево], поле *То Поле* [Он]; в то же время имеется только два случая употребления местоимения *этот* – поле *Это Поле* [Пыщ], луг *Этот Луг* [У-Куб]. В этом перечне нет корреляции *тех* и *этих* топонимов – такая корреляция возникает в тяжеловесных составных конструкциях (возможно, официальных, т. е. принадлежащих, допустим, к колхозной номенклатуре) с сочетаниями *та сторона / эта сторона*, являющихся «полуфабрикатами» топонимов: ур. *По Ту Сторону Мосточка* – *По Эту Сторону Мосточка* [Ней], пок. *На Этой Стороне Неи* – *На Той Стороне Неи* [Ней], ср. также не имеющую коррелята конструкцию *По Эту Сторону Камешницы Поляны* [Уст]. Отсутствие противопоставления *тот* – *этот* восполняется корреляциями с недейктическим (или нулевым) вторым членом: к примеру, поле *Та Горка* находится против д. *Горка*, лес *Тот Бор* расположен недалеко от леса *Вотложемский Бор* и т. п.

Отмечены также единичные употребления местоимений *здешний* (поле *Здешие Полянки* [В-Уст], поле *Здешня Новина* [Холм]), *тамошний* (руч. *Тамошно* [В-Важ]), а также *сей* и *сюда* (пок. *Афанасьева На Сей Стороне* [Уст], пок. *По Сю Сторону Норсонги* [Уст], ур. *По Сюда Залазного* [Нянд]).

Итак, проникновение указанных местоимений в топонимическую систему спорадично, что подчеркивается их приложимостью к самым номинативно нестабильным объектам – полям и покосам, а также употреблением в составе «полуфабрикатных» конструкций. Однако сам факт такого проникновения не случаен и подчеркивает статичность позиции наблюдателя, характерную для русской топонимии.

- Еще один собственно пространственный способ выражения рассматриваемых отношений является опосредованным, так как предполагает использование так называемых **вторичных топонимов** [см. Печерских 1974; Рут 1992, 86–87]. Этот способ применяется только для выражения идеи удаленности – на самом деле, образ чужой страны (стороны) никак не подошел бы для обозначения близких к наблюдателю, а значит, освоенных объектов.

Приведем примеры вторичных топонимов, выражающих идею удаленности (основой выборки послужили материалы, приведенные в диссертации М. Э. Рут [1994], которые пополнены полевыми записями ТЭ 1993–2000 гг.; приводятся только названия, имеющие мотивационные контексты): пок. *Америка* – «Дальний покос был», «Никто его не знал, где он» [Ваш, Босово, Шугино], лога *За Америкой* – «Далеко дак, по-

этому За Америкой. Бабы говорили: “Куда пошла косить? А За Америку”» [Ник, Шолково], д. *Америка* (неоф.) – «Она от центра больше трех километров, вот и прозвали» [У-Куб, Михалево], ур. *Воркута* – «Мужики называли эдак после войны уж, это так зовётся, далёко от деревни» [Уст, Березник], пок. *Ерусалим* – «Дальнее поле, далеко до него, как до Ерусалима» [Уст, Строевское], поле *Заполярье* – «Это Заполярье считалось, ото всех сзади» [У-Куб, Жуково], куст д. *Индия* – «Очень далеко, к черту на кулички, в общем, Индия» [Солигалич, Корцово], поле *Камчатка* – «Далеко от деревни это поле, выселенные там жили» [Вил, Щербинская], пок. *Камчатка* – «В углу была, вот и Камчатка» [Мез, Нижа], пок. *Китай* – «Самая последняя наша пожня» [Лен, Лантыш], пок. *Питер* – «Дней на 10 ездили косить – вроде как в Питер съездили» [Устюж, Конюхово], поле *Гогин Питер* – «Далеко она, сама последняя новина, потому и Питер» [Холм, Прилук], д. *Румыния* (неоф.) – «Дупельнево еще Румынией звали, далеко, что ли, казалось» [Шексн, Кощеево], часть д. *Сахалин* – «Сахалин почти в самом конце деревни, далеко до него» [Чаг, Смердомский], пок. *Сахалин* – «Сахалин далеко-далеко в лесу» [Шексн, Ларионово], куст д. *Сахалин* – «Сахалин, как в Советском Союзе, отдельно стоит, так и у нас, три деревни – дальше тупик» [Солигалич, Жилино], лес *Сахалин* – «Далеко и трудно ходить» [Пош, Андрюшино], поле *Сибирь* – «Далеко поле, вот и Сибирь» [Уст, Коптяевская], пок. *Сибирь* – «Далеко она, чё ли» [К-Г, Лукина Гора], ур. *Тайвань* – «Ушла за Тайвань – заблудилась» [Бабуш, Тиноватка], д. *Турция* (неоф.) – «Далеко Турция, автобусы не ходили в ту сторону, вот и прозвали так» [Бабуш, Тиманова Гора], куст д. *Туруханский Край* – «Далеко и бездорожье дикое» [У-Куб, Шпилиха], часть д. *Финляндия* – «на отставу она, подальше от других» [В-Уст, Ильинское], часть д. *Япония* – «Далекий край – вот и Япония» [Кадый, Селище]³.

Среди вторичных топонимов такого типа наиболее популярными оказываются *Камчатка* и *Сибирь*, распространенные в 2/3 администра-

³ Вторичные топонимы, выражающие идею удаленности, фиксируются в нарицательной лексике, ср.: *амуры* ‘отдаленное место’ [СРНГ 1, 252], жарг. *индия* ‘отдаленная колония по заготовке леса’ [БСЖ, 232], *уйти в ирбѣт* (*ирбѣть*) ‘уйти очень далеко’ [КСГРС], *Казань миновать* ‘уйти, убежать очень далеко’ [СРНГ 12, 310–311], литер. *камчатка* ‘шутливое название задней парты, последних рядов в классе или в какой-нибудь аудитории’, *за китайскую границу* ‘очень далеко, неведомо куда’ [СРДГ 1, 119], *за (в) можай загнать* (*гнать, загонять, вогнать*) ‘отправить, выслать очень далеко, в самые отдаленные места’ [СОГ 6, 135], разг. *соловки* ‘всякое отдаленное место проживания’ [СКСИ, 320] и др.

тивных районов Русского Севера, однако эти названия (как и другие вторичные топонимы, приведенные выше) – в силу своей образности – могут воплощать не только идею удаленности, но и другие смыслы: *Сибирь* – вновь разработанный участок, *Ерусалим* – пространство, находящееся около церкви, и т. п.

• Что касается идеи близости, то она может быть реализована с помощью топонимов, указывающих на связь объектов с населенным пунктом (домом): **деревенский** > пастб. *Деревенская Ухожа* [Устюж], р. *Деревенская Речка* [Хар], пок. *Деревенские* [Нюкс], пок. *Деревенский* [Кон], руч. *Деревенский* (впадает в оз. *Домашнее*) [Он], руч. *Деревенский* [В-Т, В-Уст, Хар], порог *Деревенский Порог* [Он], поле *Деревенское Поле* [Баб]; **домашний (доможи́р)**⁴ > оз. *Домашнее* [Плес], оз. *Домашнее* – «Из Домашнего воду черпают» [Он, Нименьга], пок. *Домашние* [Лен], оз. *Домашние* – «Близко дак, вот и Домашние» [Он, Порог], пок. *Домашний* – «У себя косили, у своих изб, никуда не ездили, вот и Домашний» [В-Важ, Ногинская], руч. *Домашний* [Уст], г. *Домашний Увал* [Мез], р. *Домашница* [Ник], р. *Доможи́ровка* [Ней]; **под окном (перед окном, прямо**⁵ **окна)** > полоса *Подоконница* [Кологр], пок. *Подоконное* – «рядом здесь, под окнами у нас» [Леш, Вожгора], поле *Подоконное* [В-Т, Мез, Он], поле *У Попа Под Окном* [Вож], поле *У Фоки Под Окном* [Кир], поле *У-Под Окошка Воробья* [Пош], пок. *Передоконные* [Бабуш], пок. *Передокошко* [У-Куб], пок. *Перед Окошком* [Ваш], поле *Прям Окошек* [В-Уст] и мн. др. Вероятно, сюда же следует отнести и топонимы, образованные от апеллятивов **родимый, родной**: бол. *Родимый Мох* [Кир], р. *Родимой Поток* [Кологр], пок. *Родная Исадница* [Тот], пок. *Родные* [Макар].

Топонимы типа *Домашний, Деревенский* и пр. могут функционировать только в весьма узком контексте – в топонимической системе одного населенного пункта и при условии, что обозначаемый ими топообъект является единственным объектом такого вида в деревне и ее ближайших окрестностях. Такие условия функционирования приводят к тому, что положение этих топонимов оказывается весьма неустойчивым: при номинации «изнутри» имя вроде *Деревенский* или *Домашний* оказывается избыточным (руч. *Деревенский* – «Чаще-то мы его никак не зовём, а правильно его звать Деревенский» [Уст, Коптяевская]), при номинации «извне» соответствующий объект нередко получает параллельное на-

⁴ Ср.: *домашний лес* ‘ближний лес’, *домашняя тоня* ‘тоня на той же стороне, где стоят жилища, обыкновенно начинающаяся тут же от вешал’ [СРНГ 8, 117], *доможи́р* ‘домосед’, *доможи́ра* ‘дом со всем хозяйством’ [СРНГ 8, 22].

⁵ Ср.: *прямо* ‘напротив’ [КСГРС].

звание по деревне (оз. *Домашнее* = *Назаровское* у д. Назаровская [Кон]). Однако топонимы такого плана весьма частотны.

В целом следует отметить, что собственно пространственные способы выражения дистанционных отношений тяготеют к акцентированию идеи удаленности объекта; это обстоятельство объясняется большими различительными возможностями признака удаленности.

Б. Непространственные модели.

Говоря о непространственных способах реализации отношения близости – удаленности, следует отметить, что здесь асимметричность резко смещается в сторону показателей *близости*, которые весьма разнообразны в качественном отношении и представительны в количественном. Такое смещение вполне объяснимо: если для собственно пространственных маркеров идея близости обладает недостаточными дистинктивными возможностями, то в данном случае эта идея приобретает разрешающую силу, поскольку наслаивается на первичный смысл непространственных показателей. Обозначения объектов (или отношений), имеющих четко закреплённую зону действия, в результате своеобразной символической метонимии приобретают дополнительный пространственный смысл.

- Идея близости объекта к дому может быть реализована, во-первых, с помощью моделей, обозначающих отношения собственности (точнее, свойства) – **наш, свой**, ср.: лес *Наш Бор* [Кологр, Мантур], поле *Наша Клетка* [Шар], пастб. *Наша Поскотина* [У-Куб], луг *Наш Луг* [В-Важ], поле *Наше Поле* [Устюж], пастб. *Наша Пастьба* [Череп], озеро *Наше Гагарье* [Плес], бол. *Наше Болото* [Устюж], пок. *Наше Клоково* (ср. поле *Фешовское Клоково*) [Чаг], оз. *Наше Озеро* (вар. *Маленькое Озерко, Озеро, Лоховское Озеро*) – «Мы все Наше Озеро зовём, иногда Маленькое Озерко, просто Озеро. А из других деревен Лоховское Озеро зовут» [Карг, Лохово], поле *Наши Низы* [Меж], пок. *Петушки Наши* (ср. поле *Петушки Поповицкие*) [К-Б], бол. *Своё* [Бел, Мез], бол. *Своё* (вар. *Жаравьиное*) [Карг], бол. *Своё Болото* – «Около деревни, потому Своё» [Чаг, Бортниково], пок. *Своё Косынёво* [Вель], оз. *Своё Озеро* [Вель], поле *Своё Поле* [Бел], пок. *Своё Пустое* (рядом оз. *Пустое* – дальше от д. Демидовская), руч. *Свой* (вар. *Кузьмин, Домашний* – в д. Козьмогородское) [Мез], лес *Свой Бор* [Шенк], пок. *Свой Лужок* [К-Б], бол. *Свой Мост* – «Старик один был, он выстлал на болоте мосточки и говорил: «Пойду сейчас через свой мост» [Карг, Андроновская], бол. *Свой Мох* [Нянд], поле *Свой Наволок* [Мез, Он, Пин], пок. *Свой Остров* [Мез], лес *Свой Украек* [Баб], поле *Своя Присада* [К-Б], старица *Своя Река* [Ник], покос *Своя Сторона* [Пин] etc.

Данная модель имеет весьма устойчивую традицию употребления в русской топонимии, ср., к примеру, существовавшую у русских помещиков XVIII–XIX вв. практику наречения поместий именами типа *Свои Сады* (*Свои Садики*). Ср. описание ситуации возникновения названия реки *Наша* в Арктике: «Река долго оставалась безымянной. Когда возникала надобность как-то ее отличить, то говорили «наша», т. е. протекающая около нашего дома. Незаметно понятие «наша» из имени нарицательного превратилось в имя собственное» [ТМСА, 273–274]. Противопоставленность *своих* и *чужих* объектов в топонимии не отражена (*чужие* топонимы не обладали бы дистинктивными возможностями⁶), однако встречаются пары типа *Наша Пожня* – *Та Пожня* (покосы) [Гряз], *Наше Клоково* – *Фешовское Клоково* (поля) [Чаг], *Пустое* – *Своё Пустое* (озера) [Шенк], подчеркивающие пространственное значение определений *наш*, *свой*. Оговоримся еще раз: первичная семантика местоимений – равно, как и других непространственных моделей, – сохраняется (*наше*, *своё* = принадлежащее нам, используемое нами), а пространственные смыслы играют роль устойчивых коннотаций.

• Во-вторых, для выражения идеи близости объекта к дому используется образ женщины (*бабы*). Топонимы, в состав которых входит определение *бабий*, обозначают объекты, расположенные около населенного пункта и связанные с хозяйственной деятельностью женщины (на *бабьих болотах* женщины собирают ягоды, в *бабьих ручьях* или на *бабьих озерах* стирают белье⁷ и т.д.). Соответственно, атрибутив *бабий* приобретает, помимо «социальной», пространственную семантику, ср.: бол. *Бабье* – «Бабы по ягоды бегали, близко оно» [В-Уст, Палема], поле *Бабье Поле* – «Тут у деревни оно, бабы работали» [Котл, Новинки], пок. *Бабье* – «Самый ближний покос от деревни» [Холм; Ульяново], пок. *Бабья Пожня* – «Бабы обрабатывали, у деревни дак» [Бабуш, Тарабукино], бол. *Бабье Болото* – «Около деревни оно, бабы всё туда бегали, далеко-то некогда бежать» [Ваш, Муньга], г. *Бабушкин Чугор* – «Ключ есть, на самовары ходили бабушки» [В-Важ, Малыгинская], лес *Бабий* (*Бабкин*) *Лес* – «Бабий Лес близко, а в Дедков Лес пойдешь – сапоги надо одевать»; «В Бабкин Лес бабки по красули бегали, а в Дедков Бор не сразу попасть можно, там чабра такая, только мужик в болотниках пройдет» [Холм, Речка, Подборье] и др. Эта же логика (но только в «об-

⁶ Ср., однако, весьма любопытный факт апеллятивной лексики, иллюстрирующий возможность приобретения словами с корнем *чуж-* пространственных смыслов: *чужбина* ‘дальний лес, глухое место в лесу’ [КСГРС].

⁷ Ср. название оз. *Бабье*, которое имеет характерный вариант – *Портомой* [В-Уст].

новленном» варианте) заложена в названии бол. *Пенсионерское* – «Оно рядом, всё бабки ходят, дойти близко» [Бабуш, Логдуз].

Если *бабьи* объекты окружают населенный пункт, то *мужские* объекты – «все остальные», поэтому соответствующие топонимы не могли бы реализовывать дистинктивную функцию и не приобретают пространственной символики (см. об этом в гл. I настоящей работы); встречающиеся иногда в топонимии названия типа *Дедово Поле*, *Дедов Ручей* выражают, как правило, посессивные отношения (в нашем материале встретился только один топоним с определением *Дедков*, имеющим пространственную семантику, – см. выше *Дедков Лес*: данное название противопоставлено топониму *Бабий Лес*).

• В-третьих, своеобразными маркерами близости объекта к дому являются образы некоторых домашних животных и птиц. Среди них можно назвать **кошку**, **курицу** и **петуха**, которые в русской народной традиции являются символами дома (к примеру, эти животные являются непременными участниками обряда вселения в новый дом; в них, по многочисленным поверьям, может превращаться домовая и т. п. [СД 2: 638–639; 3: 65]). Локативная символика проявляется у слов *кошка*, *курица* и *петух* чаще всего именно в топонимии, а не в системе апеллятивной лексики, – и это закономерно: представленные в нарицательной лексике образы кошки, петуха и курицы настолько богаты и многогранны, что локативные смыслы, которые занимают второстепенное место в структуре образа, имеют немного шансов стать движущей силой семантической деривации; топонимия же охотно использует эти смыслы, поскольку локативность является доминантой топонимической семантики. Приведем примеры.

Кошка: руч. *Кошачий* – «Мелкий ручеечек тут у деревни, даже кошка перебрела бы» [Влгд, Новленское]⁸, поляна *Кошачья* – «У самой деревни, вот и Кошачья» [В-Уст, Гора-Семеновская], руч. *Кошкин* – «Небольшая канавка, течет у самой деревни, тут кошки еще бегают» [Карг, Лохово], часть д. *Кошачья Слободка* – «Там всего пять домов, дак никто, кроме кошек, не бегал» [Прим, Ширша] и т. п.; **курица**⁹: бол.

⁸ Конечно, *кошачьи* топонимы могут иметь также «мемориальный» смысл, прилагаясь к небольшим водоемам, где топили кошек (тоже, кстати, находящимся недалеко от населенного пункта): оз. *Кошачий Лог* – «Кошек, видно, топили старики» [Вель, Прилук], оз. *Кошачья Яма* – «Кошек там топили» [Котл, Забелино], омут *Кошачий Курган* – «Кошек, наверное, бабка Маня топила» [Бел, Мыс], пок. *Кошечьи Похоронки* [Вель], поле *Кошачий Городок* [Уст], холм *Кошечий Городок* [Холм] и т. п.

⁹ Ср. выводы Е. В. Лысовой, изучившей особенности ментального образа курицы в русской традиционной культуре на материале текстов малых жанров фольклора и диалектной лексики: «Образ курицы имеет устойчивую локаль-

Курицкое – «Оно маленькое, у самой деревни» [Бел, Гришино], руч. *Куриный* – «Близко от деревни ручеек, вот и назвали» [Котл, Ядриха], бол. *Куричье* – «Маленькая ямка заболоченная, в самой деревне. Здесь Куричье у нас, курицы бегали, что ли» [Карг, Ручьевская], пок. *Курицыно* – «Около самой деревни, здесь даже курицы бегают» [Вож, Кропущинская]; *петух*: тропа *Петушиха* (из деревни Фролово Бабушкинского района Вологодской области в ближайший лес) – «Берем ягоды и слышим, как петухи поют» [Бабуш, Дьяково] и др.

Как явствует из контекстов, «животные» названия этого типа маркируют близкую к дому зону, прилагаясь к мелким ложкам, ручейкам, полянкам, которые вряд ли удостоились бы особого названия, если бы находились подальше от деревни. Такие топонимы занимают особое место среди фаунистических названий, в известном смысле пародируя их. Обычно *глухариные*, *лисьи*, *карасьи* и проч. названия сигнализируют о месте обитания соответствующих животных; но если на *Глухарином* болоте реально водятся глухари, то в *Курином* болоте, конечно, нельзя «прописать» куриц, а в *Кошачьей* поляне – кошек: эти названия шуточно указывают на мини-объекты, где могли бы «водиться» разве что курицы или кошки. Идея близости к дому получает применительно к каждому образу специфическую окраску. Так, *кошачьи* топонимы (гидронимы) в ряде случаев несут дополнительный «мемориальный» смысл, обозначая ручейки, озерки и омуты, где топили котят и других мелких животных. *Петушьи* названия сигнализируют о «звуковой» близости объекта (он находится там, где слышен крик петуха), ср. также *пойти на петухи* ‘пойти на крик петухов как на ориентир’ [СРГК 4: 493]. *Куриные* гидронимы имеют дополнительную «метеорологическую» мотивировку, обозначая предельную степень «мелкоты» гидрообъекта, ср. *куриный брод* ‘очень мелкая речка’ [КСГРС], *курице по холку* ‘мелко’ [НОС 4: 182] (ср. также пословицу «По нашей речке куры пеши бродят» [Даль II, 224]).

Идея *удаленности* объектов от дома, как уже отмечалось, имеет более узкий диапазон непространственных маркеров.

- Если рассматривать образы животных, то, пожалуй, труднее найти образ, который стал бы маркером идеи удаленности, чем показатель идеи близости. Топонимы, в основе которых названия диких животных, обозначают места обитания последних, что немаловажно для охотников, а также «памятные» места, где произошло нападение (как правило, волка или медведя) на человека (домашних животных); разумеется, эти два смысла нередко совмещаются. Однако место встречи, например, с

ную закрепленность: своя улица, пепелище, своя земля, двор, огород, курятник» [Лысова 1998, 172].

медведем необязательно удалено: он может появиться на овсяном поле (ср. поле *Мишкин Овес* [Баб]), под самой деревней (пок. *Медвежий* – «Тут у самой деревни медведя видели» [Влгд, Новленское]) и т. п.

В то же время **медведь** может стать символом удаленного пространства, ср. общенародный фразеологизм *медвежий угол* ‘отдаленное, глухое малонаселенное место, захолустье’, в семантике которого дистанционный смысл соединен с социальным (*медвежьи углы* – это непременно места глухие, захолустные, не освоенные человеком). В топонимии встречаются названия, образованные на базе этой идиомы. Так, в нашем материале имеется 8 таких топонимов: ур., лес, пок. *Медвежий Угол* [В-Важ, Галич, Гряз, Ник, Сус, Тот, Чухл], пок. *Медвежий Уголок* [Пыщ]. Любопытно, что *медвежьи углы* попадают только в топонимических макросистемах Вологодской и Костромской областей, но не фиксируются в Архангельской области – более «глухой» и «медвежьей». Очевидно, в топонимии Архангельской области такие названия не обладали бы различительной силой. Ср. также реализацию идеи удаленности в мотивировочном контексте к названию р. *Медвежья* – «Подальше от деревни, медведи там ходили» [В-Важ, Ногинская]. «Медвежья» символика имеет ярко выраженный идиоэтнический колорит: к примеру, просторечная формула *медведи по улицам ходят* однозначно прочитывается как ироничная характеристика отдаленных (провинциальных) русских городов, а не каких бы то ни было других.

• Идея удаленности также может быть реализована посредством топонимов, связанных с обрядовыми действиями, а именно, празднованием окончания жатвы или покоса. Если какое-то угодые является самым далеким, последним в ряду других, то его обрабатывали позже всех, а затем на том же месте отмечали окончание полевых работ (эта традиция существовала в ряде районов Русского Севера); таким образом, в мотивировке языкового факта может быть отражена ситуация празднования дожинок, которая представлена приготовлением определенных ритуальных блюд. **Соломат**¹⁰: пок. *Соломатница* – «Назвали, потому что самый дальний покос. Когда раньше косили, завершали весь покос, соломат мешали» [Вель, Мокшинская], поле *Соломатной Лог* [Тарн]; **дежень**¹¹: поле *Деженное* – «Это поле у нас последним убирали» [Ваш, Мальгино]; **канунец**¹²: пок. *Канунцы* – «Канунцами назывались, потому что сенокос ими завершали, самый далекий покос» [Пин, Шотогорка].

¹⁰ *Соломат* ‘жидкое кушанье из крупы или толокна, готовившееся обычно по окончании уборки урожая’ [КСГРС].

¹¹ *Дежень* (*дежён*) ‘блюдо из толокна со сметаной или простоквашей, которое, как правило, готовилось по окончании уборки урожая’ [КСГРС].

¹² *Канунец* ‘угощение по случаю окончания покоса’ [СРНГ 13, 45].

Конечно, *соломатные* и т. п. топонимы не всегда имеют указанную коннотацию, но относительно топонимических систем ряда территорий об этом можно говорить достаточно уверенно: к примеру, в топонимии смежных Вельского района Архангельской области и Тарногского района Вологодской области фиксируется 10 *соломатных* топонимов; на этой же территории овсяный соломат является именно ритуальным блюдом [ТЭ], что свидетельствует о терминологизации пространственного смысла при топонимическом употреблении.

- Наконец, есть основания говорить о том, что идея удаленности объекта может выражаться с помощью числовой символики. Интересны в этом плане **девятые** топонимы (о символике числа *девять* в топонимии см. в гл. I настоящей работы). Ср.: поле *Девятое Поле* – «Самое далекое поле» [Тарн, Никифоровская]. Материалы топонимии коррелируют с данными апеллятивной лексики. Значение отдаленности (как в пространственном, так и в «социальном» смысле) выражено в диалектных фразеологизмах *на девятом шоломе*¹³ ‘очень далеко’ [КСГРС], *девять путей* ‘о долгой дороге, нелегком пути’ [АОС 10, 403], *девятая кость от задницы* (*девятая нога от задницы*), *девятый кол в заборе* ‘о дальнем родственнике’ [КСГРС], *девятый зуб* ‘о дальней родне’ [СРНГ 7, 326] и др.

ПРАВЫЙ – ЛЕВЫЙ

Правые и **левые** названия весьма редки в рассматриваемой топонимической макросистеме: зафиксировано около 35 *правых* и 40 *левых* названий, которые в большинстве случаев разводятся по коррелятивным парам, ср.: пок. *Левая Васильевская* – *Правая Васильевская* [Нюкс], поле *Правая Демёша* – *Левая Демёша* [Кон], р. *Правая Россоха* – *Левая Россоха* [В-Т, К-Г, Леш, Мез, Пин], поле *Правая Сторона* – *Левая Сторона* [Холм], пок. *Левые Дорки* – *Правые Дорки* [Шексн], пок. *Левый Бутькун* – *Правый Бутькун* [Пин], пок. *Захолмище Левое* – *Захолмище Правое* [Вож] и др. Очень редко встречаются пары с немаркированным членом (р. *Сосновка* – *Левая Сосновка* [Котл]) и единичные названия (р. *Левая Быстрая* [Ник], пок. *Правая Задняя* [Нюкс]).

В подавляющем большинстве случаев тополексемы *правый* и *левый* функционируют в составе составных топонимов, т. е. употребляются лишь для дополнительной дифференциации объектов. Показательно также, что эти определения используются в основном для характеристики расположения полей, покосов, населенных пунктов. Названия полей и покосов представляют собой сравнительно поздний топоними-

¹³ Букв. «на девятом холме», ср. *шолом* ‘холм, небольшая горка’ [КСГРС].

ческий пласт; в ойконимии нередки случаи искусственного императивного вмешательства в номинативную систему (ойконимы *Левогорочное* – *Правогорочное*, *Левоплоское* – *Правоплоское* [Уст] носят весьма искусственный характер, не говоря уже о парах типа д. *Парфеньев-Левый Берег* – *Парфеньев-Правый Берег* [Вель], ур. *Сельменга-Правый Берег* – ур. *Сельменьга-Левый Берег* [Нюкс]). «Полуфабрикатные» конструкции типа *За Двоими Воротами Налево* [Уст], поле *Лево к Верховью* – *Право к Верховью* [В-Важ], поле *Справа от Завода* [Бабуш] также носят явно поздний характер. В гидронимии *правые* и *левые* названия встретились в общей сложности только 20 раз, причем они характеризуют ручьи и небольшие речки.

Из этих фактов можно сделать вывод о том, что определения *правый* и *левый* стали использоваться в топонимии Русского Севера достаточно поздно. Дополнительным аргументом в пользу этого является наличие у топонимов с определениями *левый* и *правый* параллельных форм (очевидно, более ранних), включающих более традиционные атрибутивы (р. *Левая Курома* – *Правая Курома* // р. *Северная Курома* – *Летняя Курома* [В-Т], р. *Левая Россоха* – *Правая Россоха* // *Первая Россоха* – *Вторая Россоха* [Мез]). Ср. на других территориях: к примеру, *левые* и *правые* названия среди гидронимов Украины не зафиксированы (кроме топонима *Права Вершина Мокрого Яланчика* [СГУ, 445], появившегося, скорее всего, при описи водных объектов), практически нет их и в бассейне Оки (фиксируется один гидроним *Правой* и весьма сомнительные в плане связи со значением ‘левый’ *Левинка* и *Левкуша*) [Смолицкая, 44, 149, 210]. Эти данные подтверждают наблюдения В. А. Никонова: «Левое и Правое непривычны или очень поздние в топонимии старых русских областей» [Никонов 1965, 34]. В то же время они широко используются для дифференциации усваиваемых русскими иноязычных топонимов (особенно гидронимов) на территориях позднейшего заселения – на Дальнем Востоке, в Восточной Сибири и т. п. Такая топонимия, как правило, очень рационализирована, причем дифференцирующие определения в ней отражают не столько живую речевую стихию, сколько стремление к номенклатурной целесообразности и упорядоченности, ср. пары гидронимов такого плана: р. *Левая Верхняя Томба* – *Правая Верхняя Томба*, р. *Левый Верхний Беркакит* – *Правый Верхний Беркакит* [СГНЯ, 186–188, 132–135], р. *Левый Грубей* – *Правый Грубей*, р. *Левый Кечпель* – *Правый Кечпель* [СГНК, 66, 101], р. *Хейван Левый* – *Хейван Правый* [ТССВ, 399] и др. Показательно, что сибирские гидронимы, зафиксированные в прошлом веке П. Семеновым в форме *Большая Мама* – *Малая Мама* [Семенов III, 161], в настоящее время функционируют в форме *Левая Мама* – *Правая Мама* [Грушко, 16].

Однако значения ‘правый’ и ‘левый’ могли выражаться и другими топонимическими, ср. существование в некоторых зонах восточнославянской и на южнославянской территории гидронимов типа *Десна* (*Десенка*) и *Шуя* (*Шуйца*), которые могут быть связаны с **desnъ* ‘правый’ и **šujъ* ‘левый’. Как уже говорилось, по поводу топонимов такого рода развернулась весьма интенсивная полемика, которая подробно анализируется в обширной статье Н. И. Толстого [Толстой 1997, 407–438]. Автор представляет позиции всех участников дискуссии относительно этимологии гидронима *Десна*, относивших этот гидроним к разным этимонам, языковым группам и языковым семьям. Судя по этому обзору, наиболее многочисленная группа участников дискуссии (правда, далеко не все из них углубленно занимаются этимологией) поддерживают гипотезу о связи названия *Десна* с праслав. **desnъ*. Однако в таком авторитетном этимологическом источнике, как ЭССЯ, указывается, что **desnъ(jъ)* – древнейший южнославянский диалектизм, неизвестный западнославянским и восточнославянским языкам, следовательно, название реки *Десна* у восточных славян не может объясняться как первоначально ‘правая’, поскольку как раз восточные славяне не имели соответствующего апеллятива; для этого названия допускается «вторичная славянизация родственного балтийского названия со значением ‘правая (река)’» [ЭССЯ 4, 219].

В то же время многие участники данной дискуссии считают, что изучение особенностей локализации объектов, обозначенных гидронимами типа *Десна*, может способствовать восстановлению направлений миграции народов. К примеру, А. А. Шахматов, который впервые высказал эту идею, полагал, что славяне шли с юга на север и, встретив справа на своем пути *Десну*, назвали эту реку по ее отношению к миграционной волне (излагается по [Толстой 1997, 412]).

Различного рода «миграционные» гипотезы Н. И. Толстой не считает приемлемыми, ибо против них «свидетельствуют названия довольно многочисленных мелких рек [“омонимов” *Десны*. – Е. Б.] (от 1,5 до 5 километров и немногим более), которые в свете больших миграционных волн оказываются ничтожными» [Толстой 1997, 432]. Исследователь обращает внимание на то, что притоки более крупных рек, обозначаемые гидронимами, которые связаны с лексемами **desnъ*, **šujъ*, довольно последовательно располагаются в обратном направлении, чем это могло бы ожидаться с точки зрения современной научной гидрографической системы, задающей ориентировку сверху вниз по течению реки.

Этот факт (на который обращали внимание и другие ученые) истолковывается автором двумя способами, первый из которых он называет ономастическим, а второй – этнографическим. Ономастический способ объяснения заключается в допущении того, что народная ориентировка

идет в направлении от больших рек к меньшим, от больших – к малым, от устья к истокам; таким образом, наблюдатель осваивает объект *против течения* реки. Этнографическое объяснение базируется на свидетельстве сербского этнографа М. Филиповича о том, что сербы считают правые и левые притоки, ориентируясь против течения, а не по течению [Толстой 1997, 436–437].

Мы достаточно подробно изложили результаты дискуссии по поводу обозначений правой и левой стороны, ибо они имеют принципиальное значение, выходящее за рамки проблемы «правизны»/«левизны»: они выходят на конструктивные принципы народной системы ориентации в пространстве. Гипотеза Н. И. Толстого (несомненно, очень интересная) предполагает существование в народной системе ориентации вынесенной вовне и строго закреплённой точки отсчёта. Механизм ориентировки, по сути, является таким же, как в научной гидрографической системе (точка отсчёта находится вне человека и объективирована), меняется лишь направление ориентации – не сверху вниз, а снизу вверх по течению. Данная гипотеза нуждается в проверке на более обширном топонимическом материале (к сожалению, топонимия целого ряда территорий древнего славянского заселения попросту не собрана). Представляется, что увеличение количества анализируемых фактов может внести некоторые коррективы в нарисованную Н. И. Толстым картину. К примеру, материалы Словника гидронимов Украины, которые не привлекались автором для анализа (хотя они частично пересекаются с использованными им источниками), не дают отмеченной закономерности – последовательного изменения «правого» на «левое» по сравнению с научной системой ориентировки: из 8 гидронимов с корнем *десн-* (*Десна*, *Десенка*, *Деснивка*) 3 обозначают левые притоки соответствующих рек, а 5 – правые [СГУ, 168].

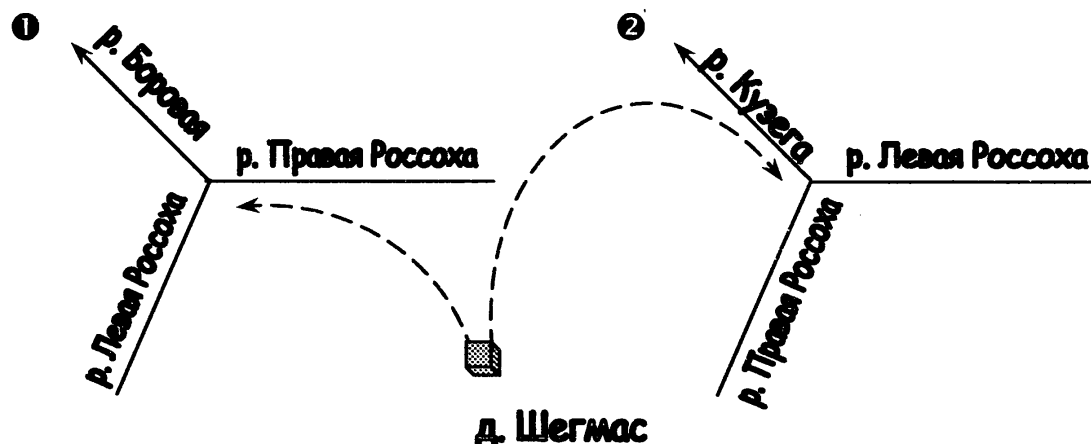
Релевантна ли эта ориентационная система севернорусскому топонимическому материалу? Основа *десн-* в севернорусском материале не зафиксирована, а выделение основы *шуй-* весьма проблематично, поскольку два «претендующих» гидронима *Шуя* могут восходить к прибалтийско-финским данным. Как уже отмечалось, процент гидронимов среди севернорусских *правых* и *левых* топонимов весьма невелик. В плане «правизны» / «левизны» (по научной системе) соответствующих гидрообъектов наблюдается разнобой: из 20 названий 13 совпадают с научной системой, а 7 не совпадают.

Есть ли какие-то закономерности в номинации гидрообъектов *правыми* и *левыми* названиями?

В некоторых случаях просматривается определенная тенденция: стороны определяются по ходу движения к объекту от дома, т. е. как бы по ходу освоения объекта (ниже приводятся примеры, которые зафиксиро-

ваны автором настоящей работы, проводившим специальные наблюдения за функционированием соответствующих топонимов).

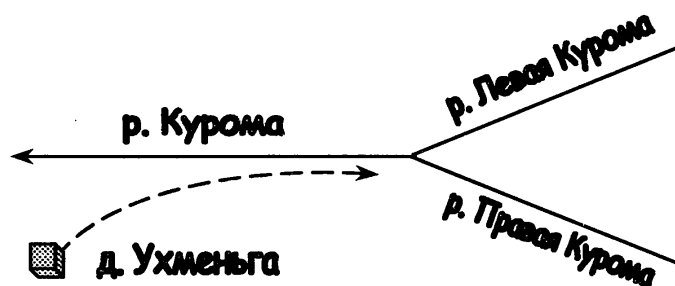
Показательна топонимическая система д. Шегмас Лешуконского района Архангельской области, в которой функционируют две пары *правых* и *левых* гидронимов:

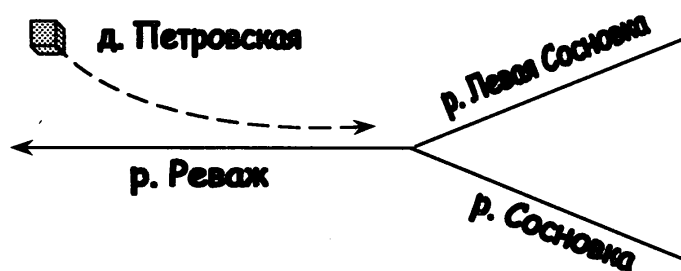
- ① – направление маршрута совпадает с направлением реки;
- ② – направление маршрута – против направления реки.

Обе пары рек весьма удалены от д. Шегмас и текут в глухих лесах, где бывают только опытные охотники. Добраться до каждой пары Россох можно по единственному маршруту – рекой или просекой (маршруты изображены на схеме кривыми линиями, рядом с которыми – незакрашенные стрелки). Как видим, правая и левая сторона определены именно по ходу движения к объекту от дома. В случае 1 наблюдается совпадение с научной системой отсчета, а в случае 2 – несовпадение. Лесник, знакомый с научной системой, комментирует эту ситуацию так: «Деды называли, они по-научному не знали, по-своему называли» [Леш, Шегмас].

Очевидно, по этой же причине не соответствуют научной системе названия рек, составляющих р. Курома в Верхнетоемском районе Архангельской области:

Ср. также фрагмент топонимической микросистемы д. Петровская Котласского района Архангельской области:

Наблюдения за ходом беседы с информантами при сборе полевого топонимического материала показывают, что информанту легче и удобнее называть объекты по мере удаления от дома, мысленно проходя дорогу к ним. Если попросить их назвать правые и левые притоки, специально не задавая при этом систему отсчета, для информантов (особенно для самых пожилых людей) наиболее естественным представляется определять левую и правую сторону именно по ходу движения от дома к объекту; попытка воспользоваться научным способом ориентации иной раз только сбивает их (затем собирателю приходится «декодировать» свои записи, переводя их из одной системы в другую), а какая-либо система, противоположная научной, в их речи не просматривается.

Таким образом, рассмотренные примеры, а также наблюдения во время полевых сборов позволяют высказать предположение о том, что в народной системе ориентации (в том виде, в каком она эксплицируется по топонимии Русского Севера) нет закреплённого способа отсчета; он определялся направлением движения к объекту. Вследствие этого народная система в одних случаях совпадает, а в других не совпадает с научной¹⁴. Но такая «наивная» подоплека ориентировки не может не создавать трудностей: если объект находится недалеко, хорошо освоен и к нему ведут разные дороги, использование определений *правый* – *левый* становится неудобным. Вероятно, в этом можно усмотреть основную причину непопулярности *правых* и *левых* названий.

¹⁴ Отсюда наблюдаемое иногда стремление создателей официальной топонимии скорректировать народную систему ориентации. Ср. ситуацию, зафиксированную в Шалинском районе Свердловской области: гидроним *Правая Урма*, обозначающий левый (по научной системе) приток р. Урма, заносится на карту в форме *Левая Урма* [ТЭ].

Следует прокомментировать и базовое для последующего развития мысли Н. И. Толстого положение о том, что реки осваиваются от больших к меньшим, от устья к истоку. Безусловно, во многом эта идея справедлива, поскольку соответствует в целом логике движения миграционных потоков (кроме волоковых зон), а также тому обстоятельству, что низовья, где река полноводнее, более удобны для проживания. Однако нам представляется, что эта особенность не всеобъемлюща. Процесс «обживания» территории осуществляется не одноразово и не двумя-тремя «волнами», а постоянно: разрастаются деревни, от них отделяются хутора, в лесах появляются лесные поселки и т. п. Одна и та же территория может номинативно осваиваться из разных центров: сначала с низовьев реки, где находится большая деревня, а затем с верховьев, где образован лесной поселок (естественно, такие номинативные центры возникают не одновременно, а в разное время, по мере расширения границ территории и детализации представлений об окружающем ландшафте). Создается ситуация номинативной полицентричности, которая характеризуется наличием общего для разных номинирующих коллективов ядра и подвижной периферии. Последняя создается топонимами двух типов: а) названиями объектов, которые осваиваются только жителями «верха» и неизвестны жителям «низа» (и наоборот); б) названиями объектов, которые (объекты) известны и тем, и другим, но вследствие того, что освоение идет из разных центров, сами топонимы не совпадают, являясь параллельными названиями одних и тех же объектов. Таким образом, процесс топонимической номинации принципиально не может быть однонаправленным – пусть даже в соответствии с самой разумной логикой «от больших рек к меньшим, от устья к истоку». Кроме того, проживание в устье одной реки вовсе не исключает возможности освоения верховьев другой реки (допустим, лесной). Вполне типичной является следующая картина: когда «устьевая» деревня разрастается и дает о себе знать нехватка сенокосных и пахотных угодий, начинается разработка лесных урочищ по другой реке, которая осваивается с участка, наиболее близкого к деревне, являющейся номинативным центром. В качестве примера приведем такую ситуацию: жители д. Тавлаш, находящейся в низовьях р. Уфтыуга, в зоне впадения ее в Кубенское озеро [У-Куб], изначально заготавливали сено на заливных лугах по берегам Уфтыуги. Затем, когда деревня разрослась, а соответствующие участки привлекли внимание жителей других деревень и частично были скуплены ими, население Тавлаша стало осваивать лесные покосы в верховьях р. Соловьевка, расчищая их из-под леса; параллельно происходило номинирование новых пожен. Урочища в низовьях этой реки используются для сенокосения жителями другого номинативного центра – с. Никольское и близлежащих деревень; двуна-

правленность освоения урочищ по *Соловьевке* подтверждается тем, что в районе с. Никольское данная река имеет другое название – *Макаровка*. Таким образом, вектор топонимического номинирования направляется не столько от истока или устья, сколько от населенного пункта. По крайней мере, положение о полицентричности номинативного освоения пространства релевантно той топонимической системе, которая дана современному исследователю русской топонимии.

Оговоримся: наше предположение об отсутствии в народной системе ориентации по «правизне» / «левизне» вынесенной ввне точки отсчета основано на изучении весьма позднего топонимического слоя и не претендует на широту обобщений. Вообще, оно согласуется с пафосом сторонников различных «миграционных» концепций, которые также исходят из практики номинирования объектов по ходу движения к ним. Однако не следует исключать возможности того, что когда-то существовала и система ориентации против течения (хотя эта особенность могла быть только южнославянской, ср. свидетельство сербских этнографов), не сохранившаяся до настоящего времени или – что более вероятно – не отразившаяся в топонимии. Прокомментируем последнее суждение.

Для подтверждения своей гипотезы об ориентировке против течения Н. И. Толстой высказывает следующее предположение: «Все же есть некоторые основания полагать, что в ряде ритуальных актов у проточной воды занимаемая действующим лицом позиция должна быть навстречу текущей воде» [Толстой 1997, 437]. Данная идея, наверное, справедлива для ритуальных актов, но это не значит, что она должна верифицироваться на топонимическом материале. Существуют многочисленные расхождения между топонимической и обрядовой картинами пространства, ср. хотя бы ситуацию с ритуальной отмеченностью линии *восток – запад* и немаркированностью последней в топонимии.

Расхождениями такого же плана можно объяснить и отсутствие какой-либо топонимической «реакции» на существующее в ряде сфер народной духовной культуры противопоставление правой и левой стороны по признаку *хороший – плохой*, ср.: «Связь понятий о правой и левой стороне (resp. правой и левой руке и т. п.) с понятием и представлением о положительном и отрицательном моменте (resp. правде – кривде, добре – зле, прямоте – кривизне, легкости – трудности и т. п.) восходит к глубокой древности. Она характерна не только для большинства индоевропейцев, но и для угро-финнов, северо- и южноамериканских индейцев, полинезийцев и др.» [Толстой 1997, 144; см. также об этом: Иванов, Топоров 1974; Колесов 1978; Михайлова 1993; Толстой, Толстая 1974; Проскурин 1990б и др.].

Восприятие правой и левой стороны как счастливой и несчастливой существует в сознании жителей Русского Севера и в настоящее время,

ср. запись, сделанную в Лешуконском районе Архангельской области в 1990 г.: «На реку-то выйдешь, глянешь на деревни: Родома, Вожгора, Пустыня, Лебское – все на *доброй руке* (имеется в виду правый берег р. Мезень – если встать лицом по направлению от д. Родома, где сделана запись, к указанным деревням. – Е. Б.), деды-прадеды наши тутoka жили, и мы живем – не горим. А Зубово-то (лагерный пункт на противоположном берегу р. Мезень. – Е. Б.) на *худой руке* поставили, у их пожары кажно лето» [Леш, Родома]. Ср. также *гожий* ‘правый (о руке)’ [СВГ 1, 116]. Однако при топонимическом употреблении правые и левые названия не имеют оценочных коннотаций, иначе можно было бы ожидать резкого количественного дисбаланса между *правыми* и *левыми* в пользу первых (напомним, что в нашем материале количество *левых* даже несколько превышает количество *правых* топонимов).

Итак, *правые* и *левые* топонимы непопулярны в севернорусской топонимии, что объясняется отсутствием вынесенного вовне центра ориентировки, вследствие чего данный параметр имеет низкие ориентационные возможности. Распространенность их (правда, тоже весьма низкая) в позднейших топонимических системах – следствие применения по отношению к ним жестко заданной системы отсчета.

ПЕРЕДНИЙ – ЗАДНИЙ

Передние и **задние** названия весьма частотны в изучаемой топонимической макросистеме, однако в количественном отношении между ними наблюдается резкий дисбаланс: на 95 *передних* топонимов (включая названия типа *Переда*, *Переды*, *Передовцы*) приходится около 400 *задних* (включая названия типа *Зады*). Думается, эти цифры опровергают суждение Э. М. Мурзаева о малопродуктивности в топонимической номинации прилагательных *передний* и *задний* [Мурзаев 1993а, 40]: автор, вероятно, анализировал «макротопонимию» (судя по паре *Задний Рейн* и *Передний Рейн* – одному из трех приводимых им примеров), где трудно ожидать появления этих параметров, связанных с «наивной» ориентацией.

Рассматриваемые названия нередко образуют микросистемы: поле *Переднее Веретье* – *Заднее Веретье* [Уст], поле *Переднее Горское* – *Заднее Горское* [Котл], уч. р. *Заднее Плесо* – *Переднее Плесо* [Пош], поле *Передние Поля* – *Задние Поля* [Пин], д. *Передний Наволок* – *Задний Наволок* [Гряз], поле *Передняя Дерюга* – *Задняя Дерюга* [В-Уст], ул. *Передняя Улица* – *Задняя Улица* [У-Куб], бол. *Задняя Колка* – *Передняя Колка* [Карг] и мн. др. Биномы такого рода могут распространяться «средним» элементом, например: оз. *Переднее* – *Среднее* – *Заднее* [Холм], пок. *Переднее Красное* – *Среднее Красное* – *Заднее Красное*

[Вил], поля *Передняя Гора – Средняя Гора – Задняя Гора* [Меж]; при этом *передний* элемент может опускаться (поля *Среднее Поле – Заднее Поле* [Котл], д. *Середняя – Задняя* [Карг], д. *Средняя Слободка – Задняя Слободка* [Ваш]), а обратная ситуация не фиксируется – вероятно, вследствие того, что *задние* названия обладают большими различительными возможностями, чем *передние* (ниже это положение будет раскрыто).

С точки зрения специфики системы ориентации *передние* и *задние* топонимы употребляются в двух ситуациях: 1) ситуация, когда *передние* и *задние* объекты сориентированы относительно номинатора, который помещается между ними (т. е. классическая ситуация «спереди (сзади) от меня»); 2) ситуация, когда номинатор находится не между, а перед соответствующими объектами, – так, что *передний* объект наиболее приближен к нему, а *задний* – удален.

Рассмотрим сначала первую ситуацию. Ее существование подчеркивается мотивационными контекстами: г. *Задний Клон* – «Взад он наклонился от нас» [Уст, Сабуровская], д. *Задница* (оф. *Горка*) – «По задворам у Петушихи, вот и Задница» [Меж, Сосновка], поле *Переднё* – «Впереди от деревни находится» [У-Куб, Погост Лука] и др. Перевес *задних* названий над *передними* в этой ситуации объясняется собственно географическими обстоятельствами – особенностями расположения деревень и прилегающих к ним территорий. По свидетельству этнографов, на Русском Севере имелись следующие формы поселений: 1) *уличная форма* (преимущественно в одноулочном варианте – два ряда домов расположены по обе стороны улицы и ориентированы на нее главными фасадами); 2) *рядовая прибрежная форма* (один или несколько рядов зданий вытянуты вдоль берега реки или озера и ориентированы фасадом в воду); 3) *рядовая форма*, ориентированная фасадами построек на юг; 4) *беспорядочная форма* (характеризуется отсутствием определенного плана в расположении построек); 5) *кольцевая форма* (постройки расположены по кольцу или четырехугольнику вокруг центральной площади, чаще всего с церковью или часовней) [Витов 1997, 62].

Во всех случаях, кроме одного (обозначенного номером 3), расположение деревень таково, что перед деревней попросту нет места для ручьев, покосов и т. п., – вся «географическая жизнь» начинается за деревней. В этом плане весьма любопытно следующее обстоятельство: в топонимии морских побережий количество *передних* названий несколько увеличивается (к примеру, в Приморском районе Архангельской области фиксируется 8 *передних* топонимов). Это, вероятно, объясняется особенностями планировки поселений в данной зоне, ср.: «На морских побережьях, на побережьях больших озер, где дуют сильные ветры, ряды домов обычно выстраиваются в обратном направлении – задами к

воде» [Витов 1997, 62]. Такое расположение способствует освоению (в том числе номинативному) пространства перед деревней.

Что касается второй ситуации, то ее наличие также отражается в мотивационных контекстах: пок. *Заднее Поле* – «От бона первое поле, от Алексино последнее» [Котл, Алексино], поляны *Задние* – «К лесу последние» [Кон, Вольская], пок. *Задние* – «Задние, так как находятся на границе с другой деревней» [Карг, Мальцево], бол. *Задний Остров* – «Самый последний остров в сторону Нернемы» [Кон, Васильевская], поле *Переда* – «Находится в начале огромного поля» [Карг, Ольсиево]. При этом *передние* и *задние* названия реализуют значения ‘первый (в ряду других)’ – ‘последний’, ср. в апеллятивной лексике: *передний* – в названиях предметов или частей тела, выступающих вперед по сравнению с другими: \diamond *передний лес* ‘лес, растущий на опушке лесного массива’ [СРНГ 26, 87]; *задний* ‘дальний, последний, конечный в ряду чего-л.’ [СРНГ 10, 58; СВГ 2, 114]. Таким образом, в этой ситуации *передние* и *задние* названия выражают, по сути, те же отношения, что и, соответственно, *первые* и *последние* / *крайние* топонимы или (что менее точно) *ближние* и *дальние*. Поэтому становится возможным наложение этих оппозиций: пок. *Ближний Запесок* – *Средний Запесок* – *Задний Запесок* [Сок], пок. *Переднее Красное* – *Второе Красное* – *Третье Красное* [Вил], ур. *Передняя Борозда* – *Последняя Борозда* [Котл] и др. В этом случае, как уже говорилось применительно к оппозиции *ближний* – *дальний*, признак удаленности используется чаще, так как он обладает большей различительной силой. Отметим, что в этой ситуации субъект ориентировки тоже представлен, однако здесь пространственная привязка к нему является менее жесткой, чем в предыдущем случае (вследствие более слабой связи с положением тела в пространстве).

ВЕРХ – НИЗ

Пара **верхний** – **нижний** принадлежит к числу наиболее популярных пространственных показателей. В топонимии рассматриваемых территорий фиксируется около 500 *верхних* топонимов и около 420 *нижних*: в эти цифры включаются все названия с корнями *верх-/верш-*, *ниж-/низ-* (кроме образований на базе прилагательного *низкий*), а также топонимы, в состав которых входят формы сравнительной степени *выше* (*повыше*) – *ниже* (*пониже*).

Эти названия нередко образуют соотносительные ряды (иногда расширяемые «средними» членами), которые являются, пожалуй, самыми частотными среди топонимических соотносительных рядов. Различным вариантам такой соотносительности посвящена обстоятельная статья В. В. Кондрашиной [Кондрашина 1980], основанная большей

частью на материалах ТЭ УрГУ, поэтому нет смысла подробно представлять материал. Приведем лишь выявленный В.В. Кондрашиной набор возможных противопоставлений, так или иначе выражающих интересующее нас отношение: а) полная корреляция (*верхний* – *нижний*, *верхне-(верхо-)* – *нижне-*, *верхний* – *усть-*, *верх-* – *усть-*, *вершина* – *усть-*); б) частичная корреляция (*верхний*, *верхне-(верхо-)*, *верх-*, *нижний-*, *нижне-*, *усть-* – нулевой дополнительный признак) [Кондрашина 1980, 32].

Верхние и *нижние* названия функционируют в двух различных в ориентационном плане ситуациях.

Первая ситуация – «высотная», предполагающая выражение признака «вверху – внизу», т. е. связанная с пространственной вертикалью. Это ситуация «наивной» ориентации, изначально мотивированная положением тела в пространстве.

Вторая ситуация может быть определена как «гидрографическая», связанная не с пространственной вертикалью, а с привязкой к реке. Данная ситуация предполагает объективацию и вынесение точки отсчета вовне, что соответствует современной научной гидрографической системе. При этом может выражаться как абсолютный признак – расположение объекта в верховьях или низовьях рек, так и относительный (что гораздо чаще) – расположение объекта выше или ниже другого по течению. Для выражения абсолютного признака, помимо прилагательных *верхний* и *нижний*, могут быть использованы тополексемы *верх*, *вершина*, *низ*, *устье* (*усть*).

Точные расчеты провести крайне трудно, ибо полевые записи не всегда позволяют дифференцировать две рассматриваемые ситуации, но можно с уверенностью сказать, что «высотную» ориентировку реализует гораздо меньшее количество названий, чем «гидрографическую».

О существовании «высотной» ориентировки свидетельствуют наблюдающаяся иногда локализация *верхних* и *нижних* объектов вне бассейна реки, параллелизм *верхний* // *горный* // *высокий*, *нижний* // *низкий* (ср.: поле *Верхнее* // *Горное* [Сок], пок. *Верхняя* // *Высокая* [Вель], поле *Нижнее* // *Низкое* [Котл]), а также мотивационные контексты: поле *Верхнее Поле* – «На горке оно» [Уст], поле *Верхнее Поле* – «На угоре» [В-Важ, Герасимовская], пок. *Нижняя Чисть* – «Под горой она» [Ваш] и др. Отношения такого же плана выражает оппозиция *высокий* – *низкий*, причем *высоких* названий примерно в 5 раз больше, чем *низких* (150/30); *верхние* в своем «высотном» значении тоже частотнее *нижних*. Такая асимметрия объясняется тем, что на Русском Севере, где значительно преобладают низменные, отрицательные формы рельефа, признак высотного расположения объекта обладает б. льшими дистинктивными возможностями, чем признак локализации объекта в низине.

Что касается «гидрографической» ситуации, то здесь *верх*-топонимы и *низ*-топонимы практически симметричны – с незначительным перевесом *верха*, который объясняется практикой освоения рек преимущественно снизу вверх, чем обеспечивается бóльшая дистинктивность соответствующего признака. Однако, повторимся, это преимущество весьма незначительно, поскольку рационализированный характер гидрографической системы требует симметрии показателей. Относительная симметрия *верха* и *низа* поддерживается общей установкой носителей топонимической системы на привязку пространственных показателей к собственному жилищу. Интересно, что эта картина нарушается в субстратной топонимии Русского Севера: по свидетельству А. К. Матвеева, наименования с весьма частотной для финно-угорского топонимического субстрата основой *ил*- ‘верхний’ не дают никаких коррелятивных пар. Отсутствие «*нижних*» названий в субстратной топонимии объясняется тем, что «носители древнего субстрата были охотниками, рыбаками и оленеводами. Для тех и для других характерно маршрутное видение и сезонные перекочевки, поэтому для них было важно прежде всего верховье, где кончалась уже освоенная хозяйственная зона. Не стоит забывать и о том, что в старину лодка была важнейшим способом передвижения по таежному краю и что именно от верховья реки нередко начинался волок к другому водному пути» [Матвеев 2000, 73]. Таким образом, присущая различным топонимиконам равновесность / неравновесность оппозиции «верх – низ» (как и других пространственных оппозиций) имеет этнокультурную обусловленность.

Следует также отметить, что *верхние* и *нижние* топонимы в своих гидрографических значениях могут приобретать дополнительную семантику – границы освоенного речного или прибрежного пространства, ср.: пок. *Верх* – «Дальше уже не наши пожни» [Вель, Усть-Шоноша], ур. *Низ* – «Досюда только косим, дальше не наше» [Мез, Долгощелье], пок. *Верхи* – «Это самая верхняя наша пожня, дальше будут григоровские участки» [В-Важ, Удальцовская]. Аналогичные значения, как отмечалось, могут иметь *дальние* и *задние* названия.

В нашем материале имеются факты, позволяющие – хотя бы гипотетически – поставить вопрос о еще одном специфическом значении топонимического *верха*. На территории Белозерья – в Кирилловском, Вашкинском районах Вологодской области и Каргопольском районе Архангельской области – зафиксировано 5 рек с названиями, образованными от апеллятива **вершина**. Реки, обозначенные гидронимами *Вершина* (*Вершинка*), впадают в различные озера с севера: оз. Китильское, оз. Вещозеро, оз. Чарозеро, оз. Еломское, оз. Воже. В одном случае соответствующее название получает и вся северная часть озера: *Вершина* – северная часть оз. Вещозеро [Кир]. Не свидетельствует ли

это о стремлении вписать озеро в некую систему координат, перенося на озеро особенности восприятия реки, имеющей свой «верх» и «низ»?

Косвенными доказательствами этого предположения служат еще два факта: во-первых, существование в диалектной лексике сочетания *низ моря* ‘юго-западный конец Азовского моря’ (Терск.) [СРНГ 21, 224]; во-вторых, наличие островов, названия которых образованы от апеллятива **голова**, располагающихся в северной части некоторых озер, ср.: о-в *Голова* – в северо-западной части оз. Кубенское [Влгд], о-в *Головка* – в северной части оз. Дружининское [Ваш]. Ср. обратный параллелизм *голов* и *вершин*: *головой* называют верхнюю по течению часть острова, а также вершину, исток реки [АОС 9, 232; КСГРС; Мурзаев, 149] (подробнее об этом см. в разделе «Начало – конец»). Восприятие окончечности озера (к сожалению, непонятно, какой именно: любой?) как *головы* отражено в новгородских говорах: *голова* ‘одна из сторон озера’ («Голова Валдайского озера у деревни Новотроицы») [НОС 2, 25]. Укажем также, что все выявленные озера с *вершинами* или *головами* не являются бессточными. В ходе полевых сборов нами не раз отмечалось, что при описании сточного озера информанты говорят о «впадении» его в реку (ср. типичный контекст: «Там озерко есть, Боровское, так оно тоже в Лузу впадает» [В-Уст, Палема]). Все это лишний раз говорит о том, что восприятие озера аналогично восприятию рек.

В заключение следует отметить, что в топонимии никак не отразились те коннотации и семантические связи *верха* и *низа*, которые существуют в других сферах народной духовной культуры, ср. свидетельства о сакральной положительной отмеченности *верха* и негативности *низа* [СД 1, 345–346; МНМ 1, 233–234 и др.]. В работе Т. А. Бернштам, основанной на этнографических материалах по территории Русского Севера, указывается, что «явными признаками “святости” – покровительства свыше – обладали места и объекты, соотносимые с понятием *Верх* (гора), откуда начинается движение/путь» [Бернштам 1995, 240]. Однако, повторимся, это обстоятельство не маркировано лингвистически – по крайней мере, оно не дает резонанса в семантическом поле топонимов, образованных на базе тополексем *верх – низ* (*верхний – нижний*).

СТОРОНЫ СВЕТА

Ориентация по сторонам света широко отражена в русской топонимии, однако и эта система ориентационных параметров обладает ярко выраженной асимметричностью.

Ведущим направлением в топономии, несомненно, является ось «север – юг» (в топонимии изучаемой территории зафиксировано около

450 названий, связанных с севером и югом¹⁵, но только около 40 – с востоком и западом).

Для обозначения северной и южной ориентации используются топонимы, образованные как от общенародных, так и собственно диалектных апеллятивов: северное направление обозначается **северными, ночными (полуночными), зимними** названиями, а южное – **южными, полдневными, полуденными, летними**¹⁶.

Рассматривая особенности расположения объектов, обозначаемых этими топонимами, следует отметить, что северное и южное направления представлены весьма диффузно: соответствующие объекты нередко находятся на промежуточных румбах – северо-западе, северо-востоке, юго-западе, юго-востоке и даже собственно на западе или на востоке. Характерно, что наиболее диффузной семантикой обладают топонимы, образованные от диалектных апеллятивов. Эта диффузность отмечена и в диалектной лексике: лексемы *зима, лето, ночь, полдень* также могут обозначать промежуточные румбы. В чем причины этой диффузности?

Логика переносов 'время года (время суток)' → 'сторона света' основана на осознании связи между теплым и холодным временем года (дня) и направлением, откуда идет тепло или холод. Это направление определялось преимущественно по тому, откуда дует теплый и холодный ветер, или же по положению солнца. В этом плане интересно, что в орбиту действия данной модели втягиваются обозначения приемов пищи, причем именно тех, которые производятся в летнее время в поле, на покосе, когда есть возможности для наблюдений за положением солнца, ср.: *обедник* 'юг; юго-восток' [СРНГ 22, 27; КСГРС], *паужник* 'юго-запад' [СРНГ 25, 280; КСГРС] (ср. рус. диал. *паужна* 'полдник, прием пищи между обедом и ужином' [СРНГ 25, 279; КСГРС]). Ср. также этимологический комментарий к слову *юг*: «Решающую роль следует, видимо, признать не за более абстрактным и тем самым – вторичным значением 'юг, страна света', а за упорно повторяющимся и, вероятно, первичным значением 'южный, теплый ветер, оттепель, таяние' [ЭССЯ 8, 192]. Таким образом, пространственные параметры могут выделяться

¹⁵ Данная цифра нерасчлененно представляет и топонимы, обозначающие собственно ориентацию по сторонам света, и названия, отражающие сезонность использования объекта. Однако процент последних не столь велик (см. ниже), поэтому эта цифра выражает в целом тенденцию количественного соотношения рассматриваемых названий.

¹⁶ Ср.: *зима* 'север; северо-восток; северо-запад' [СРНГ 11, 272; КСГРС], *лето* 'юг; юго-восток; юго-запад' [СРНГ 17, 21; КСГРС], *ночь* 'север; северо-запад; запад' [СРНГ 21, 304; КСГРС], *полночь (полуночь)* 'север; северо-восток' [СРНГ 29, 84; КСГРС], *полдень (полудень)* 'юг; юго-восток' [СРНГ 29, 143–144; КСГРС].

в связи с метеорологическими условиями. Дополнительным аргументом в пользу «погодной» подоплеки диффузности ориентационных параметров является тот факт, что при номинации ветров по сторонам света наблюдается больший разброс значений соответствующих лексем, чем при обозначении самих румбов: к примеру, лексема *зимник* (*зимняк*) на разных территориях называет не только северный ветер, но и восточный, юго-восточный, юго-западный. Такая амплитуда значений демонстрирует «погодное» восприятие направления, откуда дует ветер: в разных зонах – в зависимости от местных условий (наличие большой реки, озера, моря, цепи гор и т. п.) – выделяется специфическое направление теплого или холодного ветра. Таким образом, многозначность отдельных реализаций модели связана с ее общей метеорологической направленностью; сама эта многозначность нерелевантна для народной системы ориентации и возникает при переводе этой системы на научную.

Отсюда мы приходим к пониманию того, что субстратом ориентации по сторонам света в наивной системе могут стать метеорологические факторы. Именно они обуславливают доминирующее положение линии «север – юг»: эта линия является определяющей для формирования погоды в рассматриваемом регионе. Показательно, что в системе ветрообозначений на этой территории преобладают (с большим перевесом) именно наименования северного и южного ветра: во многих микрорегионах среди названий ветров фиксируются только обозначения ветров этих двух направлений [Заикина 1976, 56].

Внутри различных пар топонимов, обозначающих северное и южное направление, также наблюдается асимметричность, которая объясняется различными обстоятельствами. Так, в паре *северный – южный* отчетливо лидируют *северные* топонимы (на 160 *северных* названий приходится 90 *южных*). Это обстоятельство в значительной степени определяется погодными условиями, так как именно северные румбы обуславливают наиболее кардинальные погодные изменения, ср.: поле *Северный Бор* – «Оттуда северный ветер» [Прим, Яреньга], поле *Сивер* – «Оттуда сиверко дует, с той стороны» [В-Важ, Ногинская], г. *Сивер* – «Холодный витер с той стороны» [Уст, Зыкино]. Нельзя не учитывать и то, что лексема *юг* менее популярна, чем лексема *север*: в нашем материале засвидетельствованы случаи, когда *северные* топонимы вступают в корреляции с *летними*, а не *южными* (р. *Северная* – р. *Летняя* [Уст], поле *Летнее Поле* – *Северное Поле* [В-Важ], руч. *Сиверный* – руч. *Летний* [Вель]), но обратные ситуации не фиксируются.

Что касается пары *зимний – летний*, то здесь тоже лидируют *зимние* названия. Провести какие-то точные подсчеты невозможно, ибо данная пара может иметь не только ориентационные значения, но и обозначать сезонность использования объекта, ср.: оз. *Зимнее* – «Через него зимник

идет» [С-Дв, Сюзьма], полосы в поле *Зимний Пентус* и *Летний Пентус* – «С Летнего летом вывозили сено, а с Зимнего зимой» [В-Уст, Горбачево], пок. *Зимний Ручей* – «Всё только по зимам по ручью этому ездили» [Шенк, Чекмаревская], пок. *Зимник* – «Оттуда уезда нет, зимой сено возили» [Баб, Пожарище], бол. *Зимник* – «Зимой сено возили, болотом проезжали, вот Зимником и зовут» [Ваш, Исаково], пок. *Зимник* – «Зимой проходила здесь зимняя дорога» [Кир, Рудино], бол. *Зимник* – «Зимна дорога там» [Череп, Новотрюмово], лес *Зимник* – «Зимой дорога через Уфтюгу была, а летом нельзя было проехать» [У-Куб, Федоровская], дор. *Зимняя* – «Она очень грязная, ей пользуются зимой» [Бабуш, Логдуз], дор. *Зимняя Дорога* и *Летняя Дорога* – «Летом и зимой по Зимней Дороге ездили, а Летнюю Дорогу зимой заносило, по ней только летом ездили» [В-Уст, Липовка], дор. *Летняя* – «И летом, и зимой можно ездить» [Холм, Слободка] и др. Таким образом, *зимние* и *летние* названия могут обозначать объекты (дороги или связанные с дорогами), по которым ездят в соответствующий сезон (ср. в апеллятивной лексике *зимник* – ‘дорога, которая используется преимущественно зимой’ [КСГРС], *летник* – ‘летняя дорога’ [КСГРС]). *Зимников* в топонимии больше, чем *летников*: очевидно, это связано с тем, что зимняя дорога является дополнительной, появляющейся, как правило, помимо основных дорог, – поэтому данный признак обладает большими различительными возможностями.

Пространственная, а не «сезонная» семантика *зимних* и *летних* названий также отражена в мотивационных контекстах: поле *Зимник* – «Оно с северной стороны» [Плес, Пашевская], р. *Зимняя* – «Это Зимняя, потому что на север течет» [В-Т, Заболотье], руч. *Зимняк* – «На зиму течет» [Нюкс, Дмитриево], часть д. *Зимники* – «К зиме ближе» [У-Куб, Родионово], руч. *Летний* – «Он с летней стороны впадает» [Кон, Камешная], холм *Летний* – «Склон к солнцу» [Леш, Некрасово], пок. *Летняя Пожня* – «К лету дак» [В-Важ, Сметанино], р. *Летний Гбач* – «Под летом он» [Холм, Гбач] и мн. др. Несомненно пространственную семантику имеют также топонимы типа: поле *С Зимы* [У-Куб], пок. *Под Летом* [Леш], части д. *Летний Конец* – *Зимний Конец* (около 30 пар в разных районах). Аргументом в пользу пространственных смыслов может служить и наблюдающийся иногда параллелизм *зимних* и *северных*, *летних* и *южных* названий, ср. руч. *Зимняя Прось* (=Северная Прось) [Вож], р. *Летний Коноваж* (= Южный Коноваж) [К-Б]. В целом пространственных названий больше, чем «сезонных», последние могут быть (весьма приблизительно!) вычислены по словообразовательным показателям (так, преимущественно «сезонными» должны быть названия типа *Зимник* или *Летник*) или по типу объектов (дороги).

Отметим также, что в некоторых случаях мотивационные контексты отражают «метеорологическую» семантику *зимних* и *летних* названий (т. е. температурные условия, режим замерзания и т. п.): пок. *Зимник* – «Там часто посевы вымерзали, овес и ячмень погибали» [Пин, Шардонемь], поле *Зимнишное* – «Водой выстаивается поле, лён всё сеяли, снег доле лежит – место низко» [Карг, Григорьевская], ур. *Зимники* – «Вызбаловало там» [Карг, Максимовская], ключ *Зимний* – «Потому что не замерзает» [В-Важ, Мосеево], руч. *Зимняк* – «Не замерзает зимой» [В-Важ, Боровина]¹⁷, бол. *Летнее* – «На Летнем скорее все ягоды поспевают, потому и Летнее» [К-Б, Мошинская], холм *Летний* – «Самый теплый» [Уст, Туриха], поле *Летнее* – «Тепло там, с юга оно» [Котл, Яндовище]. Последний контекст эксплицирует наложение «метеорологической» и пространственной семантики, которое, по-видимому, может происходить и в остальных случаях. Ср. комментариев по поводу совмещения компонентов ‘южный’ и ‘теплый’ в семантике лексемы *лето* и ее дериватов [ЭССЯ 15, 8–12].

Следует указать, что *зимних* топонимов в целом в полтора раза больше, чем *летних*¹⁸: этому можно найти объяснение, аналогичное тому, какое было приведено при рассмотрении ситуации с *северными* и *южными* названиями.

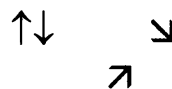
Рассмотрим также *ночные* (*полуночные*) и *полдневые* (*полуденные*) названия, ср.: р. *Конюг Ночной* – *Конюг Полдневой* [Меж], р. *Пертюг Полуденный* – *Пертюг Ночной* [К-Г], р. *Ночной Миляш* – *Полдневой Миляш* [Ник], лес *Ночной Бор* [Устюж], пок. *Полдневой Остров* [Лен], г. *Полудневая* [Галич], р. *Полуночная* – «На север течет» [Мез, Сафоново], р. *Ночной Баран* – «Он на запад течет» [Меж, Барановская], лог *Ночной Лог* – «В ночь протекает» [Шар, Ковалиха], просека *Полдневая Просека* – «Как раз она на полдню стоит, полдень по ей» [Шенк, Федоровская] и др. Количественное соотношение *ночных* и *полуденных*, вопреки ожиданиям, иное, чем в предыдущих парах: на 25 первых приходится примерно 60 вторых. Чем объяснить этот парадокс? Во-первых, целый ряд *полдневых* топонимов имеет «сезонную» мотивировку, ср.: лес *Зеленый Полдень* – «Место там чистое, и зелень была, и коров там полднели всё» [Шенк, Ямскогорское], ур. *Полднище* – «В полдень коров туда выгоняли всё» [В-Т, Лафтинская], поляна *Полднище* – «Раньше тут ко-

¹⁷ Здесь «метеорологическая» семантика накладывается на «сезонную»: необычный режим замерзания обуславливает возможность использования объекта в зимнее время.

¹⁸ При рассмотрении топонимов с корнем *лет-* не учитывались названия типа пок. *Летовище*, образованные от апеллятива *летовище* ‘место летнего выпаса скота’ [СРНГ 17, 22; КСГРС].

ровы полдневали» [Вель, Кузнецово]¹⁹. *Ночные* топонимы, по понятным причинам, не могут иметь таких сезонных смыслов. Во-вторых, преобладание *полдневных* топонимов над *ночными* обусловлено, вероятно, обстоятельствами освоения географических объектов: наблюдения за положением солнца могли вестись преимущественно во время полевых работ – т. е. в светлое время суток (ср. мотивировки, указывающие на немаловажность такого фактора, как положение солнца, при определении *полуденной* или *ночной* стороны: холм *Полдень* – «Всегда у Полдня солнце, в двенадцать часов припёк у него» [Холм, Юра], г. *Полуденник* – «Скат направлен в полуденную сторону относительно солнца» [Уст, Подгорная], пок. *Полдень* – «На этом покосе до двенадцати часов дня не было солнца» [Кир, Головинская], поле *Полдневая* – «На солнышке, потому и Полдневая» [Сус, Перемилово], р. *Ночка* – «Текёт на темно место, против солнышка» [Шексн, Аксеново]; факт присутствия /отсутствия солнечного света отражен также в мотивировке на названия покосов *Ночной* и *Полдней* – «На Полдневом трава быстро просыхала, а на Ночном медленно – лес рядом, потому так называли» [Сок, Телячье]).

Следует отметить глубокую связь трех рассматриваемых пар обозначений севера и юга в нарицательной лексике. Ср., к примеру, возможность реконструкции для слова **jugъ* значения ‘полдень’ (ср. лат. *meridies* < *medidies* ‘полдень’), факт наличия у рус. диал. *лето* значения ‘юг’, что обнаруживает связь между названиями самого теплого времени дня и теплого времени года [ЭССЯ 15, 11]. Эта связь (через положение солнца) может приобретать пространственную семантику:

Логика этой схемы, увязывающей воедино временные и пространственные показатели, подчеркивает вторичность последних.

Что касается **восточных** и **западных** топонимов, то их количество, как уже говорилось, весьма невелико. Ср. примеры названий такого рода: г. *Восточная* [Котл], пок. *Восточная Просека* [В-Т], р. *Восточная Россоха* [Лен], оз. *Восточное* [Мез], лог *Восточный* [Галич], р. *Восточная* (*всток* ‘восток’ [КСГРС]) [Холм]²⁰, руч. *Запад* [Уст], р. *Западная* [Ник, Уст], оз. *Западное* [К-Б], поле *Западные* [Тот] и др. Говорить о

¹⁹ Ср.: *полдневище* ‘место полуденного отдыха стада’, *полдневка* ‘полуденный отдых скота летом’ [СРНГ 29, 43].

²⁰ Зафиксированные в диалектной лексике другие названия востока – *восход* и *всход* [КСГРС] – в топонимии не отражены.

преобладании *восточных* или *западных* названий не приходится: их количество примерно одинаково (20:20)²¹. Укажем также, что некоторые *восточные* и *западные* топонимы носят явно поздний (официальный) характер: 3 названия зафиксированы только на картах, но не встречаются в речи местного населения; отмечаются пары типа *Восточное* (нов.) = *Сенькино* (стар.) [Вил], *Западная Россоха* (нов.) = *Малая Россоха* (стар.) [Лен]. Ситуацию такого рода отмечает и Э. М. Мурзаев, считающий, что «в России многие ориентирующие названия населенных мест возникли только в нашем столетии как официально номенклатурные» [Мурзаев 1993а, 41]. Причины малой распространенности *западных* названий в русской топонимии автор видит, во-первых, в отсутствии этого направления как переднего в народной ориентации, во-вторых, «в отрицательном отношении к западным странам, ко всему западному в недавнем прошлом нашей действительности» [Мурзаев 1993а, 41]. Последний аргумент представляется малоубедительным, ибо «нелюбовь» к *западным* топонимам, как представляется, возникла значительно раньше «недавнего прошлого нашей действительности», а кроме того, *восточные* названия тоже не пользуются успехом в традиционной русской топонимии.

Топонимы, образованные от обозначений промежуточных румбов, весьма немногочисленны: руч. *Обедничный* (течет с юго-востока на северо-запад) [Он], оз. *Обеденное* (находится на северо-западе) [Холм], пок. *Паужный* (расположен на юго-западе) [Уст]. В основе данных топонимов лежат апеллятивы, связанные, как отмечалось выше, с **названиями приемов пищи**, производившихся в светлое время суток.

Интересно, что в топонимическом материале засвидетельствованы отсутствующие в апеллятивной лексике реализации модели «**время дня**» → «положение в пространстве», ср. название р. *Павечёрная*, которая впадает в р. *Ночная* с северо-запада (р. *Ночная* течет с севера) [Ник]. Очевидно, здесь проявляется потенциально возможная пространственная семантика лексемы *павечерье* («северо-запад»), зафиксированной в диалектных словарях только во временном значении – «время перед заходом солнца» [СРНГ 25, 109].

²¹ Точные подсчеты *западных* топонимов затруднительны, поскольку названия с корнем *запад-* (и ударением на первый слог) могут быть образованы от различных апеллятивов, ср. *за́падь* «залив» [КСГРС], *за́падина* «часть реки с замедленным течением, заводь» [ПОС 12, 20]. Ситуация осложняется возможностью акцентологических колебаний (ср. р. *За́падница* = *Западни́ца* [Кон]), так как тогда могут подключиться образования от апеллятивов типа *западни́ца* «околица, ворота при въезде в деревню» [КСГРС], *запада́ть* «исчезать, пропадать» [ПОС 12, 20], «погружаться в воду» [НОС 3, 55], «ложиться на землю (о кустарнике)» [КСГРС].

Итак, мы рассмотрели различные способы обозначения ориентации по сторонам света в топонимии, выявив преобладание северного и южного направлений над другими, и, кроме того, перевес *северных* топонимов над *южными*. Следует упомянуть об одном любопытном опосредованном способе указания на северное направление, когда данный смысл кодируется через топоним *Сибирь*: ср. название обширного бол. *Сибиряк*, которое расположено в 6 километрах на север от вологодского села им. Бабушкина, – «Под север оно, вот и Сибиряк, Сибирь-то холодная. Со стороны этого болота холод шел»; «Холодное болото, с холодной стороны, вот и Сибиряк» [Бабуш, им. Бабушкина]. Мотивировка этого топонима обнаруживает «погодную семантику» северного направления: реальная Сибирь находится вовсе не на севере, а на востоке от Вологодской области, но в представлениях носителя традиционной топонимии локативный смысл оказывается вторичным по отношению к «погодному», вследствие чего Сибирь становится символом севера.

В связи с приоритетом *северных* топонимов важно помнить и о том, что именно северный ветер считается мифическим хозяином Севера: «Север – наших земель хозяин, а Севериха – женка его»; «Байну затопят, надо Севера позвать: “Север да Севериха, пожалуйста в байну помыться, попариться с малыми детушками!” Так говорят, чтобы степило погоду, ветер холодный в байну зовут»; «Люди пойдут из байны и кличут: “Север и Севериха, идите париться в парку-парушечку, в баенку, унесите север!”» [Леш; КСГРС] (ср. также свидетельство Н. М. Теребихина о том, что поморы приписывали северному ветру «судьбоносные» свойства [Теребихин 1993, 13–14])²². Приоритет севера объясняется, по нашему мнению, «метеорологическим» субстратом народной системы ориентировки по сторонам света. Таким образом, причины предпочтительности одной ориентационной линии являются сугубо бытовыми, обусловленными практикой хозяйственного освоения объекта.

Свидетельства о том, что ориентационные предпочтения могут быть связаны с линией «север – юг», имеются в этнографической и лингвистической литературе. К примеру, эта линия является ведущей у финно-угорских народов, ср. наблюдения В. М. Кулемзина: «Пожилые информаторы-ханты утверждают, что раньше у стариков было две стороны света – север и юг. По мнению информаторов, западная и восточная сторона ориентирами не служили и приводимые ниже их названия су-

²² Подчеркнуто «пиететное», любовное отношение к северному ветру отражено в его наименовании *землячок*: «С севера ветер хватит, дак это засиверка, а у нас еще чествуют землячок. Мы ведь северные, он наш, северный. Сиверко задул, землячок наш, архангельский» [КСГРС]; ср. также пословицу: «Глубник – северу родник» (*глубник* ‘северный ветер’) [КСГРС].

ществовали лишь для “русских” (объяснения названий западной и восточной стороны оказываются путанными и противоречивыми)» [Кулемзин 1984, 181]. Об отмеченности северной стороны у коми говорят И. М. Стеблин-Каменский и В. А. Семенов, указывающие на то, что север (низ) по представлениям коми связывался со смертью, а северный ветер персонифицировался [Стеблин-Каменский, Семенов 1991, 69–71]. И. Н. Гемуев считает, что ориентация мансийских святилищ подчеркивает сакральную важность южной стороны [Гемуев 1990, 19–28]. По мнению А. В. Лушниковой, в языке хантов и манси отражается «система мировосприятия, при которой юг ассоциируется с понятием ‘верх’, а север – с понятием ‘низ’ с соответствующим распределением сакральности» [Лушникова 1996б, 184]. У индоиранцев же (при той же отмеченности линии север – юг) максимально высокий статус имел север, который соотносился с верхним уровнем вертикальной структуры пространства, определяясь понятиями ‘верх’, ‘сторона, находящаяся сзади в тылу’ [Лушникова 1996б, 181]. В работах А. В. Подосинова, содержащих самый богатый в отечественной литературе материал по ориентационным принципам в разных традициях, указано, что имеются сведения о распространении северной ориентации в Месопотамии, Египте, Индии, Греции, а южной – в тех же Месопотамии и Египте, а также в Иране и Риме [Подосинов 1994, 42–45; 1999, 45–455]. Исследователю представляется не случайным наложение различных ориентационных предпочтений (а взаимодействовать могут не только два, но и большее количество ориентационных принципов) в рамках одной культуры, так как ориентационные принципы могут быть обусловлены различными по своему генезису факторами: к примеру, киблическая ориентация определяется социально-религиозными обстоятельствами²³, а солярная – наблюдениями за положением солнца [Подосинов 1994, 46–50]²⁴.

В рамках нашей работы не может быть решен вопрос об ориентационной системе русских, однако можно с уверенностью говорить о том, что эта система, как и многие другие, не является моноориентационной. Данные фольклора и этнографии свидетельствуют о наличии в русской (и шире – в славянской) культуре киблической восточной ориентации, ср. практику обращения с молитвой на восток, обычай начинать с вос-

²³ Понятие *ориентации киблы* (от араб. *кибла* ‘священное направление в сторону Мекки’), разработанное К. Таллкви́стом, обозначает сторону света, которая выделялась как главная, предпочитаемая (как правило, по религиозным причинам) [см.: Подосинов 1978, 32–33].

²⁴ Описание ориентационных предпочтений различных народов, выполненное на основе лингвистических данных, см. также в работах: Мурзаев 1993а; Никонов 1986.

тока многие ритуальные, земледельческие и хозяйственные действия (например, опахивание от чумы, жатву, побелку жилища), отмеченность восточной и западной стороны при погребениях, гаданиях и др. [СД 1, 445–447]. Символика востока связана с идеями святости, праведности, справедливости, благополучия и изобилия; запада – с нечистотой, неправедностью и т. п.; восток считался жилищем Бога, а запад – Сатаны [Там же, 445]. Русские географические чертежи до XVIII в. также преимущественно были сориентированы на восток или же на юг (и лишь в единичных случаях – на север), что свидетельствует о проявлении соллярной ориентации [Кусов 1989, 27; Мурзаев 1993а, 36]. В то же время имеются факты, свидетельствующие о значимости северной стороны. К примеру, только северное направление отражено в наименованиях славянских племен (ср. название древнего восточнославянского племени *северяне*: «Интересно, что, несмотря на наличие еще трех сторон света и их названий – юг, восток, запад, ни одна из них не используется славянами для наименования остальных своих племен. Северная ориентация в древнеславянском процессе номинации кажется нам особенно выразительной, если обратиться к балтийской этнонимии» [Непокупный 1979, 40–41]). Таким образом, в культуре русского народа отмечены различные ориентационные предпочтения, однако в топонимической «версии» народной культуры четко фиксируется «лидерство» северной стороны, которое, повторимся, мотивировано, по всей видимости, метеорологическими факторами (ср., кстати, этимологические связи самого слова *север*, в которых просматривается производность «пространственного» значения от «ветрового» [Фасмер III, 588–589]).

Значимость последних подчеркивается также тем, что в топонимии засвидетельствована ориентация по направлению ветра. Выше уже говорилось, что, объясняя *северные* топонимы, информанты ссылаются на направление, откуда дует холодный ветер. Фиксируются также случаи, когда топонимы образованы от **наименований ветров**, ср.: пок. *Глубничный* – «Оттудова глубник» [Прим, Пушлахта], бол. *Сиверичное* – «С той стороны ветер дует, сиверик» [Карг, Елизарово], ск. *Шелоник*²⁵ [Мез], р. *Шелоничная* – «С шелоничной стороны течет» [Прим, Летняя Золотица], р. *Шолонисная* (ср. р. *Летняя*, *Сиверная*, *Западная*) [Пин], прк. *Шелоничное Колено* [Он]. Топонимы, образованные от названия

²⁵ Ср.: *шелоник* (*шалоник*, *шолоник*) – широко распространенное на Русском Севере, Урале, Сибири (т. е. на территориях новгородской колонизации) название различных по направлению ветров (преимущественно западного и северо-западного) [подробно об этом ветре и этимологии его названия см.: Дерягин 1967; Мельников 1977].

ветра *шелоник*²⁶, демонстрируют двойное наложение: топонимическая система → система ветрообозначений → топонимическая система (*шелоник* (*шолоник*) назван так по р. *Шолона*, откуда он дует). Одни и те же названия ветров на разных территориях могут иметь разную пространственную семантику, ср. топонимы, связанные с наименованием *низового* ветра: в Ленском районе Архангельской области записана пара р. *Северная Вырашка* – р. *Низовая Вырашка* (*низовый* на этой территории – южный ветер, дующий с низовьев р. Вычегда [КСГРС]). В паре холмогорских топонимов соотношение иное: руч. *Низовая Россоха* – руч. *Летняя Россоха* (в Холмогорском районе *низовый* – северо-западный ветер, дующий с низовьев р. Северная Двина [КСГРС]). Для полноты картины приведем примеры топонимов, образованных собственно от слова *ветер*: оз. *Ветреница* [Пин], о-ва *Ветреные* [Бел], г. *Ветренный Пояс* [Он], пок. *Ветрище* [Нюкс], поле *Ветродуи* [Сок], бол. *Ветробуиха* [В-Важ], лес *Витренный* – «С той стороны северный ветер» [Уст, Ион-Горка].

Ср. также на других территориях: в связи с преобладающим южным и западным направлением ветра на Алтае слово *ветренный* стало синонимом *южный*, а *подветренный* – *северный*: оз. *Ветренное Сопатое* – оз. *Подветренное Сопатое*, оз. *Ветренное Рыбное* – оз. *Подветренное Рыбное* [Русская топонимия Алтая 1983, 133], лог *Ветреные Теремки* – лог *Подветренные Теремки*, лог *Ветренский* – лог *Подветренский* [Чернышова 1988, 175]. Наименования ветров отразились и в топонимии Чудского озера: уч. оз. *Сиговицкий Нижний Край* – уч. оз. *Сиговицкий Теплицкий* (от *теплик* ‘юго-восточный ветер’), *Долгой Верхний Край* – *Долгой Северицкой Край* (от *северик* ‘северо-западный ветер’); здесь «ветровое» значение переkreщается с признаком ‘верхний – нижний’ [Никитин 1970, 16]. В связи с синкретизмом «ветровых» и «пространственных» значений любопытно зафиксированное А. Подвысоцким в Архангельской губернии значение слова *ветер* – ‘сторона света’: «Спрашивают: «В какой ветер пойдешь?», т. е. в какую сторону, по какому направлению, и отвечают: «Надоть в обедник или в шелоник идти» [Подвысоцкий, 27–28]; ср. также идиому *солнце пришло на ветер* ‘солнце поравнялось с меридианом или с румбом компаса, откуда дует ветер’ [Подвысоцкий, 161].

Наконец, важность наблюдений за положением солнца и погодой для процесса топонимации подчеркивается наличием значительного количества географических названий, в основу которых положены соответствующие признаки, ср.: пок. *Подсолнечная* – «Лесу нет вокруг,

²⁶ Устойчивость пространственной семантики *шелоника* подтверждается наличием астронима *Кичига на Шелонике* ‘Большая Медведица’ [АК ТЭ].

солнце там пригревает, да и к югу оно от большой дороги» [Леш, Возгора], пок. *Бессолнечная – Подсолнечная* (показательно, что первое поле находится на северо-западе от деревни Пустошь, второе – на юго-западе) [Бабуш], пастб. *Солнцепёково* [Сус], поле *Подсолнечное* [Он], д. *Закатаево* (неоф., ситуативно употребляемое название р. Князево) – «Князево еще Закатаевым зовем: солнышко там закатается. Вот, говорим, солнце уже в Закатаево» [В-Важ, Абакумовская], лес *За Красное* – «Солнце в той стороне садилось, так и говорили: “Пойдем в лес, За Красное”» [Котл, Степановская Большая], руч. *Заусолонок*²⁷ [Пин], пок. *Тёплые* – «Они на юге» [Котл, Малое Михалево], д. *Тёплая* – «Деревня на угоре стоит» [В-Уст, Конаново], г. *Теплогорье* [Уст], пок. *Тёплая* [Бабуш], пок. *Тёплый Отнорок* [Нюкс], поле *Тёплый Уголок* [Он], поле *Гретьё* – «На угорчике поле, солнышко пригревало» [Уст, Едьма], пок. *Холодёнки* [Тот], пок. *Холодок* [Ней], бол. *Шубный Рукав* – «Болото меж двух боровинок, там и потеплее: откуда ветер ни дует, там всё клюква есть» [Он, Мондино], руч. *Теневое* [К-Б], руч. *Теньский* – «Там тень всё время» [Уст, Тарасонаволоцкая], лес *Увейная Грива*²⁸ – «Раньше сосны росли» [Бабуш, Володино] и мн. др. Фиксируются также случаи, когда «метеорологический» признак не отражен во внутренней форме топонима, но название оказывается включенным в какую-либо местную погодную примету, ср.: пок. *Сенькина Ляга* – «Со стороны Сенькиной Ляги всегда дожди» [В-Уст, Луза], ур. *Рыло* – «С Рыла дождя не бывает» [Кад, Нижнее].

Все вышесказанное подтверждает метеорологическую обусловленность предпочтений при ориентации по сторонам света.

В заключение отметим еще один весьма интересный факт, который нельзя обойти вниманием при обсуждении вопроса об ориентации по сторонам света. В нашем материале зафиксирован гидроним *Черная Река* со следующим комментарием: «Все реки бежат по солнышку, а она наоборот, вот и Чёрная Река» [В-Уст, Горбачево]. Нельзя ли этот факт интерпретировать как реликт цветовой символики сторон света? Известно, что оппозиция (триада) *черный – белый (красный)* в контексте славянских народных верований связывается, в числе других, как с парой *плохой – хороший* [СД 1, 151–154; МНМ 2, 452], так и с пространственными параметрами, причем предполагается, что пространственная символика цвета является общеевразийской; эта евразийская символика (в ее тюркском варианте) отражается в знаменитой топонимической триаде *Белая Русь – Черная Русь – Червонная Русь*: север символизируется черным цветом, запад – белым, а юг – красным [Иванов 1981;

²⁷ Ср.: *усолонь* ‘на солнце’ [КСГРС].

²⁸ Ср.: *увей* ‘затененное место’ [КСГРС].

Никонов 1986; Подосинов 1999, 377–379; Трубачев 1974, 51; 1997, 122–124]. Однако данный факт в восточнославянской топонимии, по сути, единичен. О. Н. Трубачев предполагает пространственную мотивировку и для наименования Белого моря: «...если учесть, что, с точки зрения рано освоенного Русью устья Северной Двины, Белое море – это, несомненно, море, расположенное к западу, сразу станет ясна внутренняя мотивация названия Белое море = ‘Западное море’ еще в Древней Руси» [Трубачев 1997, 122]. Данная версия очень интересна, но ее необходимо проверить на более масштабном севернорусском топонимическом материале, поскольку возможность заимствования тюркской ориентационной системы на этой территории нуждается в специальных доказательствах²⁹.

Отражена ли цветовая символика сторон света в севернорусской топонимии? А. В. Суперанская [1970, 126–127] экстраполирует связь цветowych и пространственных параметров на позднюю русскую топонимию, предполагая, что *черные* и *белые* реки имеют широтное или меридиональное направление, однако мы склонны отрицать эту связь, базируясь на анализе больших массивов топонимов Русского Севера и Урала. На Русском Севере, например, зафиксировано около 1100 *черных*, 300 *белых*, 200 *красных* рек и ручьев, при этом в расположении их (как абсолютном, так и локализации друг относительно друга) не наблюдается никакой связи со сторонами света. Не просматривается этой связи и в расположении *белых*, *черных* и *красных* озер (кстати, пространственную символику трудно найти и для названия *Белого озера*, которое является одним из наиболее ранних русских топонимов данной территории). Эти топонимы выражают обобщенные цветовые характеристики (конечно, следует также учитывать, что тополексема *красный* может иметь устаревшее в литературном языке значение ‘хороший’). Возможно, в приведенном выше названии *Черная Река* следует видеть именно реализацию цветовой семантики – хотя и опосредованную (ср. выше контекст на гидроним *Ночка* – «Текёт на темно место, против солнышка»). Оговоримся еще раз: мы не склонны утверждать, что цветовая символика сторон света вообще не отражена в севернорусской топонимии, – возможно, название *Белого моря* все-таки следует рассматривать в этой связи, однако тот севернорусский топонимический материал, который дан современному исследователю, не позволяет сделать соответствующие выводы.

²⁹ О. Н. Трубачев ссылается еще на этноним *белые хорваты* – наименование племени хорватов, дальше других племен продвинувшегося на запад [Трубачев 1997, 122], однако это вновь не севернорусский факт.

Подводя итоги, можно отметить, что отразившаяся в топонимии система ориентации по сторонам света является в основе своей наивной, ибо отражает не столько абстрагированные «компасные» показатели, сколько пространственную проекцию метеорологических условий, что говорит об осязаемой хозяйственной направленности народной системы ориентации в пространстве³⁰.

НАЧАЛО – КОНЕЦ

Отношение «начало – конец» может быть релевантным для описания, во-первых, координат участка пространства безотносительно к конкретному объекту; во-вторых, координат самого объекта, у которого может быть выделено несколько частей.

В связи с первой ситуацией данное отношение является, если можно так выразиться, самым асимметричным из всех рассмотренных пространственных отношений: идея начала слабо обозначена в топонимическом материале – в отличие от идеи конца, которая выражается многократно и разными способами. Эта ситуация вполне объяснима: пространственным началом в топонимии является собственно номинативный центр (а им чаще всего становится населенный пункт), что не нуждается в дополнительной маркировке. В то же время популярность «конца» обусловлена существованием четких границ между своим / освоенным и чужим / неосвоенным пространством, а также важностью самой идеи границы.

Что касается второй ситуации, то применительно к ней корректнее говорить не столько о начале и конце, сколько о краях объекта, которые тоже оказываются сориентированными относительно населенного пункта, иначе топонимы типа *Крайбор* или *Конецозерье* не имели бы дифференцирующих возможностей.

В обоих случаях сам факт появления *концов* указывает на четкую радиальность освоения пространства: пространственная сущность идеи конца парадоксальна, ибо пространство бесконечно; *конец* становится дистинктивным лишь в том случае, когда освоение пространства линейно, причем для второго случая (конец поля, леса и т. п.) это может быть

³⁰ Представляется, что эти аргументы дают основания для того, чтобы несколько смягчить выводы К. Таллквиста, сочувственно процитированные А. В. Подосиновым: «В том, что северная ориентация практически подавила все прочие системы ориентации и стала во всем цивилизованном мире единственно принятой, заслуга прежде всего компаса» [Tallquist K. Himmelsgegenden und Winde. Eine semasiologische Studie. Helsinki, 1928. P.150. – Цит. по: Подосинов 1999, 543].

пучок линий; для первого случая – должно быть выделено о д н о основное направление разворачивания пространственных отношений. Такая векторность ориентировки обеспечивается практикой разработки угодий вдоль линейных объектов – рек, дорог, побережий озер или морей.

Опишем основные модели, выражающие данное отношение³¹.

Идея **начала** чаще всего сводится к идее *первый в каком-либо ряду*, которая реализуется с помощью порядкового числительного **первый**. Интересно посмотреть, как выстраивается этот ряд, откуда ведется отсчет объектов. Судя по привязкам и мотивировкам, наиболее типичный центр отсчета – населенный пункт: поле *Первое* – «Первое по счету поле за деревней» [Карг, Савинская], руч. *Первый* – «От деревни первый ручей» [Бел, Левшуково], бол. *Первое Болото* – «Там всё болота, это первое от нас как идти» [Пин, Ваймуша], поле *Первая от Ворот* [Ней] и др. Однако отсчет может вестись и от других точек – например, от верховьев реки или устья реки: руч. *Первый* – «Самый верхний ручей» [Кир, Мережино], р. *Первая* – «Первая речка от устья Черной» [Вож, Поздеевская].

«Начальная» семантика *первых* топонимов поддерживается и их способностью вступать в корреляции с **крайними** и **последними** (или же употребляться в параллельных рядах по отношению к названиям такого типа), ср.: полосы *Первое – Среднее – Крайнее* [Ваш], д. *Ступолохта Первая – Ступолохта Вторая – Ступолохта Третья* // д. *Ступолохта – Средняя Ступолохта – Крайняя (Задняя) Ступолохта* [Кад].

Кроме того, идея начала иногда выражается топонимами, образованными от апеллятива **починок**. Топонимические *починки* многозначны: чаще всего такими названиями снабжаются небольшие населенные пункты-«новоселки» [ср. Даль III, 370]. Однако в ряде районов Русского Севера *починки* обозначают первые по счету от деревни поля или покосы. К примеру, на территории Усть-Кубенского района Вологодской области фиксируется 11 полей и покосов с названием *Починок*, смысл которого информанты объясняют так: [У-Куб, Устье, Богослово, Бережное]: «Первое поле от Тюлятино, вот и Починок», «первая пустошь от Копытово», «Первое поле у Еловцево, потому Починок» и т. п. [У-Куб, Устье, Богослово, Бережное].

Третий способ выражения идеи начала связан с использованием модели **голова**, которая будет рассмотрена ниже.

Идея **конца** может быть воплощена с помощью следующих моделей:

³¹ В рамках данного исследования не будут рассматриваться модели, связанные с гидрографической номенклатурой (*исток – устье*), поскольку они носят специализированный характер.

• **конечный, конец**³² (в т. ч. конкретного объекта): д. *Конец* [В-Важ, Уст], пок. *Конец* [Баб], пок. *Концы* [Кир], пок. *Кончик* [Котл], д. *Конечная* [Ваш, Вож, В-Уст], пок. *Конечная* [К-Б, Кир], д. *Конецбор* – «Там у нас конец бору» [С-Дв, Волость], д. *Конецгорье* – «Горы кончаются, дальше равнина» [Прим], бол. *Конечульница* (< *конец улицы*) [Ваш] и мн. др. Обращает на себя внимание обилие *конечных* деревень. Если *конечное* болото, покос, лес и т. п. отсчитываются от деревни, то при определении *конечных* деревень точкой отсчета становится центр соответствующего куста деревень (населенный пункт, социально отмеченный наличием церкви или сельсовета);

• **крайний, край** (в т. ч. конкретного объекта): р. *Краевая* [Тарн], пок. *Краешко* [К-Б], пок., лес, д., ур. *Край* [Вель, Вин, Вож, Выт, Кад, Карг, Ней, Ньюкс, Плес, Холм], пок. *Дальний Край* [Тот], поле *Край Спорихи* [Карг], пок. *Крайчик* [Бабуш], поле *Крайняя Неизвестная* [Бел], полоса *Крайняя Полоса* – «Полоса находится с краю огромного поля» [Карг, Поздышево], пок. *Крайняя Чища* [Ваш], *Окраек*, *Окрайки* [повсем.], ур., лес *Крайбор* [В-Важ, Выт, Пин], г. *Крайборье* [Бел, Ваш], д. *Крайгорка* [Пин] и мн. др.;

• **последний**: ур. *Последнёй* [К-Б], лес *Последний Бор* [Вин], пок. *Последний Лог* [Ник], оз. *Последний Пёлтак* [Пин], тоня *Последняя* [Кир], г. *Последняя* [Бел], бол. *Последняя Островина* [Устюж];

• **предел**: пок. *Предел* [Вож];

• **чуна**: бол. *Чуна*³³ – «Конец болота там» [Бел, Коновалово].

Здесь же могут быть рассмотрены многочисленные названия, образованные от апеллятивов *угол*, *кут*, *кулик*, однако в них семантика *конца* предстает в более затушеванном виде, ибо на первый план выходит значение расположения объекта относительно других.

Наконец, следует указать, что идея *конца* освоенного пространства обретает специализированное значение в топонимах, образованных от апеллятивов со значением 'граница, рубеж': пок., поле, ур. *Граница* [Вож, В-Т, Кологр, Тарн, Уст], ур. *Граничная* [Шенк], луг *Граничный Луг* [Бел], руч. *Порубежный* [Плес], куст д. *Порубежье* [Сямж], д., пок., поле *Рубеж* [Бабуш, Ваш, Вель, Выт, Карг, К-Б, Кир, У-Куб, Уст, Череп], поле *Рубежа* [Кир], р. *Рубежница* [Вож, К-Г, Кир, Кологр, Пыщ, Тот], бол. *Рубежное* [Ваш], лес *Рубежной Бор* [Плес] и мн. др. Обилие названий такого плана указывает на социальный подтекст восприятия

³² Интерпретации различных топонимов с основой *коне-* (в т.ч. гетерогенных русско-финно-угорских форм) посвящена статья А.К. Матвеева [1993].

³³ Ср.: *чуна* 'конец какого-либо географического объекта – болота, леса и т. п.' [КСГРС].

пространства, который создается противопоставлением *своего* и *чужого*.

Отдельно следует описать весьма популярную модель **голова – хвост**³⁴, многие реализации которой можно интерпретировать в связи с идеей «начало – конец». Функционирование этой модели (образной по своему происхождению) в качестве номинативного клише способствовало тому, что исконный вертикальный разворот образа иногда оказывается утраченным – в пользу горизонтальной развертки, выражающей абстрагированные значения начала и конца участка пространства. Однако механизм образности таков, что носитель языка при желании может восстановить исходное образное содержание (о различных вариантах образного осмысления топонимических *голов* и *хвостов* см. [Рут 1994, 421, 475]).

Данная модель – и в одиночном, и в парном варианте (а также со средним элементом типа *Серёдка*) – употребляется в разных в ориентационном плане ситуациях: 1) точка отсчета вынесена вовне и объективирована, при этом положение *головы* и *хвоста* определяется по течению реки; 2) точка отсчета совпадает с основной позицией номинатора (т. е. находится в населенном пункте).

В рамках первой ситуации топонимические *головы* и *хвосты* номинируют, соответственно, верхнюю и нижнюю по течению части речных островов (или покосов, расположенных на этих островах). Эта модель носит локальный характер – на территории Русского Севера она фиксируется в бассейнах рр. Северная Двина и Мезень: пок. *Взглавье – Грбовы Хвосты* (на о-ве *Остров*) [К-Б], пок. *Головы – Серёдки – Хвосты* (на о-ве *Троицкий*) [Прим], пок. *Зглавье – Хвост* (на о-ве *Чуега*) [Мез], ур. *Голова – Хвост* (на о-вах *Ельничный*, *Княжостров*, *Ягодник*, *Ягры*) [Прим], пок. *Голова – Хвосты* (на о-ве *Кузьминский*) – «вверху на острове *Голова*, а внизу *Хвосты*» [Мез, *Печище*] и мн. др. Соответствующие значения лексем *голова* и *хвост* фиксируются в апеллятивной лексике: *голова* (*изголовь(е)*, *изголовок*, *взглав*) ‘расположенная вверх по течению часть речного острова’ [АОС 9, 232; КСГРС; Мурзаев, 149, 230; Полякова, 87; СРНГ 6, 301], *хвост* (*охвостье*, *ухвостье*) ‘расположенная ниже по течению часть речного острова’ [КСГРС; Мурзаев, 584, 592]. Добавим, что в бассейне Мезени топонимические *головы* и *хвосты* выделяются не только на островах, но и на малозаселенном левом берегу реки, уголья по которому косятся жителями деревень с правого бере-

³⁴ Вероятно, в функции *хвостов* могут выступать и топонимы, образованные от апеллятивов *гуз*, *гузно*, ср. пары *Голова – Гузиха* [Галич], *Голова – Гузовка* [Меж]; ср. также р. *Гузениха* – «Далеко впадает, вот и Гузениха» [Влгд, Лукьяново].

га Мезени (д. Палуга, Пылема, Козьмогородское, Целегора и др.). В этом случае – так же, как в предыдущем, – система отсчета является внешней по отношению к номинатору: местоположение *голов* и *хвостов* определяется по течению реки.

Перейдем к описанию второй ситуации. Для нее характерно перенесение точки отсчета в традиционное для русской топонимии положение – в населенный пункт. *Голова* становится началом сельскохозяйственных угодий, а *хвост* – концом, при этом *головы* наиболее приближены к населенному пункту, *хвосты* же удалены, ср.: пок. *Голова* и *Хвост* – «Голова – первое наше поле в ту сторону, а Хвост – последнее поле» [В-Уст, Шулепово], поле *Изголовь* – «От него поля идут треугольником» [Вил, Докукинская], леса *Середовина* и *Хвост* – «Середовина ближе к деревне, а дальше Хвост» [М-Реч, Матвейцево], пок. *Хвост* – «Последний наш сенокос» [В-Уст, Васильевская] и др.; ср. также: поле *В Взголовьях* (у д. Кобелево) [Пин], поле *Взголовные Полосы* (у д. Упиралово) [Ник], пок. *Изголов* (у д. Шеинская) [Лен], полосы *Суголовны* (у д. Ивакино) [Кологр] и т. п.

Любопытно, что начальная и конечная части (*изголовь*е и *хвост*) могут определяться не только у сенокосного массива, но и собственно у населенного пункта. Ср.: поля *Изголовь* и *Хвост* – «Изголовь в головах у деревни, Хвост с конца, в хвосте» [Котл, Олюшино], поле *Поголовное* – «У деревни в головах» [Кир, Крутоберегая]. Возможно, этот же смысл следует усматривать и в приведенных выше названиях типа *Изголов*. Где может находиться такое *изголовь*е, с какого именно конца деревни? Система названий частей населенных пунктов обычно предполагает выделение равноправных *концов* (*зимнего* и *летнего*, *верхнего* и *нижнего* и т. п.) или *краев* – тем более необычно выглядит появление *изголовь*я и *хвоста* деревень, задающих какой-то пространственный вектор. Данный вопрос требует специальных полевых исследований, а в настоящее время мы располагаем только наблюдениями, сделанными в Котласском районе Архангельской области. Жители расположенных рядом деревень Олюшино, Студениха, Данилово используют для определения положения топообъектов у деревни пространственные маркеры *в головах* (деревни), *в хвосте* (деревни): оз. *Ярёмкина Яма* – «В головах Данилово», оз. *Даниловские Ямы* – «В хвосте Данилово», поле *Суслоноровское* – «В головах Студенихи» и т. п. Пространственная мотивация в данном случае такова: *головой* считается та часть деревни, которая является первой по дороге со стороны более крупного населенного пункта (в данном случае отсчет ведется от станции Ядриха или от гор. Котлас, которые находятся к востоку от рассматриваемых деревень). Ср. пояснение информанта: «Это от Ядрихи ехать, от Котласа ли, вот и по дороге-то в головах» [Котл, Олюшино]. Реки рядом нет, ее роль организо-

ра освоения пространства выполняет дорога; принцип ориентировки аналогичен тому, который мотивировал названия деревень типа *Конечная*: вектор пространственных отношений направляется из более крупного (социально значимого) населенного пункта. Можно ли говорить о том, что перед нами ситуация с вынесенной вонче точкой отсчета, сходная с той, которая наблюдается при привязке к реке? Думается все же, что данные случаи имеют различную ориентационную природу. При привязке к реке работает предельно объективированная ориентационная система, не зависящая ни от каких субъективных факторов. При определении положения *головы* и *хвоста* относительно деревни происходит как бы совмещение двух ориентационных центров, один из которых находится в самой деревне, а другой – в более крупном населенном пункте. Строительство новой дороги или перенесение центра сельсовета в другой населенный пункт может изменить вектор ориентации. И еще одно соображение: возможно, *голова* и *хвост* деревни определяются направлением застройки, которая обеспечивает видимость «движения» деревни в заданном направлении, перехода от «старой» к «новой» части (в этом случае, вероятно, *головой* может служить старая часть).

Таким образом, речной и «сухопутный» варианты функционирования топонимических *голов* и *хвостов* имеют разные ориентационные пропозиции.

В целом следует сделать вывод о том, что асимметрия отношения «начало – конец» в пользу *конечных* топонимов связана, во-первых, с низкой информационной нагрузкой *начальных* топонимов, поскольку начало обычно совпадает с центром освоения пространства (позицией наблюдателя), во-вторых, со значимостью идеи границы освоенного пространства, которая выражается *конечными* названиями.

1.2. ПРОБЛЕМА ТОЧКИ ОТСЧЕТА В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

При локализации объекта с необходимостью встает вопрос о точке (системе) отсчета, относительно которой выявляется местоположение объекта. Не менее значима проблема позиции наблюдателя (в случае топонимической номинации роль наблюдателя совпадает с ролью номинатора), которая может совпадать или не совпадать с точкой отсчета. Бурное развитие в науке последних лет исследований, имеющих прагматическую ориентацию, привлекло внимание лингвистов к проблеме отражения в языке наблюдателя и его точки зрения [см.: Апресян 1995, 640–645; Кравченко 1992, 1993; Лобачев 1983; Падучева 1993; Успенский 1995, 9–155; Яковлева 1994, 16–81 и др.]. Данная проблема рас-

считается преимущественно на материале связных текстов, ибо текст (особенно художественный) обнаруживает сложное переплетение, пульсацию и взаимопереходы различных точек зрения. Понятие точки зрения говорящего применяется для описания различных типов отношений – в том числе пространственных, ср. положение о релевантности таких признаков, как «положение наблюдателя», «характер и условия восприятия», для моделирования представлений о пространстве [Апресян 1995, 636; Яковлева 1994, 21].

Топонимический материал, насколько нам известно, не привлекался к изучению в связи с проблемой точки зрения наблюдателя. В то же время это рассмотрение поможет вывести на концептуальные закономерности организации семантического пространства топонимии, так как специфика системы отсчета определяет уровень развития ориентационных параметров, статичность / динамичность освоения пространства, закрепленность / незакрепленность позиции номинатора и т. п. Таким образом, данная проблема напрямую соотносится с конструированием пространственного образа мира создателей топонимической системы, ср. суждение А. В. Кравченко о том, что отнесение сферы проявления наблюдателя в языке исключительно к области прагматики выглядит неоправданным упрощением [Кравченко 1993, 55].

Задача выявления точки зрения номинатора ставит на повестку дня вопрос о технике реконструкции, обнаружения последней. При этом возникает опасность произвольного выхода за пределы того, что дает собственно языковой материал. Поясним это положение.

Субъект номинации является неотъемлемым элементом номинативной ситуации, поскольку именно он определяет стратегию и тактику номинативного осмысления объекта; жизненный опыт, перцептивные особенности, культурный багаж субъекта формируют гносеологическую базу имьятворчества. Это верно для любого создаваемого вновь имени. Однако собственно позиция (в буквальном смысле этого слова) субъекта номинации, локализация его самого в пространстве эксплицируется, естественно, не в каждом из появляющихся заново топонимов и даже не в каждом из тех наименований, которые обозначают местоположение объекта в пространстве. Сравним четыре топонима: поле *Ближнее*, пок. *За Каменкой*, руч. *Верхний*, ур. *Междорожницы*. Все четыре названия содержат указания на локус объекта. В то же время в первом случае номинатор проявляет собственное местонахождение наиболее открыто, «привязывая» объект только к себе. Во втором случае субъект представлен не столь явно, поскольку на поверхности, в самой языковой структуре, заявлены только объект, местоположение которого выясняется, и объект-посредник (*Каменка*). Однако имплицитное присутствие субъекта наблюдения регулирует взаимоотношения между двумя объ-

ектами. В третьем случае локализация объекта определяется по строго заданному вектору – по течению реки. В четвертом случае точка отсчета (позиция наблюдателя) вовсе не имеет значения для установления местоположения объекта: с какой бы стороны ни находился номинатор (слева, спереди, сзади и т. п.), объект все равно будет находиться между дорогами.

Таким образом, мы имеем четыре возможных варианта (в том числе и отрицательный) представления позиции субъекта номинации в результатах его номинативной деятельности. Сформулируем их суть.

Первая ситуация, как уже говорилось, предполагает «привязку» объекта к субъекту номинации. При этом номинатор не пытается искать дополнительные (более объективированные) способы указания на местоположение географической реалии. Ориентация такого плана может быть названа ориентацией «от себя» («автоориентацией»). «Автоориентированный» топоним, помогающий «вычислить» положение субъекта, сохраняет эти свои возможности только в том случае, если пространственная позиция номинатора достаточно статична. Ситуация автоориентации включает два компонента: субъект наблюдения и объект наблюдения. Эта простейшая ситуация является, по-видимому, исходной для ориентировки в пространстве, однако она может модифицироваться за счет введения в ориентационную зону объекта-посредника, усложняющего пространственные связи, делая их более объемными и детальными. Модификация исходной двухчастной структуры может идти в трех направлениях:

1) объект-посредник становится третьим элементом ориентационной системы, при этом сам субъект ориентировки не исключается из ситуации, но его позиция имплицитруется за счет введения объекта-посредника;

2) позиция наблюдателя как бы «отчуждается» от самого субъекта наблюдения, выносится вовне – в зону объекта-посредника и жестко закрепляется там. Объект-посредник превращается в своеобразный пространственный вектор; реальное положение субъекта наблюдения в пространстве не отражается в номинации, заменяясь фиксацией заранее заданного положения. Можно сказать, что в данном случае наблюдается несовпадение реальной позиции номинатора и точки отсчета. Первая нерелевантна для наблюдения, вторая, как уже говорилось, вынесена вовне;

3) позиция субъекта наблюдения исключается из ориентационной системы, которая состоит из объекта наблюдения и объекта-посредника (и, тем самым, вновь становится двухчастной). В этом случае точка отсчета нерелевантна для наблюдения (в реальности, разумеется, субъект номинации так или иначе сориентирован по отношению к объекту, од-

нако это остается за пределами ситуации вербализации внеязыкового знания).

«Укрупнив» вышеперечисленные локализационные варианты, мы получим три основные ситуации, описывающие взаимодействие субъекта наблюдения и точки отсчета:

- 1) Точка отсчета – наблюдатель: а) позиция наблюдателя эксплицирована (ориентация «от себя»); б) позиция наблюдателя имплицирована (ориентация «от объекта»).
- 2) Точка отсчета вынесена вовне.
- 3) Точка отсчета нерелевантна для наблюдения.

Опишем эти случаи более подробно.

ТОЧКА ОТСЧЕТА – НАБЛЮДАТЕЛЬ

А. Позиция наблюдателя эксплицирована (автоориентация).

Ситуация автоориентации, как указано выше, состоит из субъекта и объекта наблюдения. Эта ситуация, по всей видимости, является исходной для ориентирования, поскольку она наиболее тесно связана с положением тела в пространстве.

Базовым для автоориентации можно считать параметр «близко – далеко» (с которым связан параметр «начало – конец»). Именно он определяет выбор других пространственных показателей: если предмет находится близко, подключаются параметры, «привязанные» к человеку и заданные трехмерностью пространства: «вверху – внизу», «спереди – сзади», «справа – слева». Эти параметры образуют «чувственную систему отсчета», которая «состоит в различении трех пар направлений: к голове и к ногам; по линии взгляда «прямо перед собой» и ее продолжению в обратном направлении; по линии вытянутых во фронтальной плоскости правой и левой рук» [Шемякин 1967, 40].

Таким образом, в рамках ситуации автоориентации следует рассматривать проанализированные выше способы реализации отношений «ближний – дальний», «начало – конец», «верхний – нижний», «передний – задний», «правый – левый». Однако существует одно принципиальное ограничение. Как показано в соответствующих разделах, показатели *верхний – нижний, правый – левый* могут работать под действием различных механизмов: один из них (механизмов) реализует ситуацию автоориентации, другой – ситуацию ориентации с вынесенной вовне точкой отсчета. Поэтому, если анализировать уже описанный материал с точки зрения механизмов ориентации в пространстве, то к *ближним* и *дальним, первым и последним, передним и задним* топонимам (плюс различные вариации этих отношений) следует присоединить только те

правые и левые, верхние и нижние названия, которые не предполагают привязки к реке.

Оценивая в целом эту наивную систему автоориентации, необходимо отметить следующее:

1. Функционирование всех составляющих системы автоориентации становится возможным только при жесткой закреплённости, статичности точки отсчета (=позиции наблюдателя), которая локализуется в центре освоения пространства (населенном пункте).

2. Из всех возможных координат, связанных с положением тела, наименее популярными оказываются координаты «вверху – внизу» и «справа – слева». Причины низкой активности топонимов, выражающих отношение «вверху – внизу», связаны со свойствами самих реалий: преимущественно равнинный ландшафт Русского Севера не создает «задела» для интенсивной эксплуатации соответствующих пространственных маркеров.

Что касается пары «справа – слева», то раритетность ее реализаций определяется несовершенством самой системы ориентации, которая подразумевает в данном случае слишком высокую степень сориентированности объекта. Здесь используются две ориентационные линии, поскольку наблюдатель должен, во-первых, стоять лицом к объекту, во-вторых, определять свои координаты относительно оси правизны/левизны. Такая двойная координация лишает наблюдателя свободы «маневра» (т. е. передвижения в пространстве). Таким образом, оптимальный вариант топонимической ориентации, не нарушающий баланса в связке «положение номинатора → локализация географического объекта», предполагает использование не более одного ориентационного вектора.

3. Параметры наивной системы ориентации могут работать, в основном, в рамках микропонимии. Масштаб макропонимического изображения местности приводит к дисбалансу связей между фигурой наблюдателя и географическими объектами.

Следует отметить, что автоориентация не исчерпывается представленными выше параметрами, связанными с положением тела в пространстве. Эти параметры образуют наивную, *субъективированную*, антропоцентрическую ориентационную систему, что не отрицает возможности существования объективированной системы. Таким образом, по уровню организации систем автоориентации можно выделить субъективированный и объективированный варианты этих систем.

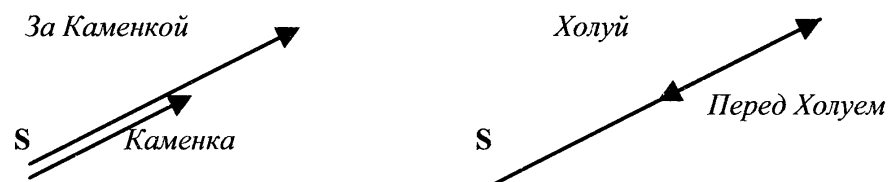
Объективированный вариант предполагает использование ориентации по сторонам света. Эта система является автоориентационной, поскольку замкнута на локус субъекта ориентации (точка, находящаяся к северу от одного наблюдателя, может быть расположена к югу от дру-

гого). В то же время эта система не связана с самим положением тела в пространстве, поэтому она «масштабнее» субъективированной ориентации и, соответственно, может работать на макроуровне.

Однако анализ топонимического материала показывает, что объективированность ориентации по сторонам света весьма относительна. По сути, перед нами наивная – но на ином, более высоком уровне абстрагирования – система, мотивированная хозяйственными предпочтениями субъекта ориентации. Резкая асимметричность этой системы мешает признать ее объективный характер.

Б. Позиция наблюдателя имплицирована (ориентация «от объекта»).

В трехэлементной системе ориентировки (субъект наблюдения – объект наблюдения – объект-посредник) «объектные» члены представлены эксплицитно, а субъект, как уже говорилось, имплицирован. Поясним эту ситуацию. Названия типа *Перед Холуем* или *За Каменкой* локализуют объект наблюдения в пространственной зоне объекта-посредника, однако вне конкретной ситуации эта локализация размыта, поскольку является «кольцевой»: предлоги *за* и *перед* очерчивают кольцо вокруг объекта, приобретая нейтрализованный аморфный смысл *около*. Эта аморфность может быть преодолена только за счет введения фокусирующей позиции субъекта номинации:

Ср.: «Анализ... пространственных предлогов *за* и *перед* показывает, что пространственная ориентация предметов релятивизована восприятием наблюдателя» [Апресян 1995, 642]. Трехэлементная система ориентировки реализуется при использовании в составе топонимов, во-первых, ориентированных предлогов, во-вторых, беспредложных наименований объекта-посредника.

Ориентированные предлоги

Как указывают Т. Ю. Кобзарева и Л. Г. Лахути, «ориентированность предлога заключается в том, что при выделении инвариантов приходится учитывать не только взаимное расположение А и В, но и их положение относительно некоторого третьего объекта или относительно говорящего» [Кобзарева, Лахути 1971, 125]. Среди ориентированных предлогов авторы выделяют предлоги с вертикальной (*над*, *под*) и невертикальной ориентированностью (*перед*, *за*) [Там же].

Как представляется, ориентированные предлоги можно подразделять на группы не только исходя из их способности описывать пространственную *вертикаль / горизонталь*. Образованные с их помощью предложно-падежные конструкции могут отвечать как на вопрос *где?*, так и на вопрос *куда?* (*откуда?*). При этом *где*-топонимы не всегда могут считаться ориентированными (допустим, конструкции с предлогом *в*, сочетающимся с существительным в предложном падеже, предполагают не трех-, а двухкомпонентную систему ориентировки (объект – объект-посредник), для которой нерелевантна позиция субъекта наблюдения), а *куда* (*откуда*)-топонимы всегда являются ориентированными, поскольку в их семантике представлена не только сема локализации, но и сема направления. Различение *где*-ориентации и *куда*-ориентации можно осуществлять по признаку падежа: если упоминавшийся выше предлог *в* с предложным падежом дает *где*-ориентацию, то с винительным падежом – *куда*-ориентацию. Идея направления, представленная в семантике *куда*-топонимов, связана с идеей перемещения, поэтому *куда*-топонимы отражают динамичность освоения пространства.

Представим диапазон ориентированных предлогов, встречающихся в русской топонимии (для полноты картины наряду с ориентированными предлогами рассматривались соответствующие приставки). Необходимость подачи довольно объемных рядов иллюстративного материала связана с тем, что некоторые предложно-падежные модели вообще не описаны в исследованиях по русской топонимии (мы ориентируемся в первую очередь на наиболее капитальное описание словообразовательных типов русских топонимов, имеющееся в работе Н. В. Подольской [1983]; модели, отсутствующие в этом исследовании, подаются под знаком *).

Куда-ориентация. *Куда*-топонимы называют конечный пункт, где заканчивается движение (или указывают, в какую сторону направлен объект с точки зрения наблюдателя).

- **В*:** поле *В Березовую Речку Концом* [Хар], лес *В Выпасок* [Меж], поле *В Горку* [Пин], поле, пок., лес, ур. *В Гору* [Вил, Выт, Карг, Котл, Он], поле *В Гору Концом* [Он], поле *В Детковице* [Он], поле *В Дор* [Хар], полоса *В Дорогу Концом* [Кологр], поле *В Еремеево* [Бел], пастб. *В Заклины* [Уст], пок. *В Изголово* [Устюж], полоса *В Ключёвку* [Кологр], дор. *В Край* [Нянд], пок. *В Корчагу* [Вель], поле *В Лес Концом* [Плес], полосы *В Речку* [Чухл], ур. *В Рамень На Горелец* [Пыщ]. Данная модель реализуется в 80 наименованиях.

- **До*:** пок. *До Баён* [Леш], бол. *До Беленца* [Кад], лес *До Границы* [Вель], пок. *До Крутого Ручья* [В-Т], пок. *Дообедное* [Кон], ур. *До-озерье* – «от нас начинается и до озера идет» [Прим, Кушкушара], поле *До Овражка* [Уст], пок. *До Озёрной Дороги* [Уст], пок. *До Ушатика*

[Уст], полоса *До Пашины* [К-Г] и др. Данный предлог функционирует в 30 названиях. Ср. диалектные значения этого предлога: *до* (+ род. пад.) – 1. употребляется в значении предлога *в*: куда ; 2. употребляется в значении предлога *на*: куда [СРНГ 8, 72].

• **За**: лес *За Гору* [Вель], бол. *За Двенадцать Болот* [Вож], пок. *За Копанец* [Нянд], поле *За Короткое* [Он], лес *За Левину Избушку* [Выт], пок. *За Носовицы* [Леш], поле *За Овины* [Галич], бол. *За Прилук* [Ваш], ур. *За Родину* [Бел], бол. *За Трубы* [Котл], лес *За Увариху* [Хар] и др. Модель представлена 200 наименованиями.

• **К***: поле *Большое Поле К Кепушкову* [Котл], поле *К Бабыю* [Вож], пок. *К Болоту* [Карг, К-Г, Сямж, Шенк], ур. *К Верхней Пожне* [К-Б], поле *К Гаврилихе* [В-Важ], поле *К Заднему Двору* [Нюкс], полоса *К Козловке* [Бел], поле *К Концу* [Тарн], пок. *К Мельнице* [К-Г, Ник, Уст]. Модель весьма активна в топонимической номинации (зафиксировано около 200 соответствующих топонимов).

• **На**: ур. *На Бабино* [Карг], лес *На Базаровский Хутор* [Пыщ], пок. *На Берёзово* [Плес], пок. *На Водопой* [Ник], поле *На Великое* [Прим], лес *На Долгушу* [Карг], пок. *На Красное* [К-Г], тоня *На Мысок* [Выт], пок. *На Низ* [Кон, Сямж], поле *На Низ Концами* [Плес], поле *На Починок* [Баб], лес *На Святицу* [Чухл]. Данная модель не относится к числу самых популярных, однако она достаточно четко оформлена в топонимическом материале (фиксируется около 90 соответствующих топонимов)³⁵. В данных конструкциях проявляется диалектное значение предлога *на*: *на* (+ вин. пад.) – ‘употребляется при указании места совершения действия, места, в сторону которого направлено действие, или являющегося конечным пунктом движения’ [СРНГ 19, 95].

• **Под**: пок. *Под Белово* [Сямж], поле *Под Березино* [В-Т], поле *Под Затоку* [Галич], пок. *Под Иванов Закос* [Вель], лес *Под Каменное* [Плес], пок. *Под Мелехово* [Уст], оз. *Под Напалки* [Котл], лог *Под Сергеево* [В-Важ] и мн. др. Модель представлена 95 наименованиями. Обращает на себя внимание активное использование этой модели при номинации рыболовных тоней, ср. наименования тоней на Белом озере: *Под Берёзу*, *Под Завал*, *Под Мысочек*, *Под Мякильницу*, *Под Сад*, *Под Хвойники*, *Под Церкву* [Ваш]. Данные топонимы как бы дают ответ на вопрос «Куда поплыли ставить (сети, ловушки)?» – «Под Церкву...» Очевидно, эти номинации возникают при взгляде «с воды», с поверхности озера или моря, когда береговая линия воспринимается как вертикаль.

³⁵ В исследовании Н. В. Подольской данная модель характеризуется как крайне редкая, реализованная лишь в одном топониме (*На Свои Пожни*) [Подольская 1983, 51].

• **Через***: полосы *Через Бабий Лог* [К-Г], полоса *Черезборная* [Нянд], поле *Через Горб* [Пош], поле, паш. *Через Гору* [Бел, Ваш, Вож, Выт, Кир, У-Куб, Хар], пок. *Черездорожные* [Остров], ур. *Через Кручу* [Галич], поле *Через Пашню* [К-Г], поле *Через Просеку* [Карг], полоса *Через Тропинку* [Кир], полоса *Черезугорницы* [К-Г]. Данная модель реализуется в 80 названиях, которые наиболее распространены в юго-восточной части Вологодской области и в Костромской области [Галич, К-Г, Ник, Мантур, Меж, Пыщ]. Предлог *через* имеет значение «преодоления» [см. Засухина 1991, 13], которое совмещается с направительной семантикой соответствующих конструкций. Ориентированность этого предлога проявляется в том, что только заданность позиции наблюдателя позволяет понять, с какой стороны преодолевается объект (например, с какой стороны надо перейти дорогу, чтобы попасть на пок. *Черездорожные*).

Откуда-ориентация. *Откуда*-топонимы называют исходный пункт, от которого начинается движение (или указывают, откуда направлен объект с точки зрения наблюдателя).

• **Из (из-под)**: пок. *Из Сада Ставровского* [Пин], пок. *Из Сухого Ручья* [Тарн], поле *Из Ченчихи* [К-Г], поле *Из-под Ляги* [Кологр]. Топонимические сочетания с данными предлогами редки. В перечень не включены те топонимические конструкции, которые обозначают реки или ручьи, указывая на их исток (руч. *Из Большого Болота* [Вель], руч. *Из Поля* [В-Т], руч. *Из Поскотины* [В-Т], руч. *Из Прогона* [Меж], руч. *Из Светлого Озера* [Уст]), поскольку в этом случае позиция наблюдателя нерелевантна для наблюдения.

• **От***: поле *От Алфёрова* [К-Г], поле *От Большого* [У-Куб], поле *От Бора* [Бел], лог *От Викторова Логу* [Ник], поле *От Голодухи* [У-Куб], пок. *От Егоровой* [Пин], пок. *От Камеша* [Хар], пок. *От Погорелова* [Кир], пок. *От Погоста* [Ваш], поле *От Савинского* [Пош], поле *От Саврасова* [Бел] и др. Данная модель, которая реализуется в 150 названиях, имеет локальный характер распространения: соответствующие топонимы наиболее плотно концентрируются в северо-западной части Вологодской области – в Белозерском, Кирилловском, Вашкинском, Вожегодском, Харовском, Усть-Кубенском районах. В некоторых случаях *от*-модель организует систему микротопонимов определенной деревни; ср. названия полей вокруг д. Скоково [Ваш]: *От Озера* – «к озеру идёт, пахали оттуда», *От Осиновы*, *От Слободки*, *От Ручья*; аналогично выстраивается система названий полей вокруг д. Митенское [У-Куб]: *От Кобелёва*, *От Семшина*, *От Спасского*. Такого рода употребления предлога *от* отмечены в диалектной лексике, ср.: *от* (+ род. пад.) – ‘указывает на место как исходный пункт, откуда направлено

движение или откуда что-либо извлекается' (*От Соли приехали* = приехали из Соликамска) [КАССР. Яросл. Арх. – СРНГ 24, 106].

• **С:** пок. *С Бродовой* [Галич], поле *С Горки* [Карг], поле *С Горок* [В-Т], ур. *С Копалихи* [Уст], бол. *С Корякино* [Устюж], бол. *С Норожника* [Кад]. Реализации этой модели немногочисленны (15 топонимов). В исследовании Н. В. Подольской указывается, что все засвидетельствованные названия этой модели – гидронимы Украины, значения гидронимов формулируются так: «текущий, вытекающий из или сверху того географического объекта, который назван собственным именем» [Подольская 1983, 76]. В нашем материале гидроним только один (руч. *С Дальних* [Вель]); в остальных случаях («негидронимических») предположно-падежные конструкции релятивизированы позицией наблюдателя.

Где-ориентация.

• **За (по-за*):** бол. *Задубровское* [Вель], пок. *Закрёжное* [Карг, К-Б], пок. *За Кулигой* [Гряз], пок. *За Леском* [Шексн], луг *По-за Веретья* [В-Т], полосы *По-за Глинной* [Вил], поле *По-за Гонов* [В-Т], лес *По-за Острову* [Ней], лес *По-за Реки* [Вель], поле *По-за Полю* [Хар] и мн. др. Конструкции с предлогом (приставкой) *за* являются самыми частотными среди всех топонимических предположно-падежных конструкций и соответствующих приставочных образований. На территории Русского Севера фиксируется около 6000 соответствующих топонимических фактов. Резкий перевес *за*-топонимов над *перед*-топонимами отражает логику и последовательность освоения пространства, вектор которого (освоения) направлен от центра к периферии. Предлог *по-за* реализуется в 15 названиях; данный предлог управляет родительным и дательным падежом имени и употребляется для обозначения места – 'позади чего-л., за пределами чего-л.' [СРНГ 28, 301]. Возможно, конструкции с этим предлогом могут отражать также *куда*-ориентацию (ср.: поляна *По-за Старый Колодец* [Тот], поле *По-за Яблонные Полосы* [Кир]), однако для решения этого вопроса нужен более представительный материал.

• **Над (по-над*):** ур. *Над Озером* [Бел], полоса *Над Бором* [К-Г], бер. *Над Крутой Слудой* [Чухл], ур. *Надпоженка* [Нянд], лес *Надполе* [Вил], поле *По-над Болотом* [Тарн], поле *По-над Лугом* [К-Г], поле *По-над Лугу* [Нюкс], *По-над Молухи* [Бабуш] и мн. др. Зафиксировано около 470 топонимов, включающих этот предлог (приставку)³⁶, однако любопытно, что они неравномерно распределяются по территориям: допустим, на территории Мезенского, Лешуконского, Верхнетоемского района Архангельской области, имеющих богатейший топонимикон, *над*-

³⁶ Вариант *по-над* раритетен: отмечается 6 названий, в состав которых входит этот предлог.

топонимы практически не фиксируются, а вот в Кичменгско-Городецком и Верховажском районах Вологодской области, в Вельском и Устьянском районах Архангельской области данные названия особенно частотны. По наблюдениям участников ТЭ, именно в этих зонах, где располагаются водоразделы крупных рек, рельеф является наиболее неровным, изобилующим холмами и пригорками (кстати, апеллятивная лексика этих районов, особенно Вельского, характеризуется богатством наименований форм положительного рельефа). В то же время названные выше районы Архангельской области обладают болотистым ландшафтом, а возвышенности здесь практически отсутствуют или скрыты лесами. Очевидно, специфика рельефа обусловила неравномерное распределение *над*-топонимов по территории Русского Севера.

При формировании *над*-топонимов объектами-посредниками в большинстве случаев являются реки и озера, в то время как сами *над*-топонимы практически на две трети составлены наименованиями полей и покосов, что вполне естественно: именно поля и покосы (а не гидро-объекты) чаще всего находятся на возвышенностях. Исключением из этого правила являются наименования рыболовных тоней на оз. Кубенское (Вологодский, Усть-Кубенский и Сокольский районы Вологодской области), в состав которых нередко включается предлог *над*: *Над Зеленой, Над Бонжей, Над Десятым, Над Головой, Над Березой, Над Черной, Над Зимней* и т. п. (любопытно, что в остальном массиве топонимии Вологодского, Сокольского и Усть-Кубенского районов, на территории которых находится Кубенское озеро, предлог *над* практически не встречается).

Эта ситуация необычна для наименований тоней, в которых, как правило, функционирует предлог *под*-, маркируя нахождение тони на нижнем, а не на верхнем полюсе пространственной вертикали. Можно предложить следующее объяснение этому обстоятельству: *под*-номинация возникает тогда, когда наблюдатель дает названия рыболовным урочищам «с воды», находясь на озере или в море; *над*-номинация, вероятно, предполагает иное направление взгляда – с суши на воду. Однако можно предложить еще одно объяснение этому обстоятельству: возможно, здесь проявилось одно из диалектных значений предлога *над* (+твор. пад.): 1. соответствует предлогам *под* или *около* литературного языка и употребляется при указании на пребывание, нахождение кого-, чего-либо около нижней части чего-либо или в непосредственной близости от чего-либо; 2. соответствует предлогам *против, напротив* литературного языка и употребляется при указании на пребывание кого-, чего-либо прямо перед кем-, чем-либо или на противоположной стороне чего-либо [СРНГ 19, 220].

И значение ‘под’, и значение ‘против’ могли бы быть реализованы при номинации тоней (если предполагать, что *над* = *против*, то береговая линия, разделяющая сушу и воду, как раз выступает в роли преграды, необходимой для описываемых предлогом *против* отношений). В то же время указанные диалектные значения предлога *над* не зафиксированы на данной территории, что мешает принять эту версию (кроме того, настораживает представленность предлога *над* на рассматриваемой территории преимущественно в названиях тоней: если б предлог имел другие значения, то они проявились бы в номинации разных видов объектов).

• **Перед:** бол., лес *Передворье* [Бабуш, Ней, Пыщ], пок. *Передзыковье* [Уст], пок. *Перед Копной* [Вель], поле *Передоконные* [Бабуш], пок. *Передоконье* [У-Куб] поле *Перед Окошко* [Вил], пок. *Перед Окошком* [Ваш], пок. *Перед Холуем* [Ней] и др. Данная модель реализуется в 30 наименованиях. Причины ее низкой активности не только в том, что она задает центробежную, а не центростремительную логику освоения пространства, но и в том, что значение ‘перед’ выражают некоторые другие предлоги – *против* и, возможно, *под*. Кроме того, можно считать, что значение ‘перед’ выражается куда-топонимами, обозначающими местонахождение объекта на пути к объекту-посреднику (т. е. перед ним).

• **Под (по-под³⁷):** пок. *Под Вострым* [Вил], оз. *Под Дресвянкой* [Бел], поле *Под Круглым* [Пин, Шенк], бол. *Подозерье* [Вин], пок. *Подляжье* [Карг], пок. *По-под Лесом* [Вель], поле *Поподлисье* [Кир] и мн. др. Предлог (приставка) *под* является одним из самых частотных в топонимических предложно-падежных конструкциях: фиксируется около 4000 топонимов, включающих этот предлог. Судя по нашему материалу, данный предлог в составе топонимов может иметь разные значения. Чаще всего встречается основное «высотное» значение предлога (ср. обилие конструкций с предлогом *под*, сочетающимся с обозначениями высотных локусов – горы, обрыва, леса и т. п.). Большая частотность *под*-топонимов (по сравнению с *над*-топонимами) объясняется тем, что *под*-пространство (т. е. середина и нижний полюс пространственной вертикали) доступнее для освоения, нежели *над*-пространство. В то же время частотность предлога *под* связана не только с этим обстоятельством, тем более что зафиксированы названия, которые вряд ли имеют высотную семантику (*Подозерина*, *Под Лягой* и др.). По данным диалектных словарей, на территории Русского Севера отмечены и другие

³⁷ Вариант *по-под* является раритетным и реализуется только в двух названиях. По мнению Т. П. Засухиной, предлог *по-под* указывает на местоположение предмета под чем-либо, имеющим протяженность, вдоль чего-либо [Засухина 1991, 24].

значения этого предлога, ср.: *под* (+ вин., твор. пад.) – 1. употребляется при обозначении местоположения лица или предмета в непосредственной близости к кому-, чему-либо; возле, около чего-либо; 2. употребляется при обозначении направленности движения в сторону кого-, чего-либо, приближения к кому-, чему-либо [СРНГ 27, 32]. Если считать, что некоторые *под*-топонимы выражают значение ‘возле, около чего-либо’, то их следует рассматривать как названия, возникшие в связи с ситуацией, когда позиция номинатора нерелевантна для наблюдения. Однако есть основания полагать, что некоторая ориентированность в семантике таких названий всё же имеется.

Рассмотрим ситуации, отраженные в мотивировочных контекстах: поле *Под Пупышевым* – «Оно по пути от нас на Пупышево» [В-Уст, Котолово], пок. *Под Коробовым* – «Перед Коробовым покос» [Влгд, Новленское], пок. *Под Тавлашем* – «По дороге от нас на Тавлаш, мы так звали, а в Тавлаше како-то другое имя было» [У-Куб, Мыс]. Данные названия функционируют только в микросистемах деревень Котолово, Новленское и Мыс (употребление топонима *Под Пупышевым* жителями самой деревни *Пупышево* маловероятно), и соответствующие объекты осваиваются по пути из этих деревень. Если бы объекты находились позади деревень, было бы нелогично употреблять предлог *под*, – скорее был бы использован предлог *за*. Таким образом, предлог *под*, как нам представляется, может иметь значение ‘на подступах к чему-либо’, чем обусловлена его ориентированность.

• **Против (напротив, супротив, а также связанные с ними субстантивные и адъективные формы):** пок. *Против Берёзова* [В-Т], поле *Против Веретьи* [Прим], пок. *Против Верхней Избушки* [Котл], поле *Противгора* – «Поле находится против горы» [В-Важ, Берег], пок. *Против Новотерёбу* [Уст], поле *Противное Поле* – «На горке против деревни оно» [Плес, Пашевская], пок. *Противной Наволок* [Плес], поле *Против Окона* [Кон], пок. *Напротив* [Пин], пок. *Напротив Балаганских* [Уст], луг *Напротив Чирухина* [В-Т], руч. *Напротивье* [Пин], р. *Супротивница* [Кологр], порог *Супротивской* [Леш], пок. *Супротивье* [Макар, Устюж] и др. (около 70 названий).

• **Прямо* (прям*)**³⁸: полоса *Прям Ёлки* [К-Г], р. *Прям-Маслénково* [Вож], поле *Прямо Буртаново* [К-Г], пок. *Прямо Волочка* [Вин], бол. *Прямо Деревни* [Вель], пок. *Прямокошки* [Кад], бол. *Прямокузоверские* [Уст], поле *Прямо Мухины* [Шенк], пок. *Прямо Норсанги* [Уст], поле *Прям Сушилки* [У-Куб] и др. Данная модель реализуется в 60 названиях.

Ориентированность предлогов (приставок) *против* и *прямо* связана с тем, что эти предлоги выражают «местоположение кого-, чего-либо или

³⁸ *Прямо* ‘против’ [КСГРС].

распространение действия-движения на некотором расстоянии от лицевой части предмета» [Засухина 1991, 25]: сам выбор части, считающейся лицевой, создает ориентированную семантику предложно-падежной конструкции или соответствующего адъектива. Можно сказать, что *против-*, *противные* и т. п. топонимы синонимичны *перед-*топонимам, однако они предполагают большую дистанцированность объекта, местоположение которого выясняется, от объекта-посредника; пропозицией, определяющей употребление *против-*топонимов, является представление о каком-то ландшафтном (рельефном) барьере, противопоставляющем (разделяющем) соответствующие объекты, – им может быть овраг, поле, река и т. п. Надо отметить, что в том случае, когда объект располагается напротив другого по реке, ориентированность *против-*топонимов уменьшается, однако таких случаев не так много и они наиболее характерны для номенклатуры (пок. *Против Каменной Избы Исада За Рекой* [В-Т], луг *Против Панёва За Рекой* [В-Т]).

Представим сводный перечень ориентированных предлогов (и соответствующих приставок) в топонимии Русского Севера:

куда-ориентация	откуда-ориентация	где-ориентация
<i>в</i> (+ вин. пад.)	<i>из / из-под</i>	<i>за</i> (+ твор. пад.) / <i>по-за</i>
<i>до</i>	<i>от</i>	<i>над / по-над</i>
<i>за</i> (+ вин. пад.)	<i>с</i>	<i>перед</i>
<i>к</i>		<i>под / по-над</i>
<i>на</i> (+ вин. пад.)		<i>против / напротив / супротив</i>
<i>под</i>		<i>прямо / прям</i>
<i>через</i>		

Беспредложные наименования объекта-посредника

В составе топонимов могут функционировать беспредложные наименования объекта-посредника, которые ориентируют по отношению к последнему объект наблюдения. Например: в названиях некоторых полей вокруг д. Копосово [Котл] отражены наименования деревень, в сторону которых расположены эти поля (ср.: «Поле Удимское в сторону Удимы, а Петровское – по дороге на Петровскую; на Починок дорога шла через Починовский Угор» [Котл, Копосово]).

Ср. еще примеры: уч. бол. *Запольская Сторона* – «На Маленьком Болоте в сторону Заполя» [Карг, Давыдово], пастб. *Шабановская* – «У нашей деревни в сторону Шабановой» [Вель, Никитинская], пок. *Соловская Чищъ* – «Названо по д. Солза, которая находится в этом направлении» [Кир, Ефремовская], бол. *Осецкое* – «В сторону д. Осека» [Кад, Крюково], поля *Кабаново Гридинское* и *Кабаново Падоловское* – «в сторону Гридина и Падолова» [Гряз, Ростилово], часть д. *Марковский*

Край – «Часть Тарасово по направлению к д. Марков Починок» [Ник, Тарасово], часть д. *Олюшинский Край* – «Часть Куршиевской в сторону Олюшино» [Вож, Куршиевская], поле *Пошехонье* – «Там как раз с Архангельска дорога шла прямо на Пошехонье» [Он, Верховье] и мн. др.

Беспредложные обозначения объектов-посредников нередко встречаются в составе названий частей населенных пунктов, ср. систему наименований частей д. Пеньево – *Святогорский Край, Шетеневский Край, Вороньевский Край* (в сторону, соответственно, *Святогорья, Шетенево, Вороньево*) [М-Реч]. Эта традиционная модель вписалась и в современную урбонимическую номинацию, ср. ориентированные наименования улиц и переулков Екатеринбурга, в составе которых функционируют названия городов и поселков Урала: пер. *Асбестовский*, пер. *Дегтярский*, пер. *Ивдельский*, ул. *Кушвинская*, пер. *Кыштымский*, ул. *Манчажская*, пер. *Ревдинский*, пер. *Режевский*, ул. *Сухоложская* и мн. др.

Объектами-посредниками в традиционной русской топонимии становятся ориентиры «местного значения», находящиеся, как правило, не дальше зоны второй ступени топонимической абстракции. Поясним, что имеется в виду. Топонимикон может быть представлен как серия концентрических кругов, задающих различный масштаб изображения местности. Наиболее подробно и психологически реальна топонимическая карта самого крупного масштаба – локальная топонимическая система, описывающая пространство вокруг населенного пункта. Этот же масштаб изображения в некоторых случаях может использоваться при описании сравнительно отдаленных, но хорошо освоенных пространственных зон – покосов или охотничьих урочищ по далекой реке, рыболовных тоней по берегу озера и т. п. Вторая ступень топонимического абстрагирования очерчивает более дальнюю от населенного пункта зону: на карту этого масштаба попадают названия соседних деревень, гидрообъекты, но зато уменьшается количество микротопонимов – или же происходит «укрупнение» чужих микрообъектов (ряд полей и покосов получает своего рода *nomen periphrasticum* – обобщающее наименование по чужой деревне, которое не обладало бы инструментальностью и психологической реальностью на карте первой ступени абстракции). Третья и последующие ступени дают всё более мелкий масштаб изображения, объектами которого становятся кусты деревень, крупные реки, райцентры и т. п.

Повторим, что при выборе объекта-посредника для ориентированной номинации используется максимум зона второй ступени абстракции: чаще всего таким посредником становится чужая деревня. Это обстоятельство свидетельствует о весьма узком топографическом горизонте субъекта наблюдения, который склонен оперировать только непосред-

ственными данностями. Подтверждением тому служат многие локальные системы ветрообозначений, в составе которых функционируют названия местных реалий-ориентиров, указывающих, с какой стороны дует ветер (*из-за Спирина, из-за Монастыря, из Ондричева, из Подпялужья (ветер)*) [КСГРС]. Апофеозное проявление этой номинативной тенденции состоит в использовании в названиях ветров имен конкретных людей, местожительство которых становится ориентиром, – ср., к примеру, ветрообозначения *проня дует, пахомко задул, ветер с Зенка* (форма имени *Зиновий*) или *из-за дедушки Матвея* [КСГРС].

Естественное расширение топографического горизонта наблюдается в топонимии поморов. Ср. широко используемое поморами противопоставление *русский – немецкий*: «Понятие ‘немецкий’ в Беломорье означало западный, ‘русский’ – более восточный» [Попов С. В. 1991, 52]. Думается, что С. В. Попов слишком общо сформулировал значение пространственных показателей *немецкий* и *русский*, которые, скорее всего, не утратили связи с исходными макроориентирами, ср.: *немецкая сторона, в немецкую сторону* – «Так выражают поморы направление своего пути, идучи Северным океаном в Норвегию или на о-в Новую Землю» [СРНГ 21, 79]; *русской ветер, ветер с Руси* ‘южный ветер’ [Подвысоцкий, 85].

Рассматривая беспредложные ориентирующие наименования, следует специально поставить вопрос о **системе номинации дорог**: можно априорно постулировать, что при номинировании этих топообъектов беспредложные ориентирующие наименования будут самыми частотными, поскольку в структуре ментального образа дороги идея направления последней должна быть магистральной.

Представим краткие результаты анализа системы наименований дорог в 25 районах Русского Севера. Ориентирующие топонимы, действительно, занимают определенное место в этой системе, но роль их не столь велика, как можно было бы предполагать: на их долю приходится около 25 % от общего количества названий дорог. В качестве ориентиров чаще всего выступают объекты первого и второго уровня абстрагирования. На первом уровне выделяются покос, лес, озеро и другие узколокальные ориентиры (вплоть до гумна или чьей-либо избы); на втором уровне – мельницы, церкви (известные жителям ряда деревень), чужие деревни и крупные реки, ср.: дор. *Борочная* (в лес *Борок*) [Уст], дор. *Россохская* (на руч. *Россоха*) [Ник], дор. *К Еремеихе* (к дому *Еремеихи*) [Карг], дор. *К Ванюшкину Заводу* [В-Т], дор. *Гумная Дорога* (к гумнам) [Холм], дор. *Подчистная* (на пок. *Подчистные*) [Прим], дор. *Яковская Дорога* (на пок. *Яковцы*) [Вож], дор. *Макарьевские Дороги* (к *Макарьевской* церкви) [Карг], дор. *Троицкая Дорога* (к *Троицкой*

церкви) [Котл], дор. *Мельничная* [К-Б], дор. *Жданишная* (на мельницу *Жданиха*) [Карг], дор. *Ниженская* (в с. *Нижнее*) [Кад], дор. *Подольская* (в д. *Подольское*) [Галич], дор. *Липинская Дорога* (в куст д. *Липино*) [Вож], дор. *Моненская Дорога* (к р. *Монза*) [Ней] и мн. др.

Значительно реже встречаются объекты третьего уровня абстрагирования – например, районный (уездный) центр: дор. *Городская* (в гор. Великий Устюг) [В-Уст], дор. *К Посаду* (в гор. Каргополь) [Карг], дор. *Уездный Просек* [Кад] и др. Впрочем, указание на соответствующий ориентир здесь не является необходимым, поскольку дороги такого ранга обычно называются *Большими* [повсем.].

Иногда в наименованиях дорог оказывается обозначенным не «пункт прибытия», а «стартовая точка». В этом случае дорога номинативно приравнивается к находящемуся около деревни болоту, лугу и т. п.: вот наше озеро, наше поле, а вот и наша дорога. Эта ситуация демонстрирует единственность некоего актуального направления, куда, как правило, ведет несколько дорог из разных точек: в этом случае при возвращении назад, в деревню, важно выбрать правильную дорогу. Ср.: некоторые деревни Наумовского сельского совета [В-Важ] находятся недалеко от р. Нермеша. В сторону реки жители деревень ходят на покос, на полевые работы, в лес и т. п.: это направление является наиболее значимым в хозяйственном отношении маршрутом. Соответствующие дороги – от каждой деревни к реке – именуются по названиям деревень: *Князевская Дорога* (← *Князево*), *Раменская Дорога* (← *Раменье*), *Цуваревская Дорога* (← *Цуварево*), *Михалевская Дорога* (← *Михалево*) и др. Данная ситуация, повторимся, нетипична, поскольку здесь проявляется центростремительная направленность ориентации, редкая в целом для русской топонимии (подробнее см. ниже).

Более распространенным номинативным типом (30% от общего количества топонимов) следует признать наименования, в которых отражаются элементы дорожного ландшафта или придорожные объекты: дор. *Боровая Дорога* [Карг], дор. *Хребтовая* [Мез], дор. *Житочная Дорога* (проходит мимо ячменного поля) [Плес], дор. *Оржаная Дорога* [Уст], дор. *Подлесье* [Леш], дор. *Болотная Дорога* [Бабуш], дор. *Ивная* – «У дороги-то ива растёт, вот и назвали так дорогу» [Мез, Дорогорская], дор. *Лиственничная* [Мез], дор. *Сузёмная* – «По сузёму дорога шла» [Бабуш, Косиково], дор. *Рябиновая Дорога* [Котл], дор. *Репная Дорога* [Ней, Пыщ], дор. *Дворянская Дорога* – «По ней барина могила есть» [Устюж, Любатово], дор. *Староверка* – «Шла мимо могилы старообрядца» [Он, Воймозеро] и др. Дорожный ландшафт может быть отражен в названиях опосредованно: дор. *Комаров Волок* – «Делали в суземе, комаров было до лешего» [В-Важ, Щекотовская]. Частотность таких

наименований заставляет думать о том, что для субъекта номинации важнее не то, куда ведет дорога, а мимо чего она проходит.

Кроме того, выделяется обширная группа (15 %) наименований дорог по характеру грунта (почвы) или покрытия, например: дор. *Глиняная Дорожка* – дор. *Песчаная Дорожка* [Карг], дор. *Песчанка* [Ваш], дор. *Железная Дорога* – «Плитами выложена, вот и зовём Железная Дорога в шутку, остальные-то песочные» [В-Уст, Климлево], дор. *Каменная Дорога* [В-Важ, Котл, Леш, Мез, Пин], дор. *Каменушка* [В-Уст], дор. *Грязная Дорога* [Бабуш, Бел, Ваш, В-Уст, Котл, Леш, Мез], дор. *Сухая Дорога* [Кад], дор. *Мокрая Дорога* [Котл], дор. *Канавная* [Вож], дор. *Ляжная* (ср. ляга 'лужа' [КСГРС]) [Уст, Хар]³⁹.

Весьма активны также группы названий, связанных с особенностями эксплуатации дорог (25 %): 1) по характеру их хозяйственного использования (дор. *Бревённая Дорога* – «К лесу она ведёт, по ней брёвна возили» [Мез, Петровка], дор. *Сеновозная* [Пин], просека *Лабазная Просека* – «Охотничьи лабазы были» [В-Важ, Высотинская], дор. *Почтовая Дорога* – «Почту всё по ней возили» [Леш, Усть-Нерманская], дор. *Чайная* – «За водой для чая бегали» [Прим, Кушкушара]); 2) по обозначениям эксплуатирующих дорогу лиц (дор. *Федоркина Дорога* [Пин], дор. *Маршунькина Дорожка* [Прим], дор. *Андреюшкова* [К-Б], дор. *Сидоркина Дорожка* [Ней], дор. *Фунина Дорога* – «Фуня, видать, ходила» [В-Важ, Герасимовская], дор. *Барский Прогон* – «Барин ездил на реку купаться» [Пош, Дорок], дор. *Самоедская* – «По этой дороге самоеды гоняли лошадей» [Мез, Дорогорское], дор. *Пастушья* [К-Б]; 3) по сезонности и способу эксплуатации дороги (в эту группу входят многочисленные *ледянки*, *летние* и *зимние* топонимы, а также *тележники*, *санники* и т. п.). Сюда же примыкает группа названий дорог по имени «строителя»: дор. *Анатолиева Дорожка* – «Дорогу сделал монах Анатолий» [Прим, Красная Гора], дор. *Германка* – «Ее военные делали» [С-Дв, Лохта], дор. *Хохлацкая* – «Хохлы делали» [Череп, Гришутино].

Наконец, весьма небольшая группа наименований (около 5 %) отражает такие признаки, как время появления дороги (в этой группе функционируют *старые* и *новые* топонимы; сюда же, вероятно, следует относить многочисленные *БАМы* – ироничные названия дорог, появившихся в 70–80-е гг.), ее размер и форма (здесь встречаются *малые*, *узкие* и *широкие* названия), а также особенности расположения в пространстве (*нижние*, *средние*, *левые* и *правые* наименования).

³⁹ Рискую впасть в некоторый публицистический примитивизм, отметим, что внимание к характеру и качеству дорожного грунта (покрытия) является, наверное, специфической чертой русского «дорожного менталитета», привыкшего к бездорожью.

Итак, система номинации дорог свидетельствует о том, что дорога (объект, который сам по себе является ориентиром и занимает особое место в ряду других топообъектов вследствие выполняемой ею функции организатора пространственных связей) номинативно осмысливается по тем же законам, что и другие топообъекты, – преимущественно в связи со своими ландшафтными свойствами и особенностями хозяйственного использования. Количество ориентированных названий дорог в целом невелико (1/4 от всех зафиксированных наименований объектов этого вида), причем ориентиры имеют, как правило, сугубо местное значение. Это обстоятельство говорит о суженности пространственного горизонта носителей топонимической системы, для которых попытки широко взглянуть на окружающий географический ландшафт оказываются неактуальными⁴⁰.

* * *

Заканчивая анализ топонимов, которые сориентированы относительно наблюдателя, укажем, что эта ориентация может различаться по характеру направленности, в связи с чем следует выделить *центробежную* и *центростремительную* направленность ориентации. Преобладает – причем с резким перевесом – несомненно, центробежная направленность, предполагающая постепенное расширение зоны освоенных объектов по вектору, заданному из номинативного центра. Такая направленность проявляется в наличии большого количества *задних* и *затопонимов*, предложных конструкций, отражающих *куда*-ориентацию (с предложениями *к, на, через*), а также беспредложных ориентированных наименований, в четкой выраженности идеи конца, границы освоенного пространства и др.

Однако существует и центростремительная направленность ориентации, за которой кроется попытка субъекта номинации прорисовать детали уже освоенного участка территории, как бы возвращаясь от известного объекта назад по вектору, устремленному к номинативному

⁴⁰ Следует учитывать и то, что количество дорог на изучаемой территории невелико – тем более что здесь функцию организатора пространственных связей нередко выполняет река. В этих условиях, когда дорога может быть вообще единственной (в пределах зоны функционирования локальной топонимической системы), приобретают различительную силу наименования, в которых используются определения *прямой, окольный (круговой)*: дор. *Прямая* [В-Важ, Вож, Мез, Пин, Уст], дор. *Прямое* [В-Уст], дор. *Прямой Путь* [Вож, Пин], дор. *Прямушка* [Ней, Чухл], дор. *Окольная Дорога* [Кир], дор. *Круговая Дорога* [Пин] и др.

центру. Такая логика освоения пространства доминирует в значениях топонимов, отражающих *откуда*-ориентацию (конструкции с предлогами *от, с*), а также в значении 'перед чем-либо' (топонимы с предлогами *до, перед* и некоторые названия с предлогом *под*), а также в наименованиях дорог, фиксирующих «стартовую точку» движения.

Таким образом, характер направленности топонимической ориентации свидетельствует о действии тенденции к центробежному расширению осваиваемого пространства при менее выраженном проявлении намерения вернуться к детализирующей разработке уже картированной территории.

С этим противопоставлением пересекается еще одно – противопоставление координирующих механизмов ориентации. Можно выделить два таких механизма: *объектокоординирующий* и *автокоординирующий*. Что имеется в виду? Как правило, локализация в пространстве является действием (ментальным актом) субъекта, направленным на объект, местоположение которого выясняется (уточняется). Эта естественная пропозиция, задающая объектокоординирующий механизм локализации в пространстве, отражена в большинстве топонимических номинаций. Однако фиксируются случаи, позволяющие говорить об отражении в топонимии автокоординирующего механизма, нацеленного на выяснение местоположения самого наблюдателя. Таких случаев немного – тем более они заслуживают внимания.

Отмечены названия лесных дорог и урочищ, за которыми просматривается пропозитивное стремление субъекта выявить свое местоположение относительно известного ориентира. При пребывании в лесу такими ориентирами становятся высотные объекты, видимые на большом расстоянии (церковь, колокольня, высокое дерево и т. п.), ср.: просека *Колокольный Просек* – «На него выходишь – видна была церковь наша» [Ваш, Тимошино], тропа *Никольский Просек* – «Церковь была вроде маяка, из леса шли – ее видели, знали, что на нее выйдем. Из озера в бурю ее видно было, в колокола звонили, чтоб корабли не тонули» [У-Куб, Сергеевское], бол. *Церковная Просека* – «С нее видно церковь» [В-Важ, Урусовская], ур. *Бабушкина Вывожельница* – «Там сосна растет с кривым сучкам, бабушка из леса выходила по этой сосне: увидит ее и знает, куда идти» [Бабуш, Дьяково], поляна *Дунькина Берёза* – «Как по лесу идешь, выйдешь на эту полянку, уже видна дунькина берёзка, она в деревне, у дунькина дома растет. Вот и называли эту поляну Дунькина Береза. Как выйдем на Дунькину Березу – скоро уже деревня» [В-Уст, Родионовича]. Еще раз отметим своеобразие механизма, определяющего эти номинации. Обычно названия типа *Дунькина Берёза* маркируют объект, находящийся в непосредственной близости от ориентира. В данном случае объект (поляна) удален от ориентира (березы), но помо-

гает выявить неизвестное местоположение последнего и сам становится ориентиром для наблюдателя, который получает возможность локализовать себя в лесу.

Этот же механизм мотивирует некоторые названия тоней на оз. Кубенское. Твердый и местами каменистый грунт, а также значительная глубина не позволяют рыбакам применять для выявления местонахождения тони предметные ориентиры (к примеру, рыбаками озер Воже и Белого в качестве таковых используются *целбы* (колбы, махавки и др.) – жерди с грузом на нижнем конце и метелкой на верхнем). Вместо этого практикуются непредметные способы определения местоположения тони, которое выявляется по проекции с берегового объекта на поверхность озера. Ср.: «Тони мы находили по приметам на берегу, по мельницам, овинам, церквам. Церква сама лучша примета» [Влгд, Коробово]. Эта система ориентации отражена в некоторых топонимах, ср.: тоня *Боровская* – «От нее видно д. Бор», тоня *Берёза* – «От неё видно березу на берегу» [Влгд, Пески], тоня *Ждановская Горушка* – «От нее видать горушку у Ждановской» [У-Куб, Мыс], тони *Старые Дровяники* и *Новые Дровяники* – «Дровяники были настроены на берегу, от тони этой они видны», тоня *Осиново* – «От нее осинник виден» [Влгд, Коробово]. Таким образом, ситуация автокоординации предполагает выявление позиции наблюдателя относительно известного ориентира. Эта ситуация очень редка для русской топонимии, поскольку связана с перенесением позиции наблюдателя с ее обычного «места дислокации» – деревни – в зону самого объекта, «адрес» которого должен быть установлен посредством апелляции к далекому ориентиру и отражен в топониминации. Необычное положение точки отсчета обуславливает маргинальность автокоординирующих топонимов в русской топонимической системе.

ТОЧКА ОТСЧЕТА ВЫНЕСЕНА ВОВНЕ

Ситуация ориентации с вынесенной вовне точкой отсчета предполагает привязку объектов к реке. В рамках этой ситуации создаются топонимы, выражающие три пары отношений: «верхний – нижний», «голова – хвост», «правый – левый». Как говорилось в соответствующих рубриках, следует различать случаи употребления этих оппозиций в связи с привязкой к реке и случаи использования их в рамках ситуации автоориентации.

Привязка к реке осуществляется по канонам, принятым в научной гидрографической системе. Река является изначально сориентированным объектом-посредником, причем эта сориентированность подразумевает положение наблюдателя лицом к устью реки. Это положение

виртуально, поскольку реально наблюдатель может осваивать реку в любом направлении, однако вербальное освоение имеет в пропозиции вынесенную вовне точку отсчета. Неизбежно встает вопрос о древности этой ориентационной системы и о ее корнях – имеется в виду «исконный» или «заимствованный» (из научной гидрографии) характер ориентации по реке.

Логично предположить, что ориентация с вынесенной вовне точкой отсчета возникла позже автоориентации. Относительность и изменчивость автоориентации заставляет искать какие-то более стабильные ориентиры, в меньшей степени зависящие от положения тела в пространстве. Так возникает «ориентация, основанная на географических признаках местности, которыми могли быть неподвижные местные примеры (горы) или же движения воды или воздуха, сохраняющие постоянное направление, например, течение рек и ветры» [Шемякин 1967, 44]. На Русском Севере – территории преимущественно равнинной и речной – горы не могут служить значимым ориентиром, однако велика ориентирующая роль течения рек и ветров (о последнем см. рубрику «Стороны света»). Особое место рек среди естественных географических ориентиров мотивируется тем, что этот объект наиболее явно и зримо (более зримо, чем ветер) дан в движении – причем в движении однонаправленном и константном.

Известно, что обширные ориентационные системы многих народов разворачивались «от реки». Ср., к примеру, ориентацию нивхов, в жизни которых «непосредственно практическое значение могли иметь только обозначения направлений вверх по реке и вниз по реке, направление от берега в глубь водного пространства и из глубины водного пространства к берегу, а также направление от берега, где находились их жилища, в глубь тайги и из тайги к берегу» [Крейнович 1960, 79]. Если автоориентация привязана к телу человека, то ориентация по реке, быть может, в какой-то мере мотивирована возможностью разворачивания образа этого водного объекта на антропоморфной основе; осколки этого образа зафиксированы географическими терминами, ср. *плечо* ‘берег реки’ [КСГРС], *голова* ‘вершина реки’, *черёво* ‘изгиб, излучина реки’, *бровка* ‘край глубокой части русла реки’, *локоть* ‘излучина реки, меандра’, *палец* ‘небольшой ручей, впадающий в реку’, *колени* ‘резкий крутой изгиб реки, лука’ [Мурзаев, 95, 149, 284, 346, 428, 611], *устье реки* и т. п. Эти обстоятельства, а также высокая частотность топонимов, выражающих привязку к реке, позволяют предполагать, что ориентация по реке носит «исконный» характер и, соответственно, научная гидрографическая система возникла на базе народной системы.

Необходимо отметить, что ориентация с вынесенной вовне точкой отсчета иногда контаминируется с ориентацией «от наблюдателя». Это

происходит в тех случаях, когда *верхние* и *нижние* названия, а также топонимические *головы* и *хвосты* имеют относительную семантику, релятивизированную положением номинатора (например, использование пространственного маркера *нижний* может означать, что объекты находятся не в реальных низовьях реки, а ниже наблюдателя по ее течению).

ТОЧКА ОТСЧЕТА НЕРЕЛЕВАНТНА ДЛЯ НАБЛЮДЕНИЯ

Перейдем к описанию способов локализации объекта в том случае, когда точка отсчета нерелевантна для наблюдения. При этом предполагается установление связей объектов друг с другом при отсутствии координирующего взгляда наблюдателя; наличие наблюдателя (субъекта номинации), естественно, остается необходимым условием номинации, однако в данном случае оно не определяет собственно номинативную базу имени.

В связи с этой ситуацией можно выделить следующие типы пространственных отношений: 1) находиться вблизи, рядом с чем-либо; 2) располагаться по какой-либо линии: по длине (ширине), по окружности чего-либо; 3) находиться в пределах чего-либо, между чем-либо; 4) находиться в определенной части чего-либо; 5) располагаться вместе — отдельно.

Находиться вблизи, рядом с чем-либо

Следует выделить прямой и опосредованный способы реализации данного отношения, внутри которых обнаруживается разнообразие конкретных приемов.

Прямой способ преимущественно предполагает использование предложных конструкций с пространственным (но не ориентированным!) значением.

- **Возле**⁴¹: поле *Возле Большую Дорогу* [Тот], поле *Возле Деревни* [Вель], луг *Возле Озерка* [Кологр, Мез], пок. *Возлеполье* [Шенк], пок. *Возлереку* [Вель], ур. *Возле Холы* [Пыщ], поле *Возле Черёмхиной Кулиги* [В-Т] и др. (25 названий).

- **Около*** (**коло***): пок. *Коло Болотичка* [Чухл], поле *Коло Красного Пруда* [Галич], лес *Около Барского Сада* [Галич], ур. *Около Большого Камня* [Ней], о-в *Около Плавучего* [Холм], поле *Около Речки* [Кологр],

⁴¹ Знаком * отмечаются модели, отсутствующие в исследовании Н. В. Подольской [Подольская 1983].

пок. *Около Тунобов* [Мантур] (25 наименований). Данная модель фиксируется преимущественно в топонимии Костромской области.

- **Подле***: луг *Подле Лесу* [В-Т], пок. *Подлемошье* [Он], поле *Подле Озера* [Ваш], пок. *Подлеозерки* [Мез], ур. *Подле Реку* [В-Т] (15 топонимов).

- **У**: пок. *У Арсеньевского Озера* [Гряз], поле *У Косой Горы* [Тарн], бол. *У Трех Берёз* [В-Уст], пок. *У Копытова Камня* [Бел], пок. *У Кривой Сосны* [В-Т], бол. *У Орла* [Лен] и мн. др. Данная модель принадлежит к наиболее популярным (количество ее реализаций – около 1500 названий). Для этой модели характерно активное использование указаний на «памятные знаки» – искривленную березу, камень-следовик, гнездо орла и т. п.

- В рамках данного способа выражения рассматриваемого отношения функционируют также топонимы с приставкой **при-**: д. *Придворные Места* [К-Б], поле *Придорожное* [Уст], оз. *Прикопытное* [Мез], пок. *Прикормье* [К-Г], пок. *Прилужье* [Галич, Ней], пок. *Примежёвка* [Шексн], пок. *Приозерь* [К-Б], пок. *Приселье* [Лен], оз. *Присухоно* [М-Реч] и др.

К этой же группе примыкают весьма распространенные названия, образованные от основ *приткнуться*, *прилепиться*, *прислониться* и т. п.: б.д. *Прилепка* [Гряз], пок., ур. *Прилепкино* [Гряз, Устюж], часть д. *Прилёповка* – «В Прилёповке после поселялись, прилепились как бы» [Ней, Вожерово], поле *Притыка* [Кон, Мез], р. *Притыканка* – «У деревни течет» [Ник, Осиново], часть д. *Притыкино* – «Притыкино – потому что приткнулось к нашей деревне, наставили домов деревянных» [Уст, Юрятинская], часть д. *Притыкино* – «Новые дома там – как бы приткнулись к Новленскому» [Влгд, Коробово], д. *Притыкино* – «Приткнулось к Кокшарову» [Сок, Боярское], часть д., д., поле *Притыкино* [Гряз, Ней, Пош, Пыщ, Сямж, Тот, Череп], часть д. *Притыкино* – «Там новые дома, молодежь живет, как приткнулись к основной деревне» [Нюкс, Бобровское], хут. *Прислон* – «У деревни нашей, как бы прислонился к ней, вот и назвали» [У-Куб, Большое Лыскарево], д. *Прислон* [повсем.]⁴². Семантически аналогичными вышеприведенным оказываются названия, образованные от глагола *подвигаться*: б. хут. *Подвигалово* – «Очень близко подвинулся, прямо к деревне» [В-Важ, Мыс], часть д. *Подвигаловка* [Меж]. Вообще, «прилепленными», «прислонившимися», «приткнувшимися», «подвинувшимися» оказываются обычно вновь построенные части деревень или хутора.

⁴² Некоторые топонимы, образованные от основы *прислон*, могут иметь другое значение, ср. арх. *прислон* 'крутой гористый берег, уступ, увал поодаль от воды' [Даль III, 442].

Опосредованный способ состоит в том, что информация о близости объектов (в широком смысле их смежности) «прочитывается» из факта языковой соотнесенности, связанности их названий. Связи наименований между собой несут важную системную нагрузку – они нужны топонимической системе для оптимизации ее ориентировочных возможностей, что достигается благодаря реализации мнемотехнической и сигнальной функций топонимических связей. Мнемотехническая функция предполагает обеспечение лучшей запоминаемости (воспроизводимости) взаимосвязанных топонимов за счет «блочного» характера функционирования последних; сигнальная функция состоит в косвенном указании на пространственную смежность обозначаемых топонимами объектов (топоним *Малая Ивановка* указывает, что объект, скорее всего, расположен неподалеку от *Большой Ивановки*; *Нытвенка* – около *Нытвы*, *Петрухинский Ложок* – у *Петрухино*). Следует оговориться, что в некоторых случаях условие смежности не выполняется и объекты оказываются соотнесенными не на основании пространственной близости, а по другим признакам, – ср., допустим, классический пример: *Йорк* – *Нью-Йорк*. Однако в локальных топонимических системах (а это основная форма существования традиционной русской топонимии) взаимосвязанные топонимы в подавляющем большинстве случаев оказываются смежными.

Можно выделить три типа связей топонимов между собой: метонимическая, словообразовательная, семантическая.

Метонимическая связь. Данная связь является наиболее формальной из всех видов топонимических связей. Она объединяет топонимы (называющие объекты разных видов), которые образованы путем переноса по смежности: д. *Родома* – р. *Родомка* – бол. *Родомское* – мыс *Родомский Мег* [Леш], р. *Шильда* – куст д. *Шильда* – луг *Шильдские Луга* [Карг]. В зрелой топонимической системе метонимия является способом образования едва ли не половины новых наименований. В топонимической литературе проблема метонимических переносов рассматривается с целью выявления основных типов связи (к примеру, гидроним → ойконим, ойконим → ороним и т. п. [см. Отин 1980б]), однако логика этих переносов исследователями прослеживается весьма нечасто. В то же время выявление этой логики может стать целью отдельного исследования, поскольку это способствовало бы обнаружению «объектных приоритетов», которые варьируют во времени и в пространстве. Такими приоритетами следует считать объекты, названия которых являются источниками разворачивания метонимических связей.

Выбор объектного приоритета зависит от ландшафтных условий территории, а также от пространственного кругозора субъекта номина-

ции, что, в конечном счете, сводится к типу освоения пространства. Допустим, особенности ландшафта определили то обстоятельство, что в топонимии Горного Алтая источником метонимических переносов оказываются оронимы [Молчанова 1985, 50]. Ландшафтные факторы и специфика заселения территории (изначально преимущественно по водным путям) обусловили ведущую роль гидронимов в разворачивании метонимических связей в древнейшем пласте севернорусской топонимии. Это проявляется, в первую очередь, на уровне связи гидроним → ойконим и верно для названий как крупных, так и средних рек (р. *Вологда* → гор. *Вологда*, р. *Пинега* → с. *Пинега*, р. *Мезень* → гор. *Мезень*, р. *Реваж* → ст. *Реваж*, р. *Ухменьга* → пос. *Ухменьга*, р. *Яреньга* → д. *Яреньга*, р. *Латеньга* → д. *Латеньга* и мн. др.).

Однако в более позднем пласте русской топонимии дает о себе знать частичная смена объектных приоритетов, повлекшая за собой своеобразное «перетягивание одеяла» с гидронима на ойконим. Смена типов хозяйствования, переход от промысловой культуры к земледельческой приводит к сужению пространственного горизонта носителей традиционной топонимии. Во многих локальных системах появляется тенденция к «моногидронимизации»: при отпавшей потребности пользоваться несколькими гидрообъектами соответствующие топонимы забываются, а единственно важный гидрообъект нередко меняет свое старое название, получая перифрастическое наименование *Речка* (использование родового обозначения вместо видовых становится возможным именно при ориентации на единственный гидрообъект).

В последние годы участники ТЭ всё чаще фиксируют ситуации, когда новое родовое название функционирует в речи среднего и младшего поколения носителей топонимической системы, а старое видовое – в речи старшего поколения, ср. примеры такого параллельного функционирования гидронимов: р. *Шалаевка* // *Речка* [В-Уст], р. *Вахтоболка* // *Река* [У-Куб], р. *Неньдерьга* // *Речка* [Холм], р. *Удима* // *Речка* [Котл] и мн. др. Другим номинативным следствием сужения диапазона осваиваемых рек, а также усиления роли деревни как центра обжитого пространства является тенденция номинирования рек по деревням (д. *Мокеевская* → р. *Мокеевская* [Кон], с. *Старое Село* → р. *Старосёлка* [Влгд], д. *Васюково* → р. *Васюковская Речка* [Кир]) или даже по церквям (*Никольская церковь* → р. *Николка*, *Митревская* (< *Дмитриевская*) *церковь* → р. *Митревка* [Влгд], *церковь Михаила Архангела* → р. *Михалица*, *Петровская церковь* → р. *Петровка* [У-Куб], *Рождественская церковь* → р. *Рождественская Речонка* [Гряз]). Наиболее активно эта тенденция действует в тех зонах, где высока плотность поселений и имеется достаточное количество разработанных пойменных лугов (так что нет необходимости осваивать дальние лесные урочища), – напри-

мер, в центральных районах Вологодской области [Влгд, Гряз, М-Реч, Сок и др.].

Словообразовательная связь объединяет топонимы, между которыми существуют отношения словообразовательной производности. При этом может использоваться префиксация (поле *Горные Сидоровки* – *Нагорные Сидоровки* [Ваш], ур. *Реченское* – *Межреченское* [Кир]) или суффиксация (р. *Важка* – пр. р. *Важка* [Бел], р. *Кривенькая* – пр. р. *Кривая* [В-Т], р. *Ихалица* – пр. р. *Ихала* [Гряз]). Словообразовательные ряды, как правило, объединяют названия объектов одного вида – исключение составляют ситуации, когда словообразовательная связь работает «в паре» с метонимической (д. *Козлы* – р. *Козловка* [Прим]). Эта связь нередко семантизирована, т. е. способна характеризовать нюансы взаимоотношений объектов, а не только сигнализировать об их смежности. Чаще всего словообразовательной связью выражается отношение «река – приток реки» (примеры см. выше). В топонимическом употреблении исчезают смысловые оттенки суффиксальных словообразовательных средств – и словообразовательная семантика схематизируется. Отмеченную закономерность можно пронаблюдать на примере суффиксов *-енок/-онок* и *-еныш/-оныш*, в апеллятивной лексике имеющих значение ‘детеныш’: сила топонимической модели столь велика, что топонимы-«дети» появляются не только у «одушевленных», но и у «неодушевленных» названий (г. *Волчиха* – *Волчонок* [Приг], луга *Шейка* – *Шейенок* [В-Т], р. *Медведица* – *Медвежонок* [Пыщ], р. *Змеевая* – *Змеёныш* [В-Уст], р. *Вахма* – *Вахмёнок* [Ник], р. *Быструха* – *Быстрёнок* [К-Г]). Языковое сознание активно, оно может оживлять «неодушевленные пары» («Быстрёнок маленький, как ребёнок у Быструхи» [К-Г, Емельяновская]).

Таким образом, в топонимическом употреблении указанные суффиксы выражают, наряду с другими топонимическими суффиксами, отношение «больше – меньше» («река – приток реки»), утрачивая свое специфическое значение.

Семантические связи приводят к образованию семантических микросистем топонимов, ср.: оз. *Большое Чёрное* – *Среднее Чёрное* – *Малое Чёрное* [Плес], пок. *Высокое Бараково* – *Низкое Бараково* [Шенк] оз. *Глубокое Сярмозеро* – *Мелкое Сярмозеро* [Леш], р. *Гремелка* – *Шумелка* [Бел], пок. *Петушок* – *Курочка* [Кад] и мн. др. Подробное описание фактов такого типа представлено в работе [Березович 1992].

Располагаться по какой-либо линии

Значения ‘вдоль’, ‘поперек’ и ‘вокруг’ объединяются на основе того, что подразумевают расположение объекта по какой-либо линии (по длине, ширине или по окружности чего-либо). Топонимы, выражающие

это отношение, представляют собой либо предложно-падежные конструкции, либо связанные с ними адъективные и субстантивные формы.

- **Вдоль***(**дольный, продольный**): поле *Вдоль Дороги* [Бел, К-Г, Кир], поле *Вдольпогорные* [Пин], полосы *Вдоль По Дуброве* [Вель], поле *Вдоль По Ручью* [Вож], пок. *Вдоль Реки* [К-Г]; поле *Дольное* – «вдоль по ручью идет» [У-Куб, Родионово], руч. *Продолинная* [В-Т], пок. *Продольное* [Вель, Плес, С-Дв], рукав р. *Продольный* [В-Т], руч. *Продольный Ручей* [Ней], р. *Продольный Лочвеж* (рядом р. *Поперечный Лочвеж*) и др. (26 названий).

- **Вокруг** (**круг, кругом, округ, округа, окружной**)*: поле *Вокруг Середовин* [Кир], пок. *Круг Болотца* [Ник], пок. *Кругозёр* [Меж], оз. *Круг Осинового* [Ней], поле *Кругом Лужи* [Кир], поле *Кругом Острова* [В-Т]; пок., поле, ур., оз. *Округа* [Вель, Ней, Плес, Тарн], прт., пок. *Окружная* [Тот, Уст], поле *Окружная Новина* [Мез], бол. *Окружное* [Уст], поле *Окружье* [Гряз] и др. (около 50 названий).

- **О** (**об-, обо-**): пок. *Обозерье* [Ваш], поле *О Болото* [Вин], поле *О Большую Дорогу* [Карг, Кон, Он], лес, пок. *Обречье* [Баб, Устюж], поле *Оголовочное* [Тарн], лес *О Двух Ям* [Антроп], пок. *О Лес* [Кир], ур. *О Новую Дорогу* [Вож], пок. *О Ручей* [Карг] (около 120 названий).

- **По**: пок. *По Андреевке* [Вель], пок. *По Андонге* [Ник], луг *По Боброву* [В-Т], полосы *По Васёнковой Дороге* [К-Г], пок. *По Первой Ростани* [Вил], пок. *По Переложному* [Уст] и др. (около 30 топонимов).

- **Поперёк** (**поперечный, перечный**): полоса *Поперёк* [К-Г], полоса *Поперёк Огороди* [Шар], поле *Поперечка* [Прим], р., полоса, поле *Поперечная* [Баб, Вель, Вил, В-Т, Выт, Гряз, Леш, Ньюкс, Нянд], прт. *Поперёчная Кушта* [У-Куб], просека *Поперечный Просек* [Ваш], прт. *Перечник* – «Поперек до Озерка идет» [У-Куб, Митенское], р. *Перечница* – «Серча так, а она поперек» [В-Важ, Моисеевская].

Находиться в пределах чего-либо

Значения ‘внутри’, ‘на поверхности чего-либо’, ‘между чем-либо’ объединяются на основе признака ‘находиться в пределах чего-либо’. Эта семантика может быть выражена, во-первых, с помощью бесприставочных относительных наименований, локализирующих объект в пределах другого объекта; во-вторых, с помощью предложных (приставочных) и связанных с ними адъективных маркеров.

Бесприставочные относительные наименования разнообразны и не могут быть представлены перечнем. В этой группе следует рассматривать названия, образованные от апеллятивов *горный, боро-вой, луговой, бережной, лесной* и т. п. Иногда топонимы такого рода образуют таксономические микросистемы [см. Березович 1992, 89–95], например: **лес – поле** (пастб. *Лесное Рябцово – Полевое Рябцово* [В-

Уст], поля *Боровое – Луговое* [В-Уст]); **берег – море** (о-ва *Бережной – Голомянный*⁴³ [Прим], о-ва *Бережной Власов – Голомянный Власов, Бережной Боршовец – Голомянный Боршовец* [ЛБМ, 404, 265]); **гора – луг** (д. *Горнофилинск – Луговофилинск* [Тоб], д. *Горная Суббота – Луговая Суббота* [Уват]); **берег – гора** (поляны *Заячиха Бережная – Заячиха Горная* [Леш], ур. *Шатрово Бережное – Шатрово Горное* [Карг]) и др.

Предложные (приставочные) и адъективные маркеры:

- **В:** пок. *В Баской Рёлке* [Вил], руч. *В Волочке* [Меж], пок., поле *В Горе* [Вель, В-Т, В-Уст, К-Г], пок. *В Изломе* [В-Важ], поле *В Камешнике* [Вож], руч. *В Косой Горе* [Пин] и мн. др. (около 400 наименований).

- **Внутри, (внутренний и др.):** предложная конструкция отмечена всего одна – оз. *Внутри Большого* [У-Куб]. В рамках данной модели преобладают многочисленные субстантивные и адъективные топонимы типа *Внутреннее, Нутреннее, Нутренка, Нутро*, ср. объяснения названий такого рода: оз. *Внутреннее Озёрко* – «Внутри в полях оно» [Плес, Пашевская], низина *Внутренняя Лыва* – «Внутри леса она, вот и Внутренняя Лыва» [В-Важ, Малыгинская], бол. *Внутренний Мох* – «Находится в середине других болот» [Карг, Вильно], пок. *Нутряная* – «Полянка, кругом в лесу она» [В-Важ, Артемьевская], лес *Нутрянка* – «Внутри болота стояла на бугорке – так вот и Нутрянка» [Влгд, Алексеево], поле *Нутряная* – «Окружена другими полями полянка, в середине» [В-Важ, Петровская], бол. *Внутренник* – «В лесу он, как внутри» [С-Дв, Сюзьма], бол. *Нутренний Мох* – «Тут оно, на нашей стороне, в нашем лесу, где у нас все урочища идут» [Прим, Яреньга], бол. *Нутренка* – «Оно в наших урочищах, вот и Нутренка, а у Тавлаша другие болота, свои у них там названия» [У-Куб, Мыс]. Мотивировки указывают на то, что *внутренние* топонимы реализуют следующие варианты смыслового наполнения: 1) объект располагается на территории объекта другого типа (допустим, озеро в полях или поляна в лесу); 2) географическая реалья находится в середине некоторой совокупности реальных этого же типа (тем самым оживляется исходное мотивационное значение слова *внутренний*); 3) объект расположен в пределах территории, которая воспринимается жителями определенного населенного пункта как «своя», хозяйственно осваивается ими. Наиболее интересна последняя ситуация, существование которой поддерживается наличием оппозиции *внутренний – сторонний*, ср. две пары такого рода, имеющиеся в нашем материале: оз. *Нутренник* и оз. *Стороннее* – «Стороннее в стороне от наших угодий, а Нутренник по пути, по той дороге,

⁴³ Ср.: *голомя (голомень)* ‘удаленное от берега морское пространство’ [КСГРС].

по которой ходим» [Прим, Лопшеньга]; бол. *Нутряно* и бол. *Опосторонок* (*Осторонок*) находятся в локальной топонимической системе д. Талашманиха [Баб], причем первое расположено ближе к деревне, а второе дальше от нее.

Эти факты свидетельствуют о том, что носитель топонимической системы четко выделяет в структуре географического пространства «свою» территорию, причем критерием такого выделения становится хозяйственная освоенность участка географического пространства; объекты «своей» территории могут быть маркированы как *внутренние*, а объекты, находящиеся за ее пределами, – как *сторонние*. Тем самым данный случай выходит за рамки ориентационных ситуаций с нерелевантной для наблюдения точкой отсчета: деление объектов на *сторонние* и *внутренние* опосредовано позицией номинатора и мотивировано, в конечном счете, фактором хозяйственного освоения территории.

• **Меж** (между, межу, промеж, промежутки и др.): д. *Межгоры* – «Там горы есть, дак меж гор» [Ваш, Никольское], полосы *Междоровские* – «Меж дорогами будут» [Бел, Еремеево], ур. *Межбатманье* [Влгд], пок. *Межбор* [Плес], пок. *Межгари* [Карг], пок. *Меж Горам* [Кир], бол., поле *Меж Дорогами* [Вин, К-Г, Ньюкс, Плес, Уст], поле *Между Чудачихами* [В-Т], пок. *Межлесная* [Прим], поле *Между Лузками* [Пыщ], руч. *Межуречка* [Кологр], оз. *Промежболотные* [Шенк], бол. *Промеж Липова и Середнего* [Чаг], лес *Промежглубокий* [Вил], овраг *Промеж Каменной Лощина* [Мантур], полосы *Промежутницы* [Ник] (около 200 названий). Сюда же следует включить повсеместно распространенные *межные* топонимы и *межники*. Во внутренней форме таких топонимов нет указания на то, между какими объектами расположена обозначаемая ими географическая реалья, при этом семантическая достаточность *межников* обеспечивается тем, что они, как правило, являются обозначениями ручьев, лесов и др., служащих естественными границами территорий, которые хозяйственно осваиваются из разных населенных пунктов. Ср.: руч. *Межной* – «Граница была между Вожгорой и Лебским» [Леш, Лебское], руч. *Межник* – «Между нами и Казаково он тек, вот и Межник» [Вил, Исаковская], ур. *Межник* – «Между полями Любатово и Темьянниково» [Устюж, Любатово], р. *Межница* – «Как раз между Малево и Лымзино течет» [В-Важ, Фроловская] и др. Тем самым топонимические *межники* смыкаются по смыслу с *рубежными* топонимами, приобретая некоторую ориентированность семантики.

• **На**: бол. *На Баранникове* [Хар], поле *На Белых Борках* [Прим], пок. *На Гузое* [Кир], поле *На Камню* [Вил], полоса *На Красном Угоре* [К-Г], поле *На Ломовицах* [Вель], руч. *На Полянке* [Вож] и мн. др. (около 400 наименований).

Находиться в определенной части чего-либо

Данный признак предполагает характеристику размещения объекта в конкретной части ограниченного участка пространства, что делает его семантически более нагруженным, чем признаки, рассмотренные выше. По этой причине для реализации данного признака используются преимущественно не предложно-падежные конструкции, а субстантивные и адъективные маркеры. В топонимии оказываются отмеченными три зоны – боковая, угловая и серединная.

• **Сбоку:** лес *Бок* [Сок], пок., поле, ур. *Бока* [Вель, Карг, К-Г], оз., бол., поле *Боковое* [Вин, В-Т, К-Б, Мез, Плес, У-Куб, Холм, Шенк], руч. *Боковой* [В-Т, Уст], пок. *Боковухи* – «Боковухи с боков деревни» [В-Т, Мила], пок., поле *Боковые* [Прим, Пыщ], пок. *Бочиха* – «Сбоку от деревни» [Прим, Погорелка], бол. *Белобокое* [Бел], лес, пок., г. *Бокуша* [В-Т, Карг, Котл], пок, ур., д., поле *Забока* [Вил, К-Б, Котл], пок. *Побочень* [Вож] и мн. др.

• **В углу (в куту, в узгу⁴⁴):** пок., поле, часть д. *Кут* [Вож, Карг, Он, Пин, Прим], бол. *Кутное* [К-Б, Котл], пок. *Кутовой* – «В куту в самом косили, дорог там больше нет» [Прим, Нижняя Золотица], лес, поле, бол. *Куток* [Баб, Кад, Он, Прим], поле *Васин Куток* [Прим]; пок. *Угловатка* [Уст], полоса *Угловатки* [К-Г], тоня *Угловиха* [Кир], *Угловое* [повсем.], поле *Угловуха* [Он], пок. *Угловуша* [Вож]; *Угол* [повсем.], пок. *Уголовная* – «Пожня-то в углу была» [Мез, Петрова], д. *Угольская* – «Угольская, раз на углу» [Уст, Малое Медвежье], пок. *Зауглановщина* – «Она упрется в угол» [Карг, Савина]; полосы *В Узгу* – «Огорода сошлись, узг большой» [Ник, Тарасово], р. *Узг* [Лен], полосы *Узговые* [К-Г, Ник] и т. д. Следует отметить, что *угловые* топонимы по смыслу весьма близки *крайним* названиям, однако в семантике *крайних* степень сориентированности значительно выше, поскольку они фиксируют конечные точки определенного отрезка, начало которого жестко задано номинатором; в то же время выделение «углов» гораздо меньше зависит от позиции наблюдателя.

• **В середине (осередыш, сердце, серёдка, середовина, среди, середина и др.):** пок. *Осерёдка* [Кон], пок., лес, бол., д., о-в, оз. *Осерёдок* [Вель, Вин, Влгд, Вож, В-Т, К-Б, Котл, Мантур, Ней, Он, Пин, Холм, Шар, Шенк], пок., поле *Осерёдыши* [Вин, С-Дв], г. *Сердечница* – «Посреди полей она, вот и Сердечница» [У-Куб, Колбаса], лес, руч. *Сердце* [Гряз, Кон, Нянд], холм *Сердцевой* [Шенк], пок., лес, поле, бол., часть д. *Середина* [Влгд, Карг, Кон, Котл, Пин, Плес, Прим, Уст, Шенк], д. *Середина Курьи* [Холм], поле *Середина Новина* [В-Т], поле *Серединец*

⁴⁴ Ср.: *кут* 'угол, край чего-либо' [КСГРС]; *узг* 'угол, уголок, куток' [Даль IV, 478; КСГРС].

[Шенк], поле *Середиха* [Холм], *Серёдка*, *Середовина* [повсем.], пок. *Серёдка Острова* [Он], о-в *Середний Остров* – «Этот остров между рекой и Нашей Поскотиной» [Кир, Ромашево], поле *Середний Постен* – «Оно в середине пашен находится» [Вель, Коптяевская], лес *Середолуг* – «Среди полей и лугов» [Устюж, Квашнино], г. *Серёдыш* – «Посреди деревни» [Вил, Щербинская], ур. *Среди Леса* [У-Куб], ур. *Средина* [К-Г], полоса *Средипольна* [Чухл], *Средний* [повсем.], лес *Средовина* [Вель], д. *Средьногост* [Плес] и др.

Как следует из приведенных выше примеров, топонимы, реализующие рассматриваемый признак, не включают в свой состав указание на весь объект, в определенной части которого находится номинируемая географическая реалья. Исключение составляют весьма редкие названия типа *Серёдка Острова* или *Средипольна*. Именно они в наибольшей степени соответствуют описываемой ориентационной ситуации, при которой позиция наблюдателя нерелевантна для наблюдения. Что касается остальных названий, то они обладают некоторой степенью сориентированности: меньшей в том случае, когда имеется в виду часть конкретного объекта (допустим, остров в середине озера), и большей в том случае, если предполагается выделение части какого-то пространственного массива. В пропозиции, определяющей появление таких названий, за целое принимается осваиваемая номинатором территория: только при этом условии становится понятно, как может быть выделен в пространстве, допустим, *угол* или *бок*.

Располагаться вместе – отдельно

Для реализации этого признака предложно-падежные конструкции не используются вообще, поскольку данный смысл является весьма специфическим и конкретным. Рассматриваемое отношение асимметрично: признак изолированного расположения более дистинктивен, поэтому он выражается значительно более разнообразно, чем признак совместного расположения. Топонимы, реализующие данное отношение, могут быть образными и необразными.

Необразные модели:

• **Сторонний (посторонний, усторонний):** пок. *Сторона* [Хар], поле *Сторонка* [Уст], пок. *Сторонная* [Карг], пок. *Сторонная* – «Выдалась такая узенькая полянка в сторонку, как носик у чайника» [Кир, Иваново], оз. *Стороннее* [Вин], бол. *Стороннее* – «Нашли его после, в стороне оно» [Бабуш, Чупино], оз. *Стороннее* – «Находится в стороне от других» [Кон, Пешково], бол. *Сторонний Мох* [Вож], р. *Сторонная Речка* [Кад], поляна *Посторонница* [Кад], бол. *Устороннее* – «В стороне от наших покосов» [Уст, Кузоверская] и др.

Как отмечалось выше, *сторонние* топонимы могут входить в оппозицию с *внутренними*, что свидетельствует о противопоставленности хозяйственно не освоенной и освоенной территории.

Сюда же следует включить многочисленные топонимы, образованные от географических терминов *кокуй* 'конец деревни, расположенный в стороне от других' и *кулига* 'деревня, расположенная в стороне' [КСГРС]: часть д. *Кокуй* – «Кокуй отдельно, как хутор» [В-Важ, Титовская], часть д. *Минькин Кокуй* – «Все в кучке, а этот отдельно, как кокуй» [У-Куб, Никольское], д. *Собачья Кулига* – «В сторонке она, вот и назвали» [В-Т, Верхняя Тойма], д. *Кулига* – «Отдельно от других» [Котл, Наледино] и др. Трудность представления сколько-нибудь полного списка топонимических *кулиг* в этом значении связана с тем, что апеллятив *кулига* многозначен, причем разные его значения гетерогенны по происхождению [Галинова 1998, 68–70].

- **Особый (особенный):** г. *Особая* [Бел], пок. *Особенная* [Уст], пок. *Особенник* – «Отдельно, бат, от других» [Котл, Вахонино], руч. *Особенной* [В-Т].

Образные модели целесообразно рассматривать по сферам отождествления. Следует выделить три такие сферы: родственные отношения; интеллектуальные способности; социальный статус.

Наиболее представительная группа топонимов функционирует в рамках сферы отождествления «**родственные отношения**». Образные топонимы, в основе которых лежат наименования близких или единокровных родственников (как правило, одной «ступени» – пола или возраста: братья, сестры, родители), выражают признак совместного расположения объектов:

- **Братья, сестры, близнецы, дети, мать и отец:** кам. *Братаны* [В-Уст, Он], пок. *Пять Братьев* [Бел], кам. *Три Брата* «Там три камня рядом, вот и Три Брата» [Холм, Осередок], пок. *Шесть Братьев* [Бел], ур. *Братки* [Устюж], пок. *Братицы* [Хар], оз. *Сестреницы* [М-Реч], пок. *Сеструхи* – «Рядом поляночки» [Сок, Оларево], о-ва *Близнецы* [Прим], пок. *Близнечные* [У-Куб], пок. *Деточки* [Уст], пок. *Матка с Батькой* [Чухл] и др.

Признак изолированного расположения реализуется с помощью топонимических *сирот, бобылей, холостяков и пасынков*, а также названий, образованных от апеллятива *одинокий*:

- **Бобыль:** р. *Бобылиха* [Кологр], луг *Бобылиха* [К-Г], г. *Бобылка* – «Одинокая горюшечка, как бобылка» [У-Куб, Леваши], пок. *Бобыль* [К-Г].

- **Пасынок:** пок. *Пасынка* – «Отдельно от других поженка» [Ваш, Липин Бор], пок., поле *Пасынки* [Галич, Тот], пок. *Пасынок* – «В сторо-

не поженка, вот и Пасынком прозвали» [Плес, Федово]; пок., г., луг *Пасынок* [В-Т, Кон, Плес, Уст], руч. *Большой и Малый Пасынок* [В-Уст].

- **Сирота:** о-в *Сиротина* [Холм], поле *Сиротинка* [Кир], руч. *Сиротинка* [Сок], бол. *Сиротка* – «Оно отдельно от других болот» [Карг, Григорьево], лес *Сиротский* [М-Реч], пок. *Сиротье* – «Одинокая полянка в стороне» [Кон, Ануфриево].

- **Холостой:** поляна *Холостяк* – «В стороне была поляночка, вот и назвали Холостяк, как одинокая такая» [У-Куб, Колбаса], поле *Холостово* [Хар].

- **Одинокий:** ур. *Одинарка* [В-Т], полосы *Одинокие* [К-Г], пок. *Одиночка* [Котл], оз. *Одинокое* [Устюж], поле *Одинокое* [У-Куб], ур. *Гладкое-Одинокое* [Котл].

Интересно, что в той ситуации, когда топонимический ряд отражает сам факт противопоставленности совместно расположенных объектов изолированным, роль сироты может взять на себя кровный родственник другого пола или возраста. Примеры такого плана на территории Русского Севера не обнаружены, однако они встречаются в топонимии других регионов: кам. *Братья* – кам. *Дядя*⁴⁵ [Кама; Торопов, 121], г. *Семь Братьев* – г. *Сестра* [Ср. Урал; Матвеев 1990, 176], г. *Три Брата* – г. *Сестра (Сирота)* [Магад; Седов, 13], оз. *Два Брата* – оз. *Сестра* [Влад; Долгачев 1986, 42].

- К группе образов родственников примыкают топонимические «иваны-да-марьи». В локализации пар объектов, которые обозначаются данными топонимами, просматриваются явные закономерности: *иваны* и *марьи* располагаются недалеко друг от друга, по разным берегам рек (в то же время объекты, обозначенные топонимической парой *баба* и *дед*, обычно находятся на одном берегу): руч. *Иван-Ручей* и *Марьин Ручей* впадают в оз. Выгозеро друг против друга [Прим]; руч. *Ванькин* впадает в р. Сев. Двина против руч. *Марьин* [Холм]; ск. *Ванина Щелья* и *Марья* расположены на противоположных берегах р. Юла [Пин]. Интересно, что последняя пара была зафиксирована Г. Я. Симиной, обследовавшей территорию бассейна р. Юла за 25 лет до ТЭ УрГУ, в другой форме: *Стёново Щелье* и *Марья* (говорят: «Стёпан да Марья глядят, а вместе не сойдутся») [Симиная 1969, 47]; трансформация *Степовой Щельи* в *Ванину* симптоматична и лишняя раз свидетельствует об устойчи-

⁴⁵ Ср. в нарицательной лексике: *дядька* ‘большой палец руки’, *братья* ‘остальные пальцы’ [КСГРС]. Показателен контекст: «Дядькой зовут пошто-то палец. Он им неродной, что ли». То же самое – в загадке о пальцах: «Четыре брата, а пятый – дядя» [ЗМ, № 1575]. Может быть, образ *братья* – *дядя* применительно к камням появился через промежуточное звено – *пальцы*, ведь метафора *палец* также очень популярна в оронимии.

ности восприятия имен *Иван* и *Мария* в паре. Психологический субстрат такого восприятия содержит представление о Марии скорее как о девушке, невесте (а не замужней женщине), а об Иване – как о юноше, женихе; возможно, такой подтекст навеян образностью свадебных песен, где Иван и Марья традиционно обозначают жениха и невесту (подробнее см. [Березович 1996, 124–147]). Таким образом, топонимические данные говорят о том, что жених и невеста в картине мира носителя традиционной культуры занимают как бы промежуточное положение между кровными и некровными родственниками: с помощью этих образов кодируются расположенные недалеко друг от друга (как это имеет место с топонимическими «кровными родственниками»), но все же разделенные естественным барьером объекты.

Образные модели, функционирующие в рамках сферы отождествления «**интеллектуальные способности**», учитывают только негативный полюс представлений об интеллекте: объекты, расположенные изолированно (или иначе, чем другие), осмысляются с помощью образа дурака (болвана).

- **Дурак:** пок. *Дурачок* – «В лесу поляночка есть от всех отдельна, потому, наверно, и назвали Дурачком» [У-Куб, Крылово]; мыс *Дурак* (длинный и острый по форме мыс, создающий неудобства для плывущих по морю судов) – «Все носы как носы, а этот тут выставился, все на нем разбиваются» [Прим, Летний Наволок]; ср. также название о-ва *Дурак* на оз. Кончезеро [Карел], который протянулся с запада на восток, в то время как все остальные острова – в противоположном направлении, с юга на север. *Дураками* могут быть названы и гидрообъекты с необычным направлением течения воды: прт. *Дурной Полой* – «Вода в обратную сторону течет» [Котл, Песчанка]; ср. наименование прт. *Дурачок* (в бассейне Оби): ранней весной эта протока течет из старого русла р. Чулым в новое, а летом – наоборот [Воробьева 1973, 58].

- **Болван:** мыс *Болван* – «Далеко выставился, огибать его долго» [Плес, Усть-Поча]⁴⁶. Интересен факт наличия трех разных покосов с названием *Болван* в топонимической системе д. Вагиль Гаринского района Свердловской области, имена которых, по мнению информантов, мотивированы тем, что «болваном называют всякий отдельный от других покос» [Гар, Вагиль].

⁴⁶ Авторы пособия «Топонимика Кенозера» по названию *Болван* сделали вывод о наличии на этом мысу языческого святилища [ТК, 15]. Однако, думается, объяснение названия в связи со спецификой расположения объекта более реально.

Наконец, для реализации признака изолированного расположения объекта могут привлекаться образы из сферы «**социальный статус человека**».

- Использование образа **солдата** базируется на «картиночном» представлении о типичной позе солдата во время несения службы: тоня *Солдат* – «Отдельно от других она, далеко в море улепетнулась, как солдат на посту» [Прим, Лопшеньга]. Любопытную параллель можно найти в туристской (альпинистской) географической терминологии: отдельно стоящие на скалистых гребнях башни или шпили номинируются термином *жандарм*.

- Использование образа **монаха** основано на свойстве социальной изолированности последнего: г. *Монах* – «Отдельно стоит, вот и Монах» [Некр, Заболотное]; ср. также несколько гор с названием *Монах* на Среднем Урале, одно из которых информант комментирует так: «Отдельная горка, вот и Монах» [Туг, Двинская]. В типологическом плане (с точки зрения образного осмысления особого социального поведения) любопытно и название о-ва *Казак* в Арктике, который назван так вследствие обособленного расположения: «Как вольный казак, отошел он от других островов» [ТМСА, 194].

Итак, признак изолированного или специфического расположения географического объекта реализуется через образы людей, обладающих теми или иными аномалиями: как аномалия может восприниматься отсутствие семьи или кровных родственников, интеллектуальная неполноценность либо особый социальный статус человека, специфический род деятельности, ставящий его в особое положение в обществе. Тем самым топонимическая номинация выходит на аксиологический уровень, фиксируя фрагмент системы ценностей носителя традиционной духовной культуры. Кроме того, возможно необразное воплощение данного признака, который может быть реализован с помощью топонимов, образованных от апеллятивов *сторонний*, *особый*. Функционирование таких топонимов базируется на противопоставлении хозяйственно-освоенного и не освоенного пространства.

* * *

Подведем итоги рассмотрения проблемы точки отсчета в пространственной топонимической номинации.

Наиболее естественной и распространенной ориентационной ситуацией, отраженной в русской топонимии, является ситуация, которая предполагает, что при локализации объекта значима точка отсчета, совпадающая с позицией наблюдателя. Позиция наблюдателя может быть

эксплицирована, что задает двухэлементность ориентационной системы (локализуемый объект – наблюдатель), либо имплицирована, чему соответствует трехэлементная система (локализуемый объект – наблюдатель – объект-посредник).

Двухэлементная система, являющаяся, очевидно, первичной для ориентировки в пространстве, обладает низкой адресностью, поскольку слишком жестко привязана к позиции наблюдателя. Более информативна и объективирована трехчастная ориентационная система, которая дает, как представляется, самый высокий процент реализаций в топонимическом материале. Удобство этой системы состоит в ее адресности (обеспечиваемой введением объекта-посредника) и скрытом присутствии наблюдателя, находящегося в наиболее типичном для себя положении – в центре освоения пространства, которым, как правило, является населенный пункт.

Вторая ориентационная ситуация, предполагающая «отчуждение» точки отсчета от наблюдателя и закрепление ее в зоне объекта-посредника, реализуется в том случае, когда объектом-посредником становится река. Роль реки как организатора пространственных связей обусловлена как естественной сориентированностью этого объекта, так и спецификой заселения территории, а также значимостью промысловой деятельности в структуре хозяйства.

Третья ориентационная ситуация заключается в том, что точка отсчета становится вообще нерелевантной для наблюдения, вследствие чего локализация объекта предельно объективизируется.

Показательно, что и вторая, и третья ориентационные ситуации активно взаимодействуют и контаминируются с первой: привязка объекта к реке нередко дополняется имплицитно выраженной привязкой к наблюдателю (точнее, к населенному пункту, являющемуся стандартной «зоной дислокации» наблюдателя); выделение в пространстве *внутренних, сторонних, межных, угловых* объектов предполагает наличие некоторого координирующего центра, поскольку иначе названия такого рода потеряли бы ориентирующие возможности. Тем самым еще раз подчеркивается приверженность топонимации к фиксации позиции наблюдателя. Эта позиция получает возможность отразиться в продуктах номинативной деятельности благодаря жесткой закреплённости в центре освоения пространства, которым, как правило, становится населенный пункт – а значит, дом, жилище номинатора.

2. ОХВАТ МЕСТНОСТИ

Этот параметр предполагает учет объема, детализированности и перспективы видения местности, а также характера сцепления элементов пространственной картины мира. Если при локализации объекта важна точка зрения номинатора, то здесь значимо поле зрения.

По объему охвата местности следует выделять векторное и панорамное видение пространственных объектов.

Векторный вариант подразумевает прослеживание пространственных координат единичного объекта, которое осуществляется от определенной точки отсчета. Векторная ориентация замкнута на объект, стереометричность взгляда здесь не требуется. Если говорить об отражении такого видения местности в топонимической номинации, то следует иметь в виду названия, в которых отсутствует указание на связь с другими объектами.

Панорамное видение предполагает способность одновременного включения в поле зрения нескольких объектов, между которыми устанавливаются взаимосвязи, отражающиеся в продуктах номинативной деятельности.

В определенном смысле эти способы номинативного отражения пространственной реальности коррелируют с выделяемыми психологами двумя типами пространственных представлений, которые обозначены как карта-путь и карта-обозрение. Карта-путь – последовательное представление передвижения в пространстве, где исходным является сам движущийся человек; для этой карты характерна постепенность, сукцессивность прослеживания пространственных отношений. Карта-обозрение – одновременное единое представление системы различных пространственно-размещенных и соотнесенных предметных компонентов, образующих координированное пространственное единство; такая карта характеризуется одновременностью, симультанностью мысленного охвата предмета [Шемякин 1959, 467]. Отмечается, что представления первого типа развиваются раньше, чем представления, составляющие содержание второго типа.

Векторные номинации являются результатом осмысления пространства по принципу карта-путь, а панорамные – по принципу карта-обозрение. Обзорение предполагает детализированную проработку фрагмента окружающего ландшафта – не случайно наименования, отражающие связи объектов друг с другом, прилагаются к близким к номинативному центру пространственным реалиям. В самом деле, пропозициональная установка на панорамность охвата местности становится одним из организующих принципов систем номинации полей и поко-

сов – объектов, находящихся обычно вблизи от населенного пункта. Именно в этих системах наиболее распространены соотносительные ряды топонимов, разного рода предложно-падежные конструкции и другие формы указания на взаимосвязь объектов. Ср., к примеру, наименования полей в топонимической системе д. *Котолово [В-Уст]*: *Под Чернятки, Под Пупышевым, За Болотцем, Над Заврагом, Над Пупышевым, Среднее, К Бесихе, Заключевка, За Дворы, Починовское, За Полянками, Под Стамушками, Передние Грязнушки – Задние Грязнушки, Стамушки, Большое Поле, Клинья*. Весь этот ряд, кроме трех последних наименований, составлен топонимами, содержащими указания на связи объектов друг с другом.

Необходимо отметить, что появление разного рода соотносительных наименований в определенной степени обусловлено временным, неустойчивым характером эксплуатации объектов и, соответственно, подвижностью и гибкостью отражающей их номинативной системы. В ситуации, когда контуры топографического членения действительности не отличаются постоянством, языковой ряд призван осуществить монтаж калейдоскопически меняющихся кадров пространственной картины. Номинации, отражающие связь объектов друг с другом, носят именно монтажный характер, оптимизируя ориентационные возможности топонимикона. Переформирование системы землепользования – т. е. сброс старой картинки и появление новой – влечет за собой перемонтировку языкового ряда: фиксацию изменений такого рода наиболее удобно производить с помощью панорамных номинаций.

Объясняя уменьшение количества панорамных номинаций по мере удаления от номинативного центра, следует иметь в виду различную плотность ономастического пространства на разных его участках. Наибольшая концентрация названий наблюдается в топонимии тех зон, которые лучше всего освоены в хозяйственном отношении; соответствующее менее освоенным участкам топонимическое пространство характеризуется разреженностью, а также невысокой степенью конкретности и детализированности номинативной разработки. К примеру, большие лесные массивы могут получить обобщающее наименование *Казна*, а длинная цепь озер – *Обозерье*. В ситуации разреженности номинативного пространства снижаются возможности панорамного представления местности, поскольку в номинативной цепи не хватает звеньев, между которыми могли бы устанавливаться связи. В этих условиях преобладают векторные номинации, отражающие установки видения местности по принципу карты-пути. Как и следовало ожидать, наименьшее количество соотносительных названий характерно для номинации лесных угодий, которые узнаются скорее по собственным приметам, чем по связи с другими объектами. По подсчетам, проведенным для

топонимии самой обильной лесами территории – Лешуконского района Архангельской области, система названий лесов содержит около 20 % названий, указывающих на связи объектов друг с другом, а в системе наименований полей и покосов эта цифра возрастает вдвое.

Разумеется, ситуация может измениться в том случае, когда определенный пространственный массив подвергается тщательной хозяйственной разработке (осваиваются лесные пожни и пастбища, проверяется наличие рыбы в цепи озер и т. п.); при этом появляются предпосылки для панорамных номинаций.

Наконец, следует учесть обстоятельство сугубо перцептивного плана: панорамность возможна в тех зонах, которые дают доступ для обозрения, т. е. свободны от леса, расположены у реки, имеют неровный рельеф и т. д. Такими свойствами характеризуются, как правило, близкие к населенному пункту участки.

С противопоставлением векторного и панорамного видения географических объектов тесно связана оппозиция *дробного* и *целостного* восприятия пространства. Эта оппозиция проявляется, во-первых, в принципах формирования пространственных образов линейных объектов, которые не даны для обозрения целиком; во-вторых, в технике представления фрагментов ландшафта, которая может быть расчленяющей и комбинаторной.

Говоря о ментальном и, соответственно, номинативном представлении линейных объектов – рек и дорог, следует отметить возрастающую роль тенденции к дробному восприятию таких объектов. Выше говорилось, что в системе номинации дорог, вопреки ожиданиям, весьма невелико количество названий, указывающих на конечный пункт движения, а среди последних преобладают ориентиры «местного значения». Что касается номинации рек, то здесь все чаще наблюдается ситуация, когда номинация всей реки заменяется суммой названий ее частей. Вот типичный пример: по территории Викторовского сельсовета Великоустюгского района Вологодской области протекает река (левый приток р. Луза), которая в низовьях называется *Логаницей* (течет по оврагу). Это название соответствует участку от небольшого озера (старицы Лузы) до устья реки. Обращенный к информантам вопрос о том, как называется река в целом, обычно не получает определенного ответа, хотя некоторые из них называют ее *Речкой*. Однако, описывая уголья, расположенные вдоль того или иного участка этой реки, носители топонимической системы приводят названия отдельных участков, образованные от обозначений расположенных рядом деревень: *Чупановка* (*Чупановская Речка*) ← д. *Чупаново*, *Пополутовка* д. *Пополутково*, *Филипповка* ← д. *Филиппово*, *Горка* ← д. *Горка*, *Мелединская Речка* ← д. *Меледино*. Один из информантов определяет эту ситуацию так: «Далеко не ходим, вот и

не знаем, как вся речка называется. Прямо какой деревни текёт, так и зовут» [В-Уст, Пополутково]. Аналогичная ситуация наблюдается в топонимии Нефедовского сельсовета Вологодского района Вологодской области: река, общее название которой неизвестно большинству носителей топонимической системы (некоторые старики называют ее *Николкой*, другие же считают, что это имя приложимо только к небольшой устьевой зоне, где находится Никольская церковь), делится на ряд участков; каждый из них именуется по расположенному в этой зоне населенному пункту (*Фатьяновка* ← д. *Фатьяново*, *Первомайка* ← пос. *Первомайское*, *Мальгинская Речка* ← д. *Мальгино*, *Евлашевка* ← д. *Евлашево*, *Грозиловка* ← д. *Грозилово*). Как уже говорилось, есть все основания считать, что сфера действия этой тенденции постоянно расширяется. В русле этой тенденции следует рассматривать также частые случаи «обращения» названия реки дифференцирующими определениями, маркирующими участки, по которым она протекает, ср.: *Подольский Пичуг*, *Малиновский Пичуг*, *Емельяновский Пичуг*, *Смолянский Пичуг*, *Хабинский Пичуг* и т. п. [К-Г] – наименования участков р. Пичуг и прибрежных покосов. Можно предполагать, что условия дальнейшего функционирования таких названий иногда приводят к ситуации, когда определяемое слово опускается и возникают новые топонимы типа *Малиновка*, *Емельяновка* и т. п. Так происходит забвение старого пласта гидронимии, с которым постоянно сталкиваются участники полевых сборов. Тенденция кдробному восприятию гидрообъектов связана с сужением пространственного горизонта носителей топонимической системы.

Иногда номинативное дробление реки бывает обусловлено причинами физико-географического характера – к примеру, существованием в ее русле расширенных участков, воспринимающихся как озера. Ср. ситуацию такого рода: одна из рек, протекающих по территории Северодвинского района Архангельской области, не имеет названия, однако ее участок от верховьев до оз. *Заднее* называется *Верховка*, от этого озера до оз. *Середнее* – *Капитанка*, от оз. *Середнее* до оз. *Мельничное* – *Исток*, от оз. *Мельничное* до оз. *Нижнее* – *Устьречка* (здесь в эту реку впадает р. Ненокса), от оз. *Нижнее* до устья – *Река* [С-Дв, Ненокса]. Случаи такого типа тоже лежат в русле тенденции дробного восприятия линейных объектов.

Наконец, противопоставление дробного и целостного восприятия пространства может быть трансформировано в оппозицию *расчлененного* и *комбинаторного* представления пространственных образов. Данная оппозиция характеризует технику сцепления фрагментов пространственной картины мира.

Если расчленяющая техника видения пространственных объектов подразумевает «штучное», индивидуальное восприятие, то комбинаторная техника предполагает синтезирующую группировку объектов, комбинирование их воедино, восприятие их как частей целого, как деталей картины, как элементов ситуации. Номинативная комбинация синтагматична по механизму образования: синтагма здесь понимается как объединяющая объекты ситуация, их устойчивая связь друг с другом. При этом семантическое расстояние между образующими комплекс названиями может быть достаточно велико, т. е. на уровне ближайшей семантики общность сем может отсутствовать, однако направление ассоциативного поиска задается именно устойчивостью ситуации, и тем самым создается связь на фреймовом уровне.

Комбинаторные микросистемы чаще всего состояются топонимами, созданными на базе наименований **частей тела**, ср.: пок. *Васютина Баба* и ее части – пок. *Нога*, *Серёдка*, *Голова* (*Бабья Голова*), *Ножка* (*Бабья Ножка*) [Уст]; оз. *Бабий Пуп* – оз. *Брюшина* [Пин]; г. *Бабий Лобок* – г. *Брюшина* [Кир]; поля *Брюшина* («Оно длинное») – *Титково* – *Лобки* («Холмики, как титки») [В-Т, Вершина]; пок. *Большая* и *Малая Титка*, на противоположном берегу р. Свага – пок. *Пуповина* – «Она как пуп торчит, а напротив две титки» [В-Т, Верхняя Тойма]; пок. *Пупок* – *Лобок* – *Ляжка* [Уст, Бестужево], пок. *Нога* – *Пятка* [Кат-Ив], лес *Морда* – лес *Язык* [Ваш], мыс *Голова* – отмель *Рог* [У-Куб], пок. *Головка* – *Шейка* [Ирб], пок. *В Головах* – *В Шеях* [Тевр]; руч. *Узгой*⁴⁷ впадает в р. *Глотовица* [Вель]; р. *Холка*⁴⁸ и береговая линия *Сраки* (идет двумя полукружьями) – «Речка Холка впадет в тако место, название непотребное. Названья-то подходят друг другу, Сраки такого идут, как ж...» [Прим, Летняя Золотица]; пок. *Ножки* – «Между ними есть еще название, так оно похабное» [В-Т, Акуловская]. Зафиксированы также комплексы, в основе которых – обозначения **деталей одежды** (г. *Опояска* и пок. *Штаны* – «Штаны как штаны пожня, как двумя рукавами. А сзади холм небольшой, зовём Опояска. Как опояска к штанам-то» [В-Т, Верхняя Тойма], поле *Голенище* и поле *Сапог* – «Одно длинное, другое короткое, а пашутся вместе» [У-Куб, Вечеслово]), **деталей построек** (оз. *Печок* – луга *Полати* [В-Т, Горка], г. *Печка* – г. *Труба* [Ревд]), **посуды и продуктов питания**⁴⁹ (ур. *Сковородка*, в центре – г. *Пирожок* – «Там небольшое место, высокое, росла черница, вот и Пирожок, а

⁴⁷ Ср.: *узги* 'уголки рта' [КСГРС].

⁴⁸ Ср.: *холка* (здесь) 'бедро' [КСГРС].

⁴⁹ Устойчивость связей такого рода подтверждается данными нарицательной лексики, ср.: *сковородка* 'посиделки', *блин* 'человек, приходящий на посиделки' («еще два блина к нам на сковородку пожаловали!») [Туг: ЛКТЭ].

вокруг как кругом идёт, кусты, овражек кругленький, назвали Сковородка» [Прим, Печеньга], пок. *Камбала* и пок. *Сковородка* – «Камбала да Сковородка рядышком, пожарить хочется» [Прим, Чубола]). Ср. также любопытную микросистему, элементы которой в сознании номинаторов объединены вторичной (народно-этимологической) ситуативной связью: пок. *Крыло* – против пок. *Новотерёб* – «Ястреб косача забил на той стороне, а крыло перенес на эту» [Уст, Михалево].

Воссоздаваемые в номинациях картины, как правило, фрагментарны (особенно это характерно для наиболее популярной модели «части тела») и как бы случайны: они появляются при неожиданном оживлении стандартного образа, зачастую терминологизировавшегося (*шитаны, нос, голова, печь* и др.). Эта фрагментарность, а также обрастание элементов семантических микросистем дифференцирующими определениями (*Васютина Баба*) препятствует яркости и наглядности картины, разрушает ее изнутри, поэтому со временем связь между элементами комплекса может стать механической или вовсе утратиться⁵⁰. Так, механический характер носит связь между топонимическими *головами* и *хвостами* (которые были рассмотрены выше, в рубрике «Начало – конец»): типична ситуация, когда соответствующие объекты удалены друг от друга на такое расстояние, что не могут одновременно находиться в поле зрения номинатора, – тем самым разрушается чувственно-наглядная база образной номинации и соответствующие названия становятся маркерами абстрагированных смыслов «начало – конец».

Механическое срабатывание комбинаторной модели ощутимо в семантических микросистемах, образованных в результате позднейшего переосмысления названия-стимула по модели «целое → часть». Определенный учет формы и пространственных отношений здесь, возможно, всё же присутствует: пок. *Свиные* – *Свиной Зуб* [Бел], г. *Сокол* и пок. *Хвост* – «А тут холм высок, а рядом узка длинна бережина» [Мез, Азасполье], пороги *Медвежье* – *Медвежье Горло* [Пин], зал. *Зайчиха* – мыс *Заячий Нос* [Плес], ур. *Лебяжье* – пок. *Лебединое Крыло* [Камышл], р. *Кобылья Речка* – г. *Кобылья Грива* [Шал] и др.

Специфика комбинаторной техники наводит на мысль об архаичности последней. Прообраз комбинации в номинативной деятельности древнего человека – синкретичное отождествление. В ходе такого ото-

⁵⁰ Кроме того, фиксируются ситуации, когда комбинаторная связь изначально отсутствовала, а элементы семантических комплексов не комбинируются, а оказываются соположенными друг другу, объединяясь простым перечислением (или противопоставлением): пок. *Зады* и *Кишки* – «Тут у нас вся анатомия» [Прим, Зимняя Золотица], пок. *Нос* – *Ножка* [Пин], леса *Грязной Рот* – *Сухой Нос* [Пин] и др.

жествления создавались обширные номинативные картины: «... возникшие в глубокой древности географические названия образовывали сложные комплексы взаимосвязанных топонимов. Освоение окружающего мира предполагает установление между предметами (географическими объектами) связей, которые должны были получить адекватное отражение и в первобытной топонимии» [Матвеев 1987б, 5]. А. К. Матвеев указывает, что таким комплексам-«картинам» жизни народов были свойственны «многосторонняя установка и синкретический характер: они выполняли как эстетическую, так и мифолого-религиозную функцию, и, кроме того, надежно обслуживали носителей данного языка, будучи эквивалентом карты, которой еще не было» [Матвеев 1986, 91–92]. У каждого народа была своя «карта», реализовавшая его картину мира, своя «сакральная география» [Иванов, Топоров 1975, 66]: монголы видели в географических системах ханское общество, обские угры – части тела и снаряжения упавшего великана, полинезийцы – части огромной рыбы, славяне – сюжеты основного мифа о борьбе Громовержца со Змеем и т. п. [см.: Матвеев 1977, 14–15; 1986б, 88–93; 1987б, 9–12; Власова 1980, 58–60; Ромбандеева 1965, 60–61; Дмитриева 1997б; Иванов, Топоров 1973; 1975, 49; 1976 и др.].

Однако деятельность первых номинаторов, приводившая к созданию обширных номинативных комплексов, по технике своей не была собственно комбинаторной. Эта деятельность представляла собой аппликацию $я \rightarrow \text{мир}$, наложение шаблонных ситуаций, участником которой был человек (и «ближайшие» животные), на различные номинативные сферы – точнее, узнавание этих ситуаций в живой и неживой природе. При этом сознание, «в высшей степени ориентированное на постоянное решение задачи тождества» [Топоров 1982, 13], не было нацелено на поиск подобия, на учет объяснительных возможностей модели, на сверку денотата с приписываемым ему содержанием.

Древние «многофигурные композиции» реконструируются по данным не только топонимии, но и нарицательной лексики, фольклора, астронимии и других сфер духовной культуры: ср. представления о доме как о женском теле у славян [Байбурин 1983; Чайко 1974 и др.], о явлениях неживой природы как частях человеческого тела у древних скандинавов [Гуревич 1984, 49], о небе как арене охоты у чукчей, сцене из быта скотоводов-кочевников у тюрков, деревенской улице у славян [Рут 1987, 56–57] и т. д.

Эволюция этих систем происходила в «процессе становления личности, т. е. постепенного развития от первобытной нерасчлененности “я” и “не-я” к все более четкому противопоставлению мира внутреннего миру внешнему» [Стеблин-Каменский 1976, 90]. При этом происходило нечто вроде настраивания бинокля: размытые контуры представлений стано-

вятся более четкими, прорисовываются части образов и более жестко закрепляются за денотатами. «Повторяемость мифа приводит к вычлененности отдельных названий и поискам прямой связи названия и объекта, прямой мотивировки названия свойствами реалии» [Рут 1987, 56]. Подсознательный поиск мотивированного мифом тождества сменяется ориентацией на поиск объектного подобия, обусловленной изменением гносеологической и коммуникативной значимости таких семиотических систем, как язык и миф, а также характера их взаимодействия друг с другом. Функционируя в мифологическом тексте, имя манифестирует определенный код, причем этот код замкнут на себя, «интравертирован». Не зная мифологического кода, не представляя того мифологического континуума, в который включено имя, невозможно его адекватно интерпретировать. Языковой код принципиально отличается от мифологического своей открытостью, «экстравертностью» – иначе были бы нарушены коммуникативные возможности языка. Миф всегда актуален, а язык еще и потенциален. Языку больше, чем какому бы то ни было иному феномену культуры, свойственна «потребность постоянного самообновления, того, чтобы, оставаясь собой, становиться другим» [Лотман, Успенский 1971, 162]. Такое самообновление предполагает способность к установлению новых связей между словом и внеязыковой действительностью, которые могут быть интерпретированы носителями языка в синхронной плоскости, без ссылок на сакральный прецедент. В результате гносеологического скачка круг отождествлений, основанных на клишировании ситуаций, уже бывших в коллективном опыте, оказывается разомкнутым – мысль, нуждающаяся в более достоверном знании, ставит во главу угла познаваемый объект. Утрачивается сюжетно мотивированная мифом организация комплексов – рождается новая мотивировка, интерпретирующая действительность.

Разрушился синкретизм древних комплексов, и они распались на отдельные элементы. Традиционное направление отождествления остается своеобразным языковым архетипом, в рамках которого постоянно возникают новообразования, ср.: «сформированная модель приобретает определенную техническую самостоятельность и в дальнейшем развивается уже не за счет динамики модели концепта, а за счет механического расширения числа отождествляемых представлений в пределах модели» [Рут 1992, 112]. Части прежней системы функционируют самостоятельно, а попытка «оживить», дорисовать отсутствующее вызывает эффект неожиданности. Этот эффект широко используется в загадках, ср. загадку о вилах: «Кто ест сено безо рта, тремя зубами?» [ЗРН, № 1218]. Очевидно, аналогично возникают многие топонимические комбинаторные системы: например, отталкиваясь от названия одной из «рассыпанных» в беспорядке по всему географическому пространству

‘частей тела’ (ср. *лоб* ‘крутой берег, выступ горной гряды’ [Мурзаев, 344], *пуп* ‘небольшая горушка’ [КСГРС], *ножка* ‘клин земли’ [Даль II, 551], *глаз* ‘окно воды на болоте’ [Мурзаев, 143], *лопатка* ‘плоский мыс’ [Мурзаев, 347], *нос* ‘узкий мыс, острый выступ горы’ [Мурзаев, 396], *зуб* ‘выступающая острая скала’ [Мурзаев, 226], *шейка* ‘пролив’ [Мурзаев, 626] и др.), номинатор может попытаться «собрать» их воедино. Но это именно сборка, конструирование комплекса, а не узнавание его в окружающей природе. Модель работает, но, движимая другим номинативным механизмом, она быстро исчерпывает свои ресурсы: тщательная объектная сверка препятствует возникновению обширных систем.

В ходе эволюции комбинаторной деятельности изменилось соотношение двух основных составляющих последней – учета расположения и формы объектов. Первичная «комбинаторика» – вследствие своей принципиальной ориентированности на сюжет – в первую очередь учитывала расположение объектов, была направлена от расположения к форме (на которую внимание обращалось в наименьшей степени). В позднейшей комбинаторике форма избирается в качестве отправного момента номинативной деятельности, а расположение подбирается к ней, оказываясь менее существенным для номинатора фактором. Диктат признака формы приводит к тому, что разворачивание комбинационного комплекса нередко прерывается появлением «не вписывающейся» в картину детали⁵¹, ср. следующую серию названий: около пок. *Штаны*, как бы продолжая одну из «штанин», располагается пок. *Ножка*, за которым находится полянка *Глазок* [В-Уст]. Ср. также пример из обско-угорской топонимии: озеро, которое ханты называют *Торум лор*, а ненцы *Нум то*, оба народа представляют в виде лежащего человека или животного: у озера-человека есть голова с заплетенными в три косы волосами – речками, глаза – два маленьких святых островка на «голове», руки – речки, сердце – большой святой остров посреди озера; у озера-животного – лося или лошади – также есть голова с глазами, нос, шея, загривок, ноги и хвост – вытекающая из озера река *Назым* [Дмитриева 1997а, 274]. При этом река, вытекающая из «хвостового» конца озера, по-ненецки называется *Тояй шу* (‘горло большого озера’) [устное сообщение Т. Н. Дмитриевой]: шаблонная фрагментарная модель оказывается сильнее представления-картины. Показательно также и то, что, несмотря на яркую живописность этого образа, в номинациях оказываются закрепленными только те ‘части тела’, которые являются

⁵¹ Ср. также в нарицательной лексике: *нос* ‘водопроводный кран’, *глаза* ‘ручки водопроводного крана’, *зрачок* ‘красный или синий указатель температуры воды на ручке крана’, *ноздры* ‘отверстие, куда вставляется зрачок’, *ухо* ‘отверстие в носу, откуда бежит вода’ [из речи сантехников].

стандартными, узуализированными обозначениями географических реалий: поименованными с помощью микротопонимов оказались «Озеро-голова», «Остров-сердце», «Острова-глаза» [Дмитриева 1997а, 274]; остальная «анатомия» осталась лишь на уровне представлений.

Таким образом, синкретичное отождествление, свойственное мифологическому сознанию, и современная комбинаторика являются исторически преемственными способами представления фрагментов пространства, однако «запускающие» их механизмы принципиально различны. Современные комбинаторные комплексы создаются сложением двух-трех отдельных деталей, после чего комбинаторный механизм «выдыхается». Номинатор склонен тщательнее разрабатывать представление об отдельных географических реалиях, добиваясь инструментальности имени объекта, нежели комбинировать объекты воедино. Итак, комбинирующая техника создания пространственных образов очень редка в русской топонимии, преобладает расчленяющая техника (о расчлененности образной топонимической номинации см. также в [Рут 1994, 163]).

Вышесказанное еще раз свидетельствует в пользу тенденции дробного восприятия пространства. Дробность восприятия пространства, вероятно, в какой-то мере является следствием оседлого образа жизни и постепенной маргинализации промысловой деятельности в структуре хозяйства. Земледелец стремится осуществить как можно более точную детализацию небольших земельных наделов – в отличие от охотника или оленевода, привыкшего к преодолению больших расстояний и выработавшего широкий пространственный кругозор, а также прогностическое умение восстанавливать целое по части. К примеру, исследователи хантыйской культуры не раз отмечали замечательную пространственную ориентацию хантов, которые способны давать образные имена, основанные на признаке формы, гидрообъектам, а также другим ландшафтным реалиям, значительным по протяженности⁵². Ср. название одной из протоков Оби – *Тухат Ас* ('распорка в лодке'): «Эта протока воспринимается как распорка в огромной лодке, которую образуют Большая и Малая Обь: «Есть лодка-калданка, у нее перекладыны, эти распорки боковые, они называются тухат. Две Оби идут, Вэн Ас и Ай Ас, а между ними, как распорка, Тухат Ас». Типологически сходный перенос встречается в коми-пермяцкой географической терминологии, где есть *мег* ('дугообразный упор в лодке') и *мег* ('излучина реки')»

⁵² В русской речной гидронимии, напротив, практически отсутствуют метафоры, основанные на признаке формы, которые требуют умения увидеть объект целиком. Те образы, которые представлены в речной гидронимии, реализуют поведенческую модель [см. Рут 1994, 157].

[Дмитриева 1997а, 276]. Эта пространственная ориентация, как отмечают В. М. Кулемзин и Н. В. Лукина, «позволяет безошибочно представить форму реки, озера. Ведь только глядя на карту, мы можем сказать, что *Ягул-ях* – это река, по форме напоминающая лук. А ханты дали ей название задолго до того, как увидели в продаже географические карты» [Кулемзин, Лукина 1992, 55].

Встает вопрос: не противоречит ли обозначенная тенденция в русской топонимии распространенному мнению о любви русских к широким пространствам, раздолью и т. п., отражающейся даже в чертах характера русского или в типичных эмоциональных состояниях – в *широте души, удали, тоске* [см., например: Шмелев 1998; Гачев 1995, 219]?

Думается, что противоречия здесь нет. Представление о необъятной широте окружающего пространства является, скорее всего, по своему генезису «степным», – сам степной ландшафт создает перцептивную базу для развития такого представления. На Русском Севере – в зоне изначально лесной, где сельскохозяйственные угодья приходилось отвоевывать у лесов и болот, – возможностей для масштабного обозрения местности значительно меньше. Но это не самое главное. Нами уже говорилось о специфике отбора информации в разных версиях народной картины мира. Топонимикон отбирает ту информацию, которая создает хозяйственный, обывотвенный вариант этой картины; топонимия фиксирует не столько созерцание человека наблюдающего, сколько деятельность человека осваивающего. В топонимии встречаются названия типа *Приволье, Раздолье*, однако они раритетны (на территории Русского Севера фиксируется 7 таких топонимов: ур. *Приволье* [Ваш], д. *Привольная* [К-Г], хут. *Привольный* [Нюкс], пок. *Раздолье* [Котл], д. *Раздолье* [Влгд, Нянд], д. *Раздольное* [М-Реч]) и номинируют не обширные пространственные массивы, а типичные для топонимического картирования микрообъекты (кстати, 5 названий из 7 закреплены за населенными пунктами, что может свидетельствовать об их дезидеративной направленности). Показательна и мотивировка названия пок. *Раздолье* – «гладкий лужок, косить там раздолье» [Котл, Пускино]: она переплавляет впечатление о пространственной шире в оценку значимых в хозяйственном отношении свойств урочища.

Наконец, по использованию пространственной вертикали / горизонтали следует выделять **вертикальное** и **плоскостное** видение местности. Учитывая сказанное в этом параграфе, можно предполагать, что русские топонимы преимущественно реализуют установку плоскостного видения, когда в поле зрения номинатора оказывается пространственная горизонталь. При осуществлении выхода на вертикальное измерение пространства номинатор сохраняет свое обычное положение на вертикальной оси, фиксируя большей частью высотность

объекта: ср. упоминавшееся выше преобладание *высоких* топонимов над *низкими*.

Масштаб высоты, отражаемый в топонимациях, обычно невелик и как бы соразмерен самому наблюдателю; об этом свидетельствует хотя бы набор образов, используемый при номинации гор и горных хребтов (выборка произведена по Словарю образных топонимов Русского Севера [Рут 1994, 463–541]): *Амбарчик, Бараны Рожка, Бочонок, Братаны (Девять Братьев), Бурак, Бык, Веприк, Волдыри, Голова (Головка), Горб (Горбан), Гребень, Гроб, Жерновок, Зубцы, Каравай, Клык, Кобылье, Кобылья Голова, Коврига, Колокольня, Конь, Корабль, Корова, Крендель, Курья Гузка, Лоб (Лобан), Лось, Маковка, Медведица, Опечок (Печь), Опупок (Пуп), Палец, Петушок, Пирожок, Попадьевы Груды, Сиськи (Титьки), Сокол, Сумка, Теленок, Терем, Хохол, Хребет, Шапка (Шляпка), Щеки, Щучий Хребет, Яйцо* и др.

На этом фоне выделяется несколько образных моделей-гипербол – *Арараты, Карпаты, Урал, Эверес*; бóльшая степень гиперболизации заложена в необразных названиях типа г. *Поднебесье* [Тот], *Поднебесная* [Ваш]. Однако эти гиперболы редки, и чаще всего наблюдатель воспринимает высотные объекты в одном масштабе с собой и своим ближайшим окружением (о концептуальных основах такого восприятия см. [Рут 1992, 82–89]).

Попытки взглянуть на окружающее пространство сверху, с высоты в русской топонимии практически не фиксируются. Эти попытки могли бы иметь языковое выражение, например, в виде образных наименований протяженных объектов, однако, как отмечалось выше, такие факты для изучаемого топонимикона нетипичны. Противопоставленность в этом плане хантыйской и русской топонимии объясняется не только хорошей пространственной ориентацией охотничьего народа, но и привычкой воспринимать окружающее пространство сверху, выработке которой способствовал рельеф территории, на которой проживают ханты. Ср. свидетельство В. М. Кулемзина, объясняющего великолепное «чутье масштаба» удэгейцев обычаем охотников смотреть на местность с вершины горы [Кулемзин 1998, 166]. Показательны в этом плане и мотивировки некоторых хантыйских образных топонимов: оз. *Амп хусь-ты лор* ('озеро, приманивающее собаку') – «озеро сверху похоже на сидячую собаку, поэтому его в шутку так прозвали»; оз. *Амп ух лор* ('озеро собачьей головы') – «как сверху посмотришь, на собачью голову похоже» [Дмитриева 1997а, 272–273].

Пропозициональная неактуальность высотного восприятия пространства характерна не только для топонимии, но и для других пластов русского языка. Вообще, равнинность типично русского ландшафта сформировала в русской культуре весьма сложное отношение к горам,

которые воспринимаются как элементы чужого пространства, ср.: *из-за гор горы* ‘издали, с чужбины, с дальней стороны’, «За горами петъ хорошо, а дома жить лучше (намек на похвалу чужбине)» [Даль I, 376] и др.; о специфике восприятия гор см. также [СД 1, 520]. При этом в языках горных народов вертикаль используется весьма активно. К примеру, в восточнолезгинских языках лично-указательные местоимения «дифференцированно указывают не только на предметы различной удаленности по горизонтали, но и на предметы по их положению по вертикали относительно участников акта речи, ср. лезгинские местоимения ... *виним* “тот, который выше”, *агъам* “тот, который внизу”» [Тарланов 1995, 11]. Факты такого рода есть и в болгарском языке: ср. болгарское соответствие русской лексеме *приблизительно* – *горе-долу*, буквально «вверх-вниз» [Гачев 1995, 216] («горизонтальность» же русского *приблизительно* подчеркивается, по мнению Г. Гачева, не только тем, что *близить* – направленное по горизонтали движение, но и тем, что приставка *при-* указывает на бок, подход к точке со стороны [Там же]).

В то же время рефлексy пропозициональной установки вертикального видения пространства можно усмотреть в тех русских языковых единицах, которые связаны с освоением водного пространства. Хрестоматийный пример такого плана – обозначение истока реки с помощью различных лексем с корнем *верх-* (подробный перечень и анализ этих фактов представлен в [Дерягина 1985]). Весьма показательна в этой связи оппозиция *гора* – *вода*: «*горою* на севере, по Волге и пр. называют вообще землю, сушу, берег, материк в противность воде, реке, морю»⁵³ [Даль I, 375]. На Русском Севере эта оппозиция наиболее активно функционирует в речи поморов, а также рыбаков на больших озерах [КСГРС; АОС 9, 320; СРГК 1, 365]. В говоре рыбаков Белого озера фиксируется аналогичная оппозиция *круча* (*кручь*) – *вода*, где *круча* – обозначение суши, берега [КСГРС]. Что касается топонимии, то вертикальность линии *суша* – *вода* в восприятии рыбаков отражена в системе номинации тоней. Выше уже говорилось, что эти объекты нередко номинируются с использованием предлогов *под* и *над*. Более распространены *под*-топонимы, отражающие, по всей видимости, взгляд «с воды», когда водная прибрежная линия, где обычно находятся тони, кажется ниже объектов на берегу. Появление *над*-топонимов в системе номинации тоней Кубенского озера мы объяснили противоположной направленностью взгляда – с суши на воду. По наблюдениям участников ТЭ, кото-

⁵³ Противопоставленность *горы* и *воды* отражается в идиомах и пословицах: «На горе тихо, на воде лихо» [ЭМ ТЭ], «Бывает порою, течет вода горою», «Горой – водой, лесом – парусом (бестолочь)» [Даль I, 376], *пройти горы и воды* ‘пройти огонь, воду и медные трубы’ [АОС 9, 321].

рые побывали на берегах больших озер (Белого, Воже, Онего, Кубенского и др.), а также Белого моря, обширный водный массив действительно может восприниматься как стоящий над человеком, вертикальный.

Диссонанс между присущей рыбакам вертикальностью восприятия линии суша – вода и настроенностью на плоскостное видение, свойственной земледельцам, становится причиной появления своеобразной диглоссии при топонимическом освоении одних и тех же объектов с озера и с суши. При этом возникает интереснейшая ситуация, когда одному и тому же объектному ряду соответствуют два топонимических, использование каждого из которых зависит от позиции номинатора в пространстве. Ср. топонимию береговой линии Белого озера: расположенные на берегу урочища используются как сенокосные, пахотные и пастбищные участки, а некоторые из них одновременно служат ориентирами для возвращающихся с рыбного лова рыбаков. Один из информантов, И. М. Приемышев из деревни Тарасьево Вашкинского района Вологодской области, комментирует ситуацию так: «У озера поле *Песчанка*, там крест поставлен был. Как с озера на кручь идем, держим на *Крестовую*, чтоб на нашу деревню выйти. Это *Песчанку* мы *Крестовой* звали. А у Монастырской (название деревни. – Е. Б.) поле *Вобчево*, дак его *Церковным* в нашей бригаде (имеется в виду бригада рыбаков. – Е. Б.) звали. Церковь-от издалека видна, как на кручь к Монастырской заходили». Ср. еще несколько таких примеров: первым указывается название, используемое на «суше», а вторым – на озере): поля *Кирюшин Луг* // *Две Березы*, *Сидоровское* // *Бревенник*, ур. *Афоничево* // *Столбовая*. Сходный параллелизм названий «от суши» и «от воды» наблюдается в топонимии Кубенского озера, ср. пары *Кривая Береза* // *Семеново*, *Столбовое* // *Матвеевское*: «С озера зовётся *Кривая Береза*, а с берега *Семеново*, косили там»; «С озера *Столбовое*, а на берегу покосы – *Матвеевское*» [Влгд, Коробово]. «Сухопутные» названия отражают важные для земледельца признаки объекта – характер почвы, особенности землеустройства и т. п.; «озерные» топонимы указывают на высотные береговые ориентиры (*знамёна*, как называют их рыбаки Белого озера) – крест, березы, столб и т. п. Ср. наблюдения А. Н. Давыдова и Н. М. Теребихина о приоритете «высотного» над «низким» в визуальном коде картины мира поморов: «Не случайно, что освоенность пространства у поморов связывалась с вертикалями прибрежных крестов, храмов, колоколен, маяков, мачт кораблей» [Давыдов, Теребихин 1990, 174].

Таким образом, высотное восприятие пространства, достаточно пассивно проявляющее себя в русской топонимии, дает о себе знать при освоении линии суша – вода⁵⁴.

⁵⁴ О высотном восприятии лесного пространства см. [Мищенко 1998, 162].

3. ПРОТЯЖЕННОСТЬ

Идея протяженности пространственных объектов может реализовываться в двух направлениях: 1) путем оценки протяженности по шкале «короткий» – «длинный»; 2) метрологическим путем – с помощью указания на так или иначе измеренную длину объекта или расстояние от исходной точки до него самого⁵⁵.

Оценка протяженности чаще всего осуществляется с помощью *долгих* (реже *длинных*) и *коротких* топонимов, которые могут функционировать как в составе соотносительных рядов, так и вне их: полосы *Долгие Валы – Короткие Валы* [К-Г], прт. *Долгая Ока – Короткая Ока* [Карг], пок. *Долгий Лог – Короткий Лог* [Ней], р. *Длинный Мост – Короткий Мост* [Бел], бол. *Длинное – Короткое* [Уст], поле *Длинная Дербя* [Ник], бол. *Долгая Мишарина* [С-Дв], пок. *Долгие Драки* [Гряз], уч. р. *Короткая Речка* [Карг], пок. *Короткие Луга* [Уст] и др. Признак 'длинный' может выражаться также с помощью образных названий типа *Кишка* или *Вожжи*, но здесь идея удлиненности предстает в затушеванном виде, а на первый план выходит признак формы, имеющий больше возможностей быть манифестированным посредством чувственно-наглядного образа. Впрочем, сами *долгие* топонимы также способны выражать признак формы, что подчеркивается устойчивостью оппозиции *долгий – круглый*, многократно повторяющейся на различных территориях (как на Русском Севере, так и вне его): оз. *Долгая Старка – Круглая Старка* [Ней], пок. *Долгое Корокмано – Круглое Корокмано* [Уст], ур. *Долгая Мянда – Круглая Мянда* [Бел] и мн. др. Способность признака протяженности «оборачиваться» признаком формы свидетельствует о том, что объекты, воспринимаемые как длинные, на поверку имеют незначительную длину и могут быть охвачены взглядом.

Довольно любопытны случаи опосредованной реализации признака «короткий», когда эта идея подается через указание на скорость преодоления какого-либо расстояния: пок. *Скоропостижные* – «Короткие, узкие они» [Кон, Дико-Зеленая], бол. *Скороходка* – «Короткое, быстро его пройдёшь» [Бел, Левшуково], ср. также пок. *Скороход* [Баб], пок. *Скороходово* [Хар] и др. Сюда же, вероятно, следует отнести многочисленные *скородумы*, обозначающие разные типы объектов: лес *Скородум* –

⁵⁵ Определение расстояния от исходной точки до объекта, разумеется, не является оценкой протяженности самого объекта, однако мы сочли возможным рассмотреть соответствующие топонимы в этом параграфе, так как они нередко образуются по таким же моделям, как и названия, обозначающие собственно протяженность.

«Скоро его пройдешь – вот и Скородум» [В-Уст, Бернятино], пок. *Скородумово* – «Быстро его пройдешь – вот и Скородумово» [Котл, Куимиха], руч. *Скородум* – «Больно небольшой ручеек» [В-Уст, Лубягино], лес *Скородум* [Ней], бол. *Скородум* [Ник], поле *Скородум* [Он], ур. *Скородумка* [В-Важ], руч. *Скородумка* [Нюкс], пок. *Скородумы* [Уст], пок. *Скородумцы* [Бабуш]⁵⁶ и др.; ср. семантику *скородумов* в диалектной лексике: *скородумка* ‘быстро, на скорую руку приготовленная пища (похлебка, яичница и т. п.)’ [СРГСУ 6, 19]; *скородумка* ‘не-взболтанные яйца, испеченные на сковороде с хлебом, маслом и ветчиной’ [Опыт, 205].

«**Метрологические**» **топонимы** образуют весьма пеструю группу. Некоторые из них образованы от официально-номенклатурных метрологических терминов – как правило, устаревших; наиболее популярен термин **верста**: пок. *Верста* [Вож, Сямж], пок. *Верстан* [Вель], поле *Верстенец* [Он], поле *Вёрстное* [Карг], пок. *Верстовая* [Плес], руч. *Верстовик* [Ник], поле *Верстовое* [Кологр], лог *Верстовой* – «Как раз верста была» [Пыщ, Пустосилово], плесо *Вёрст-Плёсо* – «На целую версту тянется» [Пин, Усть-Поча], руч. *Двухвёрстный* [Чаг], пок. *Пятиверстные* [Тот], бол. *Пятиверстное* [Пин]⁵⁷ и др. Значительно реже встречается термин **сажень** (р. *Саженка* [Гряз], ур. *Саженная* [Плес], пок. *Семисажёнки* [Бел]); раритетны также **километровые** и **метровые** топонимы (поле *Стометровое* [В-Уст], руч. *Километровый* [Устюж]).

К метрологической группе примыкают также широко распространенные **половинные** топонимы, маркирующие нахождение объекта на полпути от одной точки до другой: пок. *Половина* – «Половина расстояния между Ивашково и Щапинской» [Уст, Щапинская], р. *Половинница* – «На половине расстояния между Верховажским и Сямженским районом» [Сямж, Колбинская], руч. *Половинный* – «Он бы должен быть на половине от устья к истоку, а он раньше почему-то идет» [Прим, Летняя Золотица], руч. *Половинный Ручей* – «На половине он между Тонегой и Лельмой» [Плес, Зубово], поле *Половухи* – «На половине пути к Шелгачевой они» [Плес, Пашевская], пок. *Полусосновица* – «На половине пути к речке Сосновице» [Котл, Петровская] и др. Названия

⁵⁶ Топонимические *скородумы* довольно часто обозначают населенные пункты. В этом случае можно предположить и другие мотивационные смыслы – «небольшой?», «быстро построенный?»; не менее (если не более) реально отантропонимическое происхождение таких топонимов (< прозвище *Скородум*).

⁵⁷ Топонимы с числительными могут обозначать как собственно протяженность объекта, так и расстояние до него, ср. соотносительные ряды: ручьи *Трехвёрстный* – *Пятивёрстный* – *Шестивёрстный* – *Девятивёрстный* [Он], озера *Четырёхвёрстное* – *Шестивёрстное* – *Семивёрстное* [Карг].

такого рода характеризуются сопряжением идеи протяженности чего-либо и преодоления этого расстояния человеком.

Наиболее интересны ситуации отражения в топонимии *наивной метрологии*. Ср., к примеру, название охотничьего урочища *Днище*, которое расположено в 15 километрах от д. Шегмас [Леш]. По словам местных охотников, это расстояние как раз соответствует тому пути, который обычно преодолевается охотником за один день передвижения по лесу (леса в Лешуконье чрезвычайно глухие, изобилуют болотами, дорогу нередко приходится «прорубать» топором, поэтому передвижение весьма затруднено): «На охоту иду, мне как раз день дотудова (до *Днища*) добираться» [Леш, Шегмас]. По-видимому, здесь отражен наивный метрологический термин *днище*, который имеет разное содержание на различных территориях (эта семантическая диффузность объясняется спецификой способа передвижения и особенностями ландшафта): в тундре европейской части России мера *день*, *днище* определялась как расстояние в 20–30 верст; в русских говорах Колымы *днище* обозначало расстояние в 10 верст; в условиях лесостепной полосы в практике сторожевой службы по охране южных пределов русского государства величина *днища* может быть определена в 40–60 верст» [Романова 1975, 23–124]. Косвенное отражение наивной метрологии можно усмотреть в названии лесной реки *Чайная*, зафиксированном ТЭ на Среднем Урале: этот гидроним используется преимущественно охотниками, которые совершают привал у реки, ср.: «Она так подгадывает: доходили до нее – и время пить чай» [Серов, Монастырка].

Следует упомянуть также о весьма интересном факте, свидетельствующем о существовании такого метрологического приема, как измерение расстояния, на которое слышен человеческий голос. Ср. название поля *Зычное*, зафиксированное в Вашкинском районе Вологодской области. Его можно соотнести с апеллятивом *зык* ‘крик, шум’ [КСГРС], однако семантически обосновать эту связь весьма трудно: такая номинативная модель нетипична для русских названий земельных угодий. Мотивировку названия дает топонимическое предание: «Стали поле измерять – оно такой длины, до какого места *зык* у одного мужика слышен был» [Ваш, Подгорная]. Мотив «измерения расстояния с помощью звука» широко распространен в карело-финском фольклоре: например, сын Калевы (великан, хийси, черт, человек, работник) косит луг – трава ложится до того места, до которого доносится звон косы; сын Калевы валит деревья на пожар – деревья падают до того места, до которого слышен голос, и т. п. [Симонсуури 1991, 165]. Ср. реализацию этого мотива в тексте «Калевалы»:

Он (богатырь Куллерво. – *Е. Б.*) воткнул топор в колоду,
Поднял шум большой по лесу,

Засвистал по лесу громко,
Говорит слова такие:
«Пусть дотуда лес валится,
Лягут стройные березы, –
Голос мой докуда слышен,
Свист докуда раздается!»

(Калевала, руна 31)

О существовании у финно-угров мер длины, определяемых на слух, свидетельствуют не только фольклорные, но и языковые данные: в финском языке для одной из путевых мер восстанавливается первоначальное значение 'расстояние, на котором слышен собачий лай'; у манси, хантов, марийцев для обозначения русской версты известны слова, которые могут быть соотнесены с глаголом *кричать*, т. е. первоначально обозначающие расстояние, на которое может долететь человеческий голос [*Wichmann Y. Les vieilles mesures de longueur des peuples finno-ougriens // J. de la Société Finno-Ougriennes. 1928. Т. 42. С. 22–24. – Излагается по: Романова 1975, 134*]. Г. Я. Романова, подробно изучившая русскую народную метрологическую систему, указывает, что в ней не получили распространения меры длины, основанные на слуховом восприятии: к таковым можно отнести лишь зафиксированную В. И. Далем лексему *окрик* 'расстояние, на которое слышен человеческий голос' [Даль II, 667; Романова 1975, 135]. Распространенность идеи звукового освоения пространства в финно-угорском фольклоре и в системе языка, мотивное соответствие вашкинского топонимического предания и финно-угорских аналогов (несмотря на то, что первое лишено сверхъестественного, волшебного начала, в нем представлен мотив звукового измерения именно длины разрабатываемого поля), а также раритетность этой идеи в русской народной культуре позволяют предполагать, что в этом предании нашли отражение прибалтийско-финские мотивы.

Рефлекс звуковой метрологии (правда, уже в «снятом» виде) присутствует в наименовании тони *Подзаголос* (сев. оконечность залива Токша на оз. Кубенское) – «Там голоса с озера Кубенского уже не были слышны», «до этого заливчика голоса доносились, узкое место такое» [Влгд, Пески]. Сходный номинативный признак положен в основу приводившегося выше названия тропы *Петушиха* – «Берем ягоды и слышим, как петухи поют». Петуха может заменить радио – ср. своеобразное «новшество» звуковой метрологии, отраженное в названии бол. *Радио* – «Пойдешь на это болото, а радио из деревни слышать» [Холм, Осередок].

Метрологический смысл, возможно, следует предполагать для весьма любопытного названия поля *Чёртопряга* [Хар]. Если первая основа – *чёрт* ('нечистая сила'), то вторую хотелось бы проинтерпретировать в

связи с термином *пряга*. Данный термин, как и однокоренные *пряжка*, *упряжка*, *выпряжай*, изначально связан с измерением времени, требующегося для преодоления какого-либо расстояния на лошадях (или осуществления полевых работ без распрягания лошадей), а затем и пространства, которое может быть преодолено за это время (ср. *пряга* ‘упряжка, переезд на одних лошадях не кормя, перегон’ [Даль III, 531], *пряжка* ‘период работы на лошадях от начала до первого перерыва, когда кормят лошадей, выпрягая их, или от перерыва до конца рабочего дня’, ‘расстояние между двумя почтовыми станциями, проезжаемое на лошадях’ [СРГСУ 5, 40], ‘расстояние между постоянными дворами’ [КСГРС] и др., подробнее см.: [Романова 1975, 126]). Этот ряд по своей внутренней форме сходен с термином *гон* (*перегон*), который в результате семантической эволюции утратил «лошадиную» мотивированность и приобрел значения ‘полоса пахотной земли, которая обрабатывается в один прием’, ‘мера длины, равная длине борозды, которую пахарь проходит без остановки в одну сторону до поворота’ [Романова 1975, 135–136]. Сходное значение зафиксировано в севернорусских говорах для слова *упряжка* – ‘длина борозды’ [КСГРС]. Точный смысл компонента *пряга* в составе топонима *Чёртопряга* определить довольно сложно: он может характеризовать как расстояние до покоса, так и его длину. Этот диффузный по своей семантике метрологический термин вполне «рифмуется» с образом черта, лешего, с которым связывается идея неопределенного расстояния, ср. идиомы *черт мерил да веревку порвал* ‘о неизвестном расстоянии’ [КСГРС]; *у черта на куличках*; *на леший след* ‘очень далеко, неизвестно куда’ [СРГК 3, 121]⁵⁸ и др. Таким образом, топоним *Чёртопряга* может трактоваться как экспрессивное обозначение удаленного или весьма протяженного объекта.

Говоря о наивной метрологии, следует отметить своеобразный «анатомический» способ измерения глубины водных объектов⁵⁹ (или влажности сырых низменностей), содержание которого становится понятным из мотивационных контекстов: руч. *Гуздомойка* – «Его переходить, дак вода до жопы доходит» [Ваш, Вашкозёрки], р. *Гузомоя* – «Вода там как раз до гузна» [Кир, Кирбасово], пок. *Мокрогуз* – «Рядом болото,

⁵⁸ Характерно, что именно лексика Русского Севера отличается наибольшим количеством и разнообразием идиом, называющих неопределенные расстояния: это объясняется ландшафтной спецификой территории (ср. яркое описание С. В. Максимовым обстоятельств функционирования идиомы *корельский верстень* [Максимов 1994, 74–75]).

⁵⁹ Если расширительно рассматривать протяженность в разных пространственных плоскостях, то глубину можно включить в структуру этого пространственного параметра.

бродили по пояс мокрые» [Котл, Кузнечиха], руч. *Беспорточный* – «Без портков переходить надо»; «В портках не перейти» [Прим, Летняя Золотица], пок. *Мударезы* – «Пожню назвали Мударезы – мокро там, бродили до пояса» [Холм, Старая Мельница]; возможно, сюда же следует отнести следующий топонимический ряд: ур. *Безгачево*⁶⁰ [Галич], д. *Безгачиха* [Бабуш], полосы *Безоштанницы* [Меж], р. *Безоштянка* [Ник], поле *Бесиштанница* [Пин], руч. *Белогузка* [Тарн], поле *Белогузка* [Мантур], пок. *Гологуз* [Пин, Тарн], пок. *Гологузка* [В-Важ, Парф], ур. *Гологузка* [Ник], поле *Гологузки* [Бабуш], пок. *Гологузово* [Карг], пок. *Голожопица* [К-Б], р. *Голопупница* [Тот], бол. *Голопуповщина* [Карг], пок. *Голопупое* [Кон], пок. *Голопупы* [Бабуш], р. *Гуздомойка* [Сус], р. *Гуздомойка* [Галич, Кир, Сямж, Хар], лог *М...мойка* [Пыщ], оз. *Мокрогуз* [Он], р. *Мокрогузка* [Тарн], ур. *Мокрогузы* [В-Важ], пок. *Оголигузки* [Бабуш]⁶¹, лог *П...мойка* [Бабуш].

В заключение отметим, что оценку или измерение протяженности объекта не следует считать популярным мотивом топонимической номинации. «Точечные» объекты, с которыми имеет дело носитель топонимической системы, обычно имеют небольшую протяженность, при этом оценка протяженности заменяется более точно прорисовывающим параметры объекта описанием формы или размера последнего, – а если ставится-таки задача оценить протяженность, то номинатор скорее использует специализированную метрологию (допустим, наименования земледельческих мер – *гон*, *десятина* и пр.). В том случае, когда носитель топонимической системы взаимодействует с линейным объектом (рекой или дорогой), попытки измерить его протяженность оказываются неактуальными (и не обеспеченными соответствующей «метрологической техникой»).

⁶⁰ Ср. *гачи* 'штаны' [КСГРС].

⁶¹ Для названий типа *Бесиштанницы*, *Белогузка*, *Голожопица*, *Голопупое* и т. п. мотивирующий смысл может быть и иным (особенно если они прилагаются к полям): поле *Белогузиха* – «Сказывали, старики когда-то без штанов пахали» [Пин, Кеврола] (здесь отражается один из древнейших элементов земледельческой обрядности).

4. ОБЖИТОСТЬ ПРОСТРАНСТВА

Какой бы мотив ни отражался в топонимической номинации, само наличие имени у географического объекта свидетельствует об освоении последнего хотя бы на уровне внешнего восприятия. Однако существует ряд названий, фиксирующих факт рефлексии носителя топонимической системы относительно освоенности пространства, высшим проявлением которой становится его обживание – в буквальном смысле этого слова.

В севернорусской топонимии отчетливо проявляется противопоставленность обжитого и необжитого пространства. Первое ограничивается зоной, прилегающей к населенному пункту, второе очерчивает нежилую зону. Нежилое пространство может восприниматься как **пустое** (ср. название *Пустая Слобода* [Баб], которое соответствующая деревня получила после того, как почти полностью разрушилась и приобрела статус бывшей деревни; аналогично мотивированы наименования бывших кустов д. *Пустая Шуя* [М-Реч], *Пустая Шалга* [Кир] и др.); показательна также мотивировка названия р. *Пустая* – «Река прошла 30 километров – и всё пустым местом, без поселения» [Вож, Лобаниха]. Значимость этой оппозиции подчеркивается существованием соотносительных рядов *жилой – пустой*: р. *Жилая Мушня* (ср. д. *Жилая Мушня*) – р. *Пустая Мушня* [Шексн], р. *Живая Каменка* (протекает у д. Перцево) – р. *Пустая Каменка* [Гряз], р. *Жилая Кица* (протекает против д. Кица) – р. *Пустая Кица* [Вин]. Эта оппозиция функционирует даже на макроуровне, ср. противопоставление наименований двух районов Костромской области: *Жило* – название Пыщугского района Костромской области в отличие от *Пустоши* (Павинского района) («Демидов их отправлял на завод, на Урал, на Каменный Пояс, дак у них Пустошь, а у нас Жило» [Пыщ, Крутая]).

При возникновении противопоставления *жилого* и *нежилого* маркированным, как правило, оказывается второй член оппозиции, поскольку первый называет собственно номинативный центр, обеспечивая тем самым низкий уровень дифференцирующих возможностей.

Нежилое пространство может быть поименовано не только как **пустое**, но и как **слепое** или **глухое**. Данные метафоры связаны с обозначениями дефектов перцепции, отгораживающих человека от внешнего мира и образующих вокруг него замкнутое пространство: идея замкнутости, отсутствия контакта с миром акцентируется во многих семантических дериватах, созданных на базе лексем *глухой* и *слепой*, ср. значения ‘не имеющий выхода, прохода’ (*слепой*) [ССРЛЯ 13, 1198], ‘совершенно закрытый, не имеющий отверстий’ (*глухой*) [ССРЛЯ 3, 157]. Идея замкнутости отчетливее представлена во вторичных значениях *глухого*,

поскольку первичное значение в этом случае обладает большей социальной ориентацией (если *слепой* изолирован от физического мира, то *глухой* – от социума). Специализация этой идеи дает для *глухого* семантику ‘расположенный в лесу’, проявляющуюся в топонимической оппозиции *глухой* – *чистый* (*чистый* выступает здесь в значении ‘расположенный в свободном от леса месте’): бол. *Глухая* и бол. *Чистая* – «Два болотца в километре, только Глухая в лесу, круглышка такая лесом окружена, а Чистая в чистом месте» [Карг, Кречетово]; бол. *Глухое Болото* и бол. *Чистое Болото* – «Чистое Болото на полянке, а Глухое Болото в лесу» [Вил, Шихи] (этот же мотивирующий смысл⁶² можно усмотреть в паре названий деревень *Туймино Глухое* и *Туймино Чистое* [Вель]). Оппозиция *глухой* – *чистый* синонимична паре *лесной* – *чистый* (*чистой*), ср., например: д. *Лесное Петраково* и д. *Чистное Петраково* – «это в лесу стояло, а то на чисти» [Пош, Андриюшино].

Показательны также следующие мотивировки *глухих* топонимов: оз. *Глухое* – «Оно в лесу, другие жизнь прожили и не знали, где оно» [Ваш, Малая Чаготма], оз. *Глухое* – «Кругом в лесу, страшно даже» [Вель, Кондрино], оз. *Глухое* – «В лесу оно, выхода у него не было» [Сок, Большие Озерки], паш. *Глухая Пашня* – «Лесом окружена была, оттого и назвали» [Вил, Тырпасовская], пок. *Глухая* – «Она в лесу» [Вель, Пугачевская]. Неосвоенные лесные места таят опасность – интересен в связи с этим параллелизм *глухой* // *чертов*, ср. название ур. *Глухие Ворота* // *Чёртовы Ворота* [В-Уст].

Модификация того семантического материала, который представлен выше, приводит к появлению у *глухих* и *слепых* названий⁶³ мотивирующего смысла «расположенный на нежилой территории», например: р. *Слепая* – «Слепая, потому что лесом всё шла, нигде нет ни поселка, ни поля, одна речка» [Уст, Череновская], р. *Слепуха* – «Полями идет, ника-

⁶² Существует еще несколько оппозитивных пар, реализующих противопоставление *чистый* – *глухой* (оз. *Глухое Фомино* – *Чистое Фомино* [Кир], бол. *Глухой Домгиль* – *Чистый Домгиль* [Вил], бол. *Глухое* – *Чистое* [Кон, Череп]), однако отсутствие мотивационных контекстов не позволяет быть уверенным в том, что здесь представлен мотивирующий смысл ‘расположенный в лесу’ – ‘расположенный в чистом месте’, так как, помимо него, можно предполагать и другую мотивировку – ‘наличие /отсутствие растительности’ (*чистыми болотами* называют лишенные древесной растительности объекты [КСГРС; Мурзаев, 617], *глухими* – заросшие лесом [КСГРС]).

⁶³ Семантическая близость *глухих* и *слепых* в топонимии подтверждается также парами наименований расположенных рядом географических объектов: ур. *Глухое* и *Слепое* – «Места там плохие, кочкастые» [Пин, Кушкопола]; бол. *Глушица* и *Слепица* – «Не растёт ничего, пусты места, вот и прозвали» [Кад, Сосновка].

кого жила, к людям не выходит» [Кад, Маза], ур. *Глухая Вершина* – «Всё лес, кругом жилья нет, потому так называли» [Кир, Левково] (аналогично в нарицательной лексике: *глухой* – ‘захолустный, в глуши находящийся, безлюдный’ [ССРЛЯ 3, 157], *глухота* ‘отдаленное от поселений пустынное место’ [АОС 9, 128]); ср. также пару названий рек *Живой Леваши* – *Глухой Леваши* [Посухонье: Варникова 1987, 206] и корреляцию оз. *Жилое* – *Глухое* [Сок]. Следует обратить внимание на то, что в семантике лексемы *глухой* наблюдается синкретизм таких смысловых компонентов, как ‘необжитой’ и ‘лесной’. Этим лишний раз подчеркивается противопоставленность леса и дома, деревни, которая отражена как в системе языка, так и в других формах народной культуры. В качестве иллюстрации приведем только один факт – идиому *выйти на русь* ‘выйти из леса на светлое место (поляну), близкое к жилью’ [КСГРС], стыкующую представления о чужом (лесном) и своем (родном) пространстве⁶⁴.

Необжитое пространство может быть представлено также как *дикое*, ср.: оз. *Дикое Озерко* – «Не ходили туда» [Карг, Лохово], бол. *Дикое* – «*Глухое* место, не ходит никто на то болото» [Холм, Подборье]. Проявляющийся в последнем контексте параллелизм *дикого* и *глухого* поддерживается тем, что *дикие* объекты, как и *глухие*, обнаруживают связь с лесом, ср.: оз. *Дикое* – «Заросло всё лесом» [Прим, Пушлахта], зона *Дикий Кряж* (тянется от г. Архангельска по материку до д. Бармино и противопоставляется островам в устье Северной Двины) – «Мы в лесу жили, а у них на островах лесу-то нет» [Прим, Бармино]. Отметим и то, что *дикие* объекты могут восприниматься как опасные, ср. факт параллельного функционирования названий *Дикая Веретья* // *Дурная Веретья* [Лен], бол. *Дикое* // *Страшное* [Плес], а также мотивировку топонима *Дикий Мыс* – «Там всё люди блудятся» [В-Т, Макеевская]. Характерна оппозитивная пара *Домашнее* – *Дикое*, обозначающая озера, одно из которых находится у д. Петрова, другое в лесу, поодаль от этой деревни [Мез]. Ср. также в нарицательной лексике: *дикий* ‘находящийся в отда-

⁶⁴ Ср. яркое отражение противопоставления *руси* («домашнего» пространства) и *сузёма* («стороннего» лесного пространства) в романе Ф. Абрамова «Братья и сестры» (диалог происходит между Варварой и Лукашиным на лесной пожне): «– Что, комарики кусают? – посочувствовала Варвара... – Известное дело, здесь не на руси. – Не на Руси? – Варвара удивилась: чего тут непонятного? – У нас русью-то домашнее называют. А здесь, в сузёме, какая уж русь...» «Да, – размышлял Лукашин... – Вот она, жизнь северного мужика! Какой же ценой дались ему эти сторонние сенокосы, если у него язык не повернулся, чтобы назвать их дорогим именем Русь! А ведь отсюда до деревни километров десять – не больше...» [Абрамов, 187].

лении от деревни, села и т. п.» [СРНГ 8, 57], *дикий* ‘пустынный, глухой, ненаселенный (с оттенком мрачности)’ [ССРЛЯ 3, 785].

Наконец, необжитое пространство маркируется топонимами, образованными от апеллятива **вольный**, ср. название р. *Вольница*, расположенной в 20 километрах от ближайшего к ней населенного пункта, — «Она текёт по вольному месту, деревён там нет» [Кир, Рыбацкая]. Показательна оппозиция р. *Вольная Кисома* и р. *Чистная Кисома* — «Одна река в лесу, а другая по чистому месту течет» [Пош, Андриюшино]; при этом топоним *Вольная Кисома* имеет красноречивые варианты — *Глухая* и *Лесная Кисома*. Возможность появления такого мотивирующего смысла у *вольных* топонимов подтверждается данными нарицательной лексики: *вольный* ‘расположенный вне дома, жилья’ [КСГРС], *вольный* ‘свободный, пустой, ничем не занятый’, *вольная работа* ‘работа, осуществляемая в поле, вне дома’ [АОС 5, 72], *вольный* ‘находящийся вне чего-либо, внешний’ // ‘совершаемый или происходящий на открытом воздухе, вне помещения’ [СРНГ 5, 87]. Мотивировку ‘находящийся в нежилой зоне’ можно предполагать и для других *вольных* топонимов: пок. *Вольный Луг* [Гряз], пок. *Воля* [Череп], лес *Воля* [Влгд], поле *Вольные* [Вель], ур. *Вольница* [Нянд, Сямж], лес *Вольное* [У-Куб], однако здесь возможно и иное смысловое наполнение — ‘просторный’.

Итак, необжитое пространство подается в русской топонимии как **пустое, глухое, слепое, дикое, вольное**. Учет концептуального наполнения этих лексем дает следующую картину:

<i>пустой</i>	→	незаполненный
<i>слепой</i>	→	отграниченный, не контактирующий с человеком
<i>глухой</i>	→	потенциально таящий опасность
	→	лесной
<i>дикий</i>	→	неодомашненный
<i>вольный</i>	→	свободный, открывающий возможности для освоения

Расположенные справа характеристики дают концепцию необжитого пространства — в том виде, в котором она может быть представлена по данным русской топонимии.

С параметром «обжитости» пространства тесно связан такой параметр, как **доступность / труднодоступность пространственных**

объектов. В этой оппозиции маркированным оказывается второй элемент. Выше отмечалось, что идея труднодоступности – в паре с идеей удаленности объекта – может быть реализована с помощью образа **мужчины**, ср. контекст, мотивирующий топоним *Дедков Бор* (противопоставленный названию *Бабкин Лес*) – «В Бабкин Лес бабки по красули бегали, а в Дедков Бор не сразу попасть можно, там чабра такая, только мужик в болотниках пройдёт» (пример такого рода единичен: как было отмечено выше, это объясняется тем, что функциональная сфера, связанная с деятельностью мужчины, очень широка).

Для обозначения труднодоступных объектов используется также образ **собаки**. Смысл таких топонимов – «место, куда может добраться (забраться, залезть) только собака», ср.: ур. *Собачий Пролаз* – «Такие дебри, тут только собаки пролезти и могли» [Чаг, Мегрино], прт. *Собачья Лазея* – «Узкое, только собака пролезет» [Влгд, Кубенское], порог *Собачье Горло* – «Всё завал такой, собака не проплывет» [Пин, Вонга], бол. *Собачье* – «Собачье потому, что по нему могла только собака пройти», «Топучее болото, только собака пролезет» [Ваш, Коптево, Троицкое], лес *Собачий Пролаз* [Холм], ур. *Собачьи Пролазы* [Выт, Устюж]. С этим вариантом семантического наполнения *собачьих* топонимов оказывается тесно связанным другой смысл, который могут реализовывать *собачьи* названия, нередко становящиеся экспрессивными обозначениями опасных, гиблых или бесперспективных в хозяйственном отношении мест, ср.: оз. *Собачье* – «Худое место» [Мез, Долгощелье], пок. *Собачино* – «Плохое место, руками косили» [Котл, Пустошь], яма *Сучья Дыра* – «Плохо замерзает, тонут там часто» [Нянд, Монастырский Остров], уч. р. *Собачья Дыра* – «Гибло место такое», «Собачья Дыра страшное место, там не проплывали без муки» [Мез, Целегора], оз. *Собачья Дыра* – «Кругло озеро, дна нет» [Холм, Осередок], прт. *Собачий Пролит* – «Лодки там переворачивались» [Некр, Гумнищи] и др.

Если с помощью образа собаки маркируется именно труднодоступное место, то образ **медведя** имеет более синкретичный характер, маркируя удаленное, необжитое и труднодоступное пространство (см. рубрику «Ближний – дальний»). Использование образа медведя для реализации этих смыслов мотивировано представлением о нем как о хозяине леса (ср. эвфемистическое именование медведя *хозяином*, пословицы типа «Хозяин в дому, что медведь в бору» [Даль II, 311] и т. п.).

Таким образом, труднодоступные объекты означаются в русской топонимии как **мужские**, **собачьи** и **медвежьи** (напомним, что близкие к дому объекты кодируются с помощью образов **бабы**, **кошки** и **курицы**). Значимость противопоставления «медвежьего» и «куриного» пространств хорошо передается пословицей «Не та земля дорога, где медведь живёт, а та, где курица скребёт» [ПРН II, 249]. В то же время необ-

ходимо отметить, что идея труднодоступности редко воплощается в топонимическом материале: если объект труднодоступен, то он и не нуждается в имени.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что концептуально значимым для русской топонимии оказывается противопоставление обжитого, одомашненного и необжитого, труднодоступного пространства. Важно отметить, что именно последнее (а не первое) воспринимается как собственно пространство, эталонное пространство. Что имеется в виду?

В. Н. Топоров отмечает отчетливость отражения в русском слове *пространство* «идеи прогрессивно нарастающего развертывания, расширения»: внутренняя форма этого слова (**pro-stor-: *pro-stirati*) апеллирует к таким смыслам, как «вперед, вширь, вовне»; по мнению этого автора, «в традиционной русской модели мира с пространством связывалась именно воля, предполагающая экстенсивную идею, лишенную целенаправленности и конкретного оформления (туда! прочь! вовне!) ...», ср. державинский вариант: «Зачем же в Петрополь на волю ехать страсть, С пространства в тесноту, с свободы за за-творы ...» (разрядка В. Н. Топорова) [Топоров 1983, 239; об этом см. также: Булыгина, Шмелев 1997, 485–486]. Вот эта идея разворачивания вовне (равно как и идея отделенности, отдельности пространства⁶⁵) выражена именно в структуре ментального образа необжитого пространства, который эксплицируется по данным русской топонимии. Отсюда следует, что необжитое пространство есть пространство *par excellence*⁶⁶. Ср. противопоставление обжитого локуса и простора, трактуемого как необжитое пространство, в русских народных пословицах: «В тесноте люди живут, а на просторе волка гоняют»; «В тесноте люди песни поют, на просторе волки воют» [ПРН II, 493].

В то же время обжитое пространство конституируется функционально (см. гл. III настоящей книги).

⁶⁵ Значимость идеи отделенности, ограниченности пространства подчеркивается тем, что во многих случаях само пространство означает по этому принципу. Ср. факты, приводимые В. Н. Топоровым: др.-инд. *rájas* ‘пространство’ при *rjáti* ‘простирает’, из и.-е. **rēg* ‘резать, проводить линию, очерчивать’ (и, следовательно, ‘отделять, изолировать’); ср. лат. *regiones* ‘небесные линии’, проводившиеся во время гаданий римскими авгурами, но и обозначение определенного пространства, р е г и о н а (ср. *regio*) [Топоров 1983, 239].

⁶⁶ Связь представления о пространстве и идеи пустоты, незаполненности хорошо демонстрирует немецкий язык, в котором прослеживается родство *Raum* ‘пространство’ и *räumen* ‘освобождать, очищать, убирать’ [БНПС II, 235; EWD, 1090–1091].

5. ХАРАКТЕРИСТИКА МЕНТАЛЬНОГО ОБРАЗА ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ ТОПОНИМИИ

В ходе предыдущего изложения были выделены концептуальные основы формирования тех или иных пространственных параметров. В настоящем разделе дается итоговое описание концептуальных установок, определяющих ментальный образ пространства.

Сначала представим в общем виде сетку параметров, которая организует систему пространственных представлений, эксплицируемых по данным русской топонимии.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ

По представленности субъекта наблюдения и точки отсчета:

I. Точка отсчета – наблюдатель.

1. По проявленности /имплицированности субъекта наблюдения:

А. Позиция наблюдателя эксплицирована (ориентация «от себя»).

По уровню организации системы ориентации:

а) «наивная» (субъективированная) ориентация:

д и с т а н ц и я :

далеко – близко

начало – конец

к о о р д и н а т ы т е л а в п р о с т р а н с т в е :

справа – слева

спереди – сзади

вверху – внизу

б) объективированная ориентация:

стороны света.

Б. Позиция наблюдателя имплицирована (ориентация «от объекта»).

2. По направленности ориентации:

а) центростремительная

б) центробежная

3. По координирующему механизму:

а) объектокоординирующая

б) автокоординирующая

II. Точка отсчета вынесена вовне (при привязке к гидрообъектам)

верхний – нижний

правый – левый

голова – хвост

III. Точка отсчета нерелевантна для наблюдения:

вблизи, рядом с чем-либо

по какой-либо линии (длине, ширине, окружности чего-либо)

в пределах чего-либо, между чем-либо

вместе – отдельно

ОХВАТ МЕСТНОСТИ

1. По объему охвата местности:
векторный
панорамный
2. По характеру сцепления элементов пространственной картины мира:
дробное – целостное
расчлененное – комбинаторное представление пространственных объектов.
3. По вовлечению пространственной горизонтали / вертикали:
вертикальное
плоскостное видение местности

ПРОТЯЖЕННОСТЬ

длинный – короткий
меры длины

ОБЖИТОСТЬ ПРОСТРАНСТВА ЧЕЛОВЕКОМ

обжитое – необжитое
доступное – труднодоступное пространство

Данная сетка дает структуру топонимической картины пространства. Охарактеризуем ее содержание.

I. Наивный фундамент и хозяйственная обусловленность пространственных представлений. «Наивность» представлений о пространстве проявляется разными способами.

- При определении местоположения географической реалии в пространстве используются параметры автоориентации, тесно связанной с пространственным положением человеческого тела. Это, во-первых, дистанционный параметр *далеко – близко* (и связанный с ним *начало – конец*), во-вторых, заданные трехмерностью пространства параметры *вверху – внизу, справа – слева, спереди – сзади*. Ярчайшим проявлением развитости системы автоориентации может служить использование в качестве пространственных маркеров слов с самой высокой степенью дейктичности – указательных и притяжательных местоимений (*тот, здешний, наш, свой* и др.).

Вследствие существования наивного субстрата пространственных представлений, привязанных к положению тела в пространстве, параметры автоориентации работают преимущественно в микротопонимии. При макротопонимическом картировании местности происходит дисбаланс связей между фигурой наблюдателя и географическими объектами.

- Наивность системы ориентации в пространстве проявляется также в том, что абстрагированная система ориентации по сторонам света базируется на наивном субстрате: наиболее значимым становится север-

ное направление, отмеченность которого мотивируется метеорологическими – и, в конечном счете, хозяйственными факторами. Они же обуславливают появление в топонимической системе ориентации маркеров, связанных с направлением ветра.

- Наивно-антропоцентрическая обусловленность восприятия пространства определяет появление непространственных способов выражения пространственных отношений. Данный процесс предполагает возникновение коннотаций локального плана у лексем, исходная семантика которых не включает пространственных компонентов (*баба, кошка, курица, петух, собака, медведь*). Эти лексемы фиксируют перетекание функционально-ролевой специализации в локативную.

- Немаловажно отметить также приемы наивной метрологии: а) измерение пространства через скорость его преодоления (*Скоропостижные, Скородум*); б) измерение расстояния голосом (*Зычное, Подзаголос*); в) измерение глубины наивно-«анатомическим» способом (*Безоштянка, Оголигузки*).

- Специфика отбора используемых топонимией параметров ориентации указывает на то, что определенную роль при формировании этих параметров играют сами условия осуществления человеком пространственной ориентации, в частности, условия определения сторон света по положению солнца, наблюдения за которым осуществляются в светлое время суток: этим объясняется преобладание *полдневных* топонимов над *ночными* – тем более симптоматичное, что в синонимичных этой паре биномах *летний – зимний* и *южный – северный* лидируют *зимние* и *северные* названия; показательно также приобретение локативной семантики словами, обозначающими приемы пищи, которые производятся в летнее время на поле или на покосе.

- В описываемом топонимиконе весьма активны названия, отражающие идею границы освоенного в хозяйственном плане пространства (*последние, рубежные, крайние* и т. п. топонимы).

II. Ограниченность пространственного горизонта. Дробность восприятия пространства.

- Если считать, что топонимикон организован по принципу матрешки, включающей в себя несколько топонимических поясов с разным «масштабом» (степенью конкретности /абстрактности) изображения местности, то следует признать, что топонимия фиксирует выбор в качестве посредников при ориентации ориентиров «местного значения», входящих в первую-вторую зоны топонимической абстракции. Эта ситуация (аналог которой можно найти в логике конструирования системы ветрообозначений) свидетельствует о суженности пространственного горизонта носителей топонимической системы.

Расширение пространственного горизонта наблюдается в топонимии поморов, где могут быть использованы, например, ориентирующие маркеры *русский* и *немецкий*, что говорит об умении привязать близкие к номинатору объекты к отдаленным ориентирам.

- О суженности пространственного горизонта свидетельствует специфика номинации дорог. Несмотря на статус дороги как объекта-ориентира *se ipsum*, ориентирующие наименования не играют ведущей роли в системе обозначений дорог; в том случае, когда такие наименования все же появляются в системе, они отражают лишь узколокальные ориентиры.

- Показательны также особенности выбора объектных «приоритетов» (т. е. источников переноса) при разворачивании метонимических связей. Если на раннем этапе формирования топонимической системы Русского Севера метонимические связи разворачивались преимущественно «от реки», то на поздних стадиях функционирования этой системы приоритетными стали точечные объекты – в первую очередь, населенные пункты.

- В современном топонимиконе все более явно дает о себе знать тенденция к «монотопонимизации» – выделению в отдельной локальной топосистеме объекта, являющегося единственным представителем данного класса географических реалий; соответственно его наименование становится «родовым» (т. е. географический термин, положенный в основу топонима, не приобретает при топонимизации конкретизирующих определений). Так появляются названия типа оз. *Озеро*, бол. *Болото*, р. *Речка*, которые зачастую накладываются поверх утративших актуальность «видовых» названий. Иногда квазионимия такого рода становится основой формирования вновь возникающих в настоящее время топосистем⁶⁷. Однако данная тенденция характерна не только для современных топонимиконов, но и для начального этапа формирования топонимии (известно, что в архаичных топосистемах разных народов встречаются названия, образованные от географического термина без дифференцирующих определений), поэтому можно говорить о своеобразной «синусоиде», определяющей действие указанной тенденции. Монотопонимизация также работает на описываемую концептуальную особенность севернорусской топонимии (ограниченность пространственного горизонта).

- В этом же русле следует трактовать тенденцию к номинативному дроблению линейных топообъектов (в первую очередь, рек), проявляющуюся в деактуализации названия всей реки, заменяемого наимено-

⁶⁷ Ср. названия основных топообъектов вокруг пос. *Северный* [В-Уст]: оз. *Водоем*¹, оз. *Водоем*², поле *Поле*, бол. *Болото*, пок. *Пожня*¹, пок. *Пожня*².

ваниями отдельных ее участков, связанных, как правило, с обозначением соответствующей деревни или церкви. Для субъекта номинации оказываются неактуальными попытки целостно представить линейный топообъект, восстановить целое по его части.

- Еще один процесс, тесно связанный с двумя предыдущими, состоит в том, что одни и те же географические реалии (или их части) параллельно осваиваются различными локальными топонимическими системами, в результате чего фрагменты таких топосистем (функционирующих, к примеру, в речи жителей соседних населенных пунктов) оказываются несовместимыми друг с другом. Степень такой несовместимости может увеличиться в том случае, когда носители различных топосистем по-разному членят собственно денотативный континуум топонимии, что проявляется в несовпадении представлений о границах самих географических объектов (например, то, что для одних является трехэлементной цепочкой *река – озеро, куда она впадает – вытекающая из озера река*, может восприниматься другими как один целостный объект). Так создается мозаичность топонимического континуума, которая в определенной мере объясняется узостью пространственного горизонта носителей топонимической системы. По нашим наблюдениям, степень изоляции смежных локальных топонимических систем друг от друга со временем возрастает.

- В современной топонимической системе весьма редкими являются случаи комбинации пространственных образов, за которыми стоит стремление увидеть в них части целого, детали картины, элементы ситуации; преобладает расчлененная подача пространственных образов.

- В рамках действия этой же тенденции (сужения пространственного горизонта) следует трактовать резкий перевес топонимических фактов, связанных с плоскостным видением местности, над фактами, отражающими высотное видение.

III. Жесткая заданность центра освоения пространства. Закрепленность позиции номинатора.

- В проекции на реальное географическое пространство топонимический континуум имеет различную плотность на разных своих участках: наибольшая плотность наблюдается в зоне номинативного центра, которым обычно является населенный пункт, наименьшая – на периферии, по мере удаления от населенного пункта.

- Центр номинативного освоения пространства выделяется в топонимическом континууме не только количественно, но и качественно: в центре преобладают панорамные номинации, соответствующие такому типу освоения пространства, как карта-обозрение (панорамность проявляется в активном использовании разного рода связей топонимов друг с

другом – метонимических, словообразовательных, семантических, предложно-падежных конструкций, беспредложных ориентированных наименований). Периферия характеризуется уменьшением количества панорамных номинаций и ростом числа векторных названий, реализующих такой тип освоения пространства, как карта-путь.

- О жесткой заданности номинативного центра, совпадающего с типовой позицией наблюдателя, говорит наличие дейктических номинаций, которые обретают дистинктивные возможности только благодаря закреплённости, статичности позиции номинатора. Дейктические номинации позволяют вычислить «адрес» номинативного центра (на него недвусмысленно указывают названия типа *Ближнее, Наш, Зады* и т. п.).

- Позиция наблюдателя в подавляющем большинстве случаев закреплена в населенном пункте, вследствие чего можно говорить о «домоцентрическом» механизме освоения пространства как фундаментальном принципе пространственного мышления крестьян Русского Севера⁶⁸. В редких случаях позиция наблюдателя переносится в другие точки: так, система обозначений рыболовных тоней свидетельствует о том, что ряд объектов был номинирован «с воды»; крайне редко номинативным центром становится лес. Оговоримся: сказанное не означает, что при номинации географических реалий наблюдатель обязан «физически» находиться в четко определенной точке пространства – к примеру, в деревне (многие объекты попросту будут находиться вне поля его зрения). Дело не в конкретном физическом положении номинатора, а в том, как проявляется его позиция в результатах номинативной деятельности (например, при номинации далеких лесных ручьев, не попадающих в поле зрения наблюдателя, «физически» находящегося в населенном пункте, могут быть привлечены ориентационные маркеры *правый – левый*, специфика использования которых свидетельствует о номинативном освоении объекта по вектору, заданному из населенного пункта, от дома, жилища номинатора).

⁶⁸ В задачи настоящей работы не входил анализ пространственной ориентации по данным субстратной топонимии, однако есть все основания предполагать, что картина будет иной (некоторые подтверждения тому приводились в ходе предшествующего изложения). Ср. также выводы О. В. Мищенко, проанализировавшей семантику севернорусских исконных и заимствованных географических терминов, обозначающих лесные локусы: «У заимствований выявилась прагматическая семантика, связанная с маршрутным восприятием пространства, для которой характерны такие компоненты, как “движение” и “дальняя ориентация”. В семантике исконных лексем, наоборот, обнаружилось указание на ориентацию по освоенному пространству и ограничение пространства социальными рамками» [Мищенко 2000, 15].

- Освоение пространства, как правило, предполагает центробежное разворачивание пространственных связей, за которым стоит расширение зоны освоенных объектов по вектору, заданному из центра. Значительно реже в топонимии проявляется центростремительная направленность ориентации, отражающая стремление более подробно картировать уже освоенный участок территории, возвращаясь от известного объекта назад по вектору, направленному к номинативному центру.

- Закрепленность позиции номинатора способствует созданию объектокоординирующих названий, во внутренней форме которых содержится указание на локализацию объекта в пространстве. Весьма редко в топонимической системе появляются автокоординирующие номинации, способствующие выявлению местонахождения самого номинатора относительно известного ориентира. Маргинальность таких топонимов обусловлена необычностью ситуации, при которой позиция номинатора переносится в зону самого объекта.

IV. Относительная пассивность идеи передвижения при формировании пространственных представлений. Закрепленность позиции номинатора сочетается с реализацией идеи передвижения при формировании пространственных представлений.

- Идея передвижения реализуется с помощью *куда (откуда)*-топонимов (ср. конструкции с предлогами *в, до, за, из, из-под, к, на, от, под, с, через*), названий, в семантике которых содержится указание на определенный участок пути (*Половинница*), топонимов, служащих своеобразными путевыми вехами (*Путевой*), а также наименований, отражающих попытку измерения пространства через скорость его преодоления.

- Потребность свободы передвижения определяет установку на использование не более одной ориентационной оси при формировании системы координационных параметров. Совмещение двух осей, наблюдаемое при использовании параметра *правый – левый* (не в гидрографической, а в наивной народной системе ориентации) лишает наблюдателя свободы перемещения, чем обусловлена низкая активность данного параметра в топонимации.

В целом следует отметить сравнительно невысокое количество названий, реализующих идею передвижения и, соответственно, относительную пассивность данной идеи при формировании пространственных представлений.

V. Линейность освоения пространства. Река как организатор пространственных связей. Пространство осваивается не фронтально, а линейно (радиально) – по линиям, отражающим вектор заселения или хозяйственной деятельности.

- В топонимии Русского Севера представлены многочисленные наименования типа *Дальний, Конец, Угол, Крайний* и т. п. без определяемого или определяющего слова. Ориентирующая «достаточность» таких названий обеспечивается только в том случае, когда задана линия, вдоль которой располагаются топообъекты, линия, которая становится организатором пространственных связей.

- В изучаемом топонимиконе видное место занимают названия, содержащие привязку объектов к реке (ср. топонимы, образованные от апеллятивов *верхний – нижний, правый – левый, голова – хвост*). Река является не столько центром освоения пространства (привязки к реке зачастую относительны: к примеру, *верхний* = ‘находящийся выше населенного пункта по течению реки’), сколько организатором пространственных связей, так как с рекой связана объективированная система ориентации, заданная естественной сориентированностью самого объекта. Особая значимость рек как организаторов пространственных связей на Русском Севере мотивируется тем, что данная территория является речной, изобилуя малыми, средними и крупными реками.

В редких случаях роль организатора пространственных связей берет на себя дорога (ср., например, ситуацию с *головами* и *хвостами*, которые могут быть сориентированы по направлению дороги).

- Линеарность проявляется и в существовании оппозиции *внутри – в стороне*. *Сторонние* объекты находятся в стороне от освоенной магистрали, *внутренние* – в пределах освоенного пространства.

VI. Качественная неоднородность пространства.

- В топонимии отражено противопоставление обжитого и необжитого пространства. Первое осмысливается функционально, представая как сумма используемых в хозяйственной практике угодий; представление о втором включает в себя такие признаки, как «незаполненное», «отграниченное, не контактирующее с человеком», «потенциально таящее опасность», «лесное», «неодомашненное», «свободное, открывающее возможности для освоения». Необжитое пространство является эталонным пространством, поскольку характеризуется способностью разворачиваться вовне и отделенностью.

- Топонимической системой Русского Севера выработаны особые способы указания на специфику локуса, возникшую вследствие ценностной «разметки» пространства: речь идет о зонах, которые воспринимаются как «святые», «страшные» и т. п. Выделение таких зон происходит параллельно хозяйственному освоению пространства.

- На качественную неоднородность пространства указывает неравновесность, асимметричность равноправных с логической точки зрения ориентационных параметров: преобладание *задних* топонимов над *пе-*

редними свидетельствует о специфике заселения территории; перевес *верхних* названий (в «высотном», а не «речном» значении) над *нижними* отражает типичное положение тела в пространстве; лидирование *дальних* топонимов в паре *дальний – ближний* связано с их большими дистинктивными возможностями и т. п.

Глава III

ЧЕЛОВЕК И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ: ПРОЦЕССЫ ИНТЕРАКЦИИ

Как уже говорилось, топонимическая концепция пространства оказывается представленной в нескольких разворотах, среди которых не только ментальный образ географического пространства, но и характеристика пространственных объектов через призму осваивающей деятельности человека. Если в первом случае предмет анализа – специфика виденья локуса через призму топонимической номинации, то здесь рассматриваются особенности обживания пространства. Осваивающий субъект, предстающий в первом случае как субъект наблюдения или ориентации, в данной ситуации репрезентирует себя как субъект действия, чувства или мысли.

В данной главе будут анализироваться названия, отражающие динамическую сторону взаимодействия субъекта и ландшафтных реалий.

1. К вопросу об отражении взаимодействия человека и географических объектов в русской топонимии

Проявления личности человека в создаваемых им именах исключительно разнообразны и могут быть исследованы в различных ракурсах и на различных срезах. Поставив перед собой задачу изучения взаимодействия человека и пространственных объектов, мы должны выбрать материал, который бы отражал не отстраненно зафиксированное свойство реалии, а поданное в связи с человеческой деятельностью, не результат, а сам процесс интеракции. Проиллюстрируем это положение.

Гидронимы *Быстрая* и *Деринога* («Быстро очень течет» [Влгд, Карцево]) характеризуют скорость течения воды в реке или ручье, однако это свойство представлено во внутренней форме топонима *Быстрая* вне связи с попытками человека преодолеть соответствующий объект, а во внутренней форме названия *Деринога* – в связи с ними. Аналогичные отношения существуют в паре топонимов г. *Крутая* и г. *Опрокидни* («Там угоры, опрокид такой крутой, трудно взобраться» [В-Уст, Пополутково]). Сказанное не означает, что названия вроде *Быстрая* или *Крутая* появились при сугубо созерцательном поведении субъекта номинации; вполне вероятно, что эти свойства были отмечены человеком именно в «тесном контакте» с географическими реалиями, но всё это осталось за рамками вербализованного знания, в то время как при соз-

дании названий *Деринога* или *Опрокидни* сама ситуация контакта входит в номинативный «кадр».

Другой вариант подобных отношений зафиксирован в парах ур. *Крестовая* («Крест стоял» [Нянд, Лужная]) – г. *Богомоленная* («Там молились люди, завидя церковь на следующем холме» [Кир, Коковановская]), г. *Вышка* («Вышка там стояла» [Тарн, Заборье]) – г. *Глядёново* («Всю местность оглядеть можно» [В-Т, Ереминская]). Названия *Крестовая* и *Вышка* даны географическим реалиям по соответствующим сооружениям. У креста молятся, с вышки осматривают окрестность, однако эта деятельность не отражается в самих топонимах – так, как это имеет место в названиях *Богомоленная* и *Глядёново*.

В данной главе будут анализироваться топонимы, которые связаны с характеристикой динамической стороны представления субъекта в географических названиях, взаимодействия человека и ландшафтных объектов. Такие топонимы предлагается называть интерактивными. При этом в поле нашего зрения не попадут обширные группы названий, традиционно рассматриваемых в связи с реализацией принципа номинации «от человека»: посессивные наименования; топонимы, отражающие социальный статус человека и социальные отношения; названия, связанные с вероисповеданием, родом занятий жителей и т. п. Культурно-историческая ценность таких топонимов несомненна (равно как и названий тематических групп «виды построек», «промысловый инвентарь», «транспортные средства» и т. п.), но они нацелены преимущественно на характеристику самого человека и результатов его труда, а не на отражение процессуальной стороны взаимодействия человека и пространственных объектов.

Подборка интерактивных названий небесполезна в плане привлечения внимания к этому материалу, который обычно остается в тени при осуществлении семантических классификаций топонимов: названия такого типа относительно немногочисленны, что обрекает их на маргинальное положение при классифицировании. Кроме того, для интерпретации многих топонимов из этого ряда необходимо хорошее знание обстоятельств создания названия, которое невозможно получить в «кабинетных» условиях. Показательны приводимые А. К. Матвеевым топонимы *Дусины Лепешки* и *Федина Молодость*: для уяснения смысла первого из них следует учесть историю о ленивой Дусе, свалившей в одно место семенной картофель, вследствие чего выросли в тесноте не картофелины, а «лепешки»; второе название становится понятным, если знать, что пахавший поле тракторист Федя распевал одну и ту же песню – «Наша молодость, ребятушки...» [Матвеев 1992, 57–58].

Трудности при интерпретации «интерактивных» названий усугубляются тем, что они далеко не всегда укладываются в рамки традицион-

но выделяемых принципов номинации¹: 1) номинация по связи объекта с человеком; 2) номинация объекта по отношению его к окружающим объектам; 3) номинация объекта по его собственным свойствам и качествам. Данный набор принципов, предложенный Н. Б. Ковалевой [1971; 1976], активно используется в работах по семантике топонимов [Иванова 1993, 72–123; Гордеева 1997; Кабинина 1998, 37–66; Овчар 1991; Смирнов 1997, 14–24; Фомин 1985; Чернышова 1988, 134–149 и др.]). В самом деле, куда отнести название г. *Кряхтунья*: к топонимам «от человека» (ведь здесь запечатлены его действия) или к названиям «от объекта» (ведь соответствующие действия человека обусловлены реальными свойствами объекта). Вопрос о том, на чем будет базироваться классификация – на «причине» (высоте горы) или «следствии» (кряхтении человека) – кажется казуистическим, но неоднозначность возможных решений как раз и обуславливает выпадение названий такого плана из поля зрения исследователей.

Вообще, при пользовании данной типологической сеткой среди исследователей нередко возникают разночтения. По-разному можно рассматривать проблему классифицирования моделей семантической группы «местоположение объекта». По мнению Н. Б. Ковалевой, названия этой группы (*Центральная Улица, Нижние Луга, Третье Поле* и т. п.), должны быть отнесены к третьему типу [Ковалева 1976, 14]; однако вполне логично было бы включить топонимы такого рода во второй тип: они обладают высокой степенью семантической «релятивности», так как в их семантике с необходимостью заложено указание на связь с другими объектами (такими соображениями, очевидно, руководствуются Н. В. Овчар, А. А. Фомин и Т. В. Чернышова [Овчар 1991, 65; Фомин 1985, 69–70; Чернышова 1988, 131–132], которые помещают модели группы «положение в пространстве» во второй номинативный тип)².

¹ При всей своей популярности эта схема отнюдь не является единственной, ср., например, типологическую схему, используемую в работах О. Т. Молчановой и Л. Г. Гулиевой, которые распределяют топонимический материал по лексико-семантическим группам, сводимым к 5 крупным понятийным зонам (областям, фасетам): I. *Человек*; II. *То, что можно ощутить, воспринять, запомнить, осознать*; III. *Фауна и все, что с ней непосредственно связано*; IV. *Флора и все, что с ней непосредственно связано*; V. *Неорганический мир, вещества* [Гулиева 1990, 44; Молчанова 1984, 150].

² Появляются проблемы также при попытке разграничения топонимов второй и третьей группы. Отнесение названий ко второму принципу номинации основано на рассмотрении различных взаимоотношений между объектами, к третьему – на учете собственных свойств объекта. Возникают весьма казуистические вопросы: что понимать под объектом? как определить его границы? насколько «однородным» он должен быть? Возьмем, к примеру, реку,

Вопросы такого рода не являются сугубо «буквоедскими», как это кажется на первый взгляд: логичные и максимально непротиворечивые сетки необходимы для сопоставления данных, полученных в результате семантической параметризации топонимиконов различных территорий.

Иногда исследователи изобретают для интерактивных названий особую классификационную рубрику, которая никак не отражает их смысловое наполнение, но подчеркивает низкую частотность в топонимической системе. Подобный вариант, в частности, предлагается Н. К. Фроловым: осуществляя семантический анализ русской топонимии Тюменского Приобья, автор выделяет различные ЛСГ топонимов (например, «Названия, выражающие понятия духовной культуры», «Фаунистические названия» и т. п.); не вошедшие ни в одну из основных ЛСГ топонимические факты предлагается собрать в ЛСГ «Нерегулярные названия» [Фролов 1996, 102]. Таким образом, эта ЛСГ должна быть заполнена топонимами, «не поддающимися предметно-логической систематизации. Явление обособленности в таком случае может стать общим дифференциальным признаком единичных топонимических номинаций ... Не менее важной чертой нерегулярных названий является их потенциальная окказиональность, логическая противопоставленность узуальным наименованиям. В их возникновении главную роль играет какое-либо событие, случай, ошибка, переосмысление субстрата и т. п., что в итоге приводит к функционированию раритетных топонимических

берега которой заросли кустарником. Следует ли считать, что это один объект, или же перед нами два объекта? По мнению Н. В. Подольской, гидронимы типа *Березовая, Ивнянка, Суходрев* являются метонимическими именами, возникшими в результате переноса имени с одного объекта на другой [Подольская 1988, 82], – таким образом, эта логика подразумевает наличие в рассматриваемом случае двух объектов и отнесение названия реки *Ивнянка* ко второму номинативному типу. Примерно этой же логики придерживается А. А. Фомин, считающий название оз. *Сосновое* принадлежащим ко второму типу, обосновывая это возможностью рассмотрения бора как отдельного объекта, связь с которым закреплена в названии. В то же время он признает условность такого отнесения, отмечая невозможность четко определить – на признак или на отношение указывают эти названия [Фомин 1985, 71]. Степень казуистичности данного вопроса можно увеличить, поставив его так: что делать, допустим, с названием оз. *Камышовое*, если камыш растет не по берегам озера, а непосредственно в нем? как быть с названием бол. *Осиновое*, если осинник произрастает в самом болоте? и вообще: как классифицировать названия «сложных» объектов – заболоченных озер, поросших кустарником болот и т. п.? Н. В. Овчар и Т. В. Чернышова относят «флористические» названия такого рода к третьему принципу номинации (*свойства и качества самого объекта*) [Овчар 1991, 63], однако, как мы видели выше, данное решение разделяется не всеми исследователями.

образований, нарушающих действующие в топонимической системе семантико-словообразовательные эталоны производства топонимов» [Там же]. В качестве примеров приводятся следующие топонимы: прт. *Потоскуй* (название связано с длительным ожиданием переправы), р. *Потрошино* (названа по месту первичной обработки рыбы), д. *Уфан* (сокращенно *Уральский филиал Академии наук*), р. *Винный Ручей* (в этом месте затонула баржа с вином) [Там же, 103].

Позволим себе вступить в развернутую полемику с данной точкой зрения, поскольку вопрос имеет методическую значимость.

Начнем с примеров.

Название протоки *Потоскуй* имеет параллели в топонимии других территорий: пок. *Потоскуй* – «Самый конец покоса» [К-Б, Карзавинский Хутор], луг *Растоскуй* [Шенк], д. *Потоскуево* [Камен], д. *Тоскуево* (неоф.) [Меж]. Топонимы, образованные от глаголов *тосковать* (*потосковать*) перекликаются с названиями, созданными на базе апеллятивов *тужить*, *терпеть горе*, *беда*, *тошнота* и т. п. (топонимический ряд представлен в нижеследующей идеографической классификации, см. раздел «Эмоции, эмоциональные состояния в связи с освоением географического объекта»). Однако представленную выше аргументацию несколько ослабляет то обстоятельство, что ойконимы *Тоскуево*, *Потоскуево* могут иметь отантропонимическое происхождение.

Наименование р. *Потрошино*, хоть и не имеет точного аналога в нашем материале, всё же не остается одиноким: оно включается в группу топонимов, образованных от апеллятивов *ловить (рыбу)*, *бухать*, *торбать*, *удить*, *щелкать (рыбу)* и др. (см. раздел «Хозяйственные работы»).

Топоним *Уфан* обозначает населенный пункт (возможно, дачного типа), где проживают сотрудники Уральского филиала АН (ср. название леса *Уфанский* в топонимии Ревдинского района Свердловской области: этот лес находится около пионерского лагеря для детей сотрудников УФАНа). Таким образом, топоним указывает на связь населения с определенной организацией. Ничего окказионального с точки зрения семантики в этом топониме нет: он может быть вписан в один ряд с названиями типа пос. *Горняк* или пос. *Академический*, в изобилии появившимися в нашей ойконимии в течение последних 60–70 лет. В таких топонимах можно усмотреть продолжение той номинативной линии, которая была заложена в наименованиях типа *Ямская Слобода*, *Пушкарская Слобода* и т. п. Нетрадиционно в данном случае только словообразование – хоть и оно не новость для системы русских географических названий XX в., ср. вполне освоенные в крестьянской топонимии сокращения типа *МТС* (< *машинно-тракторная станция*, которая в речи превращается в *Матаса*), *КПП* (< *комплексно-приемный пункт*) и др.

Но ведь предлагаемая классификация должна строиться на семантических основаниях – почему в ней учитываются словообразовательные раритеты?

Название *Винный Ручей* и подобные – тоже не редкость для русской топонимии, ср.: руч. *Винный Ручей* – «Мужик закупил вино на свадьбу, споткнулся и разбил» [Бел, Мыстино], руч. *Винный* – «Машина с водкой разлилась» [Ревд, Кунгурка]; ср. и другие мотивировки: руч. *Винный Ручей* – «Хороша водичка в нем» [Мез, Усть-Няфта], р. *Винный* – «Вода вкусна» [Туг, Щелконогова], г. *Винные Горки* – «Стоят в беспорядке, как пьяные» [Карг, Кречетово] (помимо этих, 12 *винных* названий на территории Русского Севера и Урала зафиксировано без мотивировок). Мотив опрокидывания машины с водкой, затопления баржи с этим напитком и т. п. встречается и в связи с топонимами, образованными от апеллятивов *пьяный, кабак*: руч. *Пьяный Ручей* – «Пьяным зовут потому, что туда машина с водкой упала, – и все разлилось» [Выт, Сидорово], г. *Пьяный Угор* – «Машина оборвалась, вино-то в речку пролили» [В-Важ, Герасимовская], руч. *Кабачок* – «Туда машина с водкой пролилась, ручей и потек» [Некр, Бор]. Не странно ли, что так часто переворачиваются транспортные средства, везущие именно водку, но участь эта не постигает транспорт с другими грузами?

Не строя внаучных предположений о причинах водочных аварий, укажем (*cum grano salis*), что этот сюжет можно считать легендой нового времени: в русском фольклоре был распространен мотив молочных рек с кисельными берегами, рек из пива, меда, вина и водки и т. п. [МНМ 2, 376; Афанасьев 1994 I, 376]³. Сейчас подобные мотивы получают новую жизнь, оборачиваясь представлениями о том, что «демиургами» водочных рек являются водители грузовиков с водкой. Легенды такого рода появляются для объяснения *винных, пьяных*⁴ и т. п. гидронимов, которые могут быть мотивированы другими признаками: ‘извилистый (о русле реки)’, ‘вкусный, пригодный для питья (о воде в реке)’, ‘пьянящий (о запахе пахучих трав)’ и др. Таким образом, *винные*

³ Ср. также бытовавшее у западных и восточных славян верование, что один раз в году вода в водоемах превращается в вино [СД 1, 373]; сюда же можно подключить распространенный у индоевропейских народов миф о небесных сосудах (пиршественных кубках), из которых боги изливают на землю различные напитки: с помощью этого мифа объяснялось происхождение земных вод [Афанасьев 1994 II, 170].

⁴ Кстати, не очень понятно, почему *Пьян-река* у Н. К. Фролова попадает в ЛСГ «Названия, выражающие понятия духовной культуры» (семема «культовые мотивы») – наряду с *Шайтанкой* и *Святым Мысом* [Фролов 1996, 101]. Предполагается, что на берегах реки происходили ритуальные распития спиртных напитков?

топонимы отнюдь не должны считаться раритетами в топонимической системе. Ситуативная мотивировка для них, скорее всего, вторична (первичность такой мотивировки более вероятна для некоторых *пьяных* названий, см. раздел 'Досуг').

Подробный разбор топонимов из сконструированной Н. К. Фроловым ЛСГ «Нерегулярные названия» показывает, что они вполне вписываются в логику топонимического картирования действительности. Вообще, представляется логически и методически некорректным выделять семантические (!) группы с общим дифференциальным признаком обособленности. Если семантика раритетна, то это не сигнал обособленности: не будем же мы «вырезать» *манго* или *киви* из ЛСГ «Фрукты», а *коала* или *шиншиллу* – из ЛСГ «Дикие животные» – на том основании, что редко приходилось сталкиваться с теми и другими, и вряд ли будем группировать подобного рода экзотику в отдельную семантическую «кунсткамеру», выделяемую в ряду других тематических групп, которые составлены на общности базовых сем концептуального ядра значения («коллекционирование» раритетов может иметь только психолингвистическую значимость – для отработки особенностей реализации потенциальных сем 'необычное', 'экзотичное' и т. п.). Тем более – нет оснований для таких процедур в области семантики при нерегулярном словообразовании. И, наконец, при анализе топонимической семантики следует, по мере возможности, дифференцировать ситуации первичной и вторичной мотивации. Если такую дифференциацию не производить, семантическая типология топонимов может быть кардинально перекроена, поскольку носители топонимической системы в большой степени склонны к «легендарному» восприятию окружающего географического ландшафта.

Таким образом, вся ЛСГ «Нерегулярные названия» вполне может быть «разнесена» по другим группам; то, что мы пока не можем однозначно квалифицировать, следует оставить в резерве, который, вероятно, «рассосется» по мере углубления знаний о семантике топонима (составления идеографических словарей, сравнения топонимиконов различных территорий и различных языков и т. п.). По крайней мере, не следует онтологизировать наши (исследовательские) «недоделки», выдавая их за объективные свойства топонимов.

О маргинальности названий типа *Потоскуево* говорит и Н. В. Подольская, которая считает, что топонимы в форме императива являются «нетиповыми, возникшими окказионально» [Подольская 1988, 15]. Однако такой вывод исследовательница сделала на основе анализа малочисленной группы названий – нескольких украинских топонимов типа *Гуляйбалка* и искусственных *Кинь-Грусть*, *Пронеси-господи*. Думается, что «императивная» модель, в активе которой более сотни наименова-

ний только на территории двух областей (подсчеты производились нами для Архангельской и Вологодской областей), не следует причислять к окказиональным – хотя, конечно, некоторые императивы весьма необычны.

В работе Л. Г. Гулиевой, которая сопоставляет семантическую организацию топонимиконов разносистемных языков (русского и азербайджанского), функционирующих на территории Азербайджана, указывается, что в сфере «Человек» славянская часть имеет лакуну, в частности, в виде ЛСГ «Действия и состояния». Вместе с тем славянская часть включает ЛСГ «Места производственной деятельности человека» [Гулиева 1990, 165–166]. Таким образом, в русской топонимии Азербайджана, по мнению автора, деятельность человека представлена не процессуально, не с собственно динамической стороны, не прямо, а косвенно – через обозначение производственных объектов.

Итак, русские топонимы, в которых представлена динамическая сторона взаимодействия субъекта и географических реалий, зачастую не попадают в поле зрения исследователей либо наделяются весьма неопределенным статусом при составлении семантической типологии топонимов. Встает вопрос: насколько типично для русской топонимии изображение географического пространства в связи с разворачивающимися в его рамках ситуациями, событиями?

Наименования, отражающие связанное с объектом событие, встречаются в топонимии многих народов – например, в финно-угорской, кавказской, тюркской, ср. факты, отмеченные в литературе: мыс *Салингхум-кат-пелум-нёл* «мыс, на котором оленевод проколол руку», г. *Нянька-хайдум-сяхл* «гора, где нянька бежала», кам. *Устин-ойка-сяй-айюм-ахвта* «камень, на котором старик Устин пил чай» (манс.) [Витушкина 1971, 109]; *Акантугантал* «тальник, где родился Акан», *Айшагадой-кылган* «место, где Айше устроили свадьбу», *Малахайжогалткан* «где тюбетейку потеряли» (казах.) [Султаньяев 1971, 71]; ур. *Молдаульген* «где умер мулла», ур. *Байбеккашкан* «откуда бежал Байбек», прк. *Бабайульген* «где погиб Бабай» (казах.) [Керимбаев 1984, 185]; *Шайтан Шыккан* «(где) черт вышел», *Йиннинь Казаны Авган Ер* «место, где был опрокинут котел джина» (ног.) [Булгарова 1999, 52]; оз. *Атыр-Олбют* «жеребец пропал» (якут.) [Гриценко 1976, 210]; *Хараринмюг* «впадина, подвергшаяся градобитию» (лезг.) [Ханмагомедов 1990, 16]; *Окийн бог йийнача* «Оки козел убит (зарезан) где был», *Дашо ага дIадоьллина барз* «золотую колыбель (куда) закопали курган» (чечен.) [Сулейманов 1997, 175, 497] и др. Распространенность событийных наименований в топонимии данных народов вполне закономерна, ср.: «Названия, указывающие на какое-либо событие, связаны в большей степени с кочевым бытом в широком смысле этого слова, чем с земледельческим. С другой

стороны, эти названия намного шире представлены в тех топонимических системах, для которых характерны глагольные (причастные) конструкции» [Матвеев 1987б, 7].

Что касается русской топонимии, то для нее причастные конструкции нетипичны, а собственно глагольные конструкции формально являются «императивами», ср.: бол. *Шатай* [К-Б], ур. *Запрягай* [Пин], луг *Болисерцо* [В-Т], лес *Трясиногово* [Чухл], пок. *Сукомнеушибьте* [Шенк], ур. *Неударьголову* [В-Уст], руч. *Деринога* [Влгд], поле *Разломинога* [Плес], пок. *Терпигоре* [Хар], бол. *Разувай* [Баб], лог *Мочинога* [К-Г, Тот], ур. *Сядьпокури* [Он], часть д. *Недаймаху* [Плес], мыс *Здравствуй* [Карг], порог *Растягай* [Холм], ур. *Забегай* [Ирб], луг *Растоскуй* [Шенк] (ср. также примеры, приведенные в работе [Витушкина 1969]) и т. п. Некоторые из императивных топонимов сравнительно частотны: например, на территории Русского Севера насчитывается 22 названия, образованных от апеллятивов *гуляй* и *разгуляй*, ср. географический термин *разгуляй* 'веселое место' [Даль IV, 26]; 25 топонимов созданы на базе апеллятива *голодай*. Другие же выглядят весьма экзотично, ср. название острова *Делайчегохочешь* (параллельное наименование – *Остров Любви* [Бел]). Однако, несмотря на свою «глагольность», конструкции такого рода не являются в полном смысле этого слова событийными, поскольку дают качественную характеристику географического объекта (хотя и субъективированную, отражающую точку зрения эксплуатирующего объект человека): допустим, название *Разломинога* вовсе не обязательно отражает ситуацию реального перелома ноги, случившегося в этом месте, но обозначает неровное (кочковатое, ухабистое) труднопроходимое урочище; топоним *Голодай* называет поле, дающее плохой урожай, или озеро, бедное рыбой (ср. также приведенные выше топонимы *Деринога*, *Разувай*, *Сукомнеушибьте* и т. п.). Иначе говоря, за такими топонимами стоит не реальное событие, а виртуальная ситуация (вследствие определенных качеств объекта здесь можно сломать ноги, проголодаться и т. п.), моделирующая характер взаимодействия с объектом.

Для географических названий, отражающих связанные с объектом единичные события или типовые ситуации, в ономастической литературе иногда используется термин *ситуативный топоним*, ср.: «Ситуативные топонимы издавна облегчали хантам ориентировку на значительных пространствах во время сезонных перекочевов с оленьими стадами, на охотничьих и рыболовных маршрутах, способствовали запоминанию комплексов названий на отдельных участках территории, а также длительному сохранению памяти о происшедших событиях. <...> ситуативными следует считать прежде всего топонимы, которые отражают единичные, разовые события, хотя возможно и отражение неоднократно

повторяющихся ситуаций» [Дмитриева, Панченко 1993, 168]. Иного понимания этого термина придерживается И. И. Муллонен, считающая ситуативными те топонимы, в которых отражается географическое положение объекта относительно некоторого центра, принимаемого за точку отсчета [Муллонен 1994, 109].

Нам хотелось бы избежать использования этого термина как вследствие его неоднозначности, так и вследствие того, что само по себе понятие ситуации чрезвычайно широко; едва ли не каждый топоним можно раскрыть в связи с ситуацией. К примеру, даже для названия *Манькина Пожня* вполне вероятна ситуативная развёртка – «Здесь косит Манька». Однако эта ситуативность не «дошла» до внутренней формы названия, вследствие чего при восприятии топонима ситуация может быть «вывернута» различными способами: «Здесь заблудилась Манька», «Здесь повесилась Манька», «Здесь родила Манька» и т. п. (ср. реальные топонимы с подобного рода мотивировками: пок. *Марьина Пожня* – «Марья там повесилась» [Баб, Старая], о-в *Марьево* – «Монахиня Марья была там убита» [Бел, Лесуково], лог *Орихин* – «Ориха родила в этом логу» [В-Уст, Кузино], руч. *Матрёшка* – «Матрёна какая-то там потерялась» [К-Г, Лукина Гора], бол. *Тимохино Болото* – «Заблудился Тимоха на этом болоте» [В-Уст, Королево]). Соблазн расширительного понимания ситуации испытали и исследователи хантыйской топонимии Т. Н. Дмитриева и С. В. Панченко, которые считают, что «“ситуативность” можно понимать достаточно широко, и тогда к изначально такому можно отнести многочисленные топонимы, отражающие хозяйственную деятельность человека и ее результаты» (авторы приводят примеры хантыйских топонимов «ручей стоящего лабаза», «слопцовый ручей», «болото с перевесами» и т. п.) [Дмитриева, Панченко 1993, 177]. Думается, что в случаях типа *Манькина Пожня* или «ручей стоящего лабаза» идея ситуативности остается онамасиологически нерелевантной; релевантны статичные признаки (посессивный или релятивный).

Чтобы выявить предпосылки, при реализации которых динамические, акциональные признаки получают номинативное воплощение, представляется целесообразным охарактеризовать набор пропозициональных структур, позволяющих в наиболее общем виде моделировать элементы типовой ситуации или разового события.

Основной компонент ситуации (по крайней мере, той, которая может быть отражена в топониме) – действие; кроме него минимальную структуру ситуации образуют объект и субъект (факультативно может добавляться качественная характеристика действия). Треугольник *действие – объект – субъект* не является равнобедренным, поскольку элементы связи *действие – объект* значительно более плотно «привязаны» друг

к другу, чем, соответственно, компоненты пары *действие – субъект* (для характеристики действия важнее его направленность, нежели источник). Отсюда следует, что при представлении ситуации может быть выстроена следующая «лестница предпочтений»:

0. **действие – субъект – объект*;
1. *действие – объект, действие – субъект*;
2. *действие*;
3. *объект*;
4. *субъект*.

Нулевая ступень в русской топонимии не обнаруживается (ср. приведенные выше примеры из иноязычных топонимиконов типа «мыс, на котором оленевод проколол руку»). Единственный имеющийся у нас пример – лес *Где у Ковалья медведь Корову Съел* [Шенк] – не является полноценным топонимом (о таких «полуфабрикатах» см. ниже).

Различия между структурами первой ступени состоят в том, что структура *действие – объект* связана с реализацией типовой, стандартной ситуации, а структура *действие – субъект* – единичной ситуации, собственно события. Приведем примеры названий, функционирующих в рамках структуры *действие – объект* (они немногочисленны, но всё же выделяются достаточно четко): поле *Пивовар* < *варить пиво*⁵, пок. *Листолом* («На веники березу ломали») < *ломать лист*, р. *Водочерпница* < *черпать воду* и т. п. Эти названия вполне убедительны в плане отражения ситуации, потому что здесь представлены два из трех базовых составляемых последней; кроме того, их можно считать номинативно состоявшимися, поскольку они воспроизводимы и представляют собой не полуфабрикат, а вполне функциональное название.

Событийные структуры *действие – субъект* раритетны в русской топонимии. Наиболее яркие (но вместе с тем крайне периферийные) факты такого типа представлены составными формами: ур. *Где Бык Утонул* [Котл], пок. *Где Трактор Пал* [Ваш], пок. *Тетка Свалилась* [Хар] и др. Эти формы, строго говоря, не являются топонимами, но представляют собой номинативный материал, на базе которого появляются узуальные названия. Иногда встречаются наименования, которые можно считать результатом «обкатки», сворачивания составных форм, аналогичных вышеприведенным. Ср., к примеру, весьма распространенный сюжет о нападении медведя на домашних животных или человека, представленный топонимами, которые образованы от апеллятивов *медведь* и *драть*: лес *Медведериха* – «Медведь задрал лошадь» [В-Уст,

⁵ Здесь и далее некоторые из приводимых примеров не атрибутируются, поскольку такая атрибуция будет осуществлена ниже при осуществлении идеографической классификации топонимического материала.

Шарденьга], г. *Медведериха* [Мантур], руч. *Медведерино* [В-Уст], луг *Медведерина* [3 объекта: К-Б, К-Г, Пыщ], поле *Медведёрка* – «Медведь мужика задрал» [Бабуш, Полудово]), поле *Медведяренье* [Кологр]⁶. По сути, это единственная частотная модель со структурой *действие – субъект* в нашем материале. Если приписать граду функцию субъекта действия, то сюда же можно отнести различные *Грядобойки*, *Грядобойницы*, *Грядобитные* и т. п. (ср., например: лес *Грядобойка* – «Выпал крупный град, который побил две деревни» [В-Важ, Сметанино]). Указанную структуру реализуют и некоторые названия, где действие подается не глаголом, а существительным: мыс *Барыкина Смерть* – «Было два брата, в покосе мужики дрались, одного и удавили в петле, Барыкой, что ли, звали» [Ваш, Пиксимова], ур. *Кузина Гибель* – «Кузя там помер, пьяный шел и замерз» [Ревд, Кунгурка], ур. *Медвежья Смерть* [Нянд] и др. В то же время при такой подаче событийность несколько затухает.

Названия, отражающие само *действие*, являются значительно более распространенными: пок. *Перехожий*, г. *Молотильный Угор*, поле *Потеряха* – «Хозяин потерял хомуты с лошадей, их украли» [В-Уст, Буково], руч. *Питейный*, г. *Поклонница*, оз. *Найдёнки*, ур. *Заблудяха*, ур. *Спорное* и др. При этом может реализовываться как типовое действие (ситуация), так и разовое (событие); последнее встречается значительно реже первого, ср. названия типа *Найдёнки* или *Браниха*. Граница между типовыми и разовыми действиями во многих случаях размыта, подвижна, ср. название поля *Заблудни* – «Девка какая-то заблудилась», но бол. *Заблудное* – «Люди пойдут, заблудятся». Эта размытость вызвана отсутствием указания на субъект действия. В то же время топонимы этой ступени вполне полноценны в плане ситуативности.

Третья ступень – названия, в которых отражен *объект действия*. Ср.: руч. *Платьяной* – «Все платья стирали, потому и Платьяной», пок. *Соломатница* – «Когда раньше косили, завершали сенокос, солоमत мешали», дор. *Чайная Дорожка* – «За водой для чая бегали». Топонимы этой группы не являются полноценными репрезентантами ситуации.

⁶ Характерно, что в структуру других топонимов, отражающих популярные сюжеты такого рода, не включается указание на действие, ср.: пок. *Медведник* – «В давние времена там медведь лошадь съел» [В-Уст, Старина], лес *Медведиха* – «Медведь там 12 человек подрал» [Гряз, Горка], пок. *Медведки* – «Медведь корову задавил» [Мантур, Усолье], руч. *Медвежий Ручей* – «Сильно медведь безобразил» [В-Уст, Погорелово], г. *Медвежка* – «Бык забуткал медведя здесь, вот и называется Медвежка» [Ваш, Зуево], пок. *Медвежье* – «Медведь корову задрал» [Прим, Кушкушара], пок. *Медвежьи Полосы* – «Корову медведь повалил там, в честь медведя и назвали» [В-Уст, Студеное], руч. *Волчий Ручей* – «Корову задрали волки» [Котл, Канза Новая] и мн. др.

Если расширять рамки анализируемого материала, то можно предположить, что объект действия представлен и в названиях оз. *Щучье* или бол. *Глухариное*: на одном ловят щук, на другом стреляют глухарей. Доводя эту идею до абсурда, можно увидеть данное отношение и в топонимах *Березовка* (там вырубаются березы) или *Песчанка* (оттуда берется песок). Однако между названиями типа *Платьяной* и *Соломатница*, с одной стороны, и *Щучье*, *Глухариное*, с другой, есть определенная разница: для первых, в отличие от вторых, ситуативная мотивировка является единственно возможной (если не считать образных мотивировок – правда, маловероятных в данном случае); кроме того, первые могут быть «расширены» до типично ситуативных названий или же имеют четкие параллели с таковыми (руч. *Платьяной* → руч. *Платомой*, пок. *Соломатница* // пок. *Трапезница*). Таким образом, релевантность в плане отражения ситуации топонимы этой ступени получают при выполнении двух условий: а) наличие диссонанса между семантикой данного названия и характерной для топонимии смысловой вписанностью в ландшафтный контекст (название оз. *Карасье*, к примеру, отражает ландшафтные реалии, а как быть с *Портяным Ручьем*?); объект, на который направлено действие, не органичен для географической среды, а привнесен в нее вследствие деятельности человека; б) смысловые соответствия между такими топонимами и теми, которые более органичны в роли фиксаторов событийности.

Наконец, структуры четвертой ступени, включающие только *субъекта* действия, – так же, как и структура *действие – субъект*, – отражают единичное событие (эта единичность обеспечивается указанием на субъекта). Такие структуры наиболее трудны для идентификации, поскольку они фактически неотличимы от названий, принадлежащих к самой популярной и многочисленной в русской микротопонимии посессивной группе. Единственный критерий, который позволяет вычленивать из топонимического континуума событийные названия, отражающие имя субъекта, – это объектная соотнесенность: событийные топонимы должны прилагаться к тем объектам, которые, с одной стороны, не могут выражать посессивные отношения, с другой – потенциально опасны, а значит, могут стать ареной для разного рода несчастных случаев, ср.: омут *Павлухин Омут* – «Кто потонул, тем именем и зовём» [Череп, Фенёво], омут *Пронька* – «Там мальчик Пронька утонул» [В-Важ, Чушевицы], бол. *Алексахина Курья* – «Алексаха утонула в ем» [Котл, Наледино], яма *Улитина Яма* – «Улита утонула дак» [В-Важ, Плосково]. Такими объектами являются пороги, омуты, ямы, болота и т. п. Событийные названия становятся мемориалом погибшим и одновременно выполняют профилактическую роль, предупреждая об опасности.

Разумеется, событийные топонимы, реализующие субъектные структуры, связаны не только с несчастными случаями. Здесь может быть любое запоминающееся событие, казус: овраг *Паранин Ров* – «Параня глупенькая была, она там в снег на голову встала – еле вытащили» [В-Важ, Окуловская], зал. *Сергейкова Тоня* – «Сергейка пуд рыбы наловил» [Ревд, Дегтярск], бол. *Председателево* – «Председатель повез в город киноаппарат чинить, да телега опрокинулась, аппарат-то потонул» [Некр, Некрасовское], поле *Воровское* – «Когда раскулачивали, туда кулаки всё свалили, спрятали там свое золото и зерно» [Бабуш, Исаково].

Кроме того, возможны ситуации, когда в топониме отражается какая-либо *дополнительная характеристика ситуации*, подчас плохо моделируемая (качество действия, сопутствующие действию обстоятельства и другие компоненты исходной фреймовой структуры): ур. *Соленое* – «Соленый пот заливал», луг *Споровое* – «Очень споро, быстро сено ставили», ур. *Дымовое* – «Полигон рядом, стрельбы были», г. *Сопливая Горка* – «Раньше там солдат на войну или в армию провожали».

Итак, названия, обозначающие типовую ситуацию и разовое событие, несомненно, присутствуют в русской топонимии. Однако только топонимы нулевой и первой ступени содержат четко выраженное указание на ситуацию, позволяющее дифференцировать повторяющееся действие и единичное событие. При этом структуры нулевой ступени, как говорилось выше, в русском топонимическом узусе отсутствуют (термин *топонимический узус* выглядит несколько некорректно, поскольку единицы функционирующего именника не могут не быть узуальными, но мы употребляем этот термин как противопоставленный «полуфабрикатным» предикативным структурам, служащим речевым материалом, на базе которого создается собственно топоним). Структуры *действие – субъект* раритетны, а структуры *действие – объект* представлены в русской топонимии достаточно определенно. Именно они составляют «костяк» русских ситуативных топонимов.

Что касается нижестоящих структур, то они возникают в результате сворачивания вышестоящих. При таком сворачивании пропадают отдельные компоненты прототипической структуры: они не «доходят» до внутренней формы топонима; только мотивировка может сохранить исходную ситуацию. Итак, ситуативный прототип при «оязыковлении» подвергается смысловой компрессии: такое «семантическое свертывание событийных названий» в русской топонимии обнаружено А. К. Матвеевым [Матвеев 1987б, 7]. Если бы наблюдалась структурная, а не смысловая компрессия (т. е. если бы члены предложения, описывающего ситуацию, могли «сконденсироваться» до морфем одного топонима), то данный тип лучше осознавался бы языковым сознанием

носителей топонимической системы и активнее проявлял бы себя в номинативной деятельности.

В результате смысловой компрессии ситуация нередко оказывается представленной во внутренней форме топонима всего одним компонентом. Если этот компонент – *действие*, то название однозначно «угадывается» как ситуативное, однако без субъектно-объектной поддержки действие может не распознаваться как типовое или единичное. Если же результирующая сворачивания – указание на *субъекта* или *объект действия* (реже – на какую-либо *качественную характеристику* действия), то можно говорить о том, что топоним косвенно отражает ситуативность. При таком косвенном отражении топоним в лучшем случае дает как бы «заголовок», итог события, не подавая его расчлененно: поляна *Коровья Кожа* – «Коровы ходили в лес, а там медведь их драл, всё кожа одна и доставалась» [Вель, Федоровская], поле *Газетница* – «Хорошо пахали, поэтому и Газетница. Как вспашут, так про них в газету напишут» [Бабуш, Бучиха], пок. *Именинница* – «Пожня так названа потому, что здесь отелилась одна и та же корова два года подряд в одно и то же время» [Пин, Кулой], пок. *Кровавый* – «Тут косили, и одна прокосила ногу, до дому не довели, крови много вытекло, умерла» [В-Т, Паленьга] и т. п. Весьма симптоматично в этом плане появление названия пожни *Оказия* с мотивировкой – «Спор из-за нее шел, трава была плохая, поделить не могли» [Холм, Подсосанье]: топоним *Оказия* – яркое проявление «заголовочности» событийных названий.

Косвенно отражающие событийность названия демонстрируют противоречие, с одной стороны, между необходимостью вместить в языковую форму сценарий ситуации и, с другой стороны, между структурными закономерностями русской топонимии, которые противятся многокомпонентному отражению ситуации. Вследствие этого противоречия топонимы, косвенно отражающие события, оказываются содержательно неполноценными, что приводит к забвению или переосмыслению их внутренней формы, при котором происходит нивелировка событийности в пользу традиционных для русской топонимии номинативных типов: к примеру, название *Матюшкина Могила* – «Пастух умер на этом лугу» [Ваш, Поповское] может восприниматься как обозначение места, где находится собственно могила («мемориальные» топонимы, запечатлевающие имена людей, с которыми случился несчастный случай, в общей топонимической массе сливаются с посессивными наименованиями, а мотив номинации нередко оказывается забытым.

Таким образом, названия, отражающие типовую ситуацию или разовое событие, несомненно, присутствуют в русской топонимии, но топонимическая система не обладает достаточными техническими возможностями для того, чтобы произошло окончательное ономаσιологиче-

ское «самоопределение» этой номинативной группы, вследствие чего наблюдается дисбаланс между номинацией и мотивацией (отсутствие маркеров событийности во внутренней форме топонима при наличии их в мотивировке). Этот дисбаланс создает существенные методические трудности, которые становятся особенно явственными, если учитывать активность метаязыковых стереотипов носителей топонимической системы, в соответствии с которыми – при определенных условиях – топонимы весьма охотно прочитываются как событийные. К примеру, таким условием может быть наличие в составе топонима безаффиксного образа, ср. разноречивых показаний метаязыкового сознания информантов при осмыслении образных названий: поле *Петрушкины Коровашки* – 1) «Петрушка там потерял коровашки»; 2) «Неровное местечко, коровашками такими» [В-Важ, Малыгинская] (анализ причин подобной «разногласицы» см. в [Апанасенко, Рут 1993, 192–193]). Метаязыковая рефлексия в сторону ситуативности, вероятно, была достаточно активна всегда; в наше время (условно назовем так вторую половину XX в.) эта рефлексия получает дополнительные стимулы для своего развития, поскольку в сознании носителей традиционного топонимикона запечатлевается практика творцов искусственных имен: при осуществлении искусственной номинации, как правило, сильна «мемориальная волна», когда ономастикон очень чутко реагирует на события общественно-политической жизни.

Для русской топонимии вполне естественны названия, отражающие типовую ситуацию, связанную с объектом, и менее – наименования, обозначающие единичную уникальную ситуацию. В первом случае речь идет о постоянном взаимодействии человека и географической реальности, поэтому соответствующие топонимы будем называть **интерактивными**. Что касается второго случая, то здесь **з а и м о** действия как такового может и не быть, если географическая реальность служит только фоном для события (ср. названия типа «мыс, где оленевод проколол руку»); для таких названий оставим термин **событийные топонимы**. Эти две группы топонимов объединяются тем, что в их основе лежит определенный сценарий.

Подчеркнем еще раз: при выделении интерактивных и событийных названий в русском топонимиконе следует принимать во внимание фактор языковой техники – недостаточную ономазиологическую оформленность таких названий. Вообще, факторы языковой техники, аргументы «от системы» должны учитываться в ходе этнолингвистического анализа. Не всё в топонимии (да и в языке в целом) прозрачно с точки зрения этнокультурной обусловленности; некоторые явления могут быть объяснены не столько через «человеческий фактор», сколько через технические особенности языка (ср. полемику Р. М. Фрумкиной с по-

стулатом А. Вежбицкой о «всюду-прозрачности» естественного языка – т. е. выводимости всех наблюдаемых языковых данных из того, что язык создан «по мерке» человека [Фрумкина 1996, 66]).

Переходя непосредственно к характеристике материала, представленного в настоящей главе, укажем, что здесь будут приведены интерактивные топонимы, обрисовывающие разнообразие различных пространственно приуроченных ситуаций с участием человека. В поле нашего зрения преимущественно попадут названия, отражающие типовые ситуации⁷ (они лучше моделируются; в то же время трудно ожидать моделируемости от событийных названий, номинирующих разного рода «казусы»), а следовательно, реализующие структуры *действие – объект; действие; объект действия* (в редких случаях – *качественная характеристика действия*). В наши задачи не входит полное описание этого номинативного типа, поскольку цель данной главы – охарактеризовать особенности взаимодействия человека и пространственных объектов.

В представленном ниже материале человек и ландшафтная реальность время от времени как бы меняются местами, выступая то в активной, то в пассивной роли. Человек, разумеется, чаще выступает как активное действующее лицо (г. *Прямовлазка*, руч. *Деринога*, луг *Кошу Долго*, пок. *Береженный Луг*, пок. *Забытая*, поле *Ораное*, *Долгожданный*, пок. *Найденные*, поле *Деленное*, лес *Купленная Грива* и т. п.), что подчеркивается появлением топонимов в форме страдательных причастий, фиксирующих пассивную роль географического объекта в ходе взаимодействия с человеком. Отметим, однако, что такого рода прямые указания на «страдательную» роль ландшафтной реальности редки в русской топонимии; чаще встречается своеобразное приписывание свойств или действий субъекта самому объекту: г. *Ленивая* (ленится осваивающий субъект), г. *Кряхтунья* (кряхтит взбирающийся на гору человек), кам. *Разговорчивый* (разговаривают, сидя на нем, люди), мыс *Зоркое* (отсюда человек может зорко осматривать окрестности) и мн. др. Номинации такого плана встречаются и в нарицательной лексике: ср., к примеру, наименования блюд, которые могут быть приготовлены с минимальными затратами, на скорую руку (*ленивые вареники*, *ленивые голубцы* и даже *ленивые ватрушки*). Ономастологически близки данным также шуточные номинации, во внутренней форме которых отражено то действие над объектом, осуществления которого «желал бы» субъект номинации: *волкорез* ‘старая больная лошадь, кляча’, *живодерина* ‘старая корова’

⁷ В редких случаях к анализу привлекаются и событийные топонимы: это происходит тогда, когда они обнаруживают тесные смысловые переклички с интерактивными наименованиями.

(ср. также кличку *Кабысдох*). «Перетягивание одеяла» на объект – хотя «за кадром» просматривается фигура субъекта – затрудняет ономаσιологическую интерпретацию этих топонимов (оз. *Молчун*: здесь не слышен шум воды или же должен молчать пришедший на рыбалку человек?).

Встречаются ситуации, когда в роли объекта воздействия выступает сам человек: бол. *Пьяное* – человек пьянеет от запаха душистых трав; бол. *Шатай* – болотистая почва шатает человека; омут *Голодай* – отсутствие рыбы заставляет голодать осваивающего субъекта и т. п.

Таким образом, интерактивные топонимы демонстрируют разнообразие субъектно-объектных отношений при освоении человеком географического пространства.

2. Идеографическая классификация интерактивных топонимов Русского Севера

Для представления материала избрана такая форма подачи, как идеографическая классификация. Чем обусловлен выбор этой формы? В нашу задачу входит выявление всего разнообразия действий, так или иначе связанных с пространственными объектами, – т. е. таких, для которых важна пространственная привязка. Предполагается, что само «меню» этих действий формируется не случайно – так же, как не случаен и набор лакун (в данном случае – действий, не имеющих стабильной пространственной обусловленности, позволяющей появиться соответствующему топониму). К примеру, наблюдается пространственная приуроченность дожинального обряда (четко определяется поле, которое убирается последним), но таковая отсутствует для других летних обрядов земледельческого цикла, исполнение которых, видимо, на Русском Севере не имело привязки к жестко закрепленному локусу. Для обнаружения логики формирования набора акционально маркированных зон наиболее приемлема идеографическая классификация. Как уже говорилось в гл. I, идеографическая параметризация языкового материала позволяет получить своеобразную «сетку предпочтений» субъекта номинации, дающую выход на закономерности картирования явлений окружающей действительности.

Идеографическое описание русской литературной и диалектной нарицательной лексики можно считать если не детально разработанным, то хотя бы освоенным теоретически и апробированным на разнородном материале жанром лингвистического анализа. Однако для описания ономастической системы русского языка идеография используется явно недостаточно – несмотря на то, что богатые интерпретационные возможности такой работы с материалом осознаны ономастами и имеются

результативные опыты ее применения (ср. исследования А. К. Матвеева, где продемонстрирована плодотворность использования идеографии для моделирования компонентов топонимических систем при этимологизации субстратной топонимии [Матвеев 1976б; 1986б]).

Топонимический материал поддается идеографической параметризации поскольку топонимическая лексика, как правило, конкретна и хорошо вписывается в рамки иерархической идеографической структуры. Заметим, что вопрос о модификациях идеографического анализа для лексических групп, имеющих разные семантические конфигурации, остается не проработанным в теории идеографии. Наиболее удобны для идеографического анализа лексические группы с конкретной предметной семантикой; не случайно именно такие группы («ихтиофауна», «жилище») использованы А. С. Гердом для иллюстрации этнолингвистических возможностей идеографического описания лексики русских народных говоров [Герд 1995, 59–61]. Предметная лексика обладает в большей или меньшей степени явным категоризационным «костяком»; в то же время абстрактная лексика подчиняется не столько логике категоризации, сколько концептуализации (различия между этими основными макромоделами семантики видятся в том, что категоризация представляет собой родо-видовую систематизацию семантического пространства; концептуализация же сориентирована в большей степени не по вертикали, а по горизонтали: для абстрактных сущностей важно установление связей в ряду смежных одноуровневых понятий).

Топонимическая лексика, повторим, в основной своей массе структурируется в соответствии с традиционно выделяемыми типами семантических отношений; наиболее частотны в топонимии «предметные» и «признаковые» разделы. Первые преимущественно базируются на таком типе семантических группировок, как тематическая группа со строгой родо-видовой рубрикой («флора»: «береза», «сосна» ...); вторые добавляют к тематическим группам синонимические и антонимические отношения («размер»; «форма»; «цвет» и т. п.). Однако та группа, которая будет представлена в настоящей главе, включает, среди прочих, фреймовые, «сценарные структуры». Ср., к примеру, реализацию идеограммы⁸ «место, где осуществляются проводы в армию»: **солдат** > р. *Солдатка* – «Раньше как в солдаты брали, так до Солдатки провожали»; **сопли** > г. *Сопливая Горка* – «Раньше там солдат на войну или в армию провожали». Несмотря на кажущуюся «случайность» определенных

⁸ Этим термином будет обозначаться основная единица идеографической классификации – понятие, находящееся на нижнем (наиболее конкретном) уровне смысловой иерархии.

элементов такой структуры и слабость семантических связей между ними, именно фрейм релевантен ситуации или событию.

Опишем некоторые принципы идеографической классификации топонимического материала, формулировка которых, как представляется, имеет методическую значимость.

1. Базой для идеографических классификаций должен стать максимально объемный, массовидный топонимический материал, который, по возможности, должен быть получен в результате фронтальных полевых сборов, что позволяет учесть все разнообразие семантических моделей для различных видов географических объектов⁹. В результате того, что в настоящее время идеографическими классификациями охватываются, как правило, топонимиконы небольших по размеру территорий, «за бортом» нередко остаются модели, которые имеют единичные реализации в рамках отдельно взятой локальной топонимической системы. В то же время модели такого рода могут быть верифицированы на более объемном материале. Создается ситуация, когда идеографические классификации различных небольших топонимиконов практически без остатка накладываются друг на друга, описывая хорошо известные модели, а топонимические раритеты не получают истолкования, вследствие чего снижаются объяснительные возможности идеографии (такая ситуация, как уже говорилось, сложилась с изучаемыми нами ситуативными топонимами). В нашем случае обширным топонимическим массивом становится топонимикон Русского Севера.

2. Классификацией охватывается русская по происхождению топонимия. Основной массив – названия с прозрачной внутренней формой; также будут привлекаться известные семантические реконструкции этимологически трудных названий: так, в рамках идеограммы «место встреч людей, движущихся в противоположных направлениях», помимо тополексем **здороваться** и **сретенье**, может быть выделена тополексема **свид** (с опорой на предложенную А. К. Матвеевым этимологию названия р. *Свидь*, см. ниже – раздел «Коммуникация»). Открытость структу-

⁹ При классифицировании обширного массива материала можно допустить пересечение и наложение разделов. Так, описание орообъектов по признаку характера склонов, несомненно, будет представлено в разделе «Ландшафт» (→ «характер склонов горы»), где перечислены топонимы, образованные от апеллятивов *крутой*, *грубой* и т. п. Но в этот же раздел будут включены и топонимы *Банька*, *Кряхтунья*, а также *Прямовлазка*, *Опрокидни*, *Подымная Горюшка*, *Выздым* и т. п. Названия такого плана включают в номинативный кадр не только характер склонов горы, но и «штурмующего» гору человека. Поэтому идеограмма «крутая возвышенность, трудная для подъема» (которая реализуется подобного рода «человеческими» названиями) будет включена также в «ситуативный» раздел «Передвижение человека в пространстве».

ры классификации будет позволять в ходе работы все более расширять круг топонимов, для которых нужны достаточно «глубинные» этимологические разработки. Таким образом, несомненна ценность идеографической классификации для осуществления семантической реконструкции неясных топонимов, поскольку данная форма работы с материалом предполагает активное использование метода семантических параллелей.

3. Удельный вес индуктивной работы с материалом при осуществлении идеографического анализа топонимии значительно выше, чем при работе с диалектной лексикой – не говоря уже о лексике литературной, поскольку в области ономастической номинации «отбор» играет большую роль, чем в системе нарицательной лексики, и, соответственно, семантическое пространство ономастики обнаруживает большее количество лакун и «неровностей» (асимметричных при «материальном заполнении» участков). По этой причине для данной классификации неприемлемы идеографические сетки, созданные на материале нарицательной лексики.

4. Для осуществления идеографической интерпретации материала прежде всего необходимо определить статус идеограммы – топонимический или дотопонимический. Проиллюстрируем различия между этими двумя ситуациями. Выделяя идеограмму на дотопонимическом уровне, можно было бы рассматривать название руч. *Куричий* или *Кошачий* в связи с идеограммой «фауна», а название руч. *Беспорточный* и *Гологузка*, соответственно, как манифестантов идеограмм «одежда» и «части тела». В то же время, как было показано в ходе предшествующего изложения, *куричьи* и *кошачьи* ручьи реализуют скорее локативную семантику, а топонимы *Беспорточный* и *Гологузка* номинируют объекты, при взаимодействии с которыми следует раздеться, обнажить нижнюю часть тела. Еще пример: названия, образованные от апеллятивов, обозначающих биологический или социальный статус человека, а также конкретные антропотопонимы могут выражать разные смыслы: посесивный (прилагаясь, как правило, к земельным участкам) или же событийный (прилагаясь к омутам, порогам, болотам и т. п.).

Однако на сегодняшний день наши представления о специфике собственно топонимической семантики нельзя считать полными. Уровень развития этих представлений таков, что «погрешность» для целого ряда семантических типов может превысить допустимые пределы. Значит ли это, что следует выделять идеограмму на дотопонимическом уровне? Думается, что нет. Несмотря на риск ошибиться, следует работать именно на уровне топонимической семантики, поскольку только в таком случае топонимическая идеография будет иметь право на самостоятельный статус, не дублируя идеографию апеллятивной лексики.

Вышесказанное означает, что идеографическая классификация должна учитывать закономерности топонимической номинации и мотивации (например, название г. *Банька* не войдет в раздел «хозяйственные постройки», но – с опорой на мотивационный контекст, а также на ряд оронимов *Парок, Кряхтунья, Пердунья, Ляхтунья* и т. п. – это название будет квалифицировано как реализующее идеограмму «крутая возвышенность, трудная для подъема»). Однако при этом формулировка идеограммы должна по возможности разворачиваться «от фрагмента действительности», поскольку ядром топонимической семантики является соотношенность имени с пространственным объектом, образующая частную категориальную семантику топонима (ср. модель семантики топонима в [Голомидова 1998, 19]). Привязка к определенному фрагменту действительности иногда не позволяет объединять две различные «картинки», хоть и имеющие общую мотивационную доминанту (ср. название г. *Банька* и порога *Банька*. Ономаσιологически значимо то, что при взаимодействии с объектом человеку приходится попотеть, как в бане. Но в предлагаемой классификации будут выделены две различные идеограммы: «крутая возвышенность, трудная для подъема»; «опасный порог, преодоление которого требует физического напряжения»).

5. При выделении идеограмм следует в определенной мере опираться на мотивационные контексты (разумеется, прозрачные случаи народной этимологии не должны приниматься во внимание), поскольку важно зафиксировать живые связи между внутренней формой топонима и исходным апеллятивом.

6. Конкретные особенности описания материала:

– «нижняя» единица структуры (в смысле наименьшего «расстояния» от анализируемых топонимических фактов) – тополексема, т. е. апеллятив, положенный в основу географического названия. Апеллятивы подаются в «обобщенном» виде, без учета словообразовательных особенностей: так, для топонимов *Заблудня, Заблудяха, Заблудное* и т. п. выделяется апеллятив **заблудиться**. Словообразовательные детали «утяжелили» бы подачу материала, которая должна быть сконцентрирована на семантике топонима. В тех случаях, когда апеллятив является диалектным словом, он снабжается толкованием, извлеченным из диалектных словарей и картотек по территории Русского Севера. Если толкование приводится по данным КСГРС, паспортизирующая справка не дается. В некоторых случаях после топонимического ряда, в основу которого положен определенный апеллятив, за знаком • дается комментарий ономаσιологического, типологического или лингвогеографического характера;

– иллюстративная часть представляет собой топонимический ряд, в основу которого положена данная тополексема. Иллюстративная часть,

безусловно, не сможет охватить весь топонимикон макротерритории; сюда не включаются «темные» факты, а обширнейшие топонимические ряды, реализующие наиболее популярные идеограммы, даются по «представительскому» принципу¹⁰. После топонима приводятся, если есть, мотивационные контексты, а также паспортизирующая справка – указание на административный район (при наличии мотивационного контекста дается название деревни);

– более высокие уровни структуры являются собственно идеографическими, причем количество этих уровней жестко не закреплено. Наиболее высокие (абстрагированные) уровни – семантические типы; ниже – идеограммы, которые уже непосредственно характеризуют свойства географических объектов. Идеограмма вариативно реализуется в конкретном топонимическом материале, причем вариантность может быть лексической, словообразовательной, фонетической, синтаксической. Наиболее информативны для реконструкции семантики топонимов (ради которой, собственно, и задумана классификация) языковые единицы, объединенные отношениями лексического варьирования. Представим пример формирования иерархической структуры идеографического описания: в рамках семантического типа «Быт человека» можно выделить раздел «гигиена», а затем – идеограмму «водоем, используемый для осуществления гигиенических процедур» (и конкретизирующие идеограммы – «место, где стирают белье», «водоем, где берут воду, пьют, умываются», «место для купания» и др.). Идеограмма «место, где стирают белье» реализуется тополексами *бучить, колотить, онучи, платомой, полоскать, портомой* и т. п.;

– на настоящем этапе работы не привлекаются к рассмотрению топонимы, образованные на базе севернорусских географических терми-

¹⁰ В будущем, при создании максимально полной идеографической классификации русской топонимии, следовало бы представить весьма важные для семиологических и этнолингвистических исследований абсолютные показатели частотности реализаций той или иной модели, а также сведения относительного характера, демонстрирующие, например, количественный перевес *черных* топонимов над *белыми*, *задних* над *передними*, *бабьих* над *дедовыми* и др. Эти статистические выкладки по отношению к наиболее популярным моделям, поданным по «представительскому» принципу, необходимо подавать в классификации, однако исключение составят те топонимы, которые могут реализовывать несколько идеограмм. Следует также выборочно включать в классификацию данные лингвогеографического характера: например, идеограммы «холодный» и «небольшая река, ручей» на территории ряда районов Архангельской области реализуются преимущественно топонимами, образованными, соответственно, от апеллятивов *студеный* и *ручей*, а в отдельных зонах Вологодской области – от апеллятивов *холодный* и *речка*.

нов, производных от глаголов: *чертить* > *чертеж*; *драть* > *дёрть*, *дор*, *драка*, *раздор*; *теребить* > *тереб*, *потереб*, *новотереб*; *чистить* > *чища*, *росчисть* и др. На это решение повлияло то обстоятельство, что топонимы такого плана, фиксируемые в ареале соответствующего географического термина, обычно очень многочисленны, вследствие чего объем подаваемого материала был бы существенно увеличен (однако несомненно, что перспектива осуществления масштабного идеографического описания русской топонимии предполагает работу с топонимами, образованными от географических терминов). В то же время привлекаются к рассмотрению географические названия, реализующие модели, близкие к терминам, но не совпадающие с ними (предполагается, что такие названия являются более «живыми» по внутренней форме): например, топоним *Непрятаница* < *не прятать* представлен в идеографической классификации, а деривационно близкое название *Непрять*, образованное от географического термина *непрять* ‘лес, вырубленный для огнища’, не берется. Иногда привлекаются к анализу те топонимы, образованные от терминов (*портомой*, *мочище*, *слище*, *кормовище*, *катище* и др.), которые подвергаются мотивационной рефлексии в сознании информантов (факты такой рефлексии свидетельствуют о том, что носители топонимической системы ощущают «интерактивность» имени). Кроме того, мы включали в классификацию наименования, созданные на базе слов типа *выход*, *переход*, *взвоз* и т. п. (частотность употребления таких топонимов говорит о том, что идет процесс их терминологизации, однако этот процесс является живым, поэтому мы сочли возможным привлечь эти названия к рассмотрению).

Итак, представим идеографическое описание интерактивных топонимов Русского Севера, сгруппированных по нескольким семантическим полям.

ПЕРЕДВИЖЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ И СВЯЗАННЫЕ С НИМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

ОБЪЕКТ, СВЯЗАННЫЙ С ПЕРЕДВИЖЕНИЕМ В РАЗЛИЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ¹¹

Бегать: оз. *Бегальное* [Пин], пок. *Бегун* [Баб], поле *Бегун* [Плес], о-в леса *Бежное* – «Пустое место, обегали его» [Плес, Zubovo].

Взбегать: пок. *Взбегливец* [Меж].

¹¹ Представляется возможным объединить в рамках данной идеограммы разные способы передвижений, поскольку материал зачастую не дает возможности их дифференцировать (к примеру, топонимы, образованные от глагола *проходить*, могут обозначать место, где можно пройти пешком или проплыть на лодке).

Въезжать: ур. *Быков Въезд* [Бабуш], пок. *Въездное* [Тарн].

Выходить: пок. *Выход* – «От нас на выход выйдешь, там уж такая ширь» [В-Т, Анфимовская Первая], пок. *Выход* (= *Обход*) – «Там наши покосы начинались»; «Эту пожню потом стали Обход называть, когда деревни слились. Из Большой если идти в Рудино, эта пожня первая была. А если из Рудина идти – последняя» [Кир, Большая], пок. *Выход* – «С большой дороги через болото идет дорога и выходит на сенокос на этот» [Кир, Григорьево], пок. *Выход* [Бел, Кон], пастб. *Выход* [У-Куб], лес *Выход* [Бел, Влгд], мыс *Выход* [Баб], пок. *Егорков Выход* – «Пожня первая, на выходе из большого поля» [Карг, Халуй], пок. *Выходная* – «За клюквой ходят – там выходят» [Карг, Осташевская], пок. *Выходная* [Сямж], лес *Выходник* [Сус], поле *Выходницы* [Бабуш], бол. *Выходное* [Уст], пок. *Выходное* [Он], полосы *Выходные* [Нянд].

• В подавляющем большинстве случаев объекты находятся около деревень, фиксируя начало угодий, осваиваемых жителями данного населенного пункта.

Ездить: бол. *Ездное* [Карг], лог *Ездной Лог* [Ник], лес *Езжалово* [Хар], руч. *Езжалый* – «По нему зимой на буране выезжают» [Мез, Баковская], пок. *Езжий Лес* [Хар].

Забегать: бол. *Забега* [Баб], д. *Забегалка* [Шенк], часть д. *Забегалово* [Влгд, Гряз, Уст].

Заезжать: полоса *Заездная* [Хар], поле *Заездные Поля* [Он], оз. *Заездное* – «Петр Первый заезжал к нему, когда проезжал по Онежскому тракту» [С-Дв, Волость], поле *Заезжая* [Вель].

• Возможно, в основе некоторых подобных названий – диал. *заездок* 'рыболовный закол' [КСГРС].

Зайти, заходить: бол. *Зайдённые Ворота* – «Лес под вид ворот» [Бабуш, Андреевское,] канал *Захожая* [Галич].

Не проходить: бол. *Непроходимое* [Нянд].

Обходить: пок. *Обход* (= *Выход*) – «Эту пожню (Выход) потом стали Обход называть, когда деревни слились. Из Большой если идти в Рудино, эта пожня первая была. А если из Рудина идти – последняя» [Кир, Большая], пок. *Обход* [Чаг], дор. *Обход* [Сок], бол. *Обходное* [Вож], пок. *Обходные* [В-Важ], лес *Обходня* [Выт], ур. *Обходы* [Котл].

Объезжать: пок. *Объезд* [Бел], г. *Объездная* [Бел], луг *Объездная Нива* [Бел], бол. *Объездник* [У-Куб], бол. *Объездный Мох* [С-Дв, Устюж].

Отъезжать: пок. *Отъезжие* [Котл].

Перевалить: бол. *Перевалиха* [Он], оз. *Перевалиха* [Пин], ур. *Перевалка* [Карг], руч. *Перевальник* [Гряз], бол. *Перевальное* [Кон].

Переезжать: пок. *Переезд* [Вож], пок. *Переезжее* [Лен], руч. *Переезжий* – «По нему весной из Модлоны в Перешню переезжали» [Кир, Головинская].

Переходить: р. *Переход* [Пыщ], ур. *Переход* [Уст], мыс *Переход* [Выт], пок. *Переход* [Нянд], пок. *Дальний Переход* [Нюкс], пок. *Палашкин Переход* [Нюкс], пок. *Переходец* [Прим], пок. *Переходная* [В-Важ, К-Б], ур. *Переходни* [Бабуш], пок. *Переходница* [Вож, Кир, Он, Тарн], пок. *Переходницы* – «Лето когда мокрое, то воды много, сапоги заливаются, нужно переходить» [Карг, Ивкина], поле *Переходницы* [Ней, Нюкс, Нянд, Плес], руч. *Переходный* [Уст], пок. *Переходы* [Вож, Кир], ур. *Перехожая* [Баб], бол. *Перехожее* [Выт], пок. *Перехожее* [Сус], бол. *Перехожее Болото* [Макар], пок. *Перехожий* [Вож].

Побежать: поле *Побежное* – «Гора высокая, так и побежишь с ее» [Нюкс, Малая Сельменьга], пок. *Побежонки* [Бабуш].

Поворачивать: ур. *Поворот* [Уст], о-в *Поворотный* [Он], руч. *Поворотный* [Вож].

Подступать: ур. *Подступники* [Пин], поле *Подступное* [В-Т, Кон], пок. *Гамово-Подступное* [Уст], пок. *Подступный* [Ваш].

По ходу: р. *Походновка* – «По ей шли на покос, по ходу она была» [Нюкс, Угол].

Приворачивать: бол. *Приворотное* [Вож].

Приезжать: пок. *Приездная* [В-Уст], пок. *Большая Приезжая* [В-Т], руч. *Приезжий* [В-Т].

Приходить: г. *Приходная* [Нюкс], пок. *Приходные* [Тарн], пок. *Прихожая* [В-Важ], пок. *Прихожее* [Вель, М-Реч], оз. *Прихожее* [Пин], оз. *Прихожее* – «Приходили на него первое» [С-Дв, Волость], мыс *Прихожий Мыс* [Вож], пок. *Прихожое* [Вож], пок. *Пришлая* [Котл], бол. *Пришное* [Тот].

Проезжать: оз. *Проездное* [Выт], руч. *Проезжий* [Вель], оз. *Проезжое* [Пин].

Проходить: ур. (место между двумя островами леса) *Проходина* [Кад], поле *Проходное* [Уст], пок. *Проходное* [Карг, Устюж], оз. *Проходное* [Выт], руч. *Проходной* [Карг], пок. *Проходной Лог* [Уст], полоса *Проходнуха* – «Впроходь она была большая» [Уст, Конятинская], пок. *Проходные* [Он], ур. *Родинская Прохода* – «Островок в болоте, проходили к покосу» [Кад, Семеновская], р. *Прохожая* – «На лодке можно было пройти» [Бабуш, Тарабукино], пок. *Прохожие* [Холм], поле *Прохожие* [Пин].

Съезжаться: оз. *Съезжие Озера* [Пин].

Ходить: бол. *Ходкое* [Ваш].

- Ср. также московские гидронимы: *Ходынка* – речка, через которую или по которой можно было ходить, переходить, плавать и т. п.; *Сходня* (*Всходня*, *Входня*) – река, по которой мелкие суда «всходили» из Москвы-реки к Черкизовскому волоку на Клязьму [Агеева 1985, 67].

ОБЪЕКТ, СВЯЗАННЫЙ С ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ ПЕРЕВОЗА ЧЕРЕЗ РЕКУ

Перевозить: пок. *Вёшный Перевоз* [Мантур], руч. *Дорогой Перевоз* [Холм], оз. *Перевозное* – «Старик просил старуху перевезти через озеро, перевезли – вот и Перевозное» [Баб, Марково], мыс *Перевоз* – «Перевоз был на Мехреньгу» [Нянд, Ручей].

МЕСТО, ГДЕ ЕЗДЯТ НА ЛОШАДИ

И СВЯЗАННЫЕ С ЭТИМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

Выпрягать: пок. *Выпрягальница* [К-Б], ур. *Выпрягово* – «Выпрягали лошадей: такая грязь была, что не проехать» [Влгд, Прилуки].

Запрягать: ур. *Запрягай* [Пин].

Мызгать ('погонять лошадь'): г. *Мызгунья* – «Лошади станут на ей и не идут, вот и мызгаешь (клич это такой, чтоб она двигалась), горку Мызгуньей и прозвали» [Кон, Вершинино].

Плавить ('переправлять лошадей'): пок. *Плавищи* – «Переплавляли лошадей» [Прим, Ластола].

Погонять: ур. *Погонялка* [Плес], поле *Погонялки* [Карг], ур. *Погоняльник* [Плес].

Распрягать: г. *Распрягальница* – «Трудно проехать, лошадь распрягали» [Бабуш, Демьяновский Погост].

ОБЪЕКТ, ДО КОТОРОГО ДОБИРАЮТСЯ С ТРУДОМ

Залезать: пок. *Залази* [Холм], пок. *Залазная* – «Залазили на ее с реки» [Леш, Вожгора], пок. *Ближнее Залазное* [Уст], ур., бол. *Залазное* [Вин, В-Т, Карг, Кон, Лен, Леш, Мез, Пин, Плес, Прим, Холм], руч. *Залазной* [Леш, Уст], пок. *Залазной Наволок* [Уст], бол. *Залазный Мыс* [Карг], пок. *Залезная* [Кир], поле *Залезное* – «Крутая горюшка, трудно залезать» [Баб, Верхний Конец].

- Ср. приводимое А. К. Матвеевым объяснение семантики топонимов *Полазная* и *Залазная*: *Полазная* – «река, по которой куда-то лезут (полезают)», *Залазная* – «река, по которой залезают» [Матвеев 1987а, 142].

Перелезать: р. *Большой Перелаз* – «Берег там очень крутой» [Пин, Айнова], мост *Верхний Перелаз* [Прим], бол. *Перелаз* [Бабуш, К-Б, Ней, Нянд], ур. *Перелаз* – «Там переход через Мареку» [Ваш, Якунино], ур. *Каменный Перелаз* [Карг], паш. *К Перелазу* [Кир], пок. *Перелазка* [Сямж], пок. *Перелазница* [Вож, Нянд], пок. *Перелазное* – «Еле добе-

ремся до его, такое болото дак» [Ваш, Новокемский], ур. *Узкий Перелаз* [Тот].

ВОЗВЫШЕННОСТЬ, НА КОТОРУЮ ТЯЖЕЛО
ПОДНИМАТЬСЯ (В ТОМ ЧИСЛЕ НА ЛОШАДИ)

Подниматься в гору

Вздыматься ('подниматься'): руч. *Вздымальный* [Баб, Плес], поле *Выздым* [Карг, Плес].

Взьем, зьем ('подъем'): ур. *Взьем* [С-Дв], поле *Взьем* – «На сувале таком, на горбыше поле» [Уст, Шилов Починок], пок. *Взьём* [Леш], полосы *Взьёмы* [В-Т], г. *Бережанский Зьем* [Уст], г. *Набережной Зьём* [Уст].

Взвоз, звоз ('подъем от реки, моста, перевоза и пр.'): *Взвоз (Звоз)* – повсеместно, например: руч. *Взвоз* – «Зимой по ручью проходит показная дорога» [Пин, Каскомень], пок. *Взвоз* [Бел, Карг, Плес], дорога *Длинный Взвоз* [Нюкс], пок. *Взвозец* [Уст], г. *Взвозница* [В-Важ], г. *Медвежий Взвоз* – «Шибко крутой, две лошади запрягать надо, чтоб подняться, в колеса анышпуг <рычаг> пехали. Вот и Медвежий Взвоз: медвежья сила нужна»; «Шибко крутая гора, лошади медвежья сила нужна» [В-Уст, Кузино], полоса *Звоз* [Бел], руч. *Звоз* – «По нему зимой въезжают на берег, поднимаются» [Пин, Ваймуша], руч. *Звоз* [Леш].

- Возможно, есть смысл говорить о терминологизации топонима *Медвежий Взвоз* хотя бы применительно к Великоустюгскому району Вологодской области, где данным топонимом обозначены три разных объекта.

Прямо влезать: г. *Прямовлазка* [Лен].

Подыматься: поле *Подымная Горушка* [Тот], пок. *Подымник* [В-Т], р. *Подымница* [Кон], поле *Подымное* [Пин], пок. *Подымные* [Вож].

Поднимаясь в гору, взмокнуть, вспотеть, как в бане

Баня: г. *Климкова Банька* – «Высокая гора, бани нет там. Взобраться на ей тяжело» [Влгд, Поповка].

- Ср. название горы *Чертova Банька* на Северном Урале: по мнению А. К. Матвеева, эта метафора указывает на труднодоступность горы [Матвеев 1990, 160].

Пар: г. *Парок* [Вель].

Тяжело дышать, кряхтеть и т. п. при подъеме

Дристать: г. *Дристунья* – «Угор высоченный с реки, на ем деревня. Мешки носили вверх мужики, дак надрывались, дристали» [Нюкс, Дмитриево].

Кила ('грыжа'): г. *Килунья* – «Залезешь, дак килу посадишь» [Нюкс, Бобровское].

Кряхтеть: г. *Кряхтунья* – «Тяжело взобраться» [Некр, Некрасовское].

***Ляхтать**: г. *Ляхтунья* – «Ляхтунья потому, что высокая, пока взойдешь – упаришься» [Нянд, Холопы].

- Аппеллятив *ляхтать*, к сожалению, не зафиксирован в КСГРС, однако ср. *ляхчать* 'тяжело дышать, сопеть' [СРНГ 17, 275].

Пыхать ('тяжело дышать'): г. *Пыхалка* [Котл].

- Подтверждением ономаσιологической интерпретации данных топонимов служат названия крутых гор *Углежогский Пыхтун* и *Бежинский Пыхтун* («чтоб подняться на них, пришлось попыхтеть») и географический термин *пыхтун* 'крутая гора', появившиеся в условной топонимической системе, описанной А. К. Матвеевым [Матвеев 1991, 23]; ср. также наименования расположенных рядом друг с другом крутых перевалов *Пыхтун* и *Кряхтун* [Кемер: Князьков, Шпинь, 72].

Пердеть: г. *Пердуниха* – «Высокая гора, плохой урожай» [Ваш, Ваномозеро], пок. *Пердунов* – «Косить там больно тяжело, высокое место» [Уст, Едьма], г. *Пердячка* – «Очень круто, кони вывезти не могут» [Бел, Кукина Гора].

- Ономаσιологическая первичность указанной мотивировки вполне убедительна, однако возможно, что некоторые топонимы, подобные вышеприведенным, возникли вследствие народноэтимологической интерпретации названий типа *Пертовка*, *Пертовица*, являющихся финно-угорскими субстратными включениями, ср. фин. *pirtti* 'изба', карел. *pertti* 'изба', 'сени' [РТФУП II, 295].

ВОЗВЫШЕННОСТЬ С ТРУДНЫМ СПУСКОМ

Спускаться с горы

Спускаться: ур. *Спуск* [Вож], пок. *Спуск* [Леш, Уст], ур. *Спуск* – «Дорога к речке там» [Прим, Бутырская], руч. *Спуск* [Уст], лес *Первый Спуск* [Котл], г. *Спускало* – «Спускались с горы» [Бабуш, Соколово], поле *Спускало* [Нюкс], прк. *Спуски* – «На лошадях круто спускаться было» [Мез, Долгощелье], пок. *Спусковое* [Лен].

Падать с горы

Западать ('падать'): г. *Западны́е* – «Падают с них, высокие угоры» [Нюкс, Малая Сельменьга].

Опрокидываться: поле *Опрокидни* – «Там угоры, опрокид такой крутой, трудно взобраться» [В-Уст, Пополутково].

ГИДРООБЪЕКТ, ГДЕ ТРУДНО СПРАВИТЬСЯ С ТЕЧЕНИЕМ

Быть прижатым к скалам

Притужать ('прижимать'): прк. *Притужальник* [Пин].

Расшибиться

Расшибить(ся): р. *Расшибенное* – «Там камни, расшибались люди на лодках» [Бабуш, Починок], порог *Росшибиха* [Пин].

Перевернуться на лодке

Обашкорить ('опрокинуть, перевернуть'): порог *Обашкорило* – «Немного заезаешься – тебя и перевернет» [Вин, Верхняя Ваеньга].

Перевернуть: порог *Перевёртыш* – «Переворачивались на лодках» [Нюкс, Бобровское]

Взмокнуть, вспотеть от напряжения

Баня: порог *Баня* [Леш].

ОБЪЕКТ С ИСТОПТАННОЙ, ИЗМЯТОЙ НОГАМИ ПОЧВОЙ

Топтать: пок. *Топтанец* [Леш], руч. *Топтун* [Уст].

Перетоптать: пок. *Перетопницы* [К-Г], поле *Перетоптанница* – «Грязь эвока была, трудно было переезжать» [Ваш, Давыдово], пок. *Перетоптанка* – «Всю землю там перетоптали, переходили дак» [Бабуш, Починок], поле *Перетоптанки* [Влгд, Хар].

ОБЪЕКТ, У КОТОРОГО СМЕНЯЮТ НАПАРНИКА ПО ГРЕБЛЕ

Смена: о-в *Смена* – «За озеро ехали, так у его сменялись» [Выт, Мошниковская], о-в *Сменной* – «Грести устанут, дак тут переменяются» [Пин, Кушкопола].

НЕБОЛЬШОЙ ОБЪЕКТ, КОТОРЫЙ МОЖЕТ БЫТЬ БЫСТРО ПРЕОДОЛЕН

Материал был подробно описан в ходе предыдущего изложения (гл. II, разд. 3). Приведем здесь лишь апеллятивы для систематизации информации: **скоропостижный, скороход, скородум**.

ОБЪЕКТ, КОТОРЫЙ УЗОК ДЛЯ ПРОЕЗДА НА САНЯХ

Узкие дровни: пок. *Узенькие Дровенцы* – «Хозяин был ленивый, пожню заростил, только на узеньких дровенцах проедешь» [Бабуш, Холм].

ОБЪЕКТ, СПОСОБСТВУЮЩИЙ ОРИЕНТИРОВКЕ В ЛЕСУ

Выводить (на дорогу): ур. *Бабушкина Вывожельница* – «Там сосна растет с кривым сучкам, бабушка из леса выходила по этой сосне: увидит ее и знает, куда идти» [Бабуш, Дьяково].

МЕСТО, ГДЕ МОЖНО ЗАБЛУДИТЬСЯ

Блудить: бол. *Блудиха* [Галич], лес *Блудиха* [У-Куб], ур. *Блудливая* – «Заблудиться можно» [Он, Вонгуда], оз. *Блудное* [Пин], лес *Блудящее* [Уст], луг *Блудящий* – «Там наволок большой да узкий, по реке

идёшь долго – да снова на то же место придёшь. Блудишь там чуть не целый день» [Он, Тамица].

• Топонимы, образованные от основы *блудить*, могут обозначать также собственные свойства объекта: р. *Блудная* – «Блудит, вихляет, как пьяница» [Леш, Вожгора], р. *Блудиха* – «Петляет она, блудит» [Вил, Павловское].

Бродить: бол. *Бродяга* – «Бродить можно, плутать, как заблудишься» [Кон, Бобровская].

Заблудиться: лес *Заблудиха* – «Блудятся там больно» [Влгд, Круголка], бол. *Заблудкино* [Бабуш], поле *Заблудни* – «Девка какая-то заблудилась» [Пин, Церкова], бол. *Заблудное* – «Люди пойдут, заблудятся» [Устюж, Грязная Дуброва], д. *Заблудня* – «Раньше кто-то заблудился и поселился здесь» [В-Т, Першинская], пок. *Заблудня* [Лен, Пин], пок. *Заблудняя* – «Заблудиться можно, кустов много» [Прим, Часовенская], ур. *Заблудяха* [Галич], пок. *Заблудяхи* [Сок, Сямж], бол. *Заблудяшное* – «Блудили там – и сельсовет рядом, и собаки лают, а сразу не выйдешь» [Бабуш, Горка], бол. *Заблудящее* [Вил].

Кружить, кружать, кружаться (*кружать* ‘блуждать’, *кружаться* ‘заблудиться’): бол. *Кружаево* – «Там голову кружило, люди по ягоды пойдут и заблудятся» [В-Важ, Боровина], лес *Кружалиха* – «Закружаться можно, выйдешь к речке, дак смекнёшь, куды идти» [В-Уст, Горка], пок. *Круженцы* – «Кружило там, наверное, в лесу это место» [В-Важ, Мокиевская], пок. *Круженьё* – «Кружало там»; «В Круженьё, бывало, мужика водило: пошел вечером, пришел утром, всё кружался в Круженьё, и кружает, и кружает вокруг одного камня»; «Кружает тамока всех добрых людей, напьются – дак так-то что окружаешься; проспиться – и ладно поедешь»; «Место такое круглое, кругом ходишь» [В-Важ, Титовская, Грихновская, Игнатовская, Клюкинская].

Плутать: о-ва *Плутавичи* – «Плутают там» [Прим, Чубола], пок. *Плутняк* [К-Б], бол. *Плутно* [Баб].

Потеряться: пок. *Потереиха* – «Потеряешься, пока дойдёшь» [Вож, Кутилово], пок. *Потеряйка* [Выт], ур., пок. *Потеряха* [Кон, Нянд, Сямж], поле *Потеряха* – «Лес там раньше был, мужик ушел и потерялся» [В-Важ, Семеновская], пок. *Потеряха* – «Пойдешь туда – потеряешься» [Бабуш, Чупино], поле *На Потеряхе* [Нюкс], ур. *Потеряшки* [Выт].

ОБЪЕКТ, ОКАЗЫВАЮЩИЙ ПЬЯНЯЩЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЧЕЛОВЕКА

Винный: г. *Винные Горки* – «Между ними такая топь, идешь, как пьяный, переваливаешься» [Карг, Кречетово].

Похмельный: р. *Похмелка* – «Пахучи травы там, идешь, как хмельной» [Уст, Подгорная].

Пьяный: бол. *Пьяное* – «На болоте растет багульник, от которого человек, находящийся на болоте, пьянеет» [Бел, Глушково].

• Ср. наименование порога *Пьяный* на Ангаре: по одной из версий, это название связано «с большой усталостью пловцов, дошедших как будто до состояния опьянения после преодоления трудного пути через самый бурный, тяжелый порог Падун» [Мельхеев 1969, 58]. Рядом с этим порогом находится порог *Похмельный*. Возможно, сходный признак положен в основу пары названий утесов на р. Лена – *Пьяный Бык* и *Похмельный Бык* [Семенов III, 29].

МЕСТО, ГДЕ МОЖНО ЗАМАРАТЬСЯ

Замараться: поле *Замараево* [Баб, К-Г], паш. *Замараиха* [Вож, Прим], пок. *Замараихи* [Карг].

• Возможно, название поля *Замараево* имеет отантропонимическое происхождение.

ОБЪЕКТ, ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С КОТОРЫМ РАЗУВАЮТСЯ

Босоногий: пок. *Босоногая* – «Осенью там старичок чистил покос босой, без обутки» [Ваш, Дурасово].

Разуваться: бол. *Разувай* – «Провалишься там, сапог и остался в болоте – вот тебе и Разувай» [Баб, Савинское].

НЕГЛУБОКИЙ ГИДРООБЪЕКТ, ГДЕ МОЖНО ТОЛЬКО ЗАМОЧИТЬ НОГИ

Мочить ноги: лог, руч. *Мочинога* – [К-Г, Тот].

ОБЪЕКТ, ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С КОТОРЫМ СЛЕДУЕТ РАЗДЕТЬСЯ, ОБНАЖИТЬ НИЖНЮЮ ЧАСТЬ ТЕЛА

Без гач ('штаны'): ур. *Безгачево* [Галич], ур. *Безгачиха* [Бабуш].

Без портков: руч. *Беспорточный* – «Без портков переходить надо»; «В портках не перейти» [Прим, Летняя Золотица].

Без штанов: полосы *Безоштанницы* [Меж], р. *Безоштянка* [Ник], поле *Бесштанница* [Пин].

Белая гузка: поле *Белогузиха* – «Сказывали, старики когда-то без штанов пахали» [Пин, Кеврола], руч. *Белогузка* [Тарн], поле *Белогузка* [Мантур].

Голая гузка: пок. *Гологуз* [Пин, Тарн], пок. *Гологузка* [В-Важ, Парф], ур. *Гологузка* [Ник], поле *Гологузки* [Бабуш], пок. *Гологузово* [Карг].

Голая жопа: пок. *Голожопица* [К-Б].

Голый пуп: р. *Голопупница* [Тот], бол. *Голопуповщина* [Карг], пок. *Голопупое* [Кон], пок. *Голопупы* [Бабуш].

Гузку мыть: руч. *Гуздомойка* – «Его переходить, дак вода до жопы доходит» [Ваш, Вашкозёрки], р. *Гузомоя* [Галич, Кир, Сямж, Хар], р. *Гуздомойка* [Сус].

М...у мыть: лог *М...мойка* [Пыщ].

Мокрая гузка: пок. *Мокрогуз* – «Рядом болото, бродили по пояс мокрые» [Котл, Кузнечиха], ур. *Мокрогузы* [В-Важ].

Оголить гузку: пок. *Оголигузки* [Бабуш].

П...у мыть: р. *П...мойка* [Бабуш].

Резать муди: пок. *Мударезы* – «Пожню называли Мударезы – мокро там, бродили до пояса» [Холм, Старая Мельница].

• В этом случае дополнительным мотивирующим признаком, вероятно, оказывается наличие режущей травы (осоки?).

МЕСТО, ГДЕ ОПРАВЛЯЮТСЯ

Срать: пок. *Сралёва Дерюга* [Нюкс], поле *Сральницы* (нов. *Голубцы*) – «Запущено было, оправлялись там только. А потом разработали хорошо, Голубцы стали звать» [Нюкс, Дмитриево], пок. *Сральное* [Сямж], о-в *Сральный Островок* – «До него островов нет, на нем оправлялись старики»; «оправлялись там старики» [Прим, Чубола, Онишево], лес *Сраная (Засраная) Горушка* [В-Важ], руч. *Сраной Ручей* – «Кругом открытое пространство, поэтому видно, что здесь оправлялись» [Пош, Колодино], пок. *Стральница* [Леш].

МЕСТО, ГДЕ МОЖНО УВЯЗНУТЬ, УТОНУТЬ

Седучий ('такой, где можно увязнуть'): бол. *Седучая* [Уст], руч. *Седучий (Сежучий)* [Уст].

Тонуть: бол. *Тонучее* – «Тонули всё» [Бабуш, Соколово], бол. *Тонучее* [Уст], бол. *Тонучее Болото* – «Оно топкое» [Леш, Пустыня].

КОЧКОВАТОЕ, УХАБИСТОЕ И Т. П. МЕСТО, ТРУДНОЕ ДЛЯ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Вертеть: пок. *Вертуны* – «Неровное место» [Сок, Варушино].

Колотить(ся): бол. *Колотун* – «Колотишься по кочкам там» [Некр, Бор], бол. *Колотилово* – «Кочка на кочке, идешь – колотишься, вот и Колотилово» [Ваш, Тарасьево].

• Последнее название, возможно, имеет отантропонимическое происхождение.

Плясать: пок. *Плясун* – «С кочки на кочку пляшешь там» [Ваш, Харбово].

Трясти: ур. *Трясиха* [Нюкс], оз. *Трясливое* [Баб], бол. *Трясенное* [Котл], бол. *Трясково* [Чухл], бол. *Трясливое* [Баб, Плес], пок. *Трясники* – «Трясучее такое место» [Бабуш, Васильево], бол. *Трясница* [Вил], бол., оз. *Трясное* [Вин, Он], бол. *Трясун* – «Идешь по нему – трясет»

[Сок, Нелидово], бол. *Трясунья* [Вель], г. *Трясучая Гора* – «Ниже ее зайди – всё зыбаётся, почва трясучая, как на болоте» [В-Важ, Заболотье], пок. *Трясучка* [Череп].

Трясти гузкой: поле *Трясогузово* – «На болоте оно, качает» [Вель, Павловское], бол. *Трясогузово* [Бел].

Трясти ногой: лес *Трасиногово* [Чухл].

Шатать: бол. *Шатай* [К-Б], бол. *Шатнее* [Сямж], пок. *Шатун* [Прим], пок. *Шатуны* – «Косишь – под ногами качается»; «Там болото с краю, идешь – земля под ногами шатается» [Прим, Красная Гора].

ТРУДНОПРОХОДИМЫЙ ОБЪЕКТ, ПРЕОДОЛЕНИЕ КОТОРОГО
МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К ФИЗИЧЕСКИМ ТРАВМАМ

Ушибиться, удариться

Ударить голову: ур. *Неударьголову* – «Там подъем из оврага и сосна росла, не пригнешься – голову ушибешь» [В-Уст, Гора-Семеновская].

Ушибиться суком: пок. *Сукомнеушибьте* [Шенк].

Выколоть глаза

Глаза бить: руч. *Глазобитный* [Уст].

Драть глаза: мыс *Дериглаз* [Уст].

Курослепый (‘слепой, плохо видящий’): р. *Курослепка* – «Тоже гиблое место, пешком туда ходили, глаза можно выколоть об кусты» [Нюкс, Матвеево].

Пологлазый (‘слепой’): пок. *Пологлазиха* – «Лес рос – глаза выколоть» [Бабуш, Дьяково].

- Номинируемые объекты содержат густые заросли какой-либо растительности, которые – через гиперболизирующую призму топонимической номинации – создают «угрозу» глазам.

Ломать ноги

Драть ноги: руч. *Деринога* – «Быстро очень течет» [Влгд, Карцево], руч. *Деринога* [Сок].

Костоломный: ур. *Костоломиха* [Меж, Он], поляна *Костоломная Гора* [Нянд].

Кривоногий: пок. *Кривоногое* [Тарн].

Ломать (изломать, разломать) ноги: р. *Изломинога* [Сямж], пок. *Изломиноги* [Тот], поле *Разломинога* [Плес].

Хромать: пок. *Хромая* [Пин], поле *Хромихи* [Вин], пок. *Хромой Угор* [К-Б].

МЕСТО, ГДЕ МОЖНО ПОГИБНУТЬ, ПРОПАСТЬ¹²

Погибель: лес *Погибелка* [Пош], бол. *Погибель* – «Кто пойдет в это болото, тот и не вернется» [Ваш, Семенчево], ур. *Погиблое* – «Убитых купцов находили» [Сок, Подъельное].

• Топонимы, образованные от апеллятива *гибнуть* (*погибнуть*, *гибель*), встречаются довольно часто, ср.: д. *Гиблица* (*Погибелка*) [К-Б], поле *Гиблеть* [Тарн], бол. *Гиблое* [Он], пок. *Погиблово* [В-Уст], р. *Погибла* [В-Т], пок. *Погиблицы* [В-Т], р. *Погибалица* (*Погибелица*) // *Плоховая* [Ней], р. *Погиблиця* [Парф] и др. Однако их смысловое наполнение может быть различным: они не только фиксируют реально свершившееся событие (чью-либо гибель), но и моделируют возможность такого события, а также выражают экспрессивную характеристику свойств географического объекта. Ср.: часть д. *Гиблая Сторона* – «Человек у нас погиб, ли чё ли»; «Гибло место у нас, темно да комарье» [Леш, Вожгора], бол. *Погибель* – «Кто пойдет в это болото, тот и не вернется» [Ваш, Семенчево]; бол. *Погиблое* – «Настоящее Погибло – погибнешь там» [В-Т, Шуровская], пок. *Погиблая* – «Плохая пожня, с которой можно накосить мало сена» [Плес, Кузьминская].

Пропасть ('погибнуть'): пок. *Пропадиха* – «Гибло место, пропасть можно» [В-Важ, Удальцовская], полоса *Пропадухи* [Пыщ], поле *Пропадающая* [В-Т], пок. *Пропадающие* [Вель].

• Представленность в данной рубрике названий полей и покосов заставляет предполагать, что названия этого ряда могут отражать потребительские качества объекта ('место, где пропадает урожай' и т. п.).

Смерть: пок. *Смерть* [В-Важ], руч. *Смерть* [Он, Сямж].

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ РАБОТЫ

МЕСТО, ГДЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ СЕНОКОШЕНИЕ

Грабить, грести ('сгребать сено'): пок. *Грабильное* [Чухл], ур. *Граблиха* [Он], пок. *Грабловище* [В-Т], поле *Гребла* [Холм, Шенк], пок. *Гребло* – «Сено гребли» [Котл, Куимиха], пок., поле *Гребло* [Вож, В-Т, В-Уст, Котл, Холм, Шенк], луг *Гребловатица* [В-Т], поле *Гребловка* [Холм].

Косить, косить сено: пок. *Косёбная* [Макар], пок. *Косёбная Подскотина* – «Косили там» [У-Куб, Лукачево], пок. *Косишная Грива* – [У-Куб], пок. *Косная* [Бел], бол. *Косное* [Сус], бол. *Кошёное* [Вож], бол.

¹² Ср. в топонимии Омской области – **прощать(ся)**: бол. *Прощай* – «Было на ем много пучин, уходили – и не возвращались» [Знам, Нижнее Ягодное].

Кошеное Болото – «Косили на том болоте» [Ваш, Трошино], пок. *Кошеной Остров* [Он], пок. *Кошёный Лог* [Лен], руч. *Кошенный Ручей* [Вель], бол. *Кошёбное* [Уст], бол. *Сенокос* [Котл], паш. *Сенокосная* [В-Важ], ур. *Сенокосная Изба* [Уст], руч. *Сенокосный* [Кад, Уст], бол. *Сенокошное* [Вож].

Косить долго: луг *Кошу Долго* [В-Т].

Начинать косить: пок. *Починок* – «Починали косить, здесь в первую очередь косить починали» [Ваш, Дурасово].

Отеребить, теребить (‘косить, срезая верхушки травы’): пок. *Отерёб* – «Едва отеребишь – трава некоская, потерябишь только. Говорят *отереб*» [Уст, Акичкин Починок], пок. *Теребуха* [Котл].

Страдать (‘заготавливать сено’): поле *Пострадное* – «Страдовали там» [Нюкс, Алифино], ур. *Страдное* [Плес], пок. *Страдное* [В-Важ, Кон, Нюкс], пок. *Страдные* [В-Важ], пок. *Страдня* [Уст], пок. *Страдови-на* [Карг].

МЕСТО, ГДЕ ОСУЩЕСТВЛЯЮТСЯ ПАХОТА, СЕВ И УБОРКА ХЛЕБА

Боронить: лес *Боронинный Бор* [Баб], поле, ур. *Борониха* [Вож, В-Т, Котл, Мантур, Холм], паш. *Боронная* [Шенк], пок. *Боронное* [Чаг].

Не жать: поле *Нежатое* – «не выжали когда» [Нюкс, Заболотье].

Орать (‘пахать’): поле *Бол.* и *Мал. Ораная* [Уст], ур. *Ораная* – «Пашни точно там были когда-то» [Уст, Михалево], пок. *Ораницы* [Леш], поле *Оранка* [Уст], пок. *Ораное* [Баб], поле *Ораное* [Плес], пок. *Оранушки* [Карг], ур. *Ораный Мыс* – «Пахали там» [Карг, Ловзанга].

Оскородить (‘вспахать запущенное поле’ [СРНГ 24, 16]): пок. *Оскородье* [Некр].

Пахать, пахота: поле *Паханец* [Сямж], пок. *Паханое* [Быт], ур. *Паханой* – «Пахали его в старину» [Карг, Маселга], о-в *Паханый* [Кир], пок., бол. *Пахотное* [Кон, Чаг], г. *Пахотный Холм* [В-Т].

Перепахивать: поле *Перепахичное* – «Несколько раз поле перепахивали» [Уст, Вежа].

Припахать: поле *Припахинное* – «Припахали кусочек к большому полю» [Сок, Михайловская].

Сеять: поле *Севанцы* [Нюкс], поле, ур. *Сеянец* (*Сиянец*) [Ваш, Вель, Вож, Кад, Тарн, Уст], ур. *Сеянка* [К-Г, Пин, Устюж, Чаг], поле *Сеянка* [Пош], пок. *Сиянец* [Кад], г. *Сиянец Грива* [В-Т], пок. *Сиянники* [Влгд], поле *Сиянцы* [В-Важ, Уст].

Скоропашить (‘обрабатывать землю дисковой бороной, дисковать’ [НОС 10, 76]): паш. *Скоропашные* [Тот].

Хлеб косить: поле *Хлебокоское* [Он].

ПОЛЕ, ГДЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОМОЩЬ СОСЕДУ В УБОРКЕ УРОЖАЯ

Пóмочи, пóмочь (‘добровольная коллективная работа в помощь кому-либо за угощение’): поле *Помочáнки* – «Помочи устраивали, кончали жать да» [Нюкс, Кишкино], поле *Помочéньское* [Нюкс], поле *Помочна́я* [Вель, Кон], поле *Помочни́ца* [Вель], поле *Помочно́е* [В-Важ, Вель, Нюкс].

- Выявление топонимов, образованных от апеллятива *пóмочи, пóмочь*, осложняется тем, что названия на *помоч-* могут реализовывать признак влажности почвы. Для выделения ситуативных названий в данном случае следует учитывать акцентологические характеристики топонимов, а также лингвогеографические: *помочные* названия распространены в четко очерченном ареале – в бассейне Ваги и Вели (юг Архангельской и север Вологодской области); именно на этой территории слово *пóмочи* связывается преимущественно с уборкой урожая.

МЕСТО, ГДЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ОБМОЛОТ

Молотить: пок. *Молотилихи* [Вин], пок. *Молотилка* [Карг, Нюкс], ур. *Молотильный Лог* [Кологр], г. *Молотильный Угор* [Тарн].

МЕСТО, ГДЕ ОБРАБАТЫВАЮТСЯ ЛЕН, КОНОПЛЯ

Мочить: оз. *Мочельня* [Леш], оз. *Мочилище* [Пин], оз. *Мочило* [Баб, Устюж], яма *Мочильная Яма* [Котл], оз. *Мочище* – «там лыко мочили» [Ваш, Тимино].

Стлать: ур. *Слище* – «Лен расстилали» [В-Уст, Полдарса], поле *Слище* (*Стлище*) [Баб, Вил, В-Уст, Кад, К-Г].

ОБЪЕКТ, ГДЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ УХОД
ЗА ДОМАШНИМИ ЖИВОТНЫМИ

Коней вязать: пок. *Коневяз* – «Коней вязали тамо» [Пин, Шотогорка], пастб. *Коновяз* [В-Т, Пин, Холм], пок. *Коновязы* [Пин].

- Объекты с такими названиями распространены только в бассейне р. Пинега.

Кормить: лес *Кормовище* – «Лошадей кормили там» [Мез, Долгощелье], пок. *Кормовище* [Пин].

Паси: поле *Пасвено* [Уст], луг *Пасвица* [Уст], бол. *Пасестское* – «Там лошадей пасли, от слова “пастьба” его назвали» [Котл, Малый Ур-томаж], р. *Пасная* – «Пастбища там хорошие были» [Вил, Меньшая], руч. *Пасной* [Уст], пок. *Паства* – «Там скот пасли» [В-Важ, Фоминская].

УРОЧИЩЕ, КОТОРОЕ ОБЕРЕГАЕТСЯ (ОТ СКОТА, ОТ ВЫРУБКИ И ДР.)

Беречь: лес *Бережёный* [Гряз], пок. *Бережёный Луг* – «Скот-от на пожню пустить – он всё вытопчет. Вот и берегли этот луг, не пускали скотину туда» [У-Куб, Никольское].

Выгородить: ур. *Выгороженный Мыс* [Сок].

Охранять: лес *Охранный* – «Сохраняли там лес, не рубили» [Кир, Чарозеро].

• Ср. в топонимии Омской области: лес *Сохранная* – «Сохраняли его издавна для бедствий, у кого сгорит дом – брали лес оттуда» [Тевр, Журавлиха].

ГИДРООБЪЕКТ, ГДЕ ЛОВЯТ РЫБУ

Бухать ('загонять рыбу в сеть, ударяя по воде палкой'): р. *Бухалка* – «Рыбу бухали там» [Бабуш, Демьяновский Погост], тоня *Бухальница* [Влг, Кир].

Ловить: руч. *Ловецкий* [Нянд], кам. *Ловецкий Камень* [Он], оз. *Ловецкое* – «Там ловится хорошо» [Прим, Летняя Золотица], оз. *Ловучее* [Холм], р. *Ловчая* [Прим], о-в *Ловчая Кошка* [Прим], тоня *Ловческая* [У-Куб].

Рыбу ловить: оз. *Рыболовное* [Шенк], д. *Нижнее Рыболово* – «Раньше были тут рыболовы все, рыбу ловили» [Прим, Ниж. Рыболово].

Торбать ('загонять рыбу в сеть, ударяя по воде палкой'): р. *Торбанка* – «Торбают рыбу боталом, вот и назвали Торбанка» [Кир, Спелово].

Удить, удёбный ('к ужению относящийся' [Даль IV, 471]): оз. *Удбище* [Уст], оз. *Удебное* [Вель, В-Т, Кон, Пин, Плес, Холм, Шенк], оз. *Удебьё* [Холм], мыс *Удильный* [Баб], ур. *Удильня* [Баб, Кад].

Щелкать (рыбу): тоня *Щелчок* – «Семгу кротили, по головам щелкали»; «Много ловили семги, колотили ее» [Прим, Лопшеньга].

ЛЕС, КОТОРЫЙ ЧИСТИТСЯ, ВЫЖИГАЕТСЯ ПОД ПАШНЮ, ПОКОС

Катать (*катать (новину)*, 'очищать (подсеку) после сжигания срубленного леса; выжигать лес под пашню'), поле *Катаник* – «Катали новины старики» [Вель, Смольянец], поле, полоса *Катаник* [Ник, Хар], пок. *Катаники* [В-Важ].

Корчевать: пок. *Корчёванная Исада* [Шенк], лес *Корчёвка* [Галич], пок. *Корченый Мыс* [Уст], поле *Корчёвка* [Нянд], ур. *Корчёвки* – «Лес раскорчевали там» [У-Куб, Мыс].

Не прятать: пок. *Непрятаница* [Карг].

• Ср. географический термин *непрять* 'лес, срубленный для огнища, но оставленный несожженным', 'вырубленный, сожженный, но не выкорчеванный лес' [КСГРС; СРНГ 21, 135].

Не чистить: лес *Нечищенный Угол* [В-Важ].

Прочистить: пок. *Прочищенные* [Сок].

Прятать (*прятать (новину)* ‘очищать (подсеку) после сжигания срубленного леса; выжигать лес под пашню’): пок. *Прятаница* [Вож].

Скорчевать: лес *Скорчёвка* [Сок].

Чистить: ур. *Чищенная* [Тот], пок. *Чищенное* [В-Уст, Карг, К-Б, Кон, Сямж], о-в *Чищенный* [Кир], пок. *Чищенный Остров* [Пин], пок. *Чищение* – «*Чищение* от слова *чистили*, *чистили* покосы от леса» [Кир, Чарозеро].

ЛЕСНАЯ ДЕЛЯНКА, ГДЕ ВЫРУБАЕТСЯ ЛЕС,
ЗАГОТАВЛИВАЮТСЯ ДРОВА

Рубить лес

Дрова (делать, сечь): ур. *Дровдель* – «Дров много там» [Кон, Бобровская], ур. *Дроводел* – «Раньше дрова готовили» [В-Важ, Заболотье], лес, ур., пок. *Дроводел* [В-Важ, Вель, Нюкс, Уст, Шенк], пок. *Ортюгин Дроводел* [В-Важ], лес *Дроводели* [Кологр], ур. *Дроводильное* [Тот], лес, ур., пок. *Дровосек* [Ваш, Вель, Вож, Карг, К-Г, Котл, Ник, Пыш, Уст, Устюж, Шенк].

Карзать (‘обрубать ветви у дерева; рубить деревья на дрова’): пок. *Карзаница* [Карг], луг *Карзаник* [В-Т], д. *Карзиха* [Ваш].

Сечь лес: лес *Лесосек* [Тарн], пок. *Лесосеки* [Гряз].

Складывать вырубленный лес

Складывать: лес *Складка* – «Лес складывали тут» [Бабуш, Соколово].

Ставить: ур. *Ставежи* – «Лес грузили» [Бабуш, Васильево].

Заготавливать лес на санные полозья

Салазки: бол. *Салазкино* – «На салазки вырубает березки, на полозья» [Бабуш, Дор].

Заготавливать веники

Ломать лист: пок. *Листолом* – «На веники березу ломали» [Уст, Кузоверская], ур. *Листолом* – «Раньше здесь березу ломали» [Уст, Олешковская].

Заготавливать бересту

Хлестать: пок. *Хлёстыш* – «Раньше туда ходили берёста драть» [Вож, Сурковская].

МЕСТО, ГДЕ ДРОВА ПЕРЕЖИГАЮТСЯ НА УГОЛЬ

Уголь: лес *Угольный* – «Там уголь жгли» [Ваш, Конечная].

Томить (‘пережигать дрова на уголь’): ур. *Томилиха* – «Там уголь в яме томили» [Кир, Чарозеро].

ДОРОГА, ПО КОТОРОЙ ВОЗЯТ ЛЕС

Лес возить: дор. *Лесовозная Дорога* – «По ей лес возят» [Бабуш, Грива].

СПЛАВЛЯТЬ ЛЕС

Катить (лес): ур. *Катильня* – «Там бревна катили к реке» [Нюкс, Дмитриево], ур. *Катище* – «Там лес раскряжовывают и сваливают в реку» [В-Важ, Высотинская].

- Ср. географический термин *катище* ‘накат со спуском к реке, где складывали бревна перед сплавом’ [КСГРС].

Плавить (‘сплавлять’): ур. *Плавильня* – «Оттуда лес плавили» [Котл, Приводино].

Сплавной: хут. *Сплавной Хутор* – «Там лес сплавляли» [Нюкс, Матвеево].

ЛЕС, ГДЕ ДОБЫВАЮТ ЖИВИЦУ, ЗАНИМАЮТСЯ СМОЛОКУРЕНИЕМ

Подсочка: бол. *Подсочное* – «Сосны подсачивали, у сосен живицу добывали» [Лен, Мирный].

Серосечка (‘подсекание сосны для производства смолы’): лес *Серосичка* – «Серу добывали» [Котл, Бол. Маминская].

Смола (смолу курить): ур. *Смольбище* – «Смолу там гнали раньше» [Котл, Мал. Погорелка], пок. *Смолокура* [Холм], хут. *Смолокурный* [Нюкс], лес, ур. *Смолокурка* [Лен, Мез, Холм], лес *Смолокурный Бор* [Котл], ур. *Смолокуры* [Галич, Леш].

МЕСТО, ГДЕ СОБИРАЮТ ГРИБЫ

Ломать (грибы): пастб. *Ломоватка* – «Грибы ломали ходили» [Лен, Ржаницынская].

МЕСТО, ГДЕ ОХОТЯТСЯ

Обкладывать (медведя): ур. *Окладник* – «Там медведей обкладывали» [Кир, Коротецкая].

ОБЪЕКТ, КОТОРЫЙ ВЫКОПАН, ОКНАВЛЕН

Бугрить (‘оканавливать’): дор. *Бугрёная Дорога* – «Немец был, к своему дому дорогу строил, хорошая дорога, оканавленная» [Тот, Молоково].

Копать: г. *Копальная Гора* – «Там глину копали» [В-Важ, Верховажье], оз. *Копань* [Выт], поле *Копачиха* – «Копали своима рукама, потому и Копачихой назвали» [Пин, Шотова].

БЫТ ЧЕЛОВЕКА

ВОДОЕМ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЙ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГИГИЕНИЧЕСКИХ ПРОЦЕДУР

Брать воду, пить, умываться

Белó мыть(ся): участок р. *Беломойка* – «На Пречистов день в церкву ходили на Столбиху. В этот день жарко было в июне-то, с волоку идут, дак умывались в этой речушке»; «Со всех сторон шли на Столбиху в церкву. В этой ричке умывались – церква-то за ричкой была»; «Как шли в церкву, до этой рички доходили, переодевались и умывались»; «Здесь вымоются, одежду-то меняют» [В-Важ, Юркинская, Бревновская, Герасимовская, Клюкинская, Высотинская].

Воду черпать: р. *Водочерница* [Ник], лог *Водочерпный Лог* [Вил].

Нагребать ('черпать воду'): руч. *Нагребушино* – «Воду из него нагребать трудно, ничего не нагребешь» [Нюкс, Семенова Гора].

Пить: руч. *Пивной* [Нюкс], руч. *Питейной* [Нянд], руч. *Питейник* [Шенк], руч. *Питейный* [Уст], оз. *Питное* [Он], руч. *Питной* [Вож], руч. *Питной Ручей* [Хар], руч. *Питьевой* [Уст], пок. *Питьевухи* – «Вода чистая в Согре, все пить туда ходили» [Уст, Романовская].

Руки мыть: оз. *Рукомоечка* [Холм], р. *Рукомойка* – «Воду там брали, умывались» [Карг, Лохово], ур. *Рукомойка* – «Рукомойка в виде озера, там пойдут и умывались по утрам» [С-Дв, Волость], руч. *Рукомойка* [Прим].

Умываться: ур. *Умыванье* [Кир].

Стирать белье

Бучить ('кипятить, парить белье, отбеливать в результате кипячения'): место на р. *Бученье* – «Там бельё бучат» [В-Уст, Горбачево], ур. *Бучила* – «Белье бучили» [В-Важ, Заболотье], ур. *Бучище* [К-Г].

Колотить (белье): место на р. *Колоченье* – «Когда выполощут белье, палкой бьют, чтоб вода вышла» [В-Важ, Клыково], часть р. *Колоченная Река* – «Белье стирают» [В-Важ, Филинская].

Онучи: руч. *Онучиха* – «Стирали там раньше онучи» [Пош, Колодино], руч. *Онучиха* – «Портянки там мыли да покойников» [Влгд, Карцево], р. *Онучиха* – «Онучи мыли всей деревней» [Шексн, Аксеново].

Платомой: оз. *Платомоище* – «На озеро ходили бельё полоскать» [Бел, Поповка], уч. р. *Платомой* – «Платье туда ходили мыть, а на питье воду брали в Питейном Ручье» [Ваш, Гаврилово], оз. *Платомой* – «Бабы бельё полощут» [Бел, Климшин Бор], бол. *Платомой* [Кир], руч. *Платомойный* [Леш].

• Скопление *платомоев* наблюдается на территории Белозерского района Вологодской области (8 топонимов), где существовала практика выкапывания небольших прудов (*личм*), в которых стирали белье.

Платье: руч. *Платьяной* – «Все платья стирали, потому и платьяной» [Карг, Село].

Полоскать: оз. *Полоскальное* – «На этом озере отбеливалось все белье» [Прим, Шихириха], руч. *Полоскальный* [Мез], ур. *Полосканье* [В-Важ].

Портомой: ур. *Портомой* – «Зимой катались туда, белье стирали» [Кир, Чарозеро], руч. *Портомой* – «Там женщины стирают» [Кологр, Шаблово], оз. *Портомой* – «Яма такая, бабы белье полоскали» [Карг, Шуйгино], ур. *Портомой* – «Всё мыли белье на этом кургане» [Сок, Панютино], руч. *Портомой* – «Полоскали там раньше» [Ваш, Поповка], ур. *Пашков Портомой* [В-Уст], руч. *Портомойка* – «Так-то его Тахиным зовут, а весной называют Портомойкой. Он разольется – бабы-те белье на ём стирают» [Бабуш, им. Бабушкина], р. *Портомойка* – «Бабы белье мыли в старину» [Пыщ, Ираклиха], р. *Портомойка* – «Белье полоскали все три деревни» [Бабуш, Васильево], оз. *Портомойное* – «Бельё полоскали» [Котл, Тулубьево], ур. *Портомойные Подключи* [Хар], р. *Портомоя* [Ник].

Порты, портки: р. *Порточница* – «Портки мыли старики» [Пыщ, Зяблуха], р. *Портяная* [В-Важ].

МЕСТО, ГДЕ БЕЛЯТ БЕЛЬЕ

Белить: участок р. *Белая* – «Мы всё раньше там белье белили, расстилали на бережку под солнышком» [Прим, Лопшеньга], поля *Белыны* – «Бабы ездили белье белить» [С-Двин, Солза].

МЕСТО ДЛЯ КУПАНИЯ

Купаться: омут *Купалище* – «Купались там» [Бабуш, Петухово], омуты *Первое, Второе Купалище* – «Купались в одном омуте, а ополаскиваться ходили на другой» [Бабуш, Дьяково], место на оз., яма *Купальник* [Гряз, Кон], руч. *Купальники* [В-Т], ур. *Купальница* [Баб, Галич], оз. *Купальные Ямы* [К-Б], о-в *Купальный* [Прим], омут *Купальный Богот* [Шексн], омут *Купальный Бочаг* [Сус], лог *Большая Купальня* [В-Т], пляж *Купанное Место* [В-Важ].

Полоскаться: ур. *Верхняя Полоскалка* – «Купаемся мы на Верхней Полоскалке» [В-Уст, Алексеево].

Прыгать в воду, нырять

Нырять: яма *Нырялка* – «У детишек местечко есть, Нырялка, там поглубже, дак они ныряют» [Нюкс, Михалево].

Скакать: омут *Скакальная Яма* [В-Важ], омут *Скакунья* – «Там глубоко, дно было гладкое, вот и прыгали с берега которые побольше, а детишки в другом месте. Взрослые на Скакунью ходили» [Бабуш, Рослятино].

ВОДОЕМ, ГДЕ ТОПЯТ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

Живодер: руч. *Живодерочный* [Пош].

Кошка: оз. *Кошачий Лог* – «Кошек, видно, топили старики» [Вель, Прилук], оз. *Кошачья Яма* – «Кошек там топили» [Котл, Забелино], омут *Кошачий Курган* – «Кошек, наверное, бабка Маня топила» [Бел, Мыс].

МЕСТО, ГДЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПРИЕМ ПИЩИ

Принимать пищу и пить

Кабак: руч. *Кабак* – «Вода в ем очень хороша, всё чай пили у того кабака» [Пин, Шулонемь], руч. *Кабак* – «Кабак никогда не высыхает, вода в нем вкусная. Раньше сено ходили косить, путь был дальний, вот им и доставалось по чарочке» [Вин, Кальи], руч. *Кабак* – «Пили там, водичка вкусная» [Бабуш, Косиково], руч. *Кабачок* – «Вниз идем, дак напьемся в этом ручье» [Нюкс, Алифино].

Ресторан: ур. *Ресторан* – «Место на пожне, где обедали женщины» [Леш, Смоленец], ур. *Лесной Ресторан* – «Там туристы любят останавливаться» [Нюкс, Озерки].

Трапезничать: поле *Трапезница* [В-Т].

Череда, выть ('прием пищи в определенное время'): пок. *Чередовыть* – «Страдовали, а потом там выть принимали, паужну-то. Выти-то чередой надо принимать, всякой выти свое время» [Бабуш, им. Бабушкина].

Употреблять определенные продукты питания

Блины: пок. *Блинихи* – «Блины раньше ели на сенокосе» [Сок, Никольское].

Колобки: пок. *Колобки* – «А в косьбу колоба ели» [Карг, Семеновская].

Кофе: дор. *Кофейная Дорожка* (рядом дор. *Чайная Дорожка*) [Прим].

Масленный (колоб): пок. *Масленицы* – «Домой ходили маслены колобы есть, рядом было» [Карг, Нифантовская].

Пирог: полосы *Пироги* [Уст].

Саламат, соломат: пок. *Саламат* [Ник, Уст], лог *Саламатница* [Ник], поле *Саламатово* [К-Б], бол. *Соломатское* [Мез], пок. *Соломат* – «Старики там соломат мешали, котел выхлебают – и робить» [Уст], поле *Соломатница* (рядом поле *Творожница*) [Нянд], бол. *Соломатное* [Вож], паш. *Соломато* [Галич], пок. *Соломатый* – «Старики там соломат мешали» [Уст, Череновская].

Хлеб и соль: пок. *Хлебосолица* [Карг].

Чай: дор. *Чайная Дорожка* (рядом *Кофейная Дорожка*) – «За водой для чая бегали» [Прим, Кушкушара], пок. *Чайная* [Пыщ], пок. *Чайный Бугор* [Бел].

- Ср. также пример из топонимии Свердловской области: р. *Чайная* – «Она так подгадывает: доходили до нее – и время пить чай» [Серов, Монастырка].

Варить пиво

Пиво варить: р. *Пивоварка* – «Вода чистая была, воду там брали пиво варить» [В-Важ, Дуброва], руч. *Пивоварный* – «Большие когда праздники, там разводили костер и варили пиво» [Уст, Михеевская].

Поваренный (поварня): пок. *Поваренная* – «На берегу реки, дак варили на костре пиво» [Бабуш, Пожарище], р. *Поваренное* – «Раньше пиво варили, дак там вода чистая, ее на пиво брали», «В Поваренном варили пиво да супы» [Нюкс, Побойщное], р. *Поварня* – «Раньше на ней пива варили да бучили, вот и называлось Поварня» [В-Важ, Харитоновская], руч. *Поварный* – «Пиво варили на ем» [Бабуш, Тарабукино].

ОБЪЕКТ, КОТОРЫЙ ОБРАБАТЫВАЕТСЯ В ОПРЕДЕЛЕННОЙ ОДЕЖДЕ

Сарафан: пок. *Сарафанница* [К-Б], поле *Сарафанница* – «Раньше молодухи в новых сарафанах ходили пахать, чтобы все их приданое видели» [Плес, Валова].

ОБЪЕКТ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЙ В ЛЕЧЕБНЫХ ЦЕЛЯХ

Здоровье: пруд *Здоровец* [Устюж].

Исцелиться: ключ *Исцелительный* – «Заветной был ключик» [Сок, Алтуфьево].

Лекарство: р. *Лекарство* – «Лечебная река, говорят» [В-Важ, Чавровская].

ОБРЯДОВАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

МЕСТО, ГДЕ ПРОИЗВОДИТСЯ МОЛИТВА

Бажить ('просить, молить'): г. *Бажная Гора* [Бел].

Благодарить: поле *Благодаренишна* [Холм].

Богословить ('молиться, обращаться к Богу'): тоня *Богословская* – «Первая тоня в озере, всегда ее кидали, если не бросить – удачи не будет» [Он, Мудьюга]¹³.

Молиться (богомолье, молебен, молитва): г. *Богомольная Горка* – «Там молились люди, завидя церковь на следующем холме» [Кир, Коковановская], бол. *Богомольное* – «В церкву по нему идти» [У-Куб, Устье], полоса *Богомоленная* – «Там на середине холм стоял – и

¹³ Данный топоним, по-видимому, отражает обычай обращаться с молитвой к Богу перед началом рыбной ловли.

на нем перед севом Богу молились» [Нянд, Андреевская], ворота *Богомольные Ворота* (недалеко руч. *Говенный Ручей*, см. ниже) – «Подходили к воротам и начинали молиться до самой церкви» [Устюж, Плотичье], д. *Богомолиха* [К-Б], пок. *Богомолиха* [К-Б], поле *Богомолиха* [Шенк], лес *Богомолица* [Вель], г. *Богомолка* [Сямж], руч. *Богомолов* (впадает в оз. *Святое*) [Карг], г. *Богомолова* (у с. *Троицкое*) [Гряз], поле *Богомолово Поле* [Ник], пок. *Богомоловица* [Выт], пок. *Богомолье* [Холм], поле *Богомолье* [Вил, Тарн], г. *Богомольная* // *Насыпная* [Устюж], поле *Богомольная* [У-Куб], г. *Богомольная Горка* (на бер. оз. *Святое*) – «Церковь там была раньше» [Кон, Вершинино], ур. *Богомольные Полосы* [Кир], бол. *Богомольное* [Мантур], о-в *Большой Молебин* [Нянд], д. *Молебница* [Ней], оз. *Молебное* [К-Б], о-в *Молебный* [Бел], ур. *Молебское* (рядом ур. *Проклятые* и бол. *Ад*) – «Святое место»; «Сначала в Молебско – там молятся, в Проклятые потом идёшь, а потом Ад»; «На Ад пойдешь – у Молебского помолишься, – так старики смеялись» [Прим, Лопшеньга], пок. *Молитвенная* (*Молитвенные Мыски*) [Кон], ур. *Молитвенный Враг* [Галич], руч. *Молитвенский* [Вин], зал. *Молитвина* [Кир], д. *Молитвино* [Влгд], ур. *Мольбище* [Вож], лес *На Молебеннице* [Ней].

Поклониться: г. *Поклонная* – «На этой горе богомольцы кланялись Кирилло-Белозерскому монастырю» [Кир, Вогнема], лес *Поклонная* [Пыщ], г. *Поклонная Гора* – «С этой горы было видно 12 церквей в округе, на ней хотели поставить часовенку» [Кир, Благовещенье], г. *Поклонная Гора* [Галич], г. *Поклон-Гора* (*Поклонница*) – «С этой горы церковь была видна, сюда народ молиться ходил» [Бел, Юрино], г. *Поклонница* [Баб], полосы *Поклонные* [Чухл], г. *Поклонный Бор* [Холм, Данилово].

ОБЪЕКТ, СВЯЗАННЫЙ С КУЛЬТОВЫМ ПИТАНИЕМ

Говеть: руч. *Говенный Ручей* (рядом ворота *Богомольные Ворота*) – «Церковь была в Модно, от Говенного Ручья уже не ели, а говели» [Устюж, Плотичье], пок. *Говенница* – «Говеть, т. е. скоромного ничего не есть, отсюда» [Кон, Бобровская],

Мясоед: г. *Мясоедная* [Бел].

ОБЪЕКТ, СВЯЗАННЫЙ С СОВЕРШЕНИЕМ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

Веник: овраг *Виничный* – «Вынесут покойника, в избе-от выметут, а туда веники бросали» [Леш, Шегмас]¹⁴.

¹⁴ В народной культуре славян четко выделяются функции *покойницкого веника* – такого, которым мели дом сразу после выноса покойника, выбрасывали вместе с мусором подальше от дома или бросали в воду, сжигали и т. п. [СД 1, 311].

Горшок: ур. *Горшки* – «Когда покойников обмывали, горшки после них туда выбрасывали» [Некр, Горки].

Канун¹⁵: р. *Канунница* – «Хоронили тут рядом, всё канун да ладан, вот и Канунница» [Меж, Сосновка].

Песня: кладб. *Песенки* [Бел]¹⁶.

Покойник: ур. *Покойницкие Буераки* – «После покойников одежду в овраге омывали» [Сок, Шишкино], бол. *Покойницкое* – «Выбрасывали туда горшки и солому после обмывки покойника. За грибами и ягодами туда не ходили» [Сок, Трухинка].

Повалить ('похоронить'): г. *Повалиха* – «Там кладбище, где гора-то» [Прим, Луда].

Поминать: кладб. *Поминка* [Ваш].

Хоронить: кладб. *Хоронуха* [Кад].

МЕСТО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СВАДЕБНЫХ ГУЛЯНИЙ

Свадьба: г. *Свадебная* [Шенк], пок. *Свадебницы* [Холм], г. *Свадебные* – «Будто ехала свадьба, и невеста родила на этих угорах» [Шенк, Михайловская].

- Ср. свидетельство А. И. Минкина о наличии *Свадебных Наволоков* в саамской топонимии: данный факт автор объясняет тем, что свадьбы проводились в определенном месте [Минкин 1991, 106].

МЕСТО ПРОВОДОВ В АРМИЮ

Солдат: р. *Солдатка* – «Раньше как в солдаты брали, так до Солдатки провожали» [Пыщ, Средняя].

Сопли: г. *Сопливая Горка* – «Раньше там солдат на войну или в армию провожали» [Сус, Головинское].

- О выделенности этого локуса в структуре пространства свидетельствует также название поля *Кресты* – «Две дороги крестовые там были, там прощались с призывниками» [Нюкс, Кокшенская], не имеющее «интерактивной» внутренней формы. Ср. пример из топонимии Урала: «У населения с. Кын Пермского уезда название *Плакун-гора* не только употреблялось для обозначения близлежащей горы, но и служило поговоркой при воспоминании о времени, когда юноши уходили на 25-летнюю службу в армию или когда крестьян наказывали за провинности» [Чагин 1999, 122]. В типологическом плане интересно свидетельство Л. Е. Кирилловой, которая указывает на факт существования удмуртских микротопонимов, обозначающих

¹⁵ Ср. канун 'молебен и панихида', 'кутья по усопшем' [Даль II, 85].

¹⁶ Возможно, появление этого названия обусловлено тем, что в похоронном обряде – как ни в одном другом – важную роль играли песнопения, плачи и т. п.

места, до которых провожающие шли, а затем прощались с рекрутами [Кириллова 1992, 133].

МЕСТО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДОЖИНАЛЬНОГО ОБРЯДА

Борода ('праздник по случаю окончания жатвы'): поле *Борода* – «Старики там бороду справляли» [Мез, Долгощелье].

- Топонимы, образованные от апеллятива *борода*, не раз встретились в нашем материале, однако трудно говорить об их смысловом наполнении, так как исходный апеллятив является многозначным словом.

Дежень ('блюдо из толокна со сметаной или простоквашей, которое, как правило, готовилось при окончании уборки урожая'): поле *Деженное* – «Это поле последним убирали, а почему так названо – не знаю» [Ваш, Мальгино], поле *Дежнёво* – «Дежонь там хлебали, жнивьё завершали дак» [Нюкс, Матвеево], поле *Дежонница* [Тарн].

Канунец ('пиво, брага, приготовленные к празднику; местный праздник в честь святых весной или осенью, сопровождающийся молебном, угощением в складчину' [СРНГ 13, 44–45]): пок. *Канунцы* – «Канунцами назывались, потому что сенокос ими завершали, самый далекий покос» [Пин, Шотогорка].

Пиво варить: поле *Пивовар* – «Какой трети доставалось – с той трети пиво на конец сенокоса» [В-Уст, Морозовица].

Саламат, соломат ('жидкое кушанье из крупы или толокна, которое обычно готовилось по окончании жатвы; застолье по случаю окончания жатвы'): пок. *Соломатница* – «Потому что самый дальний, когда раньше косили, завершали весь покос, соломат мешали» [Вель, Мокшинская], поле *Соломатница* – «Завершали сенокос, дак соломат хлебали» [В-Важ, Удальцовская], поле *Соломатной Лог* [Тарн], пок. *Соломатиха* – «Соломат там был замешан, что ли» [Вель, Веснинская], пок. *Соломатники* [В-Важ], пок. *Соломатницы* [Вель].

- Топонимы, образованные на базе апеллятивов *саламат* (*соломат*), *пиво варить*, включены как в раздел «Быт человека», так и в раздел «Обрядовая деятельность», поскольку соответствующие продукты питания могут использоваться и в контексте обряда, и вне его. Критерием включения географических названий в ту или иную рубрику в данном случае является ареал, в котором фиксируется апеллятив в соответствующем значении (так, обрядовая семантика лексем *саламат*, *соломат* засвидетельствована в бассейне р. Вага [В-Важ, Вель, Тарн])¹⁷.

МЕСТО, СВЯЗАННОЕ С ПРАЗДНОВАНИЕМ ПАСХИ

¹⁷ Подробнее см. гл. II (раздел 1.1) настоящей работы.

Красное яйцо: пок. *Красное Яичко* [Вож].

МЕСТО, ГДЕ СПРАВЛЯЮТ МАСЛЕНИЦУ

Масленица: пок. *Масленица* – «Там на Масленицу гуляли» [Уст, Едь-
ма].

ДОСУГ; КОММУНИКАЦИЯ

МЕСТО ДЛЯ ОТДЫХА

Сидеть: кам. *Сидячий Камень* – «Отдыхать сядем у того камня» [Нюкс, Михалево], пок. *Сидячий Камень* [Выт].

***Сидеть при перекуре:** ур. *Сядь-покури* [Он].

МЕСТО, ГДЕ ПРОХОДЯТ ИЛИ МОГЛИ БЫ ПРОХОДИТЬ
ИГРИЩА, ГУЛЯНЬЯ

Устраивать игрища, гулянья

Баловать: пок. *Балуи* [Лен].

Баской: пок. *Баской Наволок* – «Женщины там наряжались, праздновали» [Нюкс, Великий Двор].

Вертеться: г. *Вертеча* – «Устраивали качели, собирались девчата в праздники, гору и назвали Вертеча» [К-Б, Шеломечко].

Гулять, гулянка: мыс *Гульбище* [Вож, Кир], пок. *Гуляиха* – «Красивое место тамока, гуляли девки да парни» [В-Уст, Ильинское], ур. *Гуляй* [К-Б], поле *Гуляй-Поле* [Выт], пок. *Гуляночка* – «Гуляли там» [В-Уст, Горбачево], лог *Гуляночный Лог* – «Гулянья там были» [В-Уст, Горка], пок. *Гулянье* [Нюкс, Тарн, Тот], ур. *Гулящий* [Тот].

Загулять: хут. *Загуляиха* [В-Важ].

Играть: луг *Играной (Басенькой)* [Бел], ур. *Игранье* – «Раньше здесь часто скопелись, гулели, продавали товары разные, теперь всё заброшено» [Вож, Анциферовская], луг *Игровый* – «Раньше там гулянья были» [Ваш, Ильинская].

Молодость: пок. *Молодость* – «Там молодцевали» [Кон, Гора].

Разгуляться: пок. *Разгуляй* [Прим], луг *Разгуляй-Бор* [Он], пок. *Разгуляй* [Шенк], пок. *Розгуляево* [Хар].

Фестиваль: луг *Фестиваль* – «Летом-то гуляют» [В-Т, Бор].

Шалить: холм *Шалый Холм* – «У его Петровщины праздновали» [Мез, Дорогорское].

Ездить на санях, кататься на лошадях, съезжать с горы

Кататься: г. *Катальная Гора* – «Качели были там и с горы катались» [Бел, Погорелка].

Пошевни ('широкие сани, розвальни'): руч. *Пошевенный* – «Зимой ездили на гулянье на пошевнях» [В-Т, Хорнема].

Прокатиться: пок. *Прокачиха* – «Ровно место, на лошадях можно прокатиться» [Ваш, Екимово].

Петь, плясать

Петь: поле *Певочные Пригоры* [Пин], лог *Певунчик* – «Песни запоют бабы, везде чутко, вот Певунчик и прозвали» [Уст, Плесо], г. *Певунья* – «Крутая гора, в воскресенье собирались на ней, песни пели, молодежь с окрестных деревень собиралась» [В-Важ, Пеструха], г. *Певунья* [Хар], пок. *Певунья* (рядом пок. *Пирожница*) [Холм].

Плясать: пок. *Плясун* – «Раньше там был камень большой, на нем плясали» [Ваш, Никоново], прк. *Плясун* – «камень был там, площадка ровная, как столешница. Кто поедет в первый раз – обязательно старики лодку остановят и говорят: «Пляши!»; «Кто едет, должен плясать на этом камне» [Вин, Дементьевская], пок. *Плясунья* – «На праздниках тамока плясали» [Бабуш, Косиково], пок. *Плясунья* [Тот], поле *Плящая Грива* – «Плясали там» [К-Г, Юшково].

Распивать спиртные напитки

Кабак: поле *Кабак* – «Раньше на этом месте отмечали праздник – Спасов день» [Карг, Спас-Озерская].

Пьяный: пок. *Пьяный Лог* – «На покос приезжали: до работы пили, после работы пили» [Вил, Никольское], холм *Пьяная Горка* – «Раньше вместе работали, а на этой горке пили вино: спаяемся и купим вина, и с гармонью придут. Весело было!» [Пош, Маслово], поле *Пьяная Нива* – «При нас эту ниву разработали и посеяли; когда поле это обмывали, мужики напились, вот и назвали так»; «При мне разработали ниву, привезли ящик водки мужикам, они напились и разодрались. Еле мы их разняли с Полежаевым» [В-Важ, Удальцовская, Ногинская], о-в *Пьяной* – «Когда суда купцов садились на мель, купцы приглашали местных мужиков помочь им. За это ставили вино, которое и распивали на этом острове» [В-Т, Демьяново], ур. *Пьяной Уголок* – «Остановятся и пируют там» [В-Важ, Калинино], часть д. *Пьяный Поселок* – «Тунеядцы из неперспективных деревень туда переселились» [В-Т, Прилук], д. *Пьянухино* – «Деды наши жили в Черевково и пропили ее, стали жить в этой деревне, в Пьянухино» [В-Т, Емельяновская].

МЕСТО ВСТРЕЧ ВЛЮБЛЕННЫХ

Любовь: о-в *Остров Любви (Делай-чего-хочешь)* [Бел], о-в *Остров Любви* [Прим], ур. *Остров Любви (Ночёвки)* – «В половодье разли-

вается, становится как остров, молодежь называет Остров Любви, а обычно – Ночёвки» [Котл, Выставка], пок. *Большая Любовь* [Гряз].

Блуд (блядь): бол. *Бледь* [Пин], руч. *Блудов Ручей* [Карг], пок. *Блядихи* [Сок], оз. *Блядово* – «Молодые согрешили там, поп и сказал: «Так и будет там Блядово» [Уст, Бережная], пок. *Блядновское* – «Девка гуляла эту землю у помещика» [Хар, Якушево].

Гулять: лог *Гуляйский Лог* (*Блядский Лог, Бабий Лог*) [Уст].

Ночевать: ур. *Ночёвки (Остров Любви)* [Котл].

Поцелуй: лес *Поцалуйница* [Уст], руч. *Поцелуешной* [Уст], пок. *Поцелуиха* [К-Б, К-Г, Ник], руч. *Поцелуй* [Ник], луг *Поцелуй* (рядом луг *Любимки*) [В-Т], пок. *Поцелуйка* – «Подальше на Поцелуйку от тятки с мамкой убегали» [Кир, Чарозеро], поле *Поцелуйницы* [Уст].

Целоваться: пок. *Целовальница* [Карг].

МЕСТО ВСТРЕЧ В ПУТИ

Здороваться: мыс *Здравствуй* [Карг].

- Ср. в диалектной лексике: *здравствуй* ‘расстояние между двумя изгибами реки’ [КСГРС]. В типологическом плане интересно зафиксированное в коми топонимии название ручья *Прости-Здорово-Ёль*, который пересекает дорогу на равном расстоянии от двух населенных пунктов, что дало А. К. Матвееву основание для следующей реконструкции семантики этого топонима – «ручей, где встречаются и расстаются» [Матвеев 2000; см. также Матвеев 1992, 58].

Свид (*свид, свиды* ‘свидание’): р. *Свидь* [Карг].

- По мнению А. К. Матвеева, темное в этимологическом плане название р. Свидь следует сопоставить с рус. диал. *свид, свиды* ‘свидание’, учитывая, что «берега Свиди, соединяющей два больших озера, пригодны для жилья только в среднем течении, где они сухие, напротив, ее верховья и низовья низменные и топкие. Среднее течение Свиди, где расположены многочисленные населенные пункты, удалено на равное расстояние от северного конца озера Лача и южного конца озера Воже. Здесь, видимо, и была первоначальная Свидь, где встречались караваны лодок, плывущих навстречу друг другу с севера (из озера Лача) и юга (из озера Воже)» [Матвеев 2000].

Сретенье (‘встреча’): ур. *Сретенье* – «Никакого поселения там не было; охотники звали: мы отсюда идем, устяки оттуда, вот и Сретенье» [В-Важ, Фоминская].

ДОРОЖКА, ПО КОТОРОЙ ХОДИЛИ НАВЕЩАТЬ РОДСТВЕННИКОВ

Матрёшка: дор. *Матрёшкина Дорожка* – «Девку замуж отдавали, не спрашивали – любо не любо. Вот они домой бежали» [В-Уст, Погорелово].

- Имя *Матрешка*, по всей видимости, имеет в данном случае символический, расширительный смысл.

Повидаться: дор. *Повиданка* – «Девки к матерям бегали» [Некр, Бор].

Теща: тропа *Тёщина Тропа* – «Из Терменьги брали замуж, парни бегали к теще на блины» [В-Важ, Борисовская].

ОБЪЕКТ, СВЯЗАННЫЙ С ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Беседа: кам. *Беседный Камень* – «На ем сидели, разговоры разговаривали» [Бабуш, им. Бабушкина]; кам. *Беседный* – «Камень лежит у дороги, он плоский, как стол. Бабы идут из магазина, сядут, болтают» [Бабуш, Зеленик].

Переговоры: кам. *Камень Переговорный* – «Дезертиры там скрывались, письма под камень складывали, а родные им – посылки» [Сок, Березино].

Разговор: кам. *Разговорчивый* – «Удобный такой камешек меж деревнями, бабы встретятся, присядут и болтают» [В-Важ, Удальцовская].

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, СВЯЗАННАЯ С ОБНАРУЖЕНИЕМ И ОСВОЕНИЕМ ОБЪЕКТА

ОБЪЕКТ, О ВОЗМОЖНОСТЯХ ОСВОЕНИЯ КОТОРОГО ПРИШЛОСЬ РАЗДУМЫВАТЬ

Выдумка: пок. *Выдумки* [Кон], поле *Выдумок* [В-Важ].

Догадка: пок. *Догадка* – «Старик догадался, пни там раскорчевал» [Мез, Петрова], поле *Догадаиха* [Пин].

Дума: бол. *Дума* – «Стой перед ним и думай, как перейти» [Выт, Рубеж].

Задумать: ур. *Задумка* – «Задумали лес там корчевать в 50-е годы» [Нюкс, Матвеево].

Придумать: поле *Придумка* – «На это место внимания не обращали, а потом придумали его разработать» [Нюкс, Дмитриево].

Раздумье: поле *Раздумино* [Вож].

ОБЪЕКТ, О СУЩЕСТВОВАНИИ КОТОРОГО НЕ ЗНАЛИ

Не знать: р. *Незнаевка* [Гряз], ур. *Незнаиха* [Нюкс], руч. *Незнайка* [Вин, Вож, Леш, Нюкс, Тарн], руч. *Незнайко* [Пин, Уст], бол. *Незнамое* [Тот].

Не ведать: бол. *В Неведомке* [Антроп], поле *Невежа* [Пин], пок. *Невежиха* [У-Куб], пок. *Невежка* [Кад].

Неизвестный: пок. *Крайняя Неизвестная* [Бел].

Потайной: р. *Потаёнка* [Сямж], р. *Потайница* [В-Важ], оз. *Потайное* [Сямж].

ОБЪЕКТ, О СУЩЕСТВОВАНИИ КОТОРОГО УЗНАЛИ

Узнать: пок. *Узнайко* [Уст].

ОБЪЕКТ, КОТОРЫЙ НЕ ПОЛУЧИЛ ИМЕНИ

Безымянный: руч. *Безыменник* [Вель], руч. *Безыменница* [Пин], р. *Безымянка* [Гряз, Кир, Кон, Меж, Мез, Ник, Пыщ, У-Куб], оз. *Безымянное* – «Его никак не называли, рыбы там особо и нет, а потом Безымянным стали звать» [Кон, Заважерец], оз. *Безымянное* [Баб, Бел, В-Т, Кир, Он, Плес, Сок, Холм, Шенк], руч. *Безымянный* [Баб, Вель, Гряз, Кад, Карг, Котл, Он, Пин, Плес, Прим, Тот, Уст, Устюж, Холм].

ОБЪЕКТ, РЕАЛЬНО ВЫГЛЯДЯЩИЙ ИЛИ ФУНКЦИОНИРУЮЩИЙ ИНАЧЕ,
ЧЕМ ПРЕДСТАВЛЯЮТ ЛЮДИ

Заманить: бол. *Заманиха* – «Место такое – куда ни посмотришь – все одинаково. Когда солнца нет, не знаешь, куда и брести» [Он, Сергеево], пок., лес, бол. *Заманиха* [Кад, Карг, Кологр, Устюж], фарватер *Заманная Стрёмь* [Он].

Обмануть: место на р. *Обманиха* [В-Важ], руч. *Обманов Лог* [Уст], д. *Обманово* [Меж], р. *Омманиха* – «Обманная речка, у ее 2 устья, и в Верюгу течет, и в Мачер» [Уст, Сабуровская].

Потерять: р. *Потеряха* – «Она в кустах вся, не сразу ее увидишь, как теряешь. Вот и зовут Потеряхой» [Бабуш, Харино].

ОБЪЕКТ, О СУЩЕСТВОВАНИИ КОТОРОГО ЗАБЫЛИ

Забыть: пок. *Забытая* – «Пожня смыта рекой» [Уст, Шастово], оз. *Забытое* [Холм], полосы *Забытухи* [К-Г], пок. *Забытый Мыс* [Уст], поле *Забытьё* [В-Важ].

ОБЪЕКТ, ОБНАРУЖЕНИЯ КОТОРОГО ОЖИДАЛИ

Ждать: пок. *Жданный Лог* [Вил].

Долго ждать: руч. *Долгожданный* [Мез].

ОБЪЕКТ, КОТОРЫЙ БЫЛ НАЙДЕН

Найти: пок. *Найдёна* [Сус], руч. *Найдёнка* – «Там берега крутые, не найдёшь её» [Пош, Ракоболь], бол. *Найденое Болото* – «Не знали его, а потом нашли» [Вил, Гришинская], оз. *Найдёнки* – «Их не знали, а потом нашли» [Холм, Осередок], р. *Найдёнка* [Плес], пок. *Найденные* [Уст], оз. *Найдёныш* [Холм], пок. *Найдёныши* [Карг], пок. *Найдишки* [Хар], пок. *Находыш* [Вож].

ПЕРЦЕПТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ОБЪЕКТ, ДАЮЩИЙ ВОЗМОЖНОСТЬ ОСМАТРИВАТЬ ОКРЕСТНОСТИ

Смотреть, осматривать

Видеть: поле *Виденье* – «На угоре, так всё с него видно было, потому прозвано было Виденье» [В-Уст, Анциферово], пок. *Виденье* [Вож], г. *Видон* – «Всё видно» [К-Г, Черная].

Взгляд: пок. *Взглядное* [Влгд].

Выглядывать: пок. *Выглядки* [Ней].

Глядеть: г. *Гледен* – «Всё видно оттуда: и город, и все три реки наши» [В-Уст, Ивашево], поле *Гледеново* [Тарн], поле *Гледень* [Пин], поле *Гледила* – «Пустая полянка на угоре, далеко видно вокруг» [Уст, Верх. Поржема], поле *Гляделиха* [Сямж], г. *Гляделово* [Уст], поле *Глядень* [Бел, Он, Пин], оз. *Гляден* [Лен], пок. *Гляден* – «Туда как выдёшь – всё видно: и покосы, и всё» [Пыщ, Сергеевица], пок. *Глядёнка* [Ник], пок. *Гляденный* [Нюкс], оз. *Гляденовское* [У-Куб], г. *Глядёново* – «Всю местность оглядеть можно» [В-Т, Ереминская], г. *Глядень* (на поле *Баская Веретья*) [В-Уст], г. *Гляденье* – «Высокое местечко, глядеть оттуда интересно было» [В-Т, Мила], ур. *Глядило* – «Люди выходили и глядели, не плывут ли купцы, и грабили их» [В-Т, Волочок], г. *Глядило* – «Гляделось красиво с того места» [В-Т, Прилук], г. *Глядиловка* [Уст], часть д. *Глядилово* – «На горе потому что, вот и Глядилово» [Вель, Испоиновка], поле *Глядиha* [В-Важ].

- В типологическом плане ср. манс. *Ангватахтыглан-Ахвтас-Сяхл* («гора, с которой глядят вокруг») [Матвеев 1992, 25].

Зоркий: мыс *Зоркое* [Вож].

Зырить ('смотреть'): г. *Зырень* [Бел].

Позор ('зрелище'): поле *Позориха* – «С него хороший вид был всей местности» [В-Уст, Тараканово], пок. *Позориха* [Карг].

***Рачить:** г. *Рачень* [Бел].

- Глагол *рачить* не зафиксирован в белозерских говорах в «зрительном» значении, однако фиксируется лексема *рачи́лы* 'вытаращенные глаза'. Кроме того, г. *Рачень* находится около г. *Зырень* (см. выше), что дает основание для реконструкции исходной семантики глагола *рачить* – 'смотреть, высматривать'.

Смотреть: г. *Смотрилка* [Плес], пок. *Смотрилка* [К-Г].

Наблюдать за чем-либо

Сторожить: ур. *Сторожевик* – «Течением прибывает воду к берегу Сухоны, там сидели сторожились – утопленников прибывало, дак искали» [Нюкс, Бобровское].

ОБЪЕКТ, НЕ ПОЗВОЛЯЮЩИЙ ОСМАТРИВАТЬ ОКРЕСТНОСТИ

Незрячий: залив *Незрячий* – «В берег врезался, дак оттуда ничего не видно» [Мез, Долгощелье].

Слепой: ур. *Слепой Поворот* – «Там на 90 градусов поворот, едешь – не видишь, что дальше» [Нюкс, Дор].

ОБЪЕКТ, КОТОРЫЙ НЕВИДИМ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Невидимый: руч. *Невидимец* [Уст].

ОБЪЕКТ, ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С КОТОРЫМ
ИСПОЛЬЗУЕТСЯ СЛУХ ИЛИ ГОЛОС

Материал был частично описан в ходе предыдущего изложения (гл. II, разд. 3). Приведем апеллятивы для систематизации информации: **голос, зык, петух, радио.**

Кликать: пок. *Кликунья* – «Там горка высокая, кто туда пойдет – громко кликать надо» [Уст, Тарасонаволоцкая], пок. *Кликуши* [Баб].

• Ср. также топонимы, которые реализуют описываемую идеограмму в конкретизированном варианте – «орообъект, в окрестностях которого создается сильное эхо». На Русском Севере редки объекты, названия которых могли бы воплотить такую идеограмму, но ср. в топонимии Урала: г. *Откликной Камень* (в окрестностях Златоуста), ск. *Говорливый Камень* (бассейн Вишеры) [Матвеев 1992, 22–23].

ОБЪЕКТ, ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С КОТОРЫМ
СЛЕДУЕТ ХРАНИТЬ МОЛЧАНИЕ

Немой: оз. *Немое* [Он], оз. *Немые* – «На них рыбу удишь, заразговариваешь – не клюет. Молчать на них надо», «Когда удят рыбу – молчи. Скричал – уже не будет» [Прим, Лопшеньга].

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

УГОДЬЯ, ПОЛУЧЕННЫЕ В ПОДАРОК ИЛИ В КАЧЕСТВЕ ПРИДАНОГО

Дарить земельные угодья

Даровать, дарственный: пок. *Дарованье* [Уст], поле *Дарственное* [Меж].

Жаловать: мыс *Жалованное* [Чухл].

Награда: пок. *Аннина Награда* – «Баба мужикам самогону поставила, они ей и отмерили побольше» [Гряз, Клепиково].

Давать в качестве приданого

Приданое: пок. *Матрёхина Приданница* [Бабуш], пок. *Приданая Чича* – «Моя сестра выходила замуж, так вот приданое дали ей» [Ваш, Дураково], пок. *Приданица* [Ник], пок. *Приданица Пукшеньгская* – «Девки в Пукшеньгу выходили, им придано давали» [Холм, Подсосанье], поле *Приданки* [Ней], поле *Приданово* – «В приданое дали кому-то» [В-Важ, Петровская], пок. *Приданое* [Карг].

ЛАНДШАФТНАЯ РЕАЛИЯ, ЯВЛЯЮЩАЯСЯ ОБЪЕКТОМ КУПИ

Покупать (землю)

Купить: лес, поле, пок. *Купленная* [Меж, Сок, Хар], лес *Купленная Грива* [У-Куб], пок. *Купленная Пожня* – «Была барская, потом мужики ее купили» [Чаг, Алексеевское], пок. *Купленная Полустриха* [Вож], пок. *Пеши Петрушина Купленки* [Баб], лес *Купленное* [У-Куб], поле *Купленное* – «Купили, так и называли» [Устюж, Грязная Дуброва], поле *Купленное* [Пош], пок. *Куплённые Полосы* – «Они раньше были не наши, у богачей было много земли, а победней покупали» [Пош, Ламанцево], лес *Купленный* [У-Куб], д. *Купля* – «Там раньше барыня жила, наверное, она ее купила» [Шексн, Васьково], поле *Купля* [Пыщ, Хар], поле *Купчая* – «Общими силами купили и обрабатывали» [Бабуш, Еремино], лес *Купчая* [Галич], поле *Купчая* [Тарн].

Покупать: поле *Покуплённые* [Мантур].

Прикуп: ур. *Прикуп* [Макар], поле *Прикупная* – «Раньше богатые люди покупали себе наделы, потому места теперь Прикупными называются» [В-Уст, Старина].

Дорого платить за покупку или разработку объекта

Денежный: поле *Денежное* – «Дорого за его заплатили» [Бабуш, Зеленик].

Дорогой: поле *Дорогое* – «Дорого заплатили за поле, с другой деревней ругались» [В-Уст, Павшино].

Золотить, золотой: бол. *Золотая Долина* – «Мелиорацию сделали – много средств ухлопали» [Сок, Кощеево], поле *Золотое* – «Слишком дорого далась его разработка» [Некр, Некрасовское], поле *Золочное* – «Много денег в его вложили, пока разделали все ладом» [Нюкс, Алифино].

Серебряный: луг *Серебренник* – «Гонили сплав по реке, заворотило много лесу туда. Мужики решили: чтобы убрать этот лес, надо серебром засыпать весь наволок – слишком дорого это» [У-Куб, Ивановская].

ЛАНДШАФТНАЯ РЕАЛИЯ, ЯВЛЯЮЩАЯСЯ ОБЪЕКТОМ ДЕЛЕЖА, ОБМЕНА

Делить сенокосные угодья

Делить: бол., поле, пок. *Делённое* [Вель, Кон, Шексн], поле *Делённая* [Хар].

Не делить: лес *Неделённый* [М-Реч].

Менять земельные угодья

Менять: поле *Менное* [Прим, Шенк], пок. *Меновая* [Котл], руч. *Меновой* [Бабуш], поле *Меновуха* – «Поменялись на него с соседней деревней» [Бабуш, Косиково], пок. *Меновуха* [Котл], поле *Меновые* [Меж], поле *Меняла* [Нюкс].

НЕБОЛЬШОЙ ОБЪЕКТ, ДОБАВЛЕННЫЙ К ОСНОВНОМУ

Добавочный: лес *Добавочный* [Бабуш], поле *Добавочное* [В-Уст].

Придача: поле *Шибалова Придача* [Ник].

Прикладывать: пок. *Прикладыш* – «Прибавили его к чищи» [Кир, Шухтино].

ЛАНДШАФТНАЯ РЕАЛИЯ, ЯВЛЯЮЩАЯСЯ ОБЪЕКТОМ
ЗЕМЕЛЬНЫХ СПОРОВ И ТЯЖБ

Спорить, вести тяжбы из-за земельных угодий

Браниться: поле *Бранилово* – «Бранились там из-за земли» [Ваш, Речено], пок. *Браниха* – «Ругались из-за её» [Котл, Прела], поле *Браниха* – «Бранились из-за него» [Котл, Петровская], поляна *Браниха* – «Может, раньше спорное чего было» [Вил, Никольское], пок. *Браниха* [Бел, К-Б], ур. *Бранихи* – «Кто-то заругался, разодрался» [Котл, Реваж], тonya *Браница* [Прим], мыс *Браница* [Он], р. *Брануха* – «Из-за её бранились – кому она будет принадлежать, кто там будет косить», «Дрались из-за этих мест» [В-Важ, Ногинская, Удальцовская], пок. *Браньливая* [Кир].

• Название *Браница* может иметь иную мотивировку, ср. *браница* 'груда бревен, сложенных на берегу' [КСГРС].

Греховодный: пок. *Греховодное* – «Ругались тама из-за пахоты» [Кологр, Глебово].

Драться, драчливый: ур. *Драки* – «Там мужики дрались, специально колья вырубали» [Пош, Кривое], пок. *Драчливец* [Ник], поле *Драчливое* [Нянд], р. *Драчиха* – «Там покосы, дак дрались из-за них», «С раменскими совместно делили пожни-те» [В-Важ, Дуброва], полоса *Драчиха* – «Здесь раньше хлеб хороший созревал, а крестьян много, так даже дрались мужики из-за этого места» [Нянд, Кузьминская], пок. *Драчун* – «Он маленький, дрались там» [В-Уст, Нокшино], поле *Драчуньи* – «Это прежде наши мужики с демьяновскими дрались» [Бабуш, Починок], поле *Драчунья* – «Там дрались когда-то веком

мужики» [Бабуш, Дор], поле *Драчуха* – «Скандалили раньше» [Колгр, Хапово].

• Некоторые топонимические *драки* могут быть связаны с отмеченным на территории Русского Севера апеллятивом *драка* ‘пашня на расчищенном среди леса месте’ [СВГ 1, 54; КСГРС]. В приведенный выше перечень включены только те топонимы, которые встречаются вне ареала данного географического термина.

Зубатиться (‘спорить, скандалить’): поле *Зубатое* – «Мужики спорили, зубатились – вот и Зубатое»; «Делили землю мужики да поспорили. Вот и назвали Зубатое» [Уст, Акичкин Починок].

Материться: пок. *Матерная Пожня* – «Ее делили и матерились» [Котл, Прела], лес *Матюкальник* – «Нельзя никак делить, бранились все» [Уст, Арефинская], лес *Матюкалиха* – «Раньше, когда после бар делили землю, так мужики ругались, матюкались» [Влгд, Захарово].

Оказия: пок. *Оказия* – «Спор из-за нее шел, трава была плохая, поделить не могли» [Холм, Подсосанье].

П...у чикать: поле *П...чикалка* – «Две снохи разругались из-за земли, одна другую за п... почикала» [Бабуш, Пожарище].

Плевок: пок. *Плювки* – «Бабы две между делили, расплевались» [Кон, Толстая].

Содомить (*содом* ‘шум, беспорядок, суматоха; шумная, буйная толпа’, *содомить* ‘шуметь, кричать; ссориться, браниться’ [ССРЛЯ 14, 134]): пок. *Содом* [М-Реч], лес *Содомиха* [Ней], пок. *Содомники* [Кон], мыс *Содомный Мыс* – «Хорошие места были, три деревни хотели там косить» [Нюкс, Плесо], пок. *Содомы* [Меж], полосы в поле *Содомы* [Уст].

Спорить, спорный: ур. *Спорная* [Бел], г. *Спорная Гора* – «Из-за нее ссорились жители Чулкова и Старого Села» [Бел, Старое Село], пок. *Спорная Новина* – «Мужики распорились – вот и Спорная Новина» [Уст, Зарузье], пок. *Спорница* – «Спорили о ней колхозы, Спорницей и назвали» [В-Важ, Осташевская], тоня *Спорница* – «Спорили мужики из-за нее» [Прим, Лопшеньга], пок. *Спорница* – «Старики делили да спорили» [Уст, Вежа], поле *Спорница* – «Спорили, чье это поле» [В-Важ, Щекотовская], пок. *Спорное* – «Спорили, наверное, раньше из-за этих пожен» [Леш, Вожгора], пок. *Спорное* [В-Уст], пок. *Спорное* – «Спорили из-за нее» [Котл, Новинки], пок. *Спорное Веретье* [Прим], пок. *Спорный Мыс* – «Когда делили покосы по реке, долго спорили, бросили жребий – и этот мыс достался д. Ульково» [Баб, Пожара], руч. *Спорной* [Плес, Хар], пок. *Спорные* [Тарн, Хар], пок. *Спорные Острова* – «Спорно было: раньше было одной деревни, потом другой» [Он, Крещёвка], руч. *Спорный* – «И грабили там, и спорили. Как будто тракт был там, покосы делили, то место спорным

назвали» [Шенк, Одинцовская], руч. *Спорный* – «Дрались из-за полей мужики» [Гряз, Юношеское], пок. *Спорный* – «За него Палуга, Азаполье, Кеслома спорили» [Леш, Палуга], лес *Спорный Бор* [Устюж], ур. *Спорный Мыс* – «Спорили два колхоза, кому косить покос» [Кон, Пешково].

- В данный перечень не включены названия гидрообъектов, образованных от апеллятива *спор* 'место слияния рек'.

Судиться: пок. *Судебник* – «Кто-то судился, спорили» [Ваш, Сухоежино], пок. *Судебник* [Уст], руч. *Судиловица* – «Судились тамока из-за земель», «Земли хорошие были, хуторов много понаделали, судились за землю хуторяна» [Бабуш, Демьяновский Погост].

Сутяжничать: поле *Сутяга* (нов. *Кубань*) – «До революции судились из-за него, а сейчас разработали целую Кубань» [Уст, Кузоверская], пок. *Сутяга* [Сямж, Тот], пок. *Бол. и Мал. Сутяга* [К-Б], бол. *Сутяги* – «Спорное место там» [Котл, Куимиха], бол., пок. *Сутяги* [Кад, Леш, Уст], поле *Подсутяги* – «Вот раньше всё мужики судились» [Вил, Сорово], поле *Сутяжница* – «Оно на границе было, земля там хорошая, дак ругались, спорили всё из-за этого поля, не могли поделить» [В-Важ, Герасимовская].

- Топонимические *сутяги*, помимо «социальной» мотивировки, могут быть мотивированы также формой объекта (вытянувшиеся участки поля, луга, леса) [Матвеев 1992, 54–55].

Тягаться, тяжба: поле *Тяганица* – «Тяжба была из-за этой полосы» [Карг, Ворошиловская], луг *Тяглово* – «Ссорились из-за этого луга» [Котл, Рагозиха], пок. *Тяжба* – «Захаровцы тянулись с глебовцами из-за этой пожни» [К-Г, Захарово].

Хлопотать: поле *Хлопотиха* – «Хлопотали, ругались раньше из-за него» [Устюж, Крутец], поле *Хлопотово* – «Поле принадлежало помещику Дятлу. Быковцы хлопотали и отхлопотали это поле для себя» [Вож, Быково].

- В типологическом плане ср. башкирские топонимы, в которых отражены споры по поводу землепользования: *Болашлы, Талашты, Спорная Поляна* и пр. [Камалов 1994, 143].

Пропить (землю)

Пропитый: поле *Пропитое* – «Пропили его кишкинцы, досталось оно Аксентьеву» [Нюкс, Кишкино], пок. *Пропитиха* – «Была спорная, пропили, сделали общину» [Ваш, Киуй].

КАЧЕСТВО ТРУДА ПО ОСВОЕНИЮ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА

ОБЪЕКТ, ОБРАБОТКА КОТОРОГО ДАЕТСЯ ТЯЖЕЛО, С НАДСАДОЙ

Болезнь (о сердце): луг *Боли Серцо* – «Сердце болело, вот и прозвали» [В-Т, Сарчема].

Вздыхать: *Вздыхалка* [Пош], паш. *Вздыхальное* [Плес], пок. *Вздыхальное* – «Тяжелая пожня, трудно косить, все вздыхали там» [Плес, Пашевская], поле *Сдыхало* [Нюкс].

Докука: поле *Докука* [Котл].

Мука, мучиться: пок. *Муки* [В-Т], руч. *Мученик* [Леш], поле *Мученица* – «Мучились там»; «Худо росло, ничего не родила, дак Мученица»; «Мучились тамока, угор высокий, лошаде́нки худо ходили» [Бабуш, Косиково, Зеленик], пок. *Мученица* [Тарн], ур. *Мученицы* – «А мучились там, длинные очень полосы» [Карг, Нифантовская].

Мытарь: пок. *Мытарь* [Котл].

Надсада: ур. *Надсада* [Галич].

Петать (‘выполнять тяжелую работу’): пок. *Петалово* – «Знали петали, трудно было косить, *петать* от слова *мучиться*» [Кир, Курицыно].

- Это название может иметь отантропонимическое или субстратное происхождение.

Солёный (пот): ур. *Солёное* – «Болотисто место, тяжело косить»; «заливной луг, косить трудно»; «Соленый пот заливал» [Ваш, Чисти, Павлово].

Страдать: луг *Страдней* – «Трудно косить» [Плес, Порженское].

Томить(ся): топь *Томилиха* – «Столько затомилось лошадей тут» [Меж, Брякотино], пок. *Томилиха* [В-Т, Пин], пок. *Томило* [Вож, Мез], пок. *Томиловка* [Гряз].

Трудный: ур. *Трудный Лог* – «На тракторе едешь и буксуешь» [Бабуш, Попово].

Тяжелый: пок. *Тяжёлая Пожня* – «Тяжело там косить, кочки, вот и назвали» [Некр, Некрасовское], пок. *Тяжелое* [Ник].

- Прилагаясь к гидрообъектам, *тяжелые* топонимы могут характеризовать свойства воды: бол. *Тяжёлый Лог* – «Вода там тяжелая, выпьешь, а потом заболеешь» [В-Важ, Высотинская].

Угомониться: г. *Угомонная Грива* – «Поле вспашешь там, дак угомонишься, никуды больше не пойдешь» [У-Куб, Устье], пок. *Угомонье* [Нянд].

ОБЪЕКТ, ОБРАБАТЫВАЕМЫЙ ПОСПЕШНО, СУЕТЛИВО

Не угомониться: пок. *Неугомонская* [Прим].

Суетиться: пок. *Суета* [К-Г], пок. *Суетки* [В-Важ], поле *Суетницы* [Хар].

Суматоха: поле *Суматошки* [Бабуш].

ОБЪЕКТ, ОБРАБАТЫВАЕМЫЙ ИНТЕНСИВНО

Гоить (‘обрабатывать что-либо тщательно, интенсивно’): пок. *Гойка* – «Угоенный, ухоженный» [Пыщ, Петряево].

Споро (работать): луг *Споровое* – «На Споровое бежали с песнями всей округой, очень споро, быстро сено ставили» [В-Т, Прилук].

ОБЪЕКТ, ОБРАБАТЫВАЕМЫЙ ПО ПРИНУЖДЕНИЮ

Принудиловка: поле *Принудиловка* [Он].

ОБЪЕКТ, ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С КОТОРЫМ

ЧЕЛОВЕК ПРОЯВЛЯЕТ БЕСПЕЧНОСТЬ, ЛЕНЬ

Не знать забот

Без забот: пок. *Беззаботная* [Пыщ].

Быть невнимательным, «засыпать на ходу»

Дремать: бол. *Дремуня* – «Которые старые и небойкие, ходили на Дремуню по грибы и ягоды, а другие подальше. Старухи-те ходили дремали» [Бабуш, им. Бабушкина].

Зевать: отмель *Зеваки* – «Зазеваешься – разобьешься» [Прим, Чубола].

• Ср. название станции *Незевай* в топонимии Березовского района Свердловской области (как считают пассажиры проезжающих мимо электропоездов, название дано потому, что на этой станции очень краткие по времени стоянки).

Ротозей: ур. *Ротозеево* [Тот].

Лениться

Лежебока: хут. *Лежебоково* (неоф.) [Бабуш].

Лениться, ленивый: г. *Ленивая* [Кир], пок. *Ленивая* – «Пожни-то многие в болоте были, там наплачешься, а эта на ровном месте. Вот где косить-то раздолье» [Кир, Левково], г. *Ленивая Горушка* [Сямж], пок. *Ленивец* [В-Т], пастб. *Ленивица* [В-Уст, Котл], д. *Ленивица* – «Лениво землю обрабатывали, поля у их плохие были»; «самая худая была деревня» [Котл, Новое Село, Пускино], пок. *Ленивое* [Карг], поле *Ленивое* [Он], прк. *Ленивый* – «В этой части Пинеги очень быстрое течение, здесь лениться нельзя, нужно грести с большой силой, а то проленишься и сядешь на мель» [В-Т, Усть-Выя], пок. *Ленивый Хутор* [Шенк].

- Прилагаясь к гидрообъектам, тополексема *ленивый* может обозначать объекты с медленным, «ленивым» течением, ср. название р. *Ленивая* (Арктика), полученное за медленное течение [ТМСА, 182].

Праздный: пок. *Праздные* [Леш].

Лындать ('бездельничать, ходить без дела'): часть д. *Лындово* (рядом часть д. *Скукино, Бобыльково*) – «Лындали они, плохо робили» [Уст, Ион-Горка].

- Название *Лындово* может иметь субстратное происхождение.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТА

ОБЪЕКТ, ОСВОЕНИЕ КОТОРОГО НЕ ПОЗВОЛЯЕТ ПРОКОРМИТЬСЯ

Голодать, голодный: поле *Голод* [Уст], бол. *Голодаево* – «Там всегда трава голодная росла, пустая» [Нянд, Кондратовская], д. *Голодаевка* (неоф.) [Бел], пок. *Голодаево* [Кир], часть д. *Голодаево* [В-Т], д. *Голодаи* [Пыщ], часть д. *Голодай* [Устюж], пос. *Голодай* – «Голодали там лесорубы» [Плес, Zubово], д. *Голодаиха* [Кологр], омут *Голодай* [Галич], о-в *Голодай* – «Ничего нет там, высокий, маленький, с него никуда не попадешь» [Прим, Сопушкино], пок. *Голодай* – «Лошадей загоняли на маленькую пожню, они до того выели траву, что стали голодать» [Плес, Городское], поле *Голодай* [Холм], ур. *Голодай* [В-Т], пок. *Голодай* [К-Б, Чухл], пок. *Голодай-Остров* [Он], пок. *Голодайчики* [К-Б], ур. *Голодеево* [Кир], ур., поле *Голодеиха* [Бабуш, Тот], пок. *Голодейка* [У-Куб], оз. *Голодея* [Пыщ], д. *Голодиево* (неоф.) – «Урожай неважный был, голодали часто жители» [Котл, Бол. Рычково], д. *Голодная* [К-Б], г. *Голодная Гора* – «Едет богатый, едет бедный – и захотел он есть. Подходит к богатому, просит хлеба, а тот: "Если заскочишь на одной ноге на эту гору, дам"»; «Мужик заскочил на нее на одной ноге за кусок хлеба» [Ваш, Екимово], о-в *Голодниха* – «На этом месте трава путная не росла, бедная земля здесь» [Прим, Сопушкино], поле, лес *Голодное* [Карг, Котл], поле *Голодное* – «Урожай снимали скудные»; «Там один песок, ничего не родило поле» [Баб, Дийково, Яковлевское], поле *Голодное Поле* – «Оно длинное, так говорят, если не поешь, так не перейти» [В-Уст, Огорыльцево], пок. *Голодные* [Тот], о-в *Голодный* [Шенк], поляна *Голодуха* – «Трава не очень съедобная росла» [Плес, Ожбалово], пок. *Голодуха* – «Дудки собирали, ели» [Ник, Иваново], пок. *Голодуха* – «Трава плохая была, скотина голодала, а от нее и люди голодные» [У-Куб, Никольское], тоня *Голоднуха* – «Ничего в ней рыбы не было» (рядом тоня *Жирнуха*) [Прим, Красная Гора], пок. *Голодуха* [Карг, У-

Куб], пок. *Голодуша* [У-Куб], д. *Голодяево* (неоф.) – «Голодные всё жили здесь» [Ней, Елховка], лес *Голодяйки* [Галич].

- Ср. в диалектной лексике: *голодай* ‘северо-восточный ветер, дующий с Чарондского озера, при котором плохо ловится рыба’ [КСГРС].

Заморить: пок. *Замориха* [Пыщ].

Морить: пок. *Морилиха* [Кир], поле *Морилка* [Ник], поле *Мориловка* – «Голодное, скота пасли – никогда травы не было» [Чаг, Зубово], лес *Мориловка* [Влгд], поляна *Морилово* [Ней].

Постный: р. *Постная* [Ник], пок. *Постная* [Бел].

Пустовытный (*пустая выть* ‘отсутствие аппетита’): пок. *Пустовытки* [Гряз], д. *Пустовытня* (неоф.) [Чухл], ур. *Пустовытье* [Галич].

ОБЪЕКТ, ОСВОЕНИЕ КОТОРОГО

ДАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ ПРОКОРМИТЬСЯ

Жирный: тоня *Жирнуха* – «Богатая тоня» [Прим, Красная Гора] (рядом тоня *Голоднуха* – «Ничего в ей рыбы не было»).

- Ср. в топонимии Свердловской области: оз. *Сытое* – «Что рыбы в ём, сыт будешь» [Ревд, Кунгурка].

ОБЪЕКТ, ОСВОЕНИЕ КОТОРОГО

ПРИВОДИТ К РАЗОРЕНИЮ, УБЫТКАМ

Беднота: пок. *Беднота* [Пин].

Нищета: дор. *Нищяя* (через лес *Нагой*) [Бабуш], лес *Нищенский* [Кир], поле *Нищий Лапоть* [Нюкс].

Нужда: поле *Нужда* – «Бедное поле, плохо росло там», «если на ём работать, то в нужде быть, неурожаи на том поле» [У-Куб, Вепри], поле *Яшкина Нужда* [Холм], р. *Нуждавка* – «Трудно жилось там мужикам. Меленка на речке была, нужда заставила их на меленке работать» [Гряз, Юношеское].

Пропадать, пропажа: поле *Пропадинное* – «Там всё очень плохо росло, пропадало» [Уст, Сабуровская], ур. *Пропажа* – «Выжгали место, а посеять – не посеяли, вот и Пропажа» [Нянд, Нестеровская], поле *Пропажа* – «Ничего там не росло, вот и пропажа» [Нюкс, Михалево].

Разорить, разорение: пок. *Разоренье* – «Мужик ехал, перевернулся на лодке, разорился» [Мез, Сафоново], поле *Разорильная* (*Разорительница*) [Уст], поле *Разориха* – «Эта земля, если ее не удобрять, то разорит» [Кир, Горки].

ОБЪЕКТ, ОСВОЕНИЕ КОТОРОГО ПОЗВОЛЯЕТ РАЗЖИТЬСЯ

Прибыль, прирток: пок. *Прибыль* [У-Куб], пок. *Прибыльное* [Нянд], ур. *Прибыльное* [Уст], поле *Приртки* – «Хорошее поле» [Котл, Большое Михалево], пок. *Прирток* [Пин].

Разжива: поле *Разжива* – «Хлеб растет хороший, вот и разжились там люди» [Плес, Иваново].

ЭМОЦИИ, ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ В СВЯЗИ С ОСВОЕНИЕМ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА

ОБЪЕКТ, СВЯЗАННЫЙ С ПРОЯВЛЕНИЕМ ЭМОЦИЙ,
ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ

Горе, тоска

Беда: г. *Беда* [Уст], поле *Беда* [Кир], бол. *Бедное* [Холм], пок. *Бедоватик* [Уст].

Горе, горемыка: поля *Горе Васюхино*, *Горе Машухино* [У-Куб], поле *Горемучиха* – «Трудно было его обрабатывать, горя-то похлебали» [В-Важ, Ногинская], поле *Горемыга* [В-Важ], оз. *Горемыка* [В-Т], омут *Горемыка* [Карг], д. *Горемыка* (неоф.), луг *Бол. Горемыка* [В-Т], пок. *Горемыкина Нива* [Бел], оз. *Горемыкино* [Плес], лес *Горемыко* [Устюж].

Терпеть горе: пок. *Тертигоре* [Хар].

Тосковать (потосковать и др.): пок. *Потоскуй* – «Самый конец покоса» [К-Б, Карзавинский Хутор], луг *Растоскуй* [Шенк], пок. *Тоскливица* [К-Г], д. *Тоскуево* (неоф.) [Меж].

Тошнота: пок. *Тошнота* [Череп].

Тужить: д. *Тужилова* (неоф.) – «Далеко от реки наша деревня, зимой в колодцах мало воды – вот она тужит по хлебу да по воде» [Шенк, Шульгинская], р. *Тужилровка (Хвастушка)* [Гряз], часть д. *Тужилово* [В-Т].

• Последнее название может иметь отантропонимическое происхождение.

Несчастье

Без радости: ур. *Безрадовка* [У-Куб].

Без счастья: пок. *Бессчастлива Перва*, *Бессчастлива Втора* [Уст], поле *У Бессчастливы* [Кад].

Плакать

Плакать, плакса: мыс *Плакида* – «Старик пахал, ничего не растет – так плакал» [Карг, Масельга], пок. *Плакса* – «Покос плохой: кочки да ледины, молодая косила да плакала» [Хар, Козлиха Первая], пок. *Плакса* – «Из-за него все ссорились, а потом его помещик купил да и

пропил, многие горевали, потому и Плакса» [Сок, Качалка], руч. *Плаксин* – «Делят пожни, тянут жребий. Сильный отбирает у слабого лучшие жребии. Те плакали здесь» [В-Т, Подол], пок. *Плакучий Луг* [Влгд].

Реветь: бол. *Ревливая Лыва* – «Ходили туда на Чудские Озера – болото большое, топкое, носили грузы. Тяжело было – ревели. Назвали Ревливая Лыва» [С-Дв, Лахта], поле *Ревун* – «Женщины в войну называли, когда им пришлось самим распахивать это поле» [Уст, Митинская], поле *Ревунья* – «Поле делили, мужику мало досталось, он заревел: “Вы меня облокучиваете <обманываете>!”» [В-Важ, Красулино], поле *Ревунья* – «Кто, видно, поплакал, сильно работал» [Бабуш, Еремино], р. *Ревушка* – «Она илиста, дак кто тонул, ревел» [Прим, Беричево].

• Ср. в топонимии Омской области: поле *Естюнины Ревуны* – «Там хозяин Естюня, сеяли много – как только работать, так плачут» [Знам, Щербаково].

Слезы: г. *Гора Слёз* [Чухл].

• Топонимы, образованные от апеллятивов *плакать*, *реветь*, *слезы*, могут иметь иной мотивационный смысл – ‘влажный, сырой’: часть д. *Деряжниковская Плаксуня* – «Дождевая погода идет – так поможет» [Хар, Сибла], низина *Ревун* – «Вода разливается, когда тают льды-те на реках, он как плачет» [В-Уст, Пополутково], пок. *Слезуня* – «Сыро, земля как плачет» [Карг, Лохово]. Ср. также апеллятивы *плакун* ‘родник, сырое место’, *плакун (слезун)* ‘ветер, приносящий дождь’ [КСГРС].

Скука

Скука: часть д. *Скукино* (рядом части д. *Лындово*, *Бобыльково*) – «Шутейно звали, мол, скучали там, всё больше старухи жили» [Уст, Ион-Горка].

ОБЪЕКТ, ВЫЗЫВАЮЩИЙ СТРАХ

Бояться (боязливый): поляна *Боязливое* [Вель].

Неповадный: пок. *Неповадно Савино* – «Там неповадно, всё ёлки, глухое место, страшно» [Гряз, Поповкино].

Пугать: лес *Пуганое* (параллельное название *Темный Лес*) – «Там тайга такая, пугало там»; «Пугало, видно, там» [У-Куб, Тавлаш], поле *Пуганое* [Пыщ], пок. *Пуганцы* (?) [Баб].

Страх: лог *Страшной Лог* – «Там черти жили, туда сбежали, когда церкву ставили» [Котл, Петровская], лог *Страшной* – «Ельник такой кругом» [Уст, Верхняя Поржома], бол. *Страхово* – «Страшное было место» [У-Куб, Никольское], пок. *Страх* [Кон], поляна *Страхи*

[Выт], поляна *Страшная* [Вож], ск. *Страшная Едома* [Мез], бол. *Страшное* [Бел], овраг *Страшное* [Кон], оз. *Страшное* [Леш], руч. *Страшной* [Уст, Устюж], омут *Страшной Курган* [Ваш], пруд *Страшной Пруд* [Влгд], руч. *Страшной Ручей* [Тарн].

Трусить

Трусить: мыс *Трусов Мыс* – «Там шибко много кос в реке, боялись налететь на мель»; «Трусили, боялись на него напороться»; «Трусили, чтоб не наскочить на него» [Нюкс, Бобровское, Алифино].

ОБЪЕКТ, ВЫЗЫВАЮЩИЙ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ

Радость

Без печали: ключ *Беспечалица* [Сямж].

Не тужить: хут. *Нетужилово* – «Женщина жила тут, гуляла» [Бабуш, Петухово].

Радость: пок. *Радовальна* [Тот], пок. *Радость* [Пин], пок. *Танькина Радость* – «Танька плясала, веселилась» [Прим, Исакогорка].

Счастье

Счастливый: лес *Счастливец* [Устюж], пок. *Счастливец* [Устюж], оз. *Счастливое* [Вин].

Любовь

Любовь: ур. *Любовь* – «Там была дерюга Васи Кочерёнка, он ее очень любил, приятная была дерюга. Сказал: “Умру, хороняйте меня на моей Любви”» [Нюкс, Алифино].

ОБЪЕКТ, СВЯЗАННЫЙ С ПРИХОТЬЮ, КАПРИЗОМ

Прихоть: поле *Прихоть* [Тарн].

* * *

Представленный выше топонимический материал свидетельствует о том, что целый ряд традиционно выполняемых человеком действий связывается с определенными точками или зонами пространства. Разумеется, сам по себе этот вывод достаточно тривиален. Для того, чтобы сделать его не таким банальным, следует внимательнее приглядеться к направленности отбора топонимической номинацией пространственно приуроченных действий и, по возможности, к закономерностям появления некоторых лакун.

Передвижение в пространстве и связанные с ним обстоятельства. Показательно обилие топонимов, образованных от апеллятива *выход*. Соответствующие объекты находятся около деревень и являются стартовой точкой основного маршрута носителя топонимической системы – по местам полевых работ (сенокошения или пахоты).

Значительно реже топонимические *выходы* меняют центробежную ориентацию на центростремительную, номинируя места выхода к деревне из леса или ягодных болот. В любом случае появление таких топонимов (а также весьма редких названий, образованных от апеллятива *обход*) свидетельствуют о выборе в структуре пространства какого-то приоритетного хозяйственно осваиваемого направления, упоминание о котором не требует конкретизирующих пояснений. Асимметрия *выходов* и *обходов* – еще одно свидетельство домоцентрической ориентации топонимикона.

Топонимы, образованные от апеллятива *приход*, семантически сходны с *выходами*, поскольку фиксируют начало цепи важных в хозяйственном отношении объектов. Однако здесь не так ощутима близость к населенному пункту: *прихожие* объекты могут называть, например, первое в цепи удаленных озер или болот.

Четко выделяется группа названий, которые обозначают объекты, связанные с передвижением на лошади. Специфическим можно считать номинирование крутых возвышенностей, труднопроходимых грязных мест через указание на необходимость погонять лошадь или распрягать ее. Любопытна фразеологизация сочетания *Медвежий Ввоз*, называющего такой крутой подъем, что лошади нужна «медвежья сила» для его преодоления.

Вообще, возвышенности, а также другие труднопроходимые и опасные места дают самые яркие в номинативном отношении названия, описывающие особенности передвижения не только через невыразительные нейтральные указания на необходимость подъема, но и через физическое состояние субъекта номинации: топонимические «картинки» показывают человека, тяжело дышащего, «пыхтящего», взмокнувшего от напряжения, рискующего приобрести грыжу, «пляшущего» с кочки на кочку, ломающего ноги и т. п. Наиболее динамичными, тяготеющими к ситуативной развертке можно считать названия гор, болот и перекастов.

Подробно и «отсубъектно» разработав тему труднопроходимого места, топонимическая номинация обходит стороной легкие, удобные для передвижения места: соответствующий признак номинации оказывается лакунированным, поскольку сведения такого рода излишни.

Специфична идеограмма «объект, у которого сменяют напарника по гребле», указывающая не только на жесткую закреплённость определенных маршрутов, но и на существование определенных сценариев их прохождения (в эти же сценарии вписывается, как ни странно, привычка оправляться в определенной точке маршрута: например, при длительном плавании – на первом из попавшихся в пути островов).

Вариативна на лексическом уровне идеограмма «место, где можно заблудиться». Здесь сливаются границы единичных и типовых ситуа-

ций, поскольку оценка объекта с этой точки зрения, как правило, исходит из определенной прецеденции.

В рамках рассматриваемого поля встречается большее, чем в других полях, количество названий, отражающих статус человека как объекта, а не субъекта воздействия (ср. показательную идеограмму «объект, оказывающий пьянящее воздействие на человека», реализуемую названиями от апеллятивов *винный, похмельный, пьяный*). Это понятно, поскольку данное поле связано с фиксацией наименее специализированных видов деятельности.

Хозяйственные работы. Отражение в географических названиях целого ряда хозяйственных действий кажется номинативно избыточным. К примеру, трудно считать дифференцирующим для названий покосов или полей указание на то, что там производится сенокосение или пахота. Однако названия типа бол. *Кошеное* или г. *Пахотный Холм* следует прочитывать как указание на возможность соответствующего использования объектов (косить на относительно сухом травянистом болоте или распахать земли на возвышенности), которая выделяет их из числа других болот или холмов. Показательно, что в топонимии Ярославской области, где в функции сенокосных угодий выступали преимущественно пойменные луга, которые не надо было отвоевывать у болот, *кошенье, косебные* и т. п. названия не встретились.

Отражена в топонимической номинации традиционная для Русского Севера деятельность по обработке льна и конопли: маркированными оказываются места, где лен вымачивался и расстился для просушки.

Не случайна для топонимии Русского Севера и хорошая проработка идеограмм, связанных с подсечно-огневым земледелием: пахотные и сенокосные угодья нередко устраивались на лесных пожогах (следует учесть и то, что представленная нами топонимическая картина не может считаться полной, поскольку здесь практически отсутствуют топонимы, образованные от географических терминов. Обилие географических терминов со значением 'пожога' позволяет говорить о древности соответствующей идеограммы).

Специфична идеограмма «поле, где осуществляется помощь соседу в уборке урожая», реализуемая топонимами *Помочáнки, Помочна́я* и т. п. Коллективные «помочи» на Русском Севере – важная социально-хозяйственная акция, которая была связана с разными видами работ: обмолотом, засолкой капусты, жатвой и др. Пространственную привязку получают только «уборочные помочи»: уборка урожая осуществлялась в определенном порядке, поэтому можно было выделить поле, которое убирали последним, привлекая на помощь соседей (об особой значимости этого локуса говорит также наличие идеограммы «место, где осуще-

ствлялся дожинальный обряд», см. раздел «Обрядовая и религиозная деятельность»).

Идеограмма «место, где осуществляется обмолот» реализуется в топонимии тех территорий, где гумна были не у каждого хозяина, а общими для нескольких семей.

Еще одна хозяйственная область, имеющая на Русском Севере богатые традиции, – добыча живицы, смолокурение. Относительная редкость топонимической маркировки таких мест объясняется тем, что лесные участки, где осуществлялось подсекание сосен для производства смолы, необходимо было через определенное время менять, а это не способствует топонимическому закреплению соответствующего признака.

Пространственную привязку получают такие действия, как заготовка дров, бересты (Русский Север славился плетением берестяных изделий), банных веников, лесосплав, пережигание дров на уголь, оканавливание дорог и т. п.

Характерна слабая представленность в акциональной топонимии таких популярнейших занятий, как сбор грибов, ягод и охота. При изображении этих занятий наиболее важным оказывается указание на конкретный вид грибов, ягод, породу зверей или птиц и т. п., вследствие чего интерактивность становится номинативно ненужной. Исключение составляет номинирование мест, где ловится рыба. Здесь акциональная сторона оказывается более важной, поскольку могут быть выделены конкретные способы ловли, привязанные к определенным ландшафтным условиям (ужение, торбание и т. п.). Кроме того, наличие рыбы в каком-то из расположенных рядом озер является фактом менее очевидным, чем, допустим, наличие ягод на болоте, поэтому соответствующий объект скорее получает ситуативную маркировку.

Быт человека. В рамках этого семантического поля разрабатываются три темы – гигиенические процедуры, питание, народная медицина.

Наиболее тщательно разработана первая из них. Характерно отражающееся в топонимии функциональное разделение водоемов, позволяющее выделить как минимум три градационные ступеньки по чистоте воды: в *питейных* и *рукомойных* водоемах берут чистую воду для приготовления пищи и умываются; в *портомоях* и *латомоях* вода не является питьевой, там стирают («Патье туда ходили мыть, а на питье воду брали в Питейном Ручье»); кроме того, выделяются водоемы с «нечистой» водой, где стирать можно разве что онучи (интересны повторяющиеся на разных территориях *онучихи*). Показательно, что в водоемах этой последней «ступени» обмывают покойников («онучи мыли да покойников»).

Необходимой процедурой после стирки было выколачивание белья (*Колоченье*), выполнявшее функцию предварительной сушки (окончательная осуществлялась дома). В топонимии отражается и традиционный способ отбеливания белья, которое расстилается на берегу реки и белится под лучами солнца; ср. также топонимическую маркировку объектов, где осуществляется отбеливание белья в результате кипячения (*Бученье*).

Идеограммы, связанные с отражением в топонимии процедур приема пищи, кажутся несколько неожиданными (действия такого плана, казалось бы, не должны обладать пространственной закрепленностью); тем не менее они указывают, что в структуре пространства выделялись места, где трапезничали во время полевых работ (более того, существовало относительно закрепленное «меню» – *колоба, блины, соломот* и т. п.). Большой интерес представляет топоним *Чередовытье*, свидетельствующий о значимости приема пищи *чередой*, т. е. в свое время («страдавали, а потом там выть принимали, паужну-то. Выти-то чередой надо принимать, всякой выти свое время»); вкупе с пространственной привязкой мест трапезы это говорит о строгой регламентации процедур питания. Не случаен тот факт, что в диалектной лексике Русского Севера выделяется нетипичная для литературного языка идеограмма «тот, кто ест не вовремя», реализуемая словом *бесчередица*; показательна и логика дальнейшего развития значений этого слова, приобретающих все более явное негативное звучание, – ‘лентяй’, ‘пакостник, безобразник’ [КСГРС]: нарушение порядка в еде становится первым сигналом асоциального поведения. Таким образом, четкая организация приема пищи и жесткие пространственно-временные рамки – важнейшая норма традиционного поведения.

Идеограмма «объект, используемый в лечебных целях» представлена тополексами *исцелиться, здоровье, лекарство*, имеющими единичные топонимические реализации. Это объясняется тем, что соответствующая смысловая зона покрывается преимущественно не акциональными, а признаковыми топонимами – например, названиями, образованными от апеллятива *святой*.

Практически не проработана в топонимии такая обширная бытовая тема, как «Одежда» (речь, естественно, не идет об образных топонимах): связь рабочей одежды с определенными видами пространственно приуроченных работ настолько естественна, что не нуждается в специальном закреплении; единственное исключение – название двух полей *Сарафанница* на разных территориях – появилось потому, что соответствующая одежда непривычна для совершаемых действий («Раньше молодухи в новых сарафанах ходили пахать, чтоб все их приданое видели»).

Обрядовая и религиозная деятельность. Наиболее явно с помощью интерактивной топонимации оказывается выделенной та деятельность, которая связана с культовыми сооружениями христианской религии (*молиться, поклоняться* и т. п.). Помимо этого, пространственную привязку получают следующие обрядовые действия: семейные обряды (свадьба, похороны, проводы в армию), календарные обряды (Масленица, Пасха), обряды земледельческого цикла (дожинки).

Локативная приуроченность свадеб или проводов в армию – выделенность мест, где праздновали молодожены и где новобранцы прощались с родственниками, – говорит о высокой степени ритуализации указанных действий (соответствующие топонимы повторяются не только на разных территориях Русского Севера, но и в иноязычных топонимиконах, например, в саамском или удмуртском).

Календарные обряды оказываются представленными наиболее бедно: это верно не только для интерактивных топонимов, но и для качественных, относительных и др. Отчасти такое положение объясняется субъективными причинами – тем, что топонимы, в основе которых наименования календарных обрядов, могут не дифференцироваться в топонимической массе (топонимические *красные горки* реализуют множество различных смыслов; *троицкие* названия скорее воспринимаются в связи с обозначениями культового объекта и т. п.). С другой стороны, такое положение дел во многом обусловлено отмеченным выше «нежеланием» традиционной топонимии пропускать в свое семантическое пространство информацию об обрядовой стороне человеческой деятельности.

Что касается дожинального обряда, то он описан топонимической номинацией относительно подробно. Это объясняется, во-первых, четкой локативной приуроченностью соответствующих обрядовых действий (дожинальный обряд начинали справлять на том поле, которое убиралось последним), во-вторых, тем, что этот обряд был наиболее популярен в комплексе земледельческой обрядности Русского Севера.

Досуг; коммуникация. Тополексемы, иллюстрирующие пространственную обусловленность различных форм проведения досуга, значительно разнообразнее и вариативнее, чем те, которые реализуют идеограммы «обрядового» поля.

Наиболее богата конкретными манифестациями идеограмма «место, где проходят или могли бы проходить игрища, гулянья», в рамках которой наблюдается сценарная организация топонимического материала (*баловать, баской, вертеться, гулять, загулять, играть, молодость, разгуляться, фестиваль, шалить, кататься, пошевни, прокатиться, петь, плясать, кабак, пьяный*). Воссоздается весьма детальная картина проведения праздников, которые отмечались на горушке или поляне

около деревни и предполагали пение, пляски, катание с гор и т. п. Своеобразный штрих в эту картину вносит весьма представительное количество *пьяных* топонимов, причем распитие спиртных напитков было не только приурочено к праздникам («раньше на этом месте отмечали праздник – Спасов день»), но производилось и в будни (выразителен контекст «до работы пили, после работы пили»).

Специфична также идеограмма «место встреч влюбленных», свидетельствующая о выделенности удаленных от деревни мест, куда влюбленные парочки «от тятки с мамкой убегали». Разнообразие способов выражения этой идеограммы и активность отдельных топонимов (*поцелуй, любовь*) говорит об определенной ритуализации и этой стороны жизни носителя традиционной культуры (наличие в структуре пространства зон, куда полагалось уходить влюбленным). Привлекают внимание топонимические *Острова Любви*, которые, как уже говорилось, выглядят недавними «благоприобретениями» традиционной топонимической системы, позаимствованными из книжной культуры.

Новый штрих в палитру топонимических средств изображения ситуации коммуникации между людьми вносят названия, реализующие идеограмму «дорожка, по которой ходили навещать родственников». Соответствующие топонимы дают представление не о больших дорогах, проходящих по центральной улице населенного пункта, а о тропинках, которые обычно начинаются на задах деревни, от огородов или бань и являются самым кратким путем в соседнюю деревню, к дому родственников. Чаще всего такие тропинки были «закреплены» за молодыми женами, бегавшими навещать мать (ср. отражение этой ситуации в топонимах *Матрешкина Дорожка, Повиданка*), однако могли использоваться и зятьями, ходившими к «теще на блины» (*Тещина Тропа*).

Идеограмма «место встреч людей, движущихся в противоположных направлениях» реализуется в тех названиях, которые прилагаются к удаленным от населенного пункта объектам, осваиваемым при прохождении определенных маршрутов. Именно такие *сретенья, свиды* и т. п. были одним из наиболее важных источников информации о чужих коллективах.

Идеограмма «объект, связанный с осуществлением вербальной коммуникации» оказывается «привязанной» к одному типу ландшафтных реалий – камням, большим валунам, на которые присаживались разговаривающие люди. Любопытную новацию фиксирует название *Камень Переговорный* («Дезертиры там скрывались, письма под камень складывали, а родные им – посылки»).

Интеллектуальная деятельность, связанная с обнаружением и освоением объекта. Лексика, называющая процессы из области интеллектуальной деятельности (*выдумка, догадка, дума*,

задумать, придумать, раздумье, знать и т. п.), кажется неожиданной для топонимии. В то же время на разных территориях встречаются единичные топонимы, которые фиксируют раздумья человека относительно возможностей освоения объекта («Старик догадался, пни там раскорчевал»; «Стой перед ним и думай, как перейти»).

Частотнее топонимы, образованные от апеллятива *найти*: они номинируют более естественную, чем «раздумье» или «выдумка», ситуацию обнаружения нового, ценного по своим свойствам объекта в той пространственной зоне, которая, казалось бы, уже хорошо освоена. Топонимы, образованные от апеллятива *ждать* (*долго ждать*) прилагаются, скорее всего, к тем объектам, которые редки для определенного ландшафтного участка: например, можно назвать *Долгожданным* ручей, который был встречен после долгой дороги по лесу.

Таким образом, появление *найденных, долгожданных, неизвестных* и т. п. названий закономерно, однако они редки в традиционной топонимии, поскольку запечатлевают начальную стадию освоения объекта, не прорабатывая тех признаков, которые становятся актуальными при его последующем каждодневном использовании. Позиция номинатора, дающего подобные названия, — это позиция «первопроходца», открывающего новые земли, позиция принципиально маршрутная. Не случайно наименования такого рода (и более вычурные — *Гора Сомнений, Гора Долгих Поисков, Обнаруженная Речка*) широко распространены в искусственных топонимиконах, созданных геологами, геофизиками и т. п.: для геолога важнее обстоятельства обнаружения объекта, нежели его грядущая эксплуатация.

В рассматриваемое поле включена идеограмма «объект, который не получил имени»: разумеется, при номинировании ландшафтной реалии важны и гносеологические, и коммуникативные моменты, однако если рассматривать акт наречения сам по себе, вне перспективы дальнейшей узуализации, он должен трактоваться скорее как гносеологический. Эта идеограмма реализуется широко распространенными *безымянными* топонимами, которые прилагаются исключительно к гидрообъектам — ручьям, небольшим рекам и озерам. Очевидно, названия полей и покосов не могут стать *безымянными*, поскольку эти объекты выделены в ландшафте, «организованы» самим человеком: акт такого «творения», включения объекта в хозяйственную деятельность непременно предполагает наделение его именем. Отсутствие *безымянных* ойконимов объясняется, кроме того, психологической невозможностью для человека проживать в «непоименованном» месте, которая подкрепляется почитанием имени как такового в культурной традиции. Что касается гидрообъектов, то ситуацию возникновения *безымянного* гидронима можно смоделировать так: объект, отличающийся хозяйственной или orienta-

ционной значимостью, находился недалеко от других однотипных объектов, которые наделены именем. В речи, при описании какого-либо маршрута, естественным могло быть такого рода упоминание о нем: «озера идут: *Долгое*, потом без имени (→ безымянное), потом *Красное...*» На следующем этапе закономерна онимизация этой характеристики (ср. пояснения информанта: «Его никак не называли раньше, рыбы там особо нет, а потом стали Безымянным звать»)¹⁸.

Наименования, образованные от апеллятива *назвать*, в изучаемом топонимиконе не обнаруживаются – и это закономерно, поскольку акт получения имени географическим объектом нацелен на конкретный результат, а не на метаязыковую рефлекссию над самим процессом.

Перцептивная деятельность. В рамках данного поля функционируют названия, во внутренней форме которых отражена перцептивная деятельность – зрительная или слуховая, проявляющаяся в связи с географической реальией. При этом «лидируют», конечно, «зрительные» топонимы, разнообразно реализующие идеограмму «объект, дающий возможность осматривать окрестности» (апеллятивы *видеть, взгляд, выглядывать, глядеть, зоркий, зырить, позор, рачить, смотреть*). Устойчивость и вариативность идеограммы позволяют осуществить реконструкцию неясных наименований (ср. расшифровку топонима *Рачень* с опорой на мотивировку названия *Зырень*, обозначающего смежный объект). Топонимические *видоны, глядены* и *позорихи* номинируют, разумеется, преимущественно орообъекты или же выдающиеся вперед мысы, с которых открывается хорошая панорама окрестностей. Доминирование топонимов, апеллирующих именно к зрительной модальности, является еще одним языковым свидетельством важности зрения как инструмента освоения мира для «исторически степных» народов.

В интерактивной топонимации не используются апеллятивы *слушать, чутать* и, соответственно, не находят номинативного воплощения признаки вроде «объект, который слышен издалека». Близкий данному (но не акциональный) признак «гидрообъект с бурным, шумным течением» реализуется с помощью многочисленных *гремелок, брякотух* и т. п. Отсутствие интерактивных топонимов в данном случае объясняется тем, что слуховое воздействие ландшафтных реалий на человека не является значимым с точки зрения возможностей эксплуатации объекта

¹⁸ Следует иметь в виду, что некоторые *безымянные* топонимы могут быть «картографическими» по происхождению, т. е. созданными при составлении карт, когда картографам не удастся выяснить у местного населения реально функционирующее название объекта. Однако при полевых сборах «картографические» топонимы фиксируются крайне редко.

и воспринимается «пассивно» (в то же время зрительный признак оказывается важным в ориентационной деятельности человека).

Экономические отношения. Названия, реализующие идеогаммы данной рубрики, прилагаются исключительно к тем объектам, которые наиболее явно связаны с хозяйственной деятельностью, – к покосам и полям (значительно реже к лесам). В топонимии отражаются такие действия с земельными участками, как покупка, дележ, обмен, дарение.

Названия, отражающие операции купли, распространены преимущественно в топонимии Костромской области и южных районов Вологодской области, но отсутствуют в Архангельской области – таким образом, их ареал соответствует зоне, где отдельными очагами встречалось помещичье землевладение: земельные участки могли быть куплены помещиком или же выкуплены у него крестьянами. Единичны случаи отражения в топонимии ситуации дарения земли. Значительно устойчивее фиксируются факты передачи земли в качестве приданого; *приданные* участки были преимущественно лесными расчистками – как раз этот вид земельных угодий можно считать наиболее «семейным»: если «естественные» сенокосные и пахотные участки (например, прибрежные луга) принадлежали всей деревне и делились на отдельные полосы, то лесные пожоги осваивались отдельными семьями (не случайно их наименования в большинстве своем носят отантропонимический характер).

Отражение в интерактивной топонимической номинации ситуаций дележа и обмена земли иллюстрирует специфику свободного землевладения на большей части территории Русского Севера. С дележом и обменом связана наиболее разработанная ситуация из тех, которые запечатлеваются топонимией, – земельные споры и тяжбы. Именно эта ситуация дает наибольшее количество вариантов топонимического воплощения (тополексемы *браниться, греховодный, драться, зубатиться, материться, оказия, плевок, содомить, спорить, спорный, судиться, сутяжничать, тягаться, тяжба, хлопотать* и др.). Обилие и разнообразие топонимов объясняется яркой сценарностью, развернутой актантной структурой, а главное – потенциальной экспрессией самой ситуации; если в ряде других случаев из рассмотренных выше интерактивная развертка является одним из вариантов воплощения номинативного признака (который – в несколько трансформированном виде – может быть реализован и субстанционально, вне интеракции), то данный признак находит свое воплощение только в акциональной топонимии. Благодаря выраженной сценарности эта ситуация хорошо накладывается на фреймовые структуры топонимической номинации. И вновь характерный штрих в картину экономических отношений по поводу зе-

мельных угодий вносит идея пропивания земли, выраженная в топонимах *Пропитоха* и *Пропитое* («Была спорная, пропили, сделали общину», «Пропили его кишкинцы, досталось оно Аксентьеву»), которая показывает нестандартный путь решения земельных проблем.

Качество труда по освоению географического объекта. Как и в предыдущем случае, микротопонимы, функционирующие в рамках данного поля, номинируют преимущественно «искусственные» объекты – поля и покосы. Выразительно и вариативно (хоть и с малым количеством топонимических реализаций) оказываются представленными идеограммы, которые характеризуют усилия по обработке географического объекта. Топонимический фрейм рисует яркую картину тяжелого, докучливого труда («петания»), вызывающего боль в сердце, сопровождающегося соленым потом, мукой, утомлением, вздохами, мытарством, надсадой и т. п. Ситуация интенсивного труда, не связанного с физическими лишениями, отражается только в топонимах *Гойка* и *Споровое*.

Антонимичный признак «объект, обработка которого дается легко» дает лакуну в интерактивной топонимии: логическая возможность реализации такого признака диссонирует с психологией носителя языка, для которого полевые работы могут быть просто трудными или очень трудными (в какой-то мере, однако, данный признак реализуется в топонимах вроде пок. *Красота* – «Ровный, трава высокая, красота косить» [Бабуш, им. Бабушкина], где эстетический признак оказывается пропущенным через прагматическую призму).

Интересно, что отсутствие топонимических реализаций идеи легкого освоения объекта компенсируется наличием идеограммы «объект, при взаимодействии с которым человек проявляет беспечность, лень». Не признавая существования «нетрудного труда» в поле или на покосе, носитель топонимической системы в то же время при передвижении в пространстве или обработке земли не упускает возможности поленился. Такое смещение представляется вполне закономерным: не накладываясь на однотонную и равновесную априорную логическую схему, наивная логика топонимической номинации отбирает наиболее яркие признаки, маркирующие «критические зоны» окружающей человека действительности и аномалии человеческого поведения (это положение коррелирует с неоднократно отмечавшимся в литературе выводом о преобладании языковых манифестаций негативного и аномального).

Кроме того, появление *ленивых* топонимов в системе в определенной мере обусловлено «пропедевтической» функцией этих названий: отмель *Зеваки* и перекаат *Ленивый* названы так для того, чтобы осваивающие эти объекты люди не зевали и не ленились – иначе им грозит опасность.

Эффективность хозяйственного использования объекта. Данное поле составлено двумя парами противопоставленных идеограмм: на «отрицательном» полюсе – идеограммы, которые характеризуют объект с точки зрения негативных потребительских свойств, т. е. невозможности прокормить человека или позволить ему «разжиться»; на «положительном» полюсе – идеограммы, выражающие способность ландшафтной реалии обеспечить человеку сытую жизнь и дать ему прибыль. Реализация этих идеограмм оказывается резко асимметричной. Лидирует, разумеется, негативный полюс: бедные рыбой озера и ягодами леса, неплодородные поля, покосы с плохой, несочной травой и т. п. заставляют человека голодать, приводя к нужде и разорению (тополексемы *голодать* (*голодный*), *заморить*, *морить*, *постный*, *пустынный*; *бедность*, *нищенство*, *пропадать* (*пропажа*), *разорить*, *разорение*; наиболее популярной оказывается тополексема *голодать*, на базе которой образовано около 120 топонимов Русского Севера).

Позитивный полюс, маркирующий объекты с ценными в потребительском отношении свойствами, оказывается представленным весьма слабо (*жирный*, *прибыль*, *прибыток*, *разжива*, причем каждая из тополексем имеет единичные воплощения в конкретном материале).

При объяснении причин этой асимметрии следует вновь обратить внимание на «пропедевтическую» функцию географических названий негативного полюса, которые предупреждают о том, что хозяйственное использование данного объекта не может быть эффективным. Кроме того, Русский Север реально изобиловал заболоченными покосами, полями с песчаной почвой, дающей бедный урожай, и т. п.

Эмоции, эмоциональные состояния в связи с освоением географического объекта. Логика организации этого поля и особенности смыслового наполнения топонимов, функционирующих в его рамках, обнаруживают переключки с двумя предыдущими полями: негативные эмоции и эмоциональные состояния в топонимическом варианте их отражения (*беда*, *горе*, *терпеть горе*, *тосковать*, *тошнота*, *тужить*, *без радости*, *без счастья*, *плакать*, *реветь*, *слезы*, *боязливый*, *неповадный*, *опасный*, *пугать*, *страх*, *трусить*), конечно же, преобладают над позитивными (*без печали*, *не тужить*, *радость*, *счастливый*, *любовь*).

При этом эмоциональные состояния человека имеют очень прочную прагматическую подоплеку: терпеть горе приходится из-за трудностей обработки поля, тужить и тосковать – из-за удаленности деревни от реки или неудобного расположения покоса, реветь – из-за того, что женщинам в войну пришлось самим распахивать поле, и т. п. Радость могут вызвать те ландшафтные реалии, которые либо дают эстетическое удо-

вольствие (ключ *Беспечалица*), либо обладают ценными в потребительском отношении свойствами (ур. *Любовь*).

Отметим еще одно обстоятельство: в рамках этого поля – так же, как и в рамках двух предыдущих – встречаются названия деревень (*Тужилова, Тоскуево, Пустовытня, Голодиево* etc.), которые образуют ряд, сходный со знаменитыми некрасовскими *Подтянутой губернией, уездом Тертигоревым, Пустопорожней волостью* и т. п. Характерно, что именованья такого рода являются неофициальными обозначениями населенных пунктов, становясь своеобразными топонимическими прозвищами – метками для тех деревень, которые расположены среди неурожайных полей, вдали от водоемов и т. п.

* * *

Завершив описание материала, подведем некоторые итоги.

1. Процессуально-событийный мир оказывается довольно полно описанным топонимической номинацией, отражаясь в интерактивных и событийных топонимах. С точки зрения структуры изображаемой ситуации выделяются названия, реализующие одну из 7 структурных схем, которые, в свою очередь, могут быть объединены в 2 блока:

I. Репрезентативные структуры

1) действие – субъект – объект	структура не реализуется в узуальной русской топонимии
2) действие – субъект	структура раритетна
3) действие – объект	структура представлена определенно, являясь основой русской интерактивной топонимии

II. Свернутые структуры

4) действие	структура представлена, но не позволяет дифференцировать типовые ситуации и единичные события
5) субъект действия	топоним косвенно отражает ситуацию; «прочитывание» последней составляет определенные трудности
6) объект действия	
7) *качественная характеристика действия	

Таким образом, сложность выделения данной группы топонимов состоит в том, что только один из выделенных типов (*действие – объект*) достаточно четко обозначен в топонимическом материале (хотя, разумеется, не относится к числу наиболее популярных моделей русской

топонимической номинации) и позволяет более или менее явно обнаружить структуру ситуации.

Остальные типы либо раритетны, либо создают большие трудности при «дешифровке», поскольку представляют собой свернутые, «вырожденные» структуры. Такая свернутость может создать дисбаланс между номинативной выраженностью признака и мотивировкой названия. Итак, можно говорить о существовании в русской топонимии интерактивных и событийных названий; помня о недостаточной ономаσιологической оформленности этих топонимов и необходимости дополнительных исследовательских процедур при их выявлении.

2. Одной из таких процедур может стать идеографическая классификация материала, позволяющая выявить логику формирования акционального мира русской топонимии. Классификация обнаруживает набор семантических полей интерактивных топонимов, соответствующий перечню основных тем, которые отражаются с помощью акциональной топонимической номинации: 1) передвижение в пространстве и связанные с ним обстоятельства; 2) хозяйственные работы; 3) быт человека; 4) обрядовая и религиозная деятельность; 5) досуг; коммуникация; 6) интеллектуальная деятельность, связанная с обнаружением и освоением объекта; 7) перцептивная деятельность; 8) экономические отношения; 9) качество труда по освоению географического объекта; 10) эффективность хозяйственного использования объекта; 11) эмоции, эмоциональные состояния в связи с освоением географического объекта.

3. Интерактивные идеограммы нередко передаются такой семантической конфигурацией, как фрейм. Фреймовая организация усложняет семантическую реконструкцию топонимов, поскольку здесь затруднено применение метода семантических параллелей: слабые семантические связи плохо моделируются.

4. Интерактивные топонимы иногда обнаруживают переключки с теми названиями, которые передают сходный признак как предметный, качественный или относительный. В таких случаях в топонимической номинации преобладают внеситуативные способы выражения признака (ср. пары *святой* // *исцелиться*, *крутой* // *подымный* и т. п.). Разумеется, встречаются и признаки, для которых возможна только акциональная развертка: «ландшафтная реалья, являющаяся объектом земельных споров и тяжб», «место встреч влюбленных» и т. п. Наличие или отсутствие параллелей между ситуативными и внеситуативными смыслами зависит от степени специализации соответствующих действий: например, идеограммы, функционирующие в рамках самого большого семантического поля «Передвижение в пространстве», дают частые переключки с внеситуативными идеограммами, а вот идеограммы поля «Экономические отношения» не обнаруживают таких параллелей.

5. Сходная закономерность проявляется и в отношении названий классов географических объектов, тяготеющих / не тяготеющих к интерактивной подаче. Так, поля, покосы, лесные делянки представляют собой наиболее «искусственные» классы объектов, по отношению к которым человек может выступить в роли «демиурга»: превратить лес в поле – и совершить обратное превращение, выделить и изменить границы ландшафтной реалити и т. п. Соответственно, характер использования этих объектов наименее стабилен. При «создании» объекта и изменении характера его использования достаточно значимыми и запоминающимися становятся сопутствующие этому обстоятельства – отсюда относительная частота интерактивного осмысления «искусственных» объектов при выборе для них имени (кстати, наименования объектов такого рода вообще обнаруживают некоторые признаки искусственной топонимии, в определенной – хотя, конечно, минимальной – степени сближающие их, к примеру, с искусственной топонимией геологов). Кроме того, покосы и поля, образующие обширные ряды однотипных объектов, нередко не имеют ярких индивидуализирующих внешних примет – и это также повышает внимание номинатора к связанным с ними ситуациям.

Что касается названий «естественных», не «преобразуемых» человеком ландшафтных реалити, то здесь ситуативные развертки наиболее частотны для обозначений «опасных» объектов: порогов, перекатов, омутов, скал. Безусловно, труднее всего ожидать интерактивных мотивировок от наименований линейных объектов – например, крупных рек.

6. Интерактивные топонимы показывают, что широкий круг действий, которые совершаются человеком, имеет жесткую пространственную обусловленность, позволившую закрепить их на топонимической карте действительности. Тем самым подчеркивается высокая степень традиционализма жизненного уклада носителей топонимии, который выражается в существовании акциональных сценариев, где важное место занимает локативная приуроченность. «Привязанными» к определенной точке пространства оказываются такие действия, как проводы в армию, прогулки влюбленных, прием пищи, коллективная помощь в уборке урожая и мн. др.

7. При наложении пространственного акционального мира русского крестьянина на топонимикон обнаруживаются значительные лакуны и ситуации асимметрии (один из двух противопоставленных признаков имеет десятки топонимических реализаций на разных территориях, другой выражается раритетно). Когда речь идет о внеситуативных полях, лакуны могут быть выявлены логически: к примеру, при обнаружении *черных*, *белых* и *красных* топонимов естественно было бы проверить другие цветообозначения (*желтый*, *синий*, *голубой* и т. п.), кото-

рые дают ничтожно малое количество топонимических реализаций. В тех случаях, когда перед нами интерактивные топонимы, логическое выделение лакун затруднено, так как конкретная ситуация может быть весьма алогична.

Основная причина появления семантических «пробелов» и «неровностей» состоит в том, что акциональная топонимическая номинация выполняет пропедевтическую функцию, маркируя трудные для эксплуатации объекты. Наличие таких профилактических названий есть еще одно свидетельство прагматической ориентации топонимической номинации. Кроме того, существование лакун говорит о недостаточной пространственной приуроченности тех типовых ситуаций, обозначения которых отсутствуют в системе географических названий (ср. выборочное использование топонимией наименований обрядовых действий), либо о том, что они не несут достаточной функциональной нагрузки (ср. лакуну на месте «слуховых» акциональных идеограмм при наличии «зрительных»).

8. В целом же доля интерактивных и событийных наименований в общей массе русских топонимов невелика. Помимо обсуждавшихся выше собственно языковых причин такого положения существует и внеязыковая, заключающаяся в том, что оседлый уклад жизни и домцентрическая организация пространственных отношений ведут к «враспашку» в замкнутую среду обитания, которое предполагает образование разносторонних связей между человеком и пространственными реалиями. Ситуация или событие могут стать хорошей меткой для малоосвоенного объекта; постоянное и многогранное использование объекта создает для них слабую позицию.

Итак, интерактивная русская топонимия демонстрирует прагматичность восприятия окружающего пространства, которое конституируется функционально, представая как сумма значимых в хозяйственном отношении угодий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Логика развития лингвистической науки обуславливает внедрение в языковедческие исследования антропологической парадигмы, которая предполагает трактовку языковых данных в связи с личностью их носителя, его духовной культурой, имеющей национально-специфический характер. Реализация программных установок антропологической парадигмы во многом связана с этнолингвистикой – наукой, в центре внимания которой оказывается корреляция язык \Leftrightarrow традиционная духовная культура народа. В рамках этнолингвистического подхода к языковым фактам целесообразно обращение к топонимическому материалу, поскольку:

- он позволяет работать с этнокультурной информацией, которая имеет системно-языковой характер, обеспечиваемый ее закрепленностью во внутренней форме языковых единиц;
- консервирующая сила ономастической номинации обуславливает сохранность традиционных моделей именования;
- топонимикон кодирует информацию о восприятии человеком окружающего пространства, являющуюся важнейшей составляющей модели мира;
- топонимия как сфера народной духовной культуры, в общем-то, далека от воздействия других культурных моделей (прежде всего – книжной культуры) и тесно связана с непосредственной хозяйственной деятельностью человека, вследствие чего она репрезентирует «бытовой» вариант картины мира;
- топонимикон тесно взаимодействует с другими сферами традиционной духовной культуры, оказываясь вписанным в ее свертхтекст.

Этим определяется огромный культуроведческий потенциал топонимических данных, которые пока не заняли должного места в кругу объектов этнолингвистического исследования.

В данной работе была предпринята попытка продемонстрировать некоторые возможности этнолингвистического изучения топонимии. Исходя из положения о том, что всякая сфера традиционной духовной культуры содержит особую версию этнокультурной информации, обусловленную референтной привязкой явлений данной сферы, мы заключили, что для топонимии базовой является информация о пространстве, которая реализуется в различных вариантах.

Модель реального географического пространства строится на основе таких параметров, как локализация в пространстве, охват местности, протяженность, обжитость пространства человеком. Сетка параметров свидетельствует о том, что в топонимии отражаются

точка зрения и поле зрения номинатора, а также его стремление выделить в структуре пространства «свою», освоенную зону. Для модели географического пространства базовыми являются следующие концептуальные черты:

- пространственные представления выстраиваются на наивном фундаменте и обусловлены хозяйственными факторами. В топонимии отражается система паравосприятия пространства, фиксирующая склонность наблюдателя воспринимать географическую действительность через непространственные категории и основанная на переходе функционально-ролевой специализации в локативную;
- пространственный горизонт носителя топонимической системы ограничен рамками «своей» зоны, причем тенденция к сужению пространственного горизонта со временем усиливается. Пространство воспринимается дробно; преобладает расчлененная подача пространственных образов. Номинатор склонен к плоскостному, но не высотному видению местности;
- центр освоения пространства, как правило, жестко задан, в нем обычно оказывается закреплённая позиция номинатора. Центр освоения пространства является точкой отсчета при ориентировке, в связи с чем пространство может быть представлено как мозаичная «гетерархия» систем отсчета. Роль такого центра, как правило, играет населенный пункт (а в конечном счете дом, жилище номинатора), вследствие чего можно говорить о «домоцентрическом» механизме освоения пространства. Идея передвижения играет определенную роль при формировании пространственных представлений, однако эта роль относительно пассивна;
- пространство осваивается линейно – по линиям, отражающим вектор заселения или хозяйственного освоения территории. В качестве организатора пространственных связей нередко выступает река, роль дороги в этом плане значительно менее существенна;
- географическое пространство воспринимается как качественно неоднородное, что проявляется в асимметрии равноправных с логической точки зрения пространственных параметров, а также в четкой оформленности оппозиции освоенного и неосвоенного пространства. Освоенное пространство предстает как сумма значимых в хозяйственном отношении угодий; неосвоенное воспринимается как пустое, потенциально таящее опасность, «неодомашненное», свободное, открывающее возможности для освоения. Необжитое пространство является эталонным, поскольку характеризуется способностью разворачиваться вовне и отделенностью.

Выстроенная модель может считаться проекцией на пространственные отношения земледельческого типа хозяйствования и оседлого образа жизни. В рамках этой модели намечается противопоставление пространственных представлений земледельца и рыбака (последние характеризуются широтой горизонта, наличием высотного видения местности), однако само противопоставление прочерчено очень слабо, поскольку картина мира рыбака основывается на «земледельческом субстрате» (ср. распространенную среди поморов поговорку «Море – наше поле»).

Еще один разворот топонимической концепции пространства – «интерактивный», деятельностный – предполагает рассмотрение ландшафтных реалий в связи с типовыми действиями человека, которые отражаются с помощью интерактивных топонимов. Несмотря на свою недостаточную ономаσιологическую оформленность в русском топонимиконе, интерактивные наименования могут быть выделены в отдельный разряд, в рамках которого, в свою очередь, обнаруживается ряд семантических полей, представляющих разнообразие вариантов взаимодействия человека и пространственных реалий. Интерактивные названия чаще всего прилагаются к полям и покосам – наиболее «искусственным» географическим объектам, в известной мере «созданным» человеком, а также к тем «естественным» ландшафтным реалиям, которые могут таить опасность (омутам, порогам, перекатам, скалам). Интерактивные топонимы демонстрируют жесткую пространственную привязку ряда ситуаций с участием человека, благодаря чему происходит консервация представлений о них в топонимической номинации. Возможность такой консервации говорит о высокой степени традиционализма жизненного уклада носителей топонимии, о наличии закрепленных сценариев осуществления различных действий – прохождения дальних маршрутов, работ по хозяйству, проведения досуга и т. п. Лакуны в топонимической маркировке некоторых ситуаций свидетельствуют, как правило, о проявлении профилактической функции топонимов, маркирующих трудные для эксплуатации объекты. В целом же удельный вес названий, отражающих единичное событие или типовую ситуацию, в русской топонимии невелик, что объясняется как аргументами «от языковой техники», так и аргументами «от человека»: ситуация или событие могут стать ярким признаком для малоосвоенного объекта – в то время как стабильные и разнообразные связи между человеком и пространственными реалиями, установлению которых способствует земледельческий образ жизни, нередко выводят ситуацию за пределы номинативно релевантных признаков географического объекта.

Представим итоговую характеристику той версии этнокультурной информации, которая может быть выявлена по топонимическим данным.

- **Содержание, отбор и структура ЭИ:** топонимия представляет информацию об осваиваемых человеком объектах окружающего пространства. Соответственно, базовой для топонимической версии ЭИ становится информация о пространстве, причем пространственная модель включает в себя несколько разворотов, имеющих, тем не менее, общий стержень, когнитивную доминанту, определяемую хозяйственно-бытовой, утилитарной направленностью видения мира;
- **когнитивный генезис ЭИ:** информация, заложенная в топонимии, получена на базе чувственно-эмпирического, «опытного» знания;
- **сфера бытования ЭИ:** топонимическая версия ЭИ «обслуживает» бытовую, практическую деятельность человека;
- **специфика канала трансляции:** поскольку топонимикон – система «дискретных» номинаций, этнокультурная информация кодируется внутренними формами языковых единиц, и следовательно, она отражает социальное, объективированное знание. Можно сказать, что это знание является вдвойне объективированным: высокая степень клишированности топонимических моделей, которая связана с огромным объемом номинативных задач, обуславливает консерватизм и традиционализм этих моделей;
- **семиозис ЭИ:** в топонимии задействуется преимущественно информация первичного семиозиса, что говорит о некоторой изолированности этой сферы традиционной культуры от других. При задействовании ЭИ вторичного семиозиса отбираются прецеденты большей частью из топонимического же кода – вторичные (перенесенные) топонимы. Использование ЭИ вторичного семиозиса в ряде случаев может стать сигналом стилевого расслоения традиционной крестьянской топонимии.

На основании этих положений следует сделать вывод о том, что по топонимическим данным может быть эксплицирована специфическая версия этнокультурной информации, которая отражает бытовой, во многом обусловленный хозяйственными факторами вариант картины мира. Традиционная культура допускает сосуществование нескольких версий этнокультурной информации: к примеру, в сознании носителя традиционной культуры вполне уживаются две системы приоритетов при определении сторон света (сакральная маркированность восточного направления и хозяйственная отмеченность северного). Использование

этих систем вовсе не свидетельствует о «раздвоенности сознания» носителя традиционной культуры, но может быть уподоблено, например, поведению языковой личности при переключении с одного функционального стиля на другой. «Полиглоссия» этнокультурной информации объясняется различием ее источников, сфер бытования, способов кодирования, своеобразием когнитивного генезиса и др. Реконструкция макросистемы традиционной культуры должна учитывать эту полиглессию – и топонимические материалы, несомненно, призваны сыграть важную роль в процессе этой реконструкции, поскольку дают представление о земном, практическом складе культурного сознания народа.

Говоря о перспективах дальнейших исследований в русле заявленной проблематики, следует иметь в виду ряд этнолингвистических тем, заслуживающих внимания. Проанализированные в настоящей работе варианты конструирования образа пространства не исчерпывают всех возможных разворотов этого образа.

Интересна для анализа модель сакрального (ирреального) пространства, связанного в народном сознании с пребыванием нечистой или крестной силы. Эта модель входит в оппозицию модели реального географического пространства.

Представляется немаловажной подробная разработка «ландшафтной» модели, представляющей особенности восприятия отдельных видов географических реалий, специфику выбора на отдельных территориях «объектных приоритетов» – объектов, которые устойчиво выделяются в структуре ландшафта и становятся своеобразными вехами при привязке других ландшафтных реалий.

Помимо описания различных моделей пространства, топонимический материал следует использовать при реконструкции других концептов традиционной духовной культуры. В настоящем исследовании намечены возможности экспликации по топонимическим данным концептов счета (количества), а также обобщенных образов женщины и мужчины. Могут быть описаны также концепты сферы «родственные отношения» (*мать, отец, сын, братья* и т. п.), «социальные отношения» (например, *князь, царь, поп*), концепты цвета, звука, движения etc.

Определенную этнолингвистическую ценность имеет дальнейшая разработка вопроса о взаимодействии топонимии с другими сферами языка и культуры – идиоматикой, паремиологией, системой обряда и т. п. Все это обуславливает перспективность осуществления этнолингвистических исследований в области топонимистики.

Абрамов – *Абрамов Ф.А.* Пряслины: Трилогия. М., 1977.

Агеева 1984 – *Агеева Р.А.* Категория пространства и способы ее выражения в языке // Категории и законы марксистско-ленинской диалектики и язык: Сб. науч.-аналит. обзоров. М., 1984.

Агеева 1985 – *Агеева Р.А.* Гидронимия Москвы // Географические названия в Москве. М., 1985. [Вопросы географии; Вып. 126.]

Агеева 2004 – *Агеева Р.А.* Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. 2-е изд. М.: УРСС, 2004.

АК ТЭ – астронимическая картотека Топонимической экспедиции УрГУ (Екатеринбург, УрГУ, кафедра русского языка и общего языкознания).

Амирова 1992 – *Амирова Дж. Р.* Этнографические топонимы Азербайджана: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1992.

Аникина 1988 – *Аникина М. Н.* Лингвострановедческий анализ русских антропонимов: (Личное имя, отчество, фамилия): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.

АОС – Архангельский областной словарь. М., 1980–. Вып. 1–.

Апанасенко, Рут 1993 – *Апанасенко О.В., Рут М.Э.* Мотивационные значения топонимов в речи информантов и возможности ономастической интерпретации топонимического материала // Язык и прошлое народа. Екатеринбург, 1993.

Апресян 1995 – *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Арсланов 1992 – *Арсланов Л.Ш.* Этнолингвистические пласты в топонимии Малмыжского уезда // Вятская земля в прошлом и настоящем: (К 125-летию со дня рождения П. Н. Луппова): Тез. докл. и сообщ. II науч. конф. Киров, 1992. Т. 2.

Арутюнов 1994 – *Арутюнов С.А.* Народные механизмы языковой традиции // Язык – культура – этнос. М., 1994.

Арутюнов 1995 – *Арутюнов С.А.* Этнолингвистика // Этнополитический вестник. 1995. № 5.

Арутюнова 1994 – *Арутюнова Н.Д.* Загадки судьбы // Знак: Сб. статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А. Н. Журина. М., 1994.

Архангельская 1993 – *Архангельская Ю.В.* О семантической категории пространства в русской фразеологии // Семантика языковых единиц: Мат-лы III межвуз. науч.-практ. конф. М., 1993. Ч. 2.

Афанасьев 1994 – *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994.

Афанасьев А. П. 1989 – *Афанасьев А.П.* Топонимические пласты и историко-культурные срезы // Всесоюз. науч.-практ. конф. «Исторические названия – памятники культуры»: Тез. докл. и сообщ. М., 1989.

Бабаева 1996 – *Бабаева Е.В.* Лексическое значение слова как способ выражения культурно-языкового концепта // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996.

Бабичева, Черепанова 1992 – *Бабичева Е.С., Черепанова Е.А.* Топонимы как составная часть культурно-исторического наследия Сумщины // Язык и культура: Мат-лы I Междунар. науч. конф. Киев, 1992.

Бабушкин 1996 – *Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка. Воронеж, 1996.

Байбурин 1983 – *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

Байбурин, Левинтон 1978 – *Байбурин А.К., Левинтон Г.А.* К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе // Русский народный свадебный обряд. Л., 1978.

Белая, Зайченко 1992 – *Белая В.И., Зайченко Н.Ф.* Культуроведческий потенциал онимов в текстах по истории // Язык и культура: Мат-лы I Междунар. науч. конф. Киев, 1992.

Белов 1996 – *Белов П.Л.* Планиметрия архаического мировосприятия: (К проблеме истоков представлений о пространстве и времени) // Пространство и время в архаических и традиционных культурах. М., 1996.

Бельчиков 1988 – *Бельчиков Ю.А.* О культурном коннотативном компоненте лексики // Язык: система и функционирование. М., 1988.

Бербеков 1996 – *Бербеков Б.Ч.* Отражение некоторых элементов национальной культуры в национальном языке: (на материале кабардинских антропонимов) // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: Мат-лы Междунар. конф. М., 1996.

Берг 1974 – *Берг С.Л.* Критические заметки о топонимических взглядах В.А. Никонова // Географическая среда и географические названия. Л., 1974.

Бергер 1994 – *Бергер Л.Г.* Пространственный образ мира (парадигма познания) в структуре художественного стиля // Вопр. философии. 1994. № 4.

Березович 1992 – *Березович Е.Л.* Семантические микросистемы в русской топонимии: Дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 1992.

Березович 1993 – *Березович Е.Л.* Топонимический контекст и проблемы семантической интерпретации топонимов // Этимологические исследования. Екатеринбург, 1993. Вып. 5.

Березович 1996 – *Березович Е.Л.* Две семантические реконструкции: I. *Иван да Марья*: к интерпретации образов севернорусского дожинального обряда. II. *Вороного коня в поле не видать* // Этимологические исследования. Екатеринбург, 1996. Вып. 6.

Березович 1999 – *Березович Е.Л.* Этнолингвистическая проблематика в работах по ономастике // Изв. Уральского университета. Екатеринбург, 1999.

Бернштам 1995 – *Бернштам Т.А.* Локальные группы Двинско-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурном процессе // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995.

Бирилло 1995 – *Бирилло Н.Ж.* Специфика ассоциаций, вызываемых общеизвестными антропонимами, у носителей литовского и русского языка // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: Тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1995.

Бланшу 1999 – *Бланшу К.* Концепт *ветер* в русских поговорках: опыт семантического изучения // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 2. М., 1999.

Блинова, Купина 1993 – *Блинова Л.А., Купина Н.А.* Нравственные концепты в лексическом освещении: (по материалам совр. публицистики) // Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993.

БНРС – Большой немецко-русский словарь: В 2 т. 2-е изд. М., 1980.

Богданова 1995 – *Богданова Л.И.* Внутренняя форма языка как отражение национального менталитета // Этническое и языковое самосознание: Мат-лы конф. М., 1995.

Богуславская 1999 – *Богуславская О.Ю.* Пространство и перемещение // Язык. Культура. Гуманитарное знание: Научное наследие Г.О. Винокура и современность. М., 1999.

Бойко 1997 – *Бойко Н.А.* Название населенного пункта как элемент культуры народа // Язык и культура: V Междунар. науч. конф. Киев, 1997. Т. 2.

Бондалетов 1974 – *Бондалетов В.Д.* Семиотическое изучение топонимии (названия населенных мест Пензенской области) // Топонимия Центральной России. М., 1974.

Бондалетов 1993 – *Бондалетов В.Д.* К обоснованию лингвострановедческого словаря «Русские имена» // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 25: Ономастика. Кн. 1: Имя и культура. М., 1993. Ч. 1.

Борисова, Солдатова 1996 – *Борисова И.Н., Солдатова М.Г.* Русские паремии о женщине как сверхтекст // Язык и культура: Мат-лы IV Междунар. конф. Киев, 1996. Ч. 1.

БСЖ – *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.

Булгарова 1999 – *Булгарова М.А.* Ногайская топонимия. Ставрополь, 1999.

Булыгина, Шмелев 1997 – *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира: (на материале русской грамматики). М., 1997.

Быкова 1996 – *Быкова О.И.* Этноконнотация как смыслообразующий элемент литературного дискурса // *Язык и культура: Мат-лы IV Междунар. науч. конф.* М., 1996. Ч. 3.

Вагнер, Загидуллин 1967 – *Вагнер И.С., Загидуллин А.А.* О происхождении почитания числа 9 // *Вопросы истории, филологии и педагогики.* Казань, 1967.

Варникова 1987 – *Варникова Е.Н.* Русская топонимия Среднего Посухонья в ономаσιологическом аспекте: Дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 1987.

Варникова 1995 – *Варникова Е.Н.* Отражение элементов духовной культуры русского крестьянства в севернорусской топонимии: (по данным топонимии Среднего Посухонья) // *Проблемы региональной русской филологии: Тез. докл. и сообщ.* Вологда, 1995.

Васенькин 1989 – *Васенькин В.В.* Принципы формирования и развития ЛСГ существительных со значением 'пространство' в современном русском языке // *Вопросы исторической семантики русского языка.* Калининград, 1989.

Вежбицка 1993 – *Вежбицка А.* Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культурно-специфических контекстах // *THESIS: Theory and history of economic and social institutions and systems: Almanac.* М., 1993. Vol. 1, № 3.

Вежбицка 1993 – *Вежбицка А.* Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. М., 1996.

Величковский 1983 – *Величковский Б.М.* Образ мира как гетерархия систем отсчета // *А.Н. Леонтьев и современная психология: Сб. статей памяти А.Н. Леонтьева.* М., 1983.

Вендина 1999 – *Вендина Т.И.* Пространство и время как параметры дискретизации макрокосма // *Славянские этюды: Сб. к юбилею С. М. Толстой.* М., 1999.

Верещагин 1991 – *Верещагин Е.М.* Топонимическое лингвострановедение // *II Всесоюз. науч.-практ. конф. «Исторические названия – памятники культуры».* М., 1991. Вып. 1.

Верещагин, Костомаров 1976 – *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1976.

Верещагин, Костомаров 19780 – *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.

Витов 1997 – *Витов М.В.* Этнография Русского Севера. М., 1997.

Витушкина 1969 – *Витушкина Л.А.* Глагольные конструкции в топонимике: Дипломная работа. Свердловск, 1969.

Витушкина 1971 – *Витушкина Л.А.* Глагольные конструкции в мансийской топонимике // Вопросы топонимистики. Свердловск, 1971. Вып. 5.

Власова 1980 – *Власова Д.Д.* Топонимы, отражающие религиозные представления кондинских манси // Вопросы ономастики. Свердловск, 1980. Вып. 14: Собственные имена в системе языка.

Волков 1995 – *Волков С.Св.* Лексика с национально-культурным компонентом в историческом словаре русского языка: (проблемы семантического описания) // Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка. М., 1995.

Воробьев 1993 – *Воробьев В.В.* О понятии лингвокультурологии и ее компонентах // Язык и культура: Мат-лы II Междунар. науч. конф. Киев, 1993. Ч. 1.

Воробьев 1994 – *Воробьев В.В.* Культурологическая парадигма русского языка: Теория описания языка и культуры во взаимодействии. М., 1994.

Воробьев 1996 – *Воробьев В.В.* Теоретические и прикладные вопросы лингвокультурологии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996.

Воробьев 1997 – *Воробьев В.В.* Лингвокультурология: (теория и методы). М., 1997.

Воробьева 1973 – *Воробьева И.А.* Русская топонимия средней части бассейна Оби. Томск, 1973.

Всеволодова, Владимирский 2008 – *Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю.* Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. 2-е изд. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2008.

Газизова 1998 – *Газизова М.Х.* Концепт «женщина» в биниминативных тавтологиях типа «женщина есть женщина» // Язык. Система. Личность: Докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1998.

Гак 1988 – *Гак В.Г.* Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М., 1988.

Галинова 1998 – *Галинова Н.В.* Из севернорусских диалектных этимологий // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1998.

Гарипова 1978 – *Гарипова Ф.Г.* Этнолингвистические пласты в топонимии Закавказья // Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978.

Гачев 1995 – *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Космо-Психологос. М., 1995.

Гемуев 1990 – *Гемуев И.Н.* Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск, 1990.

Герд 1995 – *Герд А.С.* Введение в этнолингвистику: Учеб. пособие. СПб., 1995.

Головнев 1995 – *Головнев А.В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.

Голомидова 1998 – *Голомидова М.В.* Искусственная номинация в ономастике. Екатеринбург, 1998.

Горбаневский 1989 – *Горбаневский М.В.* Из опыта культурно-исторического анализа ойконимии: русские ойконимы и православие // Топонимия и общество. М., 1989.

Горбаневский 1994 – *Горбаневский М.В.* Русская городская топонимия: Проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994.

Гордеева 1997 – *Гордеева О.В.* Русская гидронимия и ойконимия бассейна реки Обвы на Западном Урале: Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1997.

Гриценко 1976 – *Гриценко К.Ф.* Глагольные гидронимы в якутском языке // Языки и топонимия. Томск, 1976. Вып. 2.

Грушко – *Грушко М.Я.* На теплоходах по рекам Прибайкалья. Иркутск, 1967.

Гудавичюс 1993 – *Гудавичюс А.* Глубинный уровень отражения культуры в лексической семантике // Исследования по семантике: Сопоставительно-типологический аспект. Уфа, 1993.

Гулиева 1990 – *Гулиева Л.Г.* Типология семантической структуры топонимиконів разносистемных языков: (На материале топонимии Азербайджана). Баку, 1990.

Гура 1997 – *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Гуревич 1984 – *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. 2-е изд. М., 1984.

Гурская 1996 – *Гурская Ю.А.* Ключевые имена национальных культур как свернутые диахронические национально-культурные тексты // Язык и культура: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. М., 1996. Ч. 2.

Гусынина 1996 – *Гусынина Е.Б.* Ономастика на рубеже веков: состояние, перспективы // Филология на рубеже XX–XXI веков: Тез. Междунар. науч. конф., посв. 80-летию Перм. ун-та. Пермь, 1996.

Гутман, Литвин, Черемисина 1977 – *Гутман Е.А., Литвин Ф.А., Черемисина М.И.* Сопоставительный анализ зооморфных характеристик: (на материале русского, английского и французского языков) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.

Гюлумянц 1971 – *Гюлумянц К.М.* Образное употребление названий животных в сравнениях и метафорах: (на материале русского и польского языков) // Тр. Самарканд. ун-та. Новая серия. Самарканд, 1971. Вып. 217.

Давыдов, Теребихин 1990 – *Давыдов А.Н., Теребихин Н.М.* Порт и корабль: семантика севернорусской морской культуры // Механизмы культуры. М., 1990.

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.

Данильченко 1993 – *Данильченко А.В.* О культурном потенциале семантики топонимов // Язык и культура: Мат-лы II Междунар. науч. конф. Киев, 1993. Ч. 1.

Демьянков 1995 – *Демьянков В.З.* Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. М., 1995.

Денисова 1995 – *Денисова И.М.* Вопросы изучения культа священного дерева у русских: материалы, семантика обрядов и образов народной культуры, гипотезы. М., 1995.

Дерягин 1967 – *Дерягин В.Я.* Откуда дует ветер? // Рус. речь. 1967. № 2.

Дерягина 1985 – *Дерягина З.С.* ВЕРХ и его производные в севернорусской гидрографической терминологии // Топонимия Урала и севера европейской части СССР. Свердловск, 1985.

Джаксон 1994 – *Джаксон Т.Н.* Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // Одиссей. Человек в истории. 1994. М., 1994.

Дитмар 1980 – *Дитмар А.Б.* География в античное время: (Очерки развития физико-географических идей). М., 1980.

Дмитриева 1997а – *Дмитриева Т.Н.* Образность в топонимии казымских хантов // Культура народов Сибири: Мат-лы Третьих Сибирских чтений. М., 1997.

Дмитриева 1997б – *Дмитриева Т.Н.* Топонимические легенды казымских хантов // Традиционная культура финно-угров и соседних народов: Междунар. симпозиум. Петрозаводск, 1997.

Дмитриева, Панченко 1993 – *Дмитриева Т.Н., Панченко С.В.* Ситуативные названия в топонимии казымских ханты // Язык и прошлое народа. Екатеринбург, 1993.

Дмитриева Л.М. 2000 – *Дмитриева Л.М.* Топонимическая картина мира: отражение бытийных ценностей (на материале русской топонимии Алтая) // Язык. Человек. Картина мира: Мат-лы Всесоюз. науч. конф. Омск, 2000. Ч. 1.

Добровольский 1996 – *Добровольский Д.О.* Образная составляющая в семантике идиом // *Вопр. языкознания.* 1996. № 1.

ДСРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала: Дополнения. Екатеринбург, 1996.

Дудник 1994 – *Дудник Л.А.* К вопросу о фоновой лексике русского языка // *Семантика слова и семантика текста.* М., 1994.

Дукельский 1989 – *Дукельский В.Ю.* Топонимы в структуре культурно-исторической среды // *Всесоюз. науч.-практ. конф. «Исторические названия – памятники культуры»:* Тез. докл. и сообщ. М., 1989.

Егорова 1988 – *Егорова Т.П.* Названия улиц в семиотическом аспекте общности стилей: (на материале скандинавских и английских урбанонимов) // *Ономастика. Типология. Стратиграфия.* М., 1988.

Егорова 1989 – *Егорова Т.П.* Хорошее имя – хороший знак // *Всесоюз. науч.-практ. конф. «Исторические названия – памятники культуры»:* Тез. докл. и сообщ. М., 1989.

Егорова 1991 – *Егорова Т.П.* Имя – импульс культуры // *Вторая Всесоюз. науч.-практ. конф. «Исторические названия – памятники культуры»:* Сб. мат-лов. М., 1991. Вып. 2.

Егорова 1993 – *Егорова Т.П.* Семиотическая функция имени // *Материалы к серии «Народы и культуры».* М., 1993. Вып. 25, кн. 1, ч. 1: Имя и культура.

Ермаков 1992 – *Ермаков А.И.* К проблеме национальной специфики языка во фразеологических исследованиях // *Социолингвистические и лингвистические аспекты в изучении иностранных языков.* М., 1992.

Ермакова 1999 – *Ермакова О.П.* Концепты *совесть* и *стыд* по данным языка // *Русский язык в контексте культуры.* Екатеринбург, 1999.

Журавлев 1993а – *Журавлев А.Ф.* Аксиологические аспекты изучения праславянского словаря // *Язык и культура: Мат-лы II Междунар. науч. конф.* Киев, 1993. Ч. 1.

Журавлев 1993а – *Журавлев А.Ф.* *Vir doctus, vir docens:* К 70-летию акад. Н. И. Толстого // *Вопр. языкознания.* 1993. № 3.

Журавлев 1994 – *Журавлев А.Ф.* Домашний скот в поверьях и магии восточных славян: *Этногр. и этнолингв. очерки.* М., 1994.

Журавлев 1995а – *Журавлев А.Ф.* Русская «микроэтнонимия» и языковое самосознание // *Этническое и языковое самосознание: Мат-лы конф.* М., 1995.

Журавлев 1995б – *Журавлев А.Ф.* Славянская этнолингвистика в работах Н. И. Толстого / Предисл. редактора // *Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике.* М., 1995.

Журавлев 1999 – *Журавлев А.Ф.* Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. М., 1999.

Заикина 1976 – *Заикина О.А.* Принципы номинации ветров в севернорусских говорах: Дипл. раб./ Урал. гос. ун-т. Свердловск, 1976.

Залевская 1988 – *Залевская А.А.* Некоторые проявления специфики языка и культуры испытуемых в материалах ассоциативных экспериментов // Этнопсихолингвистика. М., 1988.

Засухина 1991 – *Засухина Т.П.* Пространственная семантика предлогов, приставок и падежей в современном русском языке: Учеб. пособие. Уфа, 1991.

ЗМ – Загадки / Изд. подгот. В. В. Митрофанова. Л., 1968.

ЗРН – Загадки русского народа / Сост. Д. Н. Садовников. М., 1960.

Иванов 1981 – *Иванов Вяч. Вс.* Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии // Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981.

Иванов, Топоров 1973 – *Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* Карпаты в связи с проблемами расселения древних индоевропейских племен // Симпозиум по проблемам карпатского языкознания: Тез. докл. и сообщ. М., 1973.

Иванов, Топоров 1974 – *Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

Иванов, Топоров 1975 – *Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* Инвариант и трансформация в мифологических и фольклорных текстах // Типологические исследования по фольклору. М., 1975.

Иванов, Топоров 1976 – *Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев: Методология и историография. М., 1976.

Иванова 1993 – *Иванова Е.Э.* Топонимия среднего течения реки Чусовой: Дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 1993.

Иванова Н.В. 2000 – *Иванова Н.В.* Отражение картины мира в гидронимах русского и эвенкийского происхождения Амурской области // Язык. Человек. Картина мира: Мат-лы Всесоюз. науч. конф. Омск, 2000. Ч. 1.

Идеографический и историко-этимологический анализ ... 1994 – Идеографический и историко-этимологический анализ славянской фразеологии: Мат-лы Междунар. симпоз. Псков, 1994.

Исаева 1997 – *Исаева З.Г.* Ономастика как зеркало этнокультурных интеграционных процессов // Национальные отношения и межнациональные конфликты. Владикавказ, 1997.

Исаченко 1971 – *Исаченко А.Г.* Развитие географических идей. М., 1971.

Исторический источник ... 1997 – *Исторический источник: человек и пространство: Тез. докл. и сообщ. науч. конф.* М., 1997.

Кабакова 1993 – *Кабакова Г.И.* Французская этнолингвистика: проблематика и методология // *Вопр. языкознания.* 1993. № 6.

Кабинина 1998 – *Кабинина Н.В.* Топонимия дельты Северной Двины: Дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 1998.

Калевала – Калевала / Вступ. ст. и прим. С. Серова. Л., 1984.

Камалов 1994 – *Камалов А.А.* Башкирская топонимия. Уфа, 1994.

Камкин 1992 – *Камкин А.В.* Православная церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 г. Вологда, 1992.

Кандрашина, Литвинцева, Поспелов 1989 – *Кандрашина Е.Ю., Литвинцева Л.В., Поспелов Д.А.* Представления знаний о времени и пространстве в интеллектуальных системах. М., 1989.

Карабан 1993 – *Карабан В.И.* Антропонимика как элемент культуры: (К проблеме этнической принадлежности причерноморских готы) // *Язык и культура: Мат-лы II Междунар. науч. конф.* Киев, 1993. Ч. 1.

Карабулатова 1998а – *Карабулатова И.С.* Психоллингвистический аспект изучения топонимии региона // *Духовные ценности и национальные интересы России.* Тюмень, 1998.

Карабулатова 1998б – *Карабулатова И.С.* Этнопсихологический аспект изучения гидронимов Тюменской области // *Українська ономастика.* Київ, 1998.

Карабулатова 1999 – *Карабулатова И.С.* Ассоциативное поле восприятия субстратной топонимии // *Вестн. Тюмен. гос. ун-та.* Тюмень, 1999. № 4.

Карлинский 1991 – *Карлинский А.Е.* Место этнолингвистики в науке о языке // *Психоллингвистика и межкультурное взаимопонимание: Тез. докл. X Всесоюз. симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации.* М., 1991.

Карпенко 1997 – *Карпенко М.А.* Понятия «лингвокультурология», «лингвострановедение», «лингвокраеведение» и их соотношение // *Язык и культура: V Междунар. науч. конф.* Киев, 1997. Т. 3.

Картавенко 1993 – *Картавенко В.С.* Названия деревень как памятники истории и культуры края // *Слово в синхронии и диахронии: Лексико-семантический аспект.* Тверь, 1993.

Кацитадзе 1985 – *Кацитадзе Э.А.* Метафоризация зоонимов в немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1985.

Керимбаев 1984 – *Керимбаев Е.А.* Об основных типах оронимов Южного Казахстана // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984.

Керимбаев 1991 – *Керимбаев Е.А.* Типы ономастической номинации и национальная культурная традиция в именовании географических объектов // Вторая Всесоюз. науч.-практ. конф. «Исторические названия – памятники культуры»: Сб. мат-лов. М., 1991. Вып. 2.

Керимбаев 1992 – *Керимбаев Е.А.* Этнокультурные основы номинации и функционирования казахских собственных имен: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / АН республики Казахстан. Алма-Аты, 1992.

Кернер 1992 – *Кернер Э.* Вильгельм фон Гумбольдт и этнолингвистика в Северной Америке: от Боаса (1894) до Хаймса (1961) // Вопр. языкознания. 1992. № 1.

Керт 1995 – *Керт Г.М.* Топонимное видение народа: (на материале саамской топонимии) // Этническое и языковое самосознание: Мат-лы конф. М., 1995.

Кибрик 1970 – *Кибрик А.Е.* К типологии пространственных значений: (на материале падежных систем дагестанских языков) // Язык и человек: Сб. ст. памяти проф. П. С. Кузнецова. М., 1970.

Кирилина 1999 – *Кирилина Л.В.* Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999.

Кириллова 1992 – *Кириллова Л.Е.* Микротопонимия бассейна Валы: (в типологическом освещении). Ижевск, 1992.

Климкова 1990 – *Климкова Л.А.* Топонимическая система региона как отражение истории страны // Исторические наименования – память народа: Тез. регион. науч.-практ. конф. Горький, 1990.

КНС – Карельские народные сказки. Петрозаводск, 1971.

Князьков, Шпинь – *Князьков В.В., Шпинь П.С.* Горы зовут: (Сб. туристских маршрутов по Кузбассу). Кемерово, 1970.

Кобзарева, Лахути 1971 – *Кобзарева Т.Ю., Лахути Л.Г.* О структуре денотативного значения предлогов // Семантическая структура слова: Психолнгв. исследования. М., 1971.

Кобозева 1995 – *Кобозева И.М.* Как мы описываем пространство, которое видим: проблема выбора «ориентира» // Тр. Междунар. семинара «Диалог'95 по компьютерной лингвистике и ее приложениям» = «Dialogue'95 Computational linguistics and its applications» international workshop». Казань, 1995.

Кобозева 1996 – *Кобозева И.М.* Как мы описываем пространство, которое видим: типы и ранги объектов // Тр. Междунар. семинара «Диалог'96 по компьютерной лингвистике и ее приложениям» = «Dialogue'96

Computational linguistics and its applications» international workshop». М., 1996.

Ковалева 1971 – *Ковалева Н.Б.* К вопросу о принципах номинации в топонимике: (на материале топонимики бассейна р. Ини) // Вопросы топонимастики. Свердловск, 1971. Вып. 5.

Ковалева 1976 – *Ковалева Н.Б.* Принципы номинации топонимов бассейна р. Ини (Западная Сибирь) // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1976.

Ковшова 1994 – *Ковшова М.Л.* Концепт судьбы: Фольклор и фразеология // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.

Ковшова 1996 – *Ковшова М.Л.* Культурно-национальная специфика фразеологических единиц: (когнитивные аспекты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.

Ковшова 1998 – *Ковшова М.Л.* Культурная интерпретация в процедурном изложении // Семантика языковых единиц: Докл. VI Междунар. конф. М., 1998. Т. 1.

Колесов 1978 – *Колесов В.В.* Правый – левый // Вопросы семантики. Калининград, 1978.

Колесов 1991a – *Колесов В.В.* Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук. Л., 1991.

Колесов 1991b – *Колесов В.В.* Семантический синкретизм как категория языка // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. II, История, языкознание, литературоведение. Л., 1991. Вып. 2.

Колесов 1992 – *Колесов В.В.* Концепт культуры: образ, понятие, символ // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. II, История, языкознание, литературоведение. Л., 1992. Вып. 3.

Колесов 1995 – *Колесов В.В.* Ментальные характеристики русского слова в языке и философской интуиции // Язык и этнический менталитет. Петрозаводск, 1995.

Комлев 1995 – *Комлев Н.Г.* О культурном компоненте лексического значения // Вестн. МГУ. Сер. Филология. 1996. № 5.

Конаков 1996 – *Конаков Н.Д.* Традиционное мировоззрение народов коми: окружающий мир, пространство и время. Сыктывкар, 1996.

Кондрашина 1980 – *Кондрашина В.В.* Соотносительный ряд «верхний» – «нижний» в русской топонимии // Вопросы ономастики. Свердловск, 1980. Вып. 14.

Концепт движения ... 1996 – Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.

Копыленко 1995a – *Копыленко М.М.* Мотивированность как «человеческий фактор» в функционировании языка // Лексика, грамматика,

текст в свете антропологической лингвистики: Тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1995.

Копыленко 1995а – *Копыленко М.М.* Основы этнолингвистики. Алма-Аты, 1995.

Косничану 1993 – *Косничану М.* Антропоним в социально-культурном контексте // Мат-лы к серии «Народы и культуры». М., 1993. Вып. 25, кн. 1, ч. 1.

Кошарная 1999 – *Кошарная С.А.* В зеркале лексикона: Введение в лингвокультурологию: Учеб. пособие. Белгород, 1999.

Кравченко 1990 – *Кравченко А.В.* Логико-семантические и прагматические особенности функционирования индексальных обозначений пространства и времени в естественном языке // Семантический и формальный анализ синтаксических конструкций русского языка. Иркутск, 1990.

Кравченко 1992 – *Кравченко А.В.* Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейкитичность. Индексальность. Иркутск, 1992.

Кравченко 1993 – *Кравченко А.В.* К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52, № 3.

Кравченко 1996а – *Кравченко А.В.* Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1996. Т. 56, № 3.

Кравченко 1996б – *Кравченко А.В.* Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск, 1996.

Красавский 1996 – *Красавский Н.А.* Женщина в немецких пословицах // Язык и культура: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. Киев, 1996. Ч. 2.

Красавский, Кирносов 1996 – *Красавский Н.А., Кирносов И.М.* Образ женщины в пословично-поговорочном фонде немецкого языка // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996.

Крейнович 1960 – *Крейнович Е.А.* Выражение пространственной ориентации в нивхском языке // Вопр. языкознания. 1960. № 1.

КСГРС – картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).

Кубрякова 1992 – *Кубрякова Е.С.* Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структура представления знаний: Сб. науч.-аналит. обзоров. М., 1992.

Кубрякова 1997 – *Кубрякова Е.С.* Язык пространства и пространство языка: К постановке проблемы // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 1997. Т. 56, № 3.

Кузнецов 1987 – *Кузнецов А.М.* Национально-культурное своеобразие слова // Язык и культура: Сб. аналит. обзоров. М., 1987.

Кузнецов 1992 – *Кузнецов А.М.* Семантика лингвистическая и нелингвистическая, языковая и неязыковая (вместо введения) // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: Сб. обзоров. М., 1992.

Кулемзин 1984 – *Кулемзин В.М.* Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984.

Кулемзин, Лукина 1992 – *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Знакомьтесь, ханты! Новосибирск, 1992.

Куликовский – *Куликовский Г.И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

Кусов 1989 – *Кусов В.С.* Картографическое искусство Русского государства. М., 1989.

Лакофф 1988 – *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23.

ЛБМ – Лоция Белого моря. Л., 1939.

Лексика, грамматика, текст ... 1995 – Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1995.

Леонович 1997 – *Леонович О.А.* Топонимы как источник культурологической информации // Вестн. Пятигорск. гос. лингв. ун-та. Пятигорск, 1997. № 5.

Леонтьев 1977 – *Леонтьев А.А.* Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема: Объем, задачи и методы этнопсихолингвистики // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.

Ли Тоан Тханг 1989 – *Ли Тоан Тханг.* К вопросу о пространственной ориентации во вьетнамском языке в связи с картиной мира (Этнопсихолингв. проблемы) // Вопр. языкознания. 1989. № 3.

Ли Тоан Тханг 1992 – *Ли Тоан Тханг.* «Форма», «размер» и «расположение» объекта в познании и языке: (на материале вьетнамского языка) // Вопр. языкознания. 1992. № 5.

Ли Тоан Тханг 1993 – *Ли Тоан Тханг.* Пространственная модель мира: когниция, культура, этнопсихология: (на материале вьетнамского и русского языков). М., 1993.

Литвин 1981 – *Литвин Ф.А.* Сопоставительное изучение зоонимов в русском и английском языках // Англо-русские языковые соответствия. М., 1981.

Лихачев 1993 – *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. М., 1993. Т. 52, № 1.

ЛКТЭ – лексическая картотека Топонимической экспедиции УрГУ (Екатеринбург, УрГУ, кафедра русского языка и общего языкознания).

Лобачев 1983 – *Лобачев Б.З.* О категориях эго- и альтерэгоцентризма // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М., 1983.

Логвиненко, Столин 1982 – *Логвиненко А.Д., Столин В.В.* Восприятие пространственных свойств предметов // Познавательные процессы: ощущения, восприятие. М., 1982.

Лотман 1978 – *Лотман Ю.М.* Художественная природа русских народных картинок // Народная гравюра и фольклор в России XVII–XIX вв. М., 1976.

Лотман 1992 – *Лотман Ю.М.* Избранные труды: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры.

Лотман, Успенский 1973 – *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Миф – имя – культура // Тр. по знаковым системам. Тарту, 1973. Вып. 6.

Лукин 1996 – *Лукин В.А.* Слово *противоречие*, одноименное семантическое поле и концепт противоречия в русском языке // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.

Лушникова 1996а – *Лушникова А.* Древнейшая картина мира индоиранских и финно-угорских народов // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Jyväskylä, 1996. Pars 4.

Лушникова 1996б – *Лушникова А.В.* Север и юг в представлениях индоиранских и финно-угорских народов // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. 2: Филология. Этнология.

Лысова 1998 – *Лысова Е.В.* К проблеме этнолингвистического изучения образов петуха и курицы в русской народной традиции // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1998. Вып. 2.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Максимов 1994 – *Максимов С.В.* Крылатые слова. Н. Новгород, 1994.

Мамонтов 1985 – *Мамонтов А.С.* Отражение особенностей национальной культуры в семантике номинативных единиц: (на материале русско-вьетнамских сопоставлений) // Текст и культура: общие и частные проблемы. М., 1985.

Мамонтова 1993 – *Мамонтова Н.Н.* Имя и национальная культура // Материалы к серии «Народы и культуры». М., 1993. Вып. 25, кн. 1, ч. 1.

Мамонтова, Муллонен 1993 – *Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И.* Топонимика в контексте народной культуры // Традиционная культура: общечеловеческое и этническое. Проблемы комплексного изучения этносов Карелии. Петрозаводск, 1993.

Мартиросян 1984 – *Мартиросян Ю.Г.* Поле пространственности в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1984.

Маслова 1997 – *Маслова В.А.* Введение в лингвокультурологию: Учеб. пособие. М., 1997.

Матвеев 1974 – *Матвеев А.К.* Топономастика и современность // Вопросы топономастики. Свердловск, 1974. Вып. 8–9.

Матвеев 1976а – *Матвеев А.К.* Нёройки караулят Урал. Свердловск, 1976.

Матвеев 1976б – *Матвеев А.К.* Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // Вопр. языкознания. 1976. № 3.

Матвеев 1977 – *Матвеев А.К.* Образное народное видение и проблема ономаσιологической и этимологической интерпретации топонимов // Вопросы ономастики. Свердловск, 1977. Вып. 12.

Матвеев 1986 – *Матвеев А.К.* Методы топонимических исследований. Свердловск, 1986.

Матвеев 1987а – *Матвеев А.К.* Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь. Свердловск, 1987.

Матвеев 1987б – *Матвеев А.К.* Топонимические древности // Формирование и развитие топонимии. Свердловск, 1987.

Матвеев 1990 – *Матвеев А.К.* Вершины Каменного Пояса: Названия гор Урала. 2-е изд., перераб. и доп. Челябинск, 1990.

Матвеев 1991 – *Матвеев А.К.* В роли создателя топонимов // Номинация в ономастике. Свердловск, 1991.

Матвеев 1992 – *Матвеев А.К.* Вверх по реке забвения. Свердловск, 1992.

Матвеев 1993 – *Матвеев А.К.* Названия с основой *коне-* в топонимии Русского Севера // Этимология. 1988–1990. М., 1993.

Матвеев 1996 – *Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // Вопр. языкознания. 1996. № 1.

Матвеев 1997 – *Матвеев А.К.* Географические названия Тюменского Севера: Краткий топонимический словарь. Екатеринбург, 1997.

Матвеев 1998 – *Матвеев А.К.* Русская топонимия как источник сведений о древнем населении Севера // Проблемы русской лексикологии и лексикографии: Тез. докл. межвуз. науч. конф. Вологда, 1998.

Матвеев 2000 – *Матвеев А.К.* Топонимические поиски I // Финно-угорское наследие в русском языке. Екатеринбург, 2000.

Материалы к серии... 1993 – *Материалы к серии «Народы и культуры».* Вып. 25: Ономастика. Кн. 1. Имя и культура. М., 1993. Ч. 1.

Мельников 1977 – *Мельников С.Е.* Шелоник // Рус. речь. 1977. № 5.

Мельникова 1990 – *Мельникова Е.А.* Представления о земле в общественной мысли Западной и Северной Европы в средние века (V–XIV века): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ин-т всеобщей истории АН СССР. М., 1990.

Мельникова 1998 – *Мельникова Е.А.* Образ мира. Географические представления в средневековой Европе. М., 1998.

Мельхеев 1969 – *Мельхеев М.Н.* Географические названия Восточной Сибири: Иркутская и Читинская области. Иркутск, 1969.

Минкин 1991 – *Минкин А.А.* Отражение в саамской топонимии божеств, обрядов, верований // Вторая Всесоюз. науч.-практ. конф. «Исторические названия – памятники культуры». М., 1991. Вып. 2.

Митрофанов 1992 – *Митрофанов В.А.* О национально-культурной принадлежности наследственных антропонимов: (на примере определения понятия «русские фамилии») // Язык и культура: Мат-лы I Междунар. науч. конф. Киев, 1992.

Михайлова 1993 – *Михайлова Т.А.* О понятии «правый» и «левый» в лингвоментальной эволюции // Вопр. языкознания. 1993. № 1.

Мищенко 1998 – *Мищенко О.В.* К вербальному освоению пространства: анализ дериватов гнезда лес // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1998. Вып. 2.

Мищенко 2000 – *Мищенко О.В.* Лексика лесных локусов в говорах Русского Севера: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.

МНМ – Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М., 1991–1992.

Молчанова 1984 – *Молчанова О.Т.* Лексико-семантическая структура тюркского ономастикона Алтая // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984.

Молчанова 1985 – *Молчанова О.Т.* Переносные и повторяющиеся топонимы // Ономастика Киргизии. Фрунзе, 1985.

Муллонен 1994 – *Муллонен И.И.* Очерки венгской топонимии. СПб., 1994.

Мурзаев – Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.

Мурзаев 1993а – *Мурзаев Э.М.* Географическая ориентация и ее отражение в топонимии // Изв. РАН. Сер. геогр. 1993. № 4.

Мурзаев 1993б – *Мурзаев Э.М.* Образ места // Рус. речь. 1993. № 1–4.

Мурзаев 1993в – *Мурзаев Э.М.* Речные имена в исторической и современной географии // Топонимия России. М., 1993.

Мурзаев 1996а – *Мурзин Л.Н.* О лингвокультурологии, ее содержании и методах // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.

Мурзаев 1996б – *Мурзин Л.Н.* Язык и культура // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: Мат-лы Междунар. конф. М., 1996.

Мусабекова 1987 – *Мусабекова Н.Ч.* Этнолингвистический анализ тюркских (кыпчакских) гидронимов Азербайджана // Этническая топонимика. М., 1987.

Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР 1982 – Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М., 1982.

Национально-культурная специфика речевого поведения 1977 – Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.

Невская 1997 – *Невская Л.Г.* Концепт *гость* в контексте переходных обрядов // Из работ московского семиотического круга. М., 1997.

Невская 1998 – *Невская Л.Г.* Из балто-славянского ономастикона: *potina prorgia* с элементом «гость» // ПОЛУТРОПОН: К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998.

Неклюдов 1972 – *Неклюдов С.Ю.* Время и пространство в былине // Славянский фольклор. М., 1972.

Некрылова 1988 – *Некрылова А.Ф.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII – начало XX века. 2-е изд., доп. Л., 1988.

Непокупний 1979 – *Непокупний А.П.* Балтійські родичи слов'ян. Київ, 1979.

Никитин 1970 – *Никитин А.В.* Топонимические прилагательные «теплицкий – северицкий» и «верхний – нижний» // Топонимика. М., 1970. Вып. 4.

Никитин О.В. 1998 – *Никитин О.В.* На перекрестке идей: социолингвистика и этнолингвистика (несколько замечаний по поводу эволюции взглядов на внешнеязыковые тенденции изучения языка) // Вопросы истории и источниковедения русского языка. Рязань, 1998.

Никитина 1998 – *Никитина Т.Г.* Проблема изучения этнокультурной специфики фразеологии. Псков, 1998.

Николаева 1987 – *Николаева Т.М.* Единицы языка и теория текста // Исследования по структуре текста. М., 1987.

Никонов 1965 – *Никонов В.А.* Введение в топонимику. М., 1965.

Никонов 1986 – *Никонов В.А.* Наименования стран света // Этимология 1984. М., 1986.

НОС – Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12.

Овчар 1991 – *Овчар Н.В.* Опыт идеографического описания озерных гидронимов Русского Севера // Номинация в ономастике. Свердловск, 1991.

Ольшанский 1999 – *Ольшанский И.Г.* Лексика, фразеология, текст: лингвокультурологические компоненты // Язык и культура: Сб. обзоров. М., 1999. Вып. 2.

Ономастикон – *Веселовский С.В.* Ономастикон. М., 1974.

Опарина 1999 – *Опарина Е.О.* Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия // Язык и культура: Сб. обзоров. М., 1999. Вып. 2.

Отин 1980а – *Отин Е.С.* Материалы к словарю собственных имен, употребляемых в переносном значении // Вопросы ономастики. Свердловск, 1980. Вып. 14.

Отин 1980б – *Отин Е.С.* Топонимическая метонимия (вид связи «гидроним – ойконим») // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.

Ощепкова 1995 – *Ощепкова В.В.* Культурологические, этнографические и типологические аспекты лингвострановедения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995.

Падучева 1993 – *Падучева Е.В.* Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52, № 3.

Пацева 1991 – *Пацева М.А.* К проблеме национально-культурной специфики значения слова: (на материале рус. и болг. яз.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.

Пеньковский 1986 – *Пеньковский А.Б.* Русские персонифицирующие именованья как региональное явление языка восточнославянского фольклора // Лексика и грамматика севернорусских говоров. Киров, 1986.

Пеньковский 1988 – *Пеньковский А.Б.* Ономастическое пространство русского былевого эпоса как модель его художественного мира // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1988.

Петренко 1996 – *Петренко О.А.* Этнический менталитет и язык фольклора. Курск, 1996.

Петров 1980 – *Петров К.И.* Тюркские средневековые этнотопонимы от числительного «семь»: К происхождению топонима Джетысуу-Семиречье // Ономастика Средней Азии. Фрунзе, 1980. Вып. 2.

Печерских 1974 – *Печерских Т.А.* Вторичные топонимы типа Камчатка // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974. Вып. 8–9.

Подвысоцкий – *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Подольская 1983 – *Подольская Н.В.* Типовые восточнославянские топоосновы: (словообразовательный анализ). М., 1983.

Подольская 1988 – *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1988.

Подосинов 1978 – *Подосинов А.В.* Картографический принцип в структуре географических описаний древности: (постановка проблемы) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978.

Подосинов 1994 – *Подосинов А.В.* Ориентация по странам света в древних культурах как объект историко-антропологического исследования // Одиссей. 1994. М., 1994.

Подосинов 1999 – *Подосинов А.В.* Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.

Подюков 1991 – *Подюков И.А.* Народная фразеология в зеркале народной культуры: Учеб. пособие. Пермь, 1991.

Полякова – Полякова Е.Н. От «араины» до «яра»: Русская народная географическая терминология Пермской области. Пермь, 1988.

Полякова 1997 – *Полякова Л.В.* К вопросу о «языковом знании» // Вопросы романо-германского языкознания. Саратов, 1997. Вып. 12.

Попов 1997 – *Попов С.А.* Отражение русской ментальности в географических названиях // Русский язык, культура, история: Сб. мат-лов II науч. конф. лингвистов, литературоведов, фольклористов. М., 1997. Ч. 1.

Попов С. В. 1991 – *Попов С.В.* Топонимия Белого моря // Вопросы топонимики Подвинья и Поморья. Архангельск, 1991.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967–. Вып. 1–.

Поспелов 1979 – *Поспелов Е.М.* Материалы к топонимическому словарю Московской области // Проблемы восточнославянской топонимии. М., 1979.

Поспелов 1993 – *Поспелов Е.М.* Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992): Топонимический словарь. М., 1993.

Постовалова 1999 – *Постовалова В.И.* Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы: (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.

Потемкин, Симанов 1990 – *Потемкин В.К., Симанов А.Л.* Пространство в структуре мира. Новосибирск, 1990.

Праведников 1996 – *Праведников С.П.* Имена числительные в фольклорном тексте: лексикологический и лексикографический аспекты. Курск, 1996.

ПРН – Пословицы русского народа: Сб. В. Даля: В 3 т. М., 1993.

Проскурин 1990а – *Проскурин С.Г.* Древнеанглийская пространственная лексика концептуализированных областей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.

Проскурин 1990б – *Проскурин С.Г.* О значениях «правый – левый» в свете древнегерманской лингвокультурной традиции // *Вопр. языкознания*. 1990. № 5.

Пространство и время ... – Пространство и время в литературе и искусстве: Метод. мат-лы по теории литературы. Даугавпилс, 1990.

Райт 1988 – *Райт Дж.* Географические представления в эпоху крестовых походов: Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе. М., 1988.

РО – Русская ономастика и ономастика России: Словарь / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1994.

Романова 1975 – *Романова Г.Я.* Наименование мер длины в русском языке. М., 1975.

Ромбандеева 1965 – *Ромбандеева Е.И.* Некоторые этимологии мансийских топонимов // *Вопросы финно-угорского языкознания*. М., 1965. Вып. 3.

РТФУП – *Матвеев А.К.* Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970. Т. 1–2.

Руденко 1994 – *Руденко Д.И.* Пространство: грань бытия // *Философия языка: в границах и вне границ*. Харьков, 1994. Вып. 2.

Рудных 1972 – *Рудных А.И.* Семантические модели в гидронимике // *Вопросы топониматики*. Свердловск, 1972. Вып. 6.

Русская топонимия Алтая 1983 – *Русская топонимия Алтая* / Под ред. И. А. Воробьевой. Томск, 1983.

Рут 1987 – *Рут М.Э.* Русская народная астронимия. Свердловск, 1987.

Рут 1992 – *Рут М.Э.* Образная номинация в русском языке. Екатеринбург, 1992.

Рут 1994 – *Рут М.Э.* Образная ономастика в русском языке: ономастический аспект: Дис. ... д-ра филол. наук / Урал. ун-т. Екатеринбург, 1994.

Рут 1999 – *Рут М.Э.* Информант и микропонимическая система: (из полевых наблюдений за сбором микропонимии) // *Ономастика и диалектная лексика*. Екатеринбург, 1999. Вып. 3.

Рыжкина 1980 – *Рыжкина О.А.* Системное исследование зооморфизмов в русском языке в сопоставлении с английским: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.

РЯ – Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд., доп. М., 1997.

Саттаров 1982 – *Саттаров Г.Ф.* Этнолингвистические пласты татарского именника // Структура и история татарского языка. Казань, 1982.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–. Вып. 1–.

СГНК – Словарь географических названий Коми АССР. М., 1975.

СГНЯ – Словарь географических названий Якутской АССР. М., 1987.

СГУ – Словник гідронімів України. Київ, 1979.

СД – Славянские древности: Этнолингв. словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995–. Т. 1–.

Сельвина 1983 – *Сельвина Р.Л.* Отражение древней числовой символики в калмыцкой антропонимике // Ономастика Калмыкии. Элиста, 1983.

Семенов – *Семенов И.* Географическо-статистический словарь Российской империи: В 5 т. СПб., 1863–1885.

Серебренников 1977 – *Серебренников Б.А.* Номинация и проблема выбора // Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977.

Симашко 1998 – *Симашко Т.В.* Денотативный класс как основа описания фрагмента мира. Архангельск, 1998.

Сими́на 1969 – *Сими́на Г.Я.* Материалы сплошного топонимического обследования замкнутой микротерритории (бассейн р. Юлы, Пинежский район Архангельской области). Л., 1969.

Симонов 1994 – *Симонов Р.А.* Древнерусский счет девяностами и девятками // Рус. речь. 1994. № 4.

Симонсуури 1991 – *Симонсуури Л.* Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов /Пер. с нем. Петрозаводск, 1991.

Скороспелкина 1995 – *Скороспелкина Г.С.* Национальный элемент в лексической семантике // Язык и национальная культура: Тез. докл. и сообщ. СПб., 1995.

СКСИ – *Отин Е.С.* Словарь коннотативных собственных имен. Донецк, 2004.

Следзевский 1996 – *Следзевский И.В.* Архаический культурный текст как специфический мир пространства и времени // Пространство и время в архаических и традиционных культурах. М., 1996.

Слово и культура 1998 – Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. М., 1998. Т. 1–2.

Смирнов 1997 – *Смирнов О.В.* Русская топонимия северной части горнозаводского Урала: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997.

Смолицкая – *Смолицкая Г.П.* Гидронимия бассейна Оки: Список рек и озер. М., 1976.

Смолицкая 1995 – *Смолицкая Г.П.* Культурно-исторический аспект ономастического словаря // Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка. М., 1995.

СОГ – Словарь орловских говоров. Ярославль, 1989–1991. Вып. 1–4; Орел, 1992–. Вып. 5–.

Сорокин Ю.А. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур: (художественная литература в культурологическом аспекте) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.

Сорокин 1982 – *Сорокин Ю.А.* Лакуны как сигналы специфики лингвокультурной общности // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М., 1982.

Сорокин 1994 – *Сорокин Ю.А.* Лакуны и процесс моделирования образа этнической культуры и психологии // Язык, сознание, культура, этнос: теория и прагматика: XI Всерос. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1994.

Сорокин, Марковина 1988а – *Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю.* Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность // Этнопсихолингвистика. М., 1988.

Сорокин, Марковина 1988б – *Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю.* Понятие «чужой» в языковом и культурном контексте // Язык: этнокультурный и прагматический аспекты. Днепропетровск, 1988.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–. Вып. 1–.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7 т. Свердловск, 1962–1988.

СРДГ – Словарь русских донских говоров: В 2 т. Ростов-на-Дону, 1991. Т. 1–2.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л., 1966–. Вып. 1–.

СРЯ – Словарь русского языка: В 4 т. М., 1985–1988.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.

Стеблин-Каменский 1976 – *Стеблин-Каменский И.М.* Миф. Л., 1976.

Стеблин-Каменский, Семенов 1991 – *Стеблин-Каменский И.М., Семенов В.А.* Несколько замечаний о персонификации у коми северного ветра (Войпеля) // Семиотика культуры: Тез. докл. Сыктывкар, 1991.

Степанов 1997 – *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997.

Столин 1976 – *Столин В.В.* Исследование порождения зрительного пространственного образа // *Восприятие и деятельность.* М., 1976.

Страхов 1988 – *Страхов А.Б.* О пространственном аспекте славянской концепции небытия // *Этнолингвистика текста: Семиотика малых форм фольклора.* М., 1988.

Стругацкие – *Стругацкие А. и Б.* Сочинения. М., 1990.

Сулейманов 1997 – *Сулейманов А.С.* Топонимия Чечни. Нальчик, 1997.

Султаньяев 1971 – *Султаньяев О.А.* Принципы номинации в казахской топонимике Кокчетавской области // *Вопросы топонимистики.* Свердловск, 1971. Вып. 5.

Суперанская 1970 – *Суперанская А.В.* Терминологичны ли цветовые названия рек? // *Местные географические термины.* М., 1970.

Тарланов 1995 – *Тарланов З.К.* Этнический язык и этническое видение мира // *Язык и этнический менталитет.* Петрозаводск, 1995.

Текст как явление культуры 1989 – Текст как явление культуры / Г. А. Антипов и др. Новосибирск, 1989.

Телия 1996 – *Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

Телия 1999 – *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // *Фразеология в контексте культуры.* М., 1999.

Теория и методика ... 1986 – Теория методика ономастических исследований. М., 1986.

Теребихин 1991 – *Теребихин Н.М.* Сакральная топонимия Русского Севера: (К постановке проблемы) // *Вопросы топонимики Подвинья и Поморья.* Архангельск, 1991.

Теребихин 1993 – *Теребихин Н.М.* Сакральная география Русского Севера: (Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры). Архангельск, 1993.

Теребихин 1994 – *Теребихин Н.М.* Мифология островной культуры Русского Севера // *Смерть как феномен культуры.* Сыктывкар, 1994.

ТК – Топонимика Кенозера: Метод. разраб. Архангельск, 1987. Ч. 1.

ТМСА – Топонимика морей Советской Арктики /Сост. С. В. Попов, В. А. Троицкий. Л., 1972.

Толстая 1989 – *Толстая С.М.* Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // *Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: Источники и методы.* М., 1989.

Толстая 1993 – *Толстая С.М.* Христианское и языческое в славянском народном календаре: (к проблеме двоеверия) // *Конференция «Ис-*

токи русской культуры: (археология и лингвистика)»: Тез. докл. М., 1993.

Толстая 1995 – *Толстая С.М.* Стереотип в этнолингвистике // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: Тез. докл. М., 1995.

Толстая 1996 – *Толстая С.М.* Этнолингвистика // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996.

Толстой 1983 – *Толстой Н.И.* О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: (Язык и этнос). Л., 1983.

Толстой 1995 – *Толстой Н.И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. 2-е изд., испр. М., 1995.

Толстой 1997 – *Толстой Н.И.* Избранные труды. М., 1997. Т. 1: Славянская лексикология и семасиология.

Толстой, Толстая 1974 – *Толстой Н.И., Толстая С.М.* К семантике правой и левой стороны в связи с другими славянскими элементами // Материалы Всесоюз. симпозиума по вторичным моделирующим системам I (5). Тарту, 1974.

Толстой, Толстая 1993 – *Толстой Н.И., Толстая С.М.* Слово в обрядовом тексте: (культурная семантика слав. **vesel-*) // Славянское языкознание. XI Междунар. съезд славистов. Докл. рос. делегации. М., 1993.

Толстой, Толстая 1995а – *Толстой Н.И., Толстая С.М.* О словаре «Славянские древности» // Славянские древности: Этнолингв. словарь: В 5 т. /Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1: А–Г. М., 1995.

Толстой, Толстая 1995б – *Толстой Н.И., Толстая С.М.* Этнолингвистика в современной славистике // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы: Тез. Междунар. конф. М., 1995. Т. 2.

Толстой, Толстая 1998 – *Толстой Н.И., Толстая С.М.* Имя в контексте народной культуры // Проблемы славянского языкознания: Три доклада к XII Междунар. съезду славистов. М., 1998.

Томахин 1984 – *Томахин Г.Д.* Топонимы как реалии языка и культуры: (на материале географических названий США) // Вопр. языкознания. 1984. № 4.

Томахин 1989 – *Томахин Г.Д.* Топонимы США в лингвострановедческом аспекте // Топонимия и общество. М., 1989.

Томахин 1991 – *Томахин Г.Д.* Национально-культурные ассоциации географических названий // Вторая Всесоюз. науч.-практ. конф. «Исторические названия – памятники культуры»: Сб. мат-лов. М., 1991. Вып. 3.

Томсон 1953 – *Томсон Дж.* История древней географии. М., 1953.

Топоров 1962 – *Топоров В.Н.* Из области теоретической топонимстики // *Вопр. языкознания.* 1962. № 2.

Топоров 1963 – *Топоров В.Н.* К проблеме классификации в топонимии // *Исследования по структурной типологии.* М., 1963.

Топоров 1978 – *Топоров В.Н.* К семантике троичности // *Этимология.* 1977. М., 1978.

Топоров 1982 – *Топоров В.Н.* Первобытные представления о мире: (общий взгляд) // *Очерки истории естественнонаучных взглядов в древности.* М., 1982.

Топоров 1983 – *Топоров В.Н.* Пространство и текст // *Текст: семантика и структура.* М., 1983.

Топоров 1991 – *Топоров В.Н.* Об одной топонимической катастрофе // *Вторая Всесоюз. науч.-практ. конф. «Исторические названия – памятники культуры»:* Сб. мат-лов. М., 1991. Вып. 1.

Топоров 1992 – *Топоров В.Н.* Пространство // *Мифы народов мира.* М., 1992. Т. 2.

Топоров 1993а – *Топоров В.Н.* Об «экстропическом» пространстве поэзии: (поэт и текст в их единстве) // *От мифа к литературе:* Сб. в честь 75-летия Е. М. Мелетинского. М., 1993.

Топоров 1993б – *Топоров В.Н.* Праславянская культура в зеркале собственных имен: (элемент MIR) // *История, культура, этнография и фольклор славянских народов: XI Междунар. съезд славистов. Докл. рос. делегации.* М., 1993.

Топоров 1995а – *Топоров В.Н.* «Минус-пространство» Сигизмунда Кржижановского // *Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического:* Избранное. М., 1995.

Топоров 1995б – *Топоров В.Н.* Об индивидуальных образах пространства: «феномен» Батенькова // *Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического:* Избранное. М., 1995.

Топорова 1994 – *Топорова Т.В.* Семантическая структура древнегерманской модели мира. М., 1994.

Топорова 1996 – *Топорова Т.В.* Язык в зеркале культуры: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996.

Трубачев 1974 – *Трубачев О.Н.* Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // *Вопр. языкознания.* 1974. № 6.

Трубачев 1986 – *Трубачев О.Н.* Послесловие ко второму изданию «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера // *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.* М., 1986. Т. 1.

Трубачев 1997 – *Трубачев О.Н.* В поисках единства: Взгляд филолога на проблему единства Руси. М., 1997.

Трубачев 1998 – *Трубачев О.Н.* Славянская филология и сравнительность: От съезда к съезду // *Вопр. языкознания.* 1998. № 3.

ТССВ – *Леонтьев В.В., Новикова К.А.* Топонимический словарь северо-востока СССР. Магадан, 1989.

ТЭ (ТЭ УрГУ) – картотеки Топонимической экспедиции Уральского гос. университета.

Успенский 1989 – *Успенский Б.А.* Социальная жизнь русских фамилий: (вместо послесловия) // *Унбегаун Б. Русские фамилии.* М., 1989.

Успенский 1995 – *Успенский Б.А.* Семиотика искусства. М., 1995.

Уфимцева 1995а – *Уфимцева Н.В.* Русские глазами русских // *Язык – система. Язык – текст. Язык – способность.* М., 1995.

Уфимцева 1995б – *Уфимцева Н.В.* Этнические и культурные стереотипы: кросс-культурное исследование // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* 1995. Т. 54, № 3.

Уфимцева 1996а – *Уфимцева Н.В.* Образы обыденного сознания современных русских // *Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: Мат-лы Междунар. конф.* М., 1996.

Уфимцева 1996б – *Уфимцева Н.В.* Русские: опыт еще одного самопознания // *Этнокультурная специфика языкового сознания.* М., 1996.

Фасмер – Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка: В 4 т.* М., 1964–1973.

Фомин 1985 – *Фомин А.А.* Семантическая типология озерных гидронимов Зауралья: Дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Свердловск, 1985.

Фролов 1984 – *Фролов Н.К.* Отражение понятий духовной культуры в региональной системе русской топонимии // *Материалы по русско-славянскому языкознанию: Лексические и лексико-грамматические исследования.* Воронеж, 1984.

Фролов 1996 – *Фролов Н.К.* Семантика и морфемика русской топонимии Тюменского Приобья. Тюмень, 1996.

Фрумкина 1992 – *Фрумкина Р.М.* Концепт, категория, прототип // *Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: Сб. обзоров.* М., 1992.

Фрумкина 1995 – *Фрумкина Р.М.* Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // *Язык и наука конца XX века.* М., 1995.

Фрумкина 1996 – *Фрумкина Р.М.* «Куда ж нам плыть?» // *Московский лингвистический альманах.* М., 1996. Вып. 1.

Фрумкина 1999 – *Фрумкина Р.М.* Культурологическая семантика в ракурсе эпистемологии // *Изв. АН. Сер. лит. и яз.* 1999. Т. 58, № 1.

Хаймс 1975 – *Хаймс Д.Х.* Этнография речи // *Новое в лингвистике.* М., 1975. Вып. 7: Социолингвистика.

Ханмагомедов 1990 – *Ханмагомедов Х.Л.* Топонимия Дагестана: Топонимия территории со сложной географической средой и этноязыковым составом населения. Красноярск, 1990.

Харитонов 1997 – *Харитонов В.И.* Концептуальный анализ фольклорной лексики, характеризующей нравственный мир русского человека: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 1997.

Харитончик 1992 – *Харитончик З.А.* Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // Язык и структуры представления знаний: Сб. науч.-аналит. обзоров. М., 1992.

Харченко 1989 – *Харченко В.К.* Переносные значения слова. Воронеж, 1989.

Хонти 1989 – *Хонти Л.* Заметки по этимологии русского числительного *девять* // Этимология. 1986–1987. М., 1989.

Худяков 1996 – *Худяков А.А.* Концепт и значение // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград – Архангельск, 1996.

Цивьян 1991 – *Цивьян Т.В.* Оппозиция *мужской /женский* и ее классифицирующая роль в модели мира // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991.

Чагин 1999 – *Чагин Г.Н.* История в памяти крестьян Среднего Урала в середине XIX–начале XX в. Пермь, 1999.

Чайкина 1988 – *Чайкина Ю.И.* Географические названия Вологодской области: Топоним. словарь. Архангельск, 1988.

Чайко 1974 – *Чайко Т.Н.* Названия частей тела как источник метафоры в апеллятивной и ономастической лексике // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974. Вып. 8–9.

Чанышева 1990 – *Чанышева З.З.* Культурный компонент в семантике языковых единиц // Вопросы семантики лексических единиц. Уфа, 1990.

Черданцева 1996 – *Черданцева Т.З.* Идиоматика и культура: (Постановка вопроса) // Вопр. языкознания. 1996. № 1.

Черепанова 1998 – *Черепанова О.А.* Культурный компонент семантики и прагматика слова // Проблемы русской лексикологии и лексикографии: Тез. докл. межвуз. науч. конф. Вологда, 1998.

Черепанова Е.А. 1984 – *Черепанова Е.А.* Микротопонимия Черниговско-Сумского Полесья. Сумы, 1984.

Чернейко 1998 – *Чернейко Л.О.* «Языковое знание» и концептуальный анализ слова // Науч. докл. филологического факультета МГУ. М., 1998. Вып. 2.

Чернейко, Долинский 1996 – *Чернейко Л.О., Долинский В.А.* Имя *судьба* как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 1996. № 6.

Чернобров 1999 – *Чернобров А.А.* Ономастика в лингвокультурологическом освещении // *Язык. Система. Личность.* Екатеринбург, 1999.

Чернышова 1988 – *Чернышова Н.В.* Русская оронимия Алтая в аспекте номинации: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1988.

Черняховская 1970 – *Черняховская Е.М.* История разработки топонимических классификаций // *Развитие методов топонимических исследований.* М., 1970.

Чичканова 1995 – *Чичканова Т.А.* Ономастика как источник изучения ментальности городской провинции: Самара // *Ономастика Поволжья: Мат-лы VII конф. поволжских ономатологов.* Волгоград, 1995.

Шабанова 1994 – *Шабанова А.Б.* О национально-культурной семантике фольклорной ономастики // *Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного.* Воронеж, 1994.

Шанский 1996 – *Шанский Н.М.* Русские национально маркированные фразеологические обороты // *Рус. язык в школе.* 1996. № 2.

Шапошников 1992 – *Шапошников В.Н.* Этнокультурная традиция: пространство и время в структуре древнего текста // *Пространство и время в архаических культурах.* М., 1992.

Шеварев 1982 – *Шеварев П.А.* Проблемы константности зрительного восприятия // *Познавательные процессы: ощущения, восприятие.* М., 1982.

Шемякин 1959 – *Шемякин Ф.Н.* Ориентация в пространстве // *Психологическая наука в СССР.* М., 1959. Т. 1.

Шемякин 1967 – *Шемякин Ф.Н.* Язык и чувственное познание // *Язык и мышление.* М., 1967.

Шиндин 1993 – *Шиндин С.Г.* Пространственная организация русского заговорного универсума: образ центра мира // *Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор.* М., 1993.

Шмелев 1995 – *Шмелев А.Д.* «Русская ментальность» в зеркале лексических данных // *Этническое и языковое самосознание.* М., 1995.

Шмелев 1996 – *Шмелев А.Д.* Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // *Рус. язык в школе.* 1996. № 4.

Шмелев 1998 – *Шмелев А.Д.* «Широкая» русская душа // *Рус. речь.* 1998. № 1.

Шмелева 1988 – *Шмелева Т.В.* К проблеме национально-культурной специфики «эталона» сравнения: (на материале английского и русского языков) // *Этнопсихолингвистика.* М., 1988.

Щепанская 1992 – *Щепанская Т.Б.* Культура дороги на Русском Севере. Странник // *Русский Север: Аралы и культурные традиции.* СПб., 1992.

Щепанская 1995 – *Щепанская Т.Б.* Кризисная сеть: (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995.

Щетинин 1980 – *Щетинин Л.М.* Антропонимический текст как источник исторической информации // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.

Щетинин 1993 – *Щетинин Л.М.* Об историческом развитии регионального культурного фона на развитие антропонимии Подонья // Материалы к серии «Народы и культуры». М., 1993. Вып. 25, кн. 1, ч. 1.

ЭМ ТЭ – Этнографические материалы Топонимической экспедиции УрГУ (Екатеринбург, УрГУ), кафедра русского языка и общего языкознания).

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. М., 1975–. Вып. 1–.

Этническая топонимика 1987 – Этническая топонимика / Отв. ред. Е. М. Поспелов, Г. П. Смолицкая. М., 1987.

Этническое и языковое самосознание 1995 – Этническое и языковое самосознание: Мат-лы конф. М., 1995.

Юдин 1997 – *Юдин А.В.* Ономастикон русских заговоров: Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997.

Юдин 1998 – *Юдин А. В.* Этнолингвистика // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 2. СПб., 1998.

Язык и культура 1996 – Язык и культура: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. Киев, 1996. Ч. 1–3.

Язык и национальное сознание 1998 – Язык и национальное сознание: Мат-лы регион. науч.-теорет. конф., посв. 25-летию кафедры общего языкознания и стилистики Воронеж. ун-та. Воронеж, 1998.

Яковлева 1994 – *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира: (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

Ярмоленко 1961 – *Ярмоленко А.В.* Роль речи в отражении пространства // Проблемы восприятия пространства и пространственных представлений. М., 1961.

Яценко 1974 – *Яценко А.И.* Топонимы и географическая среда // Географическая среда и географические названия. Л., 1974.

Algra 1995 – *Algra K.* Concepts of Space in Greek Thought. Leiden, 1995 (Philosophica antiqua.65.)

Brown 1983 – *Brown C.H.* Where Do Cardinal Direction Terms Come From? // Antropological Linguistics. 25. Indiana University, 1983.

Calame-Griale 1987 – *Calame-Griale G.* Ethnologie et langage: La parole chez les Dogon. Paris, 1987.

Douaud 1985 – *Douaud P.* Ethnolinguistic profile of the Canadian metis. Ottawa: Nat. Museums of Canada, 1985.

Downs, Stea 1977 – *Downs M., Stea D.* Maps in Minds: Reflections on Cognitive Mapping. New York, 1977.

Ethnolinguistics 1979 – Ethnolinguistics: Boas, Sepir and Whorf revisited / Ed. by M. Mathiot. The Hague etc. Mouton, 1979.

EWD – Etimologisches Wörterbuch des Deutschen: Deutscher Taschenbuch. Verlag, 1995.

Fribourg – *Fribourg J.* Deux ethnolinguistiques? // Ethnolinguistique. Contributions théoriques et méthodologiques / Ed. par F. Alvarez-Pereyre. Paris, 1981.

Hall, Freedle 1975 – *Hall W., Freedle R.* Culture and language: The Black American experience. Washington: Hemisphere publ. co.; New York, 1975.

Here and there 1982 – Here and there: Cross-ling. studies on deixis a. demonstration. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1982.

Herskovits 1988 – *Herskovits A.* Language and spatial cognition. Cambridge, 1988.

Hill 1978 – *Hill C.A.* Linguistic Representation of Spatial and Temporal Orientation // Proceedings of the Fourth Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society. 1978.

Klein 1983 – *Klein W.* Deixis and spatial orientation in route directions // Spatial orientation: theory, research and application. New York, 1983.

Launay 1996 – *Launay R.* Spaces and Times: Multiple Coordinates of Reality among the Dyula of Cote d'Ivoire // Пространство и время в архаических и традиционных культурах. М., 1996.

Malkiel 1962 – *Malkiel J.* Etymology and General Linguistics // Word: Linguistic Essays: On the Occasion of the Ninth International Congress of Linguists. 1962. Vol. 1–2.

Talmy 1983 – *Talmy L.* How language structures space // Spatial orientation: theory, research and application. New York, 1983.

Wienold 1995 – *Wienold G.* Lexical and conceptual structures in expressions for movement and space: With reference to Japanese, Korean, Thai and Indonesian as compared to English and German // Lexical knowledge in the organization of language. Amsterdam; Philadelphia, 1995.

СОКРАЩЕНИЯ

а) в названиях областей и районов

<i>Антроп</i>	– Антроповский район Костромской области
<i>Артем</i>	– Артемовский район Свердловской области
<i>Арх</i>	– Архангельская область
<i>Баб</i>	– Бабаевский район Вологодской области
<i>Бабуш</i>	– Бабушкинский район Вологодской области
<i>Бел</i>	– Белозерский район Вологодской области
<i>Ваш</i>	– Вашкинский район Вологодской области
<i>В-Важ</i>	– Верховажский район Вологодской области
<i>Вг</i>	– Вагайский район Тюменской области
<i>Вель</i>	– Вельский район Архангельской области
<i>Вил</i>	– Вилегодский район Архангельской области
<i>Вин</i>	– Виноградовский район Архангельской области
<i>Влад</i>	– Владимирская область
<i>Влг</i>	– Вологодская область
<i>Влгд</i>	– Вологодский район Вологодской области
<i>Вож</i>	– Вожегодский район Вологодской области
<i>В-Т</i>	– Верхнетоемский район Архангельской области
<i>В-Уст</i>	– Великоустюгский район Вологодской области
<i>Выт</i>	– Вытегорский район Вологодской области
<i>Галич</i>	– Галичский район Костромской области
<i>Гар</i>	– Гаринский район Свердловской области
<i>Г-Зав</i>	– Горнозаводской район Пермской области
<i>Гряз</i>	– Грязовецкий район Вологодской области
<i>Дар</i>	– Даровский район Кировской области
<i>Знам</i>	– Знаменский район Омской области
<i>Ивд</i>	– Ивдельский район Свердловской области
<i>Ирб</i>	– Ирбитский район Свердловской области
<i>Кад</i>	– Кадуйский район Вологодской области
<i>Кадый</i>	– Кадыйский район Костромской области
<i>Кама</i>	– бассейн р. Кама
<i>Камен</i>	– Каменский район Свердловской области
<i>Камышл</i>	– Камышловский район Свердловской области
<i>Карг</i>	– Каргопольский район Архангельской области
<i>Карел</i>	– Республика Карелия
<i>Кат-Ив</i>	– Катав-Ивановский район Челябинской области
<i>К-Б</i>	– Красноборский район Архангельской области
<i>К-Г</i>	– Кичменьго-Городецкий район Вологодской области
<i>Кемер</i>	– Кемеровская область

<i>Кир</i>	– Кирилловский район Вологодской области
<i>Кологр</i>	– Кологривский район Костромской области
<i>Кон</i>	– Коношский район Архангельской области
<i>Костр</i>	– Костромская область
<i>Кот</i>	– Котельничский район Кировской области
<i>Котл</i>	– Котласский район Архангельской области
<i>Кр-Уф</i>	– Красноуфимский район Свердловской области
<i>Лен</i>	– Ленский район Архангельской области
<i>Леш</i>	– Лешуконский район Архангельской области
<i>Магад</i>	– Магаданская область
<i>Макар</i>	– Макарьевский район Костромской области
<i>Мантур</i>	– Мантуровский район Костромской области
<i>Меж</i>	– Межевской район Костромской области
<i>Мез</i>	– Мезенский район Архангельской области
<i>М-Реч</i>	– Междуреченский район Вологодской области
<i>Мур</i>	– Мурашинский район Кировской области
<i>Ней</i>	– Нейский район Костромской области
<i>Некр</i>	– Некрасовский район Ярославской области
<i>Ник</i>	– Никольский район Вологодской области
<i>Нюкс</i>	– Нюксенский район Вологодской области
<i>Нянд</i>	– Няндомский район Архангельской области
<i>Одоев</i>	– Одоевский район Тульской области
<i>Он</i>	– Онежский район Архангельской области
<i>Опар</i>	– Опаринский район Кировской области
<i>Остров</i>	– Островской район Костромской области
<i>Парф</i>	– Парфеньевский район Костромской области
<i>Пин</i>	– Пинежский район Архангельской области
<i>Плес</i>	– Плесецкий район Архангельской области
<i>Пош</i>	– Пошехонский район Ярославской области
<i>Приг</i>	– Пригородный район Свердловской области
<i>Прим</i>	– Приморский район Архангельской области
<i>Пыщ</i>	– Пыщугский район Костромской области
<i>Ревд</i>	– Ревдинский район Свердловской области
<i>Реж</i>	– Режевской район Свердловской области
<i>Сверд</i>	– Свердловская область
<i>С-Дв</i>	– г. Северодвинск Архангельской области
<i>Серов</i>	– Серовский район Свердловской области
<i>Серп</i>	– Серпуховской район Московской области
<i>С-Лог</i>	– Сухоложский район Свердловской области
<i>Сл-Тур</i>	– Слободо-Туринский район Свердловской области
<i>Сок</i>	– Сокольский район Вологодской области
<i>Солигалич</i>	– Солигаличский район Костромской области

<i>Ср. Урал</i>	– Средний Урал
<i>Ступ</i>	– Ступинский район Московской области
<i>Сукс</i>	– Суксунский район Пермской области
<i>Сус</i>	– Сусанинский район Костромской области
<i>Сямж</i>	– Сямженский район Вологодской области
<i>Тар</i>	– Тарский район Омской области
<i>Тарн</i>	– Тарногский район Вологодской области
<i>Тевр</i>	– Тевризский район Омской области
<i>Тот</i>	– Тотемский район Вологодской области
<i>Туг</i>	– Тугулымский район Свердловской области
<i>Уват</i>	– Уватский район Тюменской области
<i>У-Иш</i>	– Усть-Ишимский район Омской области
<i>У-Куб</i>	– Усть-Кубенский район Вологодской области
<i>Уст</i>	– Устьянский район Архангельской области
<i>Устюж</i>	– Устюженский район Вологодской области
<i>Халт</i>	– Халтуринский район Кировской области
<i>Хар</i>	– Харовский район Вологодской области
<i>Холм</i>	– Холмогорский район Архангельской области
<i>Чаг</i>	– Чагодощенский район Вологодской области
<i>Череп</i>	– Череповецкий район Вологодской области
<i>Чухл</i>	– Чухломской район Костромской области
<i>Шал</i>	– Шалинский район Свердловской области
<i>Шар</i>	– Шарьинский район Костромской области
<i>Шексн</i>	– Шекснинский район Вологодской области
<i>Шенк</i>	– Шенкурский район Архангельской области

б) в обозначениях географических терминов

<i>б.</i>	– бывший (населенный пункт)	<i>пок.</i>	– покос
<i>бер.</i>	– берег	<i>пос.</i>	– поселок
<i>бол.</i>	– болото	<i>пр.</i>	– приток
<i>г.</i>	– гора	<i>прк.</i>	– пережат
<i>гор.</i>	– город	<i>прт.</i>	– протока
<i>д.</i>	– деревня	<i>р.</i>	– река
<i>дор.</i>	– дорога	<i>руч.</i>	– ручей
<i>зал.</i>	– залив	<i>с.</i>	– село
<i>кам.</i>	– камень	<i>ск.</i>	– скала
<i>кладб.</i>	– кладбище	<i>с/с</i>	– сельский с
<i>н.п.</i>	– населенный пункт	<i>ст.</i>	– станция
<i>о-в</i>	– остров	<i>ул.</i>	– улица
<i>оз.</i>	– озеро	<i>ур.</i>	– урочище

<i>пастб.</i>	– пастбище	<i>уч.</i>	– участок
<i>паш.</i>	– пашня	<i>хут.</i>	– хутор
<i>пер.</i>	– переулок		

в) в наименованиях языков и диалектов

<i>болг.</i>	– болгарский	<i>манс.</i>	– мансийский
<i>вепс.</i>	– вепсский	<i>ног.</i>	– ногайский
<i>др.-инд.</i>	– древнеиндийский	<i>праслав.</i>	– праславянский
<i>др.-польск.</i>	– древнепольский	<i>рус.</i>	– русский
<i>и.-е.</i>	– индоевропейский	<i>серб.</i>	– сербский
<i>казах.</i>	– казахский	<i>словен.</i>	– словенский
<i>карел-ливв.</i>	– ливвиковский	<i>укр.</i>	– украинский
<i>кашуб.</i>	– кашубский	<i>фин.</i>	– финский
<i>лат.</i>	– латинский	<i>чечен.</i>	– чеченский
<i>лезг.</i>	– лезгинский	<i>якут.</i>	– якутский

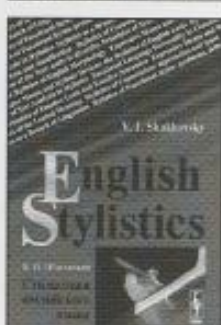
г) прочие сокращения

<i>безл.</i>	– безличный	<i>нов.</i>	– новый
<i>букв.</i>	– буквально	<i>оф.</i>	– официальный
<i>вар.</i>	– вариант	<i>повсем.</i>	– повсеместно
<i>диал.</i>	– диалектный	<i>стар.</i>	– старый
<i>неоф.</i>	– неофициальный	<i>эвфем.</i>	– эвфемистический

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета (Екатеринбург). Известный специалист в области русской и славянской этнолингвистики, ономастики, диалектной лексикологии и лексикографии, семантической реконструкции и этимологии. Автор более 160 научных трудов. В работах Е. Л. Березович факты русской диалектной лексики и ономастики, рассмотренные на широком языковом и культурном фоне, становятся источником реконструкции народной картины мира.

Наше издательство предлагает следующие книги:

5760 ID 72121

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Тел./факс: 7 (499) 135-42-16
Тел./факс: 7 (499) 135-42-46

E-mail:
URSS@URSS.ru
Каталог изданий
в Интернете:
<http://URSS.ru>

Любые отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>